ЕВРОПА-2013:

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Материалы международной студенческой научной конференции

17–19 мая 2013 г.
Вильнюс

ЄHU **Европейский гуманитарный университет**

ВИЛЬНЮС
2014

ЕЎРОПА-2013:

ГУМАНІТАРНЫЯ ВЕДЫ ПАМІЖ МІНУЛЫМ І БУДУЧЫНЯЙ

Матэрыялы міжнароднай
студэнцкай навуковай канферэнцыі

17–19 мая 2013 г.
Вільнюс

ЕНU Еўрапейскі гуманітарны ўніверсітэт

ВІЛЬНЮС
2014

EUROPE-2013:

HUMANITIES BETWEEN THE PAST AND THE FUTURE

Proceedings of the International Student Scientific Conference

May 17–19, 2013
Vilnius

ЄHU European Humanities University

VILNIUS
2014

УДК 32+34+7+008](4)+940
ББК 66+67+85+71+63.3(4)
Е24

Рекомендовано к изданию
Научным советом Европейского гуманитарного университета
(протокол № 53-35 от 4 апреля 2014 г.)

EUROPEAN HUMANITIES UNIVERSITY
EHUTF TRUST FUND

Издание осуществлено при поддержке Трастового фонда
Европейского гуманитарного университета

Е24 **Европа-2013** : гуманитарное знание между прошлым и будущим : сб. науч. тр. / редкол. : Г.Я. Миненков (отв. ред.) [и др.]. – Вильнюс : ЕГУ, 2014. – 374 с.

ISBN 978-9955-773-72-6.

В сборник включены материалы международной научной конференции студентов «Европа-2013: гуманитарное знание между прошлым и будущим», состоявшейся в Европейском гуманитарном университете в мае 2013 г.
Для преподавателей, аспирантов, студентов гуманитарных специальностей.

The volume contains proceedings of the International Student Scientific Conference «Europe-2013: humanities between the past and the future» that took place at the European Humanities University in May 2013.
It is intended for lecturers, PhD students and students of humnities.

УДК 32+34+7+008](4)+940
ББК 66+67+85+71+63.3(4)

ISBN 978-9955-773-72-6

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Category of the Analysis of Religious Life in the Humanities and Social Sciences

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляю читателям очередной, уже седьмой по счету сборник материалов студенческой научной конференции, которую Европейский гуманитарный университет провел в Вильнюсе в 2013 г. Как и на предыдущей конференции, на конференции 2013 г. проявилась тенденция расширения состава участников, которые представляли около 10 различных стран. Хотел бы также обратить внимание на высокое научное качество многих публикуемых в сборнике материалов. Более того, содержанию и проблематике ряда статей присущ подлинно новаторский характер, что свидетельствует о том, что наша конференция не только собирает и объединяет творческую молодежь, но и открывает новые исследовательские перспективы в сфере социального и гуманитарного знания.

Как и прежде, организаторы конференции постарались разнообразить формат ее проведения. Так, помимо традиционных секций, были организованы междисциплинарные круглые столы, а также презентации книг, опубликованных преподавателями ЕГУ. В частности, значительный интерес вызвал круглый стол, посвященный наследию известного русского философа XX века Льва Шестова. Организованный академиком Анатолием Михайловым круглый стол, можно сказать, задал камертон конференции, во многом посвященной поиску гуманитарным знанием таких языков, которые могли бы непротиворечиво описывать новый социальный опыт современного человека. Именно эта задача находилась в центре экзистенциальных поисков Шестова. С другой стороны, значительное внимание участники конференции обратили и на круглый стол «Student Activism in Central and Eastern Europe in the XXI century. Case of EHU: History, Challenges and Prospects». Обсуждение было посвящено тому, как молодые люди могут включаться в новейшие социальные процессы, приобретая необходимый для этого опыт и знания в процессе обучения в университете.

Общая тема конференции звучала следующим образом – ***гуманитарное знание между прошлым и будущим.*** При этом гуманитарное знание трактовалось в достаточно широком ключе, а именно речь идет о знании, продуцируемом обширным комплексом социальных и гуманитарных наук и в том или ином формате затрагивающем особенности

бытия и действия человека в мире XXI столетия. Впрочем, в ряде случаев не стоит выводить за пределы гуманитарного знания и результаты, предлагаемые новейшим естествознанием. Вряд ли стоит подробно останавливаться на том, как много сложностей возникает сегодня при попытках описать современный мир и отношения между людьми. Все чаще приходится отказываться от эпистемологических и гносеологических традиций, сформированных в предыдущие столетия, включая XX век, поскольку новейший социальный опыт просто «не вмещается» в них. Необходимы новые языки анализа социально-культурных феноменов и экзистенциального опыта, которые позволяли бы хоть в какой-то мере прогнозировать будущее. И одновременно человек XXI века не может отказаться от культурных традиций. Весь вопрос в том, как они могут быть вписаны в нынешний опыт глобализации и космополитизации, социальных сетей и сетевого общества, в опыт «текучей современности» (З. Бауман).

Вряд ли участники конференции предложили какие-то радикальные решения упомянутых сложнейших вопросов. Однако не в этом заключалась задача проведенных дискуссий. Как заметит внимательный читатель, тематика конференции побудила многих ее участников к нестандартным размышлениям, к постановке, временами весьма еще наивной, новых проблем и вопросов, к попыткам по-новому мыслить об известном. Или же, по крайней мере, поставить самих себя в новые контексты размышлений и взглянуть на, казалось бы, общепринятое и понятное «иным глазом». Особенно интересными в этой связи являются материалы, посвященные описанию нового социального опыта – психологического, нормативного, экономического, гендерного, художественного и т.д. Внешне разрозненные эти материалы, поставленные рядом, вдруг начинают звучать совершенно по-новому, порождая удивительную полифонию «молодых голосов», я бы сказал, голосов будущего и из будущего.

Если у читателя возникнет подобное впечатление по прочтении сборника, можно будет с удовлетворением сказать, что цель конференции была достигнута.

Григорий Миненков,
профессор

FOREWORD

It is my pleasure to offer our readership another, seventh, volume of the proceedings of the student scientific conference that was held by the European Humanities University in Vilnius in 2013. Like the previous conference, the 2013 event showed a tendency towards expanding the number of participants who represented about 10 countries. I would like to draw attention to the high academic quality of many materials published in the volume. Moreover, the contents and problematics of a number of papers are really of an innovative character proving that our conference not only gathers and unites creative young people but also opens up new research perspectives in the sphere of social sciences and humanities.

As before, the conference organizers tried to vary the conference format. For example, instead of traditional workshops interdisciplinary round table discussions were organized as well as the presentation of the books published by the EHU academics. In particular, the round table dealing with the famous Russian 20th century philosopher Lev Shestov's heritage aroused tremendous interest. It was organized by Academician Anatoli Mikhailov and became a tuning fork of the conference aimed at the search by humanities of such languages that could consistently describe the new social experience of the contemporary human being. It was this task that had been in the focus of Shestov'a existential search. On the other hand, the conference participants took great notice of the round table «Student Activism in Central and Eastern Europe in the XXI century. Case of EHU: History, Challenges and Prospects». They discussed ways in which young people can get included into the newest social processes acquiring the appropriate knowledge and experience during their study at the university.

The general conference theme was – ***humanities between the past and the future***. At this, humanities is interpreted rather widely. It means knowledge that is produced by a wide complex of social sciences and humanities dealing in this or that way with the peculiarities of a person's being or actions in the 21st century world. However, in a number of cases one should not bring the results offered by contemporary natural sciences outside the limits of humanities. It is hardly necessary to describe in detail how many problems arise today when we try to describe the contemporary world and relations be-

tween people. More and more often we have to give up the epistemological and gnoseological traditions that were formed in the previous centuries including the 20th century, because the newest social experience will not «fit» into them. New languages of the analysis of social and cultural phenomena and existential experience are needed so that they could allow to foresee the future at least in some way. But at the same time a 21st century person cannot dismiss cultural traditions. The question is how they can be inscribed in today's experience of globalization and cosmopolitanization, social networks and network-based community, into the experience of «liquid modernity» (Z. Bauman).

The conference participants have hardly offered any radical solutions of the most complex questions mentioned above. However, the goal of the discussions was different. As an insightful reader may have noticed, the conference thematics made many of the participants begin to think in a non-standardized way, to ask, perhaps, naively, new questions and pose new issues and to try to approach known things in a new way. Or, at least, to put oneself in the new contexts of deliberations and look at the seemingly «generally accepted» from a new perspective. In this connection, of special interest are the materials that describe a new social experience – psychological, normative, economic, gender, artistic, etc. Though they look disconnected, when put together they begin to sound different creating an amazing polyphony of «young voices», which I would like to call the voices of the future and from the future.

If the reader get this impression after reading the volume it will be possible to say with satisfaction that the goal of the conference has been acheieved.

Prof. *Ryhor Miniankou*

ЯЗЫК
ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Анастасия Еременко
(Литва/Беларусь)

ПРИРОДА ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ («НЕ ПЛАКАТЬ, НЕ СМЕЯТЬСЯ, А ПОНИМАТЬ»)

The essay is dedicated to the problem of defining Human and his relation to Humanities. Most of the conclusions are based on the result of the course suggested by European Humanities University under the name of «The Nature of Humanities». The form of writing represents reflective flow of thought and is hardly based on academic writings by classic authors of Humanities. The content can undergo the philosophical definition of existential.

Гуманитарное знание – это обозначение вводит меня в состояние недоумения. У меня есть представление о значении слова «гуманитарный», а именно – человечный. Я вижу границы этого понятия и его необъятную широту одновременно. Мы называем человеком любого представителя homo sapiens, чаще всего без особого разбора. Рожден от матери, значит, человек. Имеет тело, две руки, две ноги, значит – человек. Все мы люди, я согласна с этим, но, по моему мнению, характеристика «гуманитарный» касается Человека. Вопрос возникает в том, где оканчивается понятие «человек» и начинается Человек?

Человеческие качества определяют уникальный характер самого гуманитарного знания, которое зарождается в человеке в результате его труда над самим собой. Этот процесс отличается двухсторонним усилием: со стороны Человека и со стороны окружающего его мира, отраженного в его сознании. Гуманитарное знание не существует само по себе: оно является результатом сознательной активности мышления человека.

Независимо от того, что происходит в сознании человека, он, безусловно, является частью отношений с миром, которые во многом опре-

деляют его последующие действия и слова. Проблемой этой ситуации является конфликт интересов, чем обусловливается сложность процесса передачи гуманитарного опыта посредством искусства и образования.

Мое исследование носит критический характер, ибо в нем я задалась целью определить природу гуманитарного знания. Для этого мной были поставлены задачи: определить составляющие интересующего меня вопроса, а именно «гуманитарий», «гуманитарное знание», «его природа», а также обозначить уникальный характер гуманитарного знания в его сложности и концептуальности.

В своей работе я не пытаюсь «изобрести велосипед» в сфере гуманитарного знания, скорее, я разбираюсь в многообразии того, что уже имеется за плечами гуманитарных исследований на сегодняшний день.

Кто такой Человек? – Гуманитарий.

Я могу определить разницу следующим образом. Все мы люди, мы обладаем определенным физиологическим набором качеств, присущим нашему биологическому виду: тело, конечности, внутренние системы организма, физические способности и т.д. И даже если у индивида имеются отклонения в той или иной физиологической особенности, то он непременно останется человеком, ибо он таким пришел в наш, человеческий, мир, а следовательно, имеет непреложное право зваться человеком. Но я глубоко убеждена, что не каждый, далеко не каждый может претендовать на звание Человека, ибо это понятие ограничивает бесконечно широкое понимание нас как людей в общей сложности.

Человек есть, в первую очередь, существо **мыслящее**. Не каждый сможет с уверенностью заявить о том, что мыслит. И даже если находятся такие мыслители, не все из них отдают отчет в том, что их мыслительный процесс в большинстве своем представляет собой некую проекцию заложенных ранее в сознании идей и мыслей. Но настоящая мысль рождается в неспокойный и порой болезненный миг. К этому мигу ведут труд, усердное старание и бесконечное усилие над самим собой с одной целью – приведение сознания в активное состояние. И этот самый миг становится отправной точкой для последующего мыслительного процесса. Это сложный механизм, который порой может обратиться в настоящий хаос.

Используем пример с шарами в пустой комнате. Они могут лежать на своих местах абсолютно неподвижно вплоть до того момента, пока один из них не будет приведен в движение. И как только это случится, инерцию его движения повторит еще один, затем еще один, затем один шар коснется соседнего, что увеличит инертность всего динамичного

движения в целом. В конце концов мы получим хаос, полный движения и неразберихи. С одной стороны, это хорошо, ведь именно в активности рождаются новые связи, сталкиваются взгляды и устанавливаются отношения между переменными. Но в то же время этот процесс носит нарастающий хаотичный характер, который имеет тенденцию захлестывать. В таком потоке становится все сложнее уловить что-то стоящее и очень легко потерять фундаментальное.

Решением данной проблемы может стать определенный подход к характеру самого процесса мышления. Не нужно стремиться контролировать хаос, не нужно также яростно приводить в движение свое сознание, пытаясь задеть новые и новые его частицы. Нужно установить «партнерство». Суть последнего заключается в том, чтобы раствориться в своем собственном мышлении, полностью отдаться ему, стать как бы частью этой мыслящей стихии.

Если это хаос, то всем известно, что в попытках взять контроль над ним суждено чаще всего пасть тому, кто к этому стремится. Так почему бы не стать частью этого хаоса, дать ему поглотить себя, вжиться в него, принять его правила, стать законным его участником? Только так можно принять все его составляющее, а уже потом сделать выводы. Только растворившись в хаосе, можно одолеть его. Только отказавшись от порядка, можно прийти к пониманию.

Если этот процесс принимает форму логически запутанной цепочки рассуждений, то так тому и быть. Нужно следовать за мыслью шаг за шагом, фиксируя опорные пункты, давая мысли вести за собой. Мысль сама знает, куда должна выйти, задача мыслящего – следовать. Только отказавшись от контроля, можно прийти к пониманию.

Какой бы ни была мысль, главной все равно остается необходимость мыслить. И суть этого процесса хорошо была выражена Ж. Лакрдером: «Мыслить – значит царить в бесконечном» [3, с. 334]. Мы привыкли понимать, что царить можно только над чем-то. Царствование во многом определяет и свои границы, и свои полномочия. Но в случае мышления дело обстоит с царствованием иного характера. Царить – не значит царствовать, царить – значит подчиняться и в подчинении устанавливать свою власть.

Просторы мысли бесконечны, отрицать это, значит не признавать собственного существования, ибо сам факт присутствия нас здесь и сейчас подтверждает бесконечность возможности и точности сути мира, частью которого мы являемся. Декарт был близок к истине, сказав, что он мыслит, следовательно, существует. Меня смущает лишь отношение этих

двух процессов в данном высказывании. Зачем устанавливать причинно-следственные связи, когда все факты говорят нам о полном равноправии этих двух объективно необходимых феноменов человеческой природы: мышления И существования. Я мыслю И существую. Я – Человек.

Иммануил Кант заметил, что мыслить – значит говорить с самим собой, слышать самого себя [3, с. 334]. Это высказывание подтверждает необходимость внутреннего диалога с самим собой. И совершенно понятно, что, чтобы прийти к спокойному завершению, не стоит вставать на путь конфликта. Только от самого человека зависит развитие хода мысли. «Мысль всегда утешает и от всего целит. Если порой она причиняет вам боль, требуйте у нее лекарство от этой боли, и она даст вам его», – сказал Н. Шамфор, что подтверждает силу и возможность выбора самого человека в отношении своей же мысли [3, с. 334]. Мы созданы таким образом, что в нас заключено все. В нас проблема, в нас же и ее решение. Привести мышление в активный режим может быть больно, но именно в мысли и будет заключено болеутоляющее средство. Мысль породит проблему и станет ее же решением. Человек вправе требовать разрешения, вправе делать выбор, вправе решать.

Здесь необходимо акцентировать умение **слышать**. Слышать самого себя. Мысль рождается в сознании, которое ограничено, но мысль сама имеет перспективу бесконечности. Эти два противоположных качества имеют место в человеческой природе не просто так. Только таким образом, сталкиваясь и в то же время притягиваясь один к другому, они выводят процесс на путь успеха.

Человек – это тот, кто может **говорить**. Этот феномен связан со многими факторами: язык, речь, мысль. Нужно обладать многими навыками, необходимо уметь применять эти навыки на практике. Говорение начинается с мысли, о которой было многое сказано раньше. Но так уж складывается, что мысль становится ненужной, теряет свою значимость без языка, то есть способности быть выраженной. Я убеждена, что данная проблема является насущной лишь в условиях общества и тех требований, которые оно предъявляет к своим представителям в обмен на признание их таковыми. Меня удручает этот факт, и в глубине души я даже отказываюсь с ним мириться. Но, тем не менее, я не вижу смысла в отрицании подобного положения дел. Мысль, не обернутая в языковую, пригодную оболочку, не стоит и гроша.

Здесь мы сталкиваемся с проблемой **языка** как такового. Я являюсь приверженцем идеи о том, что существует один язык, язык нашего тела, он понятен каждому. Сама жизнь говорит о себе, находя выражение в по-

ходке, мимике и даже морщинках вокруг глаз. Также я смогу понять человека, который не боится показать того, что у него на душе, посредством танца. Я пойму старика, я пойму больного, я пойму счастливого и узнаю несчастного. Мне понятны жесты, мне понятна улыбка, понятны слезы, я с легкостью смотрю немое кино и понимаю картины Чарли Чаплина. Но как понять мне человека, стоящего за кафедрой на другом конце света, говорящего на чужом для меня, возможно, «вымышленном» языке. Он одет в «стандартный» общепринятый костюм, он принимает определенную позу, он несет в мир идею, мысль, делая ее «доступной». Но доступной для кого? Для группы людей, которая «придумала» этот язык, и только? А что если его идея действительно важна, что если в ней заключена истина, так необходимая мне? Той идее придется пройти огонь и воду переводов, интерпретации, перифраза, чтобы стать «доступной» для меня. Но будет ли она именно той идеей, которую вносил в мир ее создатель? Я сомневаюсь…

По своему опыту скажу, что любое событие, имевшее место в моей жизни, меняло меня. Я не верю в возможность вхождения в одну и ту же реку дважды. Ты промок в первый раз, ты промок во второй, но оба раза были уникальны по-своему. Река сменилась, сменились вещи, мысли, ощущения. И второй раз человек выходит из реки в совершенно инаковом состоянии по сравнению с исходным. Так и мысль, будучи переведенной, даже будучи озвученной посредством языка, теряет свою концептуальность.

Меня пугает то обстоятельство, когда мысль принимает завершенную форму в сознании и по своему обыкновению стремится быть выдвинутой далее, начинает принимать словесную оболочку. Я могу смириться с мыслью о том, что это правильно, так как я была воспитана и выращена в обществе, атрибутами которого являются слово и язык. Но мне больно примириться с горькой правдой разрушительности дальнейшей стадии. В стихотворении Тютчева «Молчание» имеется строка, наилучшим образом выражающая мое опасение: мысль изреченная есть ложь. Меня приводит в ужас разрушительная сила речи. Она беспощадно уничтожает подлинность мысли, она безрассудно обрамляет бесконечность идеи, она отрывает мысль от сознания без возможности возврата и корректировки.

Но я наивно верю в возможность понимания, поэтому вижу путь к нему также через способность **слушать**. Не думаю, что стоит отмечать разницу между понятиями слушания и слышания, так как интерпретаций этой дихотомии уже не счесть. О важности данного феномена для

гуманитария я не задумывалась до того момента, пока мне не сказали о наличии такой особенности. Как оказалось, люди склонны скорее к слышанию, но не слушанию. В данном случае я делаю акцент на факте восприятия полной картины высказывания, то есть умении восприятия идеи, скрытой за набором слов. В таком случае человек не ухватывается за выражения, слова, высказывания, а понимает содержание.

Более того, какой бы ни была позиция слушателя по отношению к высказываемой идее, он всегда вопрошает, он всегда критически настроен, он всегда готов усомниться. Совсем необязательно всегда противостоять тому, что написано, что говорится, что слышится, скорее здесь речь идет об открытости ума и готовности к саморасширению. На своем опыте скажу, что, только отказываясь от ограничений, только верою, а не убеждением, можно достигнуть понимания.

И, безусловно, не стану отрицать, что весьма надежным путем к пониманию вещей является **образование**. Таким образом, Человек образуется в процессе обучения, становления себя как личности, в процессе роста и развития. Образование как ничто другое способствует и одному, и другому, и третьему. В то же время нельзя утверждать, что образование делает человека Человеком, скорее оно есть шаг в этом начинании, и шаг в верном направлении.

Именно здесь мы сталкиваемся с проблемой передачи накопленного опыта гуманитарного знания от личности к личности, от поколения к поколению, от одной традиции к другой. Этот процесс отличается конфликтами, в которых рождается надежда на понимание, поэтому все трудности, которые встают на пути гуманитарного знания и его передачи, я вижу как отличительные знаки этого уникального пути.

У меня нет за спиной значительного опыта встречи с гуманитарным знанием, поэтому, говоря сейчас о его природе, я бы хотела поделиться впечатлениями о курсе Европейского гуманитарного университета, несущем соответствующее название «Природа гуманитарного знания».

Курс необычайный. Именно это слово, по моему мнению, наилучшим образом его поясняет. Он не необычный, а именно необычайный, так как насыщен далеко не банальными вопросами и формами проблематизации окружающей действительности. Для пояснения своей позиции я бы хотела представить следующую метафору.

Вспомним, как можно научить ребенка плавать. Ему можно объяснить всю специфику процесса, затем познакомить со средой для данного вида деятельности, затем на практике обучить самому процессу. Можно также показать ребенку пример взрослого и помочь в освоении само-

стоятельной плавательной деятельности. Можно вводить в атмосферу плавания вместе с другими ребятами, приучать ребенка постепенно. В общем, существует много способов.

Я предлагаю сравнить водное пространство бассейна, моря, океана, чего угодно, с пространством гуманитарного знания. На первый взгляд, что может быть общего между ними? Но если присмотреться – многое. Ограниченное «бесконечное» пространство, глубина, невозможность полного познания, засоренность, поверхность. Все имеется. Так и к этому феномену существует много подходов, и самым распространенным является именно плавание.

Опираясь на приведенное мной сравнение, я постараюсь объяснить специфику курса «Природа гуманитарного знания». Вспоминаю, что, несмотря на огромное количество способов обучения ребенка плаванию, мой отец выбрал самый экстремальный. Он просто бросил меня посреди водного пространства и начал направлять меня голосом. Паника. Неопределенность. Страх. Усилие. Все это наполняло тот момент. Лишь спустя некоторое время я начала прислушиваться к голосу и следовать за ним. Возможно, благодаря инстинктам, возможно, только своими усилиями я смогла добраться до берега.

Именно таким мне представляется упомянутый курс. Отчаянный, но самодостаточный. В таких условиях приходится «push yourself to your personal limits». С одной стороны, это резко и опасно, но с другой – это эффективно до предела. В этом суть переживания, эмоционального напряжения, усилия над самим собой, дабы достичь поставленной цели – берега. Я не отрицаю, что данная метафора имеет и свои нюансы, ведь определить берег гуманитарного знания, очевидно, не в моих силах. Но в моих силах отметить надежду и веру в существование этого берега. Для каждого он свой, как и сам путь.

Ссылаясь на приведенный мной выше пример водного пространства, я пришла еще к одному выводу. Если сделать допущение о разделении людей на группы по их взаимодействию с водным пространством, то я могу выделить три группы в соответствии с английским эквивалентом этой активности.

В английском языке есть три таких глагола: to swim, to drawn, to float. Первая группа людей принимает попытки по покорению водной стихии, предпринимая определенные действия, усилия, задаваясь направлением. Вторая группа «опускает руки» и идет ко дну, не в силах совладать со стихией. Третья группа не делает практически ничего, оставаясь на плаву и следуя течению водного потока.

Я столкнулась с проблемой самоопределения себя в этом пространстве. Но однажды ко мне просто пришло осознание того, кем я являюсь в этой среде. Простите меня за прямолинейность и возможную неуместность примера, но я ощущаю себя медузой. Я не плыву, я не тону, я не «болтаюсь» на поверхности, я *живу* в этой стихии, иногда предпринимая попытки движения в выбранном направлении, иногда отдаваясь течению, иногда приближаясь к поверхности, а порой и спускаясь глубже. Но я непременно переживаю каждое из выбранных действий, я наслаждаюсь пребыванием в этом пространстве и буквально погибаю вне его.

Когда мы имеем дело со знанием, мы всегда сталкиваемся с рядом проблем понимания содержания этого понятия. Но если речь идет о гуманитарном знании, то ситуация усугубляется масштабом интерпретации. В своей работе я концентрировалась именно на понятии «гуманитарий», ибо я верю в то, что характер знания напрямую зависит от человека, в котором оно зарождается, дополняется и перерождается заново.

С такой позиции очевидным становится и мое желание сделать акцент на природе феномена гуманитарного знания. Я попыталась определить те составляющие компоненты, которые являются основополагающими для понимания гуманитарного знания.

Главный вывод моего исследования совпадает с высказыванием Спинозы – «не плакать, не смеяться, а понимать». Дело в том, что именно такое отношение к миру является прямым и самым кратким путем к пониманию природы гуманитарного знания. Я сама была не в силах стать на эту тропу, я выбрала тернистый путь экспериментов, но я и не жалею об этом. Ведь понимание – это противоречивое понятие. Оно несет в себе успокоение и тревогу, веру и разочарование. Когда понимаешь, не остается места ни слезам, ни радости. Я же не могу похвастаться таким состоянием.

Но, тем не менее, практики такого отношения никогда не бывают лишними, тем более что результаты их приводят к непростым выводам, которые носят сугубо субъективный характер, но, тем не менее, являются прямой рефлексией объективности окружающей действительности.

Таким образом, выбор остается за личностью. И, пока выбор не сделан, все возможно.

Литература

1. Гессе, Г. Часть 1 / Г. Гессе // Магия книги [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.loveread.ec/read_book.php?id=17203&p=3#gl_2. – Дата доступа: 15.04.2013.
2. Достоевский, Ф.М. Смерть Ивана Ильича / Ф.М. Достоевский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bookmate.com/r#d=Z7gpezZ3. – Дата доступа: 15.04.2013.
3. Зубков, В. Мудрость тысячелетий от А до Я. Великие мысли и афоризмы великих людей / В.Зубков. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 861 с.
4. Москвичи, С. Психическая жизнь толп / С. Москвичи; пер. с фр. Т.П. Емельяновой // Век толп. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. – С. 125–141.
5. Ортега-и-Гассет, Х. Структура жизни – субстанция истории / Х. Ортега-и-Гассет // Вокруг Галилея. – С. 243–250.
6. Толстой, Л. Записки сумасшедшего / Л. Толстой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://royallib.ru/read/tolstoy_lev/zapiski_sumasshedshego.html#0. – Дата доступа: 15.04.2013.
7. Хайдеггер, М. Понимание призыва и вина / М. Хайдеггер; пер. с нем. В.В. Бибихина // Бытие и время. – Харьков: Фолио, 2003. – С. 316–325.
8. Шестов, Л. Апофеоз беспочвенности / Л. Шестов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vehi.net/shestov/apof2.html. – Дата доступа: 15.04.2013.
9. Ялом, И. Экзистенциальная изоляция / И. Ялом // Экзистенциальная психотерапия [Электронный ресурс]. – [Б.м.]: [Б.и.], [Б.г.]. – С. 39. – Режим доступа: http://bookz.ru/authors/irvin-alom/ekzisten_769/page-39-ekzisten_769.html. – Дата доступа: 13.01.2013.

Александра Лазаренко
(Литва/Беларусь)

ЯЗЫК ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ: В ПОИСКЕ НОВЫХ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ

This work is a metaphorical look at some of the problems of the Humanities. One of the key issues is the question of the method of cognition, search for and usage of it. Another important aspect is the attempt to define the subject domain of the humanities. The text contains a large amount of metaphors and it is mostly based on the results of the works with fiction.

(Ново)В(ы)ведение

Порой в своей жизни мы сталкиваемся с рядом неразрешимых проблем, которые призваны разбавить палитру нашей размеренной и спокойной жизни, добавив к ней немного иных оттенков. Выступая в роли художников самой главной для нас работы, мы вольны сами решать, какого жанра и формата она будет, какой материал мы будем использовать и какими красками писать. Расставляя акценты, мы вынуждены использовать разнообразие тех цветов, что есть в нашем арсенале. И иногда может получаться так, что для того, чтобы получить нужный нам оттенок, мы долго и упорно смешиваем цвета, добавляя то один, то другой. В этой погоне за точностью и уникальностью порой выходит так, что, не получив нужного оттенка, мы бросаем эту затею и продолжаем свое механическое движение кистью, обрисовывая некогда нами увиденные сюжеты, заполняя их уже существующими оттенками основных цветов. Дело в том, что мы вправе сами подбирать те цвета, что приятнее глазу, однако, посудите сами, если бы все они были яркие, пестрые и светлые, наверняка, рука наша сама потянулась бы к манящей и глубокой черноте, чтобы добавить немного загадочности или простого разнообразия в ту

или иную сцену. Нет, это вовсе не урок по художественному мастерству, за всей этой «красочной» метафорой скрывается «тайна» постижения проблемообразования в нашей жизни, а это мольбертное представление является лишь попыткой отразить сущность возникновения необходимости самого проблемообразования. И, что самое примечательное, проблемы свои мы сами и рисуем, и какова же легкость решения их, лишь стоит нам взять в руки кисть.

Однако есть такие проблемы, которые недоступны никакому описанию, неуловимы в укладе мазков, а иногда и вовсе выходят за пределы холста, витая где-то рядом, не давая покоя, во многом вследствие своей неуловимости, но все же прямой причастности к нашему произведению. Здесь уже простота жизненного уклада и законы, по которым мы существуем, не властны ни при каких обстоятельствах, и даже наоборот, видятся препятствием в поиске связи с непостижимым. То, что навеяно подобными мыслями, вылилось в попытку человечества сплотиться в некое сообщество единомышленников. Делясь своим опытом в поисках путей описать происходящее, общими усилиями они создают шедевр невообразимых размеров. Подобно тому как картина Иванова «Явление Христа народу» складывалась из множества этюдов, создаваемых им в течение 20 лет, так и шедевр этот состоит из обилия фрагментов каждого желающего вступить в сообщество. Сообщество это, объединенное единой, однако никому из его членов не ведомой целью, обозначается как гуманитарное знание. Знание это вовсе не является неким постижимым абсолютом, вся прелесть его в его бесконечности и неведомости. Да и нет, пожалуй, некоего единого цельного образца, который бы мы могли представить в качестве волшебного гранита, грызя который, мы, несомненно, сможем достичь знания в нем заключенного.

Цель этой работы: попытаться обрисовать эту таинственную силу, с которой все мы имеем дело. Сделать шаг назад и рассмотреть шедевр во всем его величии. Выделить некоторые присущие ему черты. Попробовать обозначить пути, по которым возможно продвинуться к этому шедевру максимально близко или, что еще более важно, стать участником сообщества и слиться в помыслах со своими единомышленниками о достижении цели, которая, повторюсь, никому еще доселе вполне не ясна. Надеюсь, что нечто из этого выйдет, хотя понимаю, что до конца все же уверенной в этом быть не могу.

Природа гуманитарного незнания – природа жизни осознания

«Проснувшись однажды утром после беспокойного сна <…>» [1]. Эти слова мне представляются наиболее удачными для вступления в последующую далее попытку объяснить, в чем заключается суть заявленного в заглавии к этой части. Но я призываю, однако, отнестись к моим словам не просто как к описанию события обыденного и простого, а попытаться в полной мере вспомнить, что отличает эти слова, взятые в кавычки, с ссылкой на автора и его произведение, от таких же слов, сказанных любым из нас, пребывающим в легком волнении и тревоге от событий прошедшей ночи. Слова эти описывают не просто утро, окрашенное мрачной краской ночных кошмаров, эти слова описывают утро, в которое вступает по-новому открывший глаза человек. Человек, у которого в эту ночь произошли изменения, и теперь его жизнь уже менее всего понятна ему самому. Новизна эта наполнена элементами сомнения, деталями страха перед неизвестным и фрагментами надежд на лучшее.

Природа по сути своей тождественна жизни. Жизнь и природа неразделимы. Здесь природа понимается и как условия, в которых совершается жизнь, и как глубинное описание того, что совершает жизнь. Очень важно осознавать неразделимость этих понятий, чтобы узреть ту тонкую паутину, что сплетает природу гуманитарного незнания и природу жизни осознания. Я бы даже представила это в виде двух понятий, где одно выливается в другое. Будто знакомясь в первую очередь, как нам кажется, с незнанием, мы впервые вступаем в отношения со сложнейшей из задач – осознанием природы нашей жизни. В этом, как мне кажется, кроется одна из задач для достижения высшей цели гуманитарным знанием. Осознать, что же жизнь есть для нас вместе и для каждого в отдельности. Одной из трудностей при выполнении этой задачи является проблема владения знанием. Надменность и уверенность в этом случае, как, впрочем, и любом другом, плохой советчик. Знание вовсе не образчик решения любой проблемы. А что касается вопросов гуманитарного характера, непосредственно относящихся к нашему пребыванию на Земле, то те знания, каковыми мы наполняемся посредством привычного взаимодействия с обществом, зачастую имеют характер пагубный и разрушающий, отдаляющий нас от природы осознания. Именно поэтому начинать свой путь, «проснувшись однажды утром от беспокойного сна», следует с того, чтобы поставить под сомнение авторитет того царя, что правит в нашей голове.

Знанию и познанию предшествует бессознательное существование, которое возможно ощутить, лишь встав на путь незнания. Попытаюсь объяснить. Каждый из нас рано или поздно окунается в поток бессознательного существования. Обрастая с годами удобными схемами и усмиряясь при обретении своей зоны комфорта, мы постепенно утрачиваем интерес к познанию и напрочь забываем об осознании жизни как таковой, нам даже нет надобности и носа высунуть наружу, поскольку комфортность эта обволакивает наш взор прелестной мутностью своею, и мы перестаем видеть места, доступные для обзора. Мы наполняемся некими знаниями и постоянно совершенствуем себя в применении познанного. Заглатывание знания, которое мы, словно голуби, жадно хватающие разлетающиеся по ветру крохи, забываем пережевывать. Да и какая в том надобность, ведь мы же и так знаем, что глотаем?! Уверенность в достоверности – вот что у меня вызывает «несварение». Так для чего же нам незнание? Разве можно язву вылечить гастритом? Не все ли равно, от чего мучиться – от знания или незнания? Вся проблема заключается в том, что несварение от подаваемого нам на завтрак, обед и на ужин знания можно вылечить целительным зельем, сваренным из применения этих знаний на деле. Тогда как вступив на путь незнания, мы не просто лишаем себя «полноценного рациона», обрекая себя на вечные самостоятельные поиски пищи, но самое пугающее в этом для новобранца это даже не риск остаться голодным, а тревога остаться невостребованным. Те, кто уже однажды встал на тропу, ведущую в глубину неизведанной части, обрекают себя на извечное непонимание. Это непонимание касается не только отношения окружающих к его персоне, но и отношения его к самому себе как к огромному непостижимому миру.

Множества таких миров сталкиваются на арене битвы за истину. Но здесь, на этом гуманитарном поле боя, нет врагов, здесь все союзники, потому что каждый может, если не понять, то хотя бы примерно предположить, что привело сюда всех этих воинов.

Стратегическая основа, план действий, или Как поверить в то, что метода не существует

«Обыкновенно думают, что самые обычные консерваторы – это старики, а новаторы – это молодые люди. Это не совсем справедливо. Самые обычные консерваторы – это молодые люди. Молодые люди, которым хочется жить, но которые не думают и не имеют времени подумать о том,

как надо жить, и которые поэтому избирают себе за образец ту жизнь, которая была» [2].

К сожалению ли или к счастью, но все прежние поколения «художников гуманитарного искусства» сталкивались с подобной проблемой. Подобно тому как Кант некогда намеревался создать теорию познания, находясь в поиске философского обоснования науки, и тем самым оправдать ее существование. Или обратимся к опыту философов древности, взоры которых привлекала математика как непреложное знание, точность которого неоспорима. Возможно, из этого и следует некий вывод о том, что поиски метода вполне оправданы, но насколько наполнены они смыслом? Здесь, кстати, если говорить о наследственной передаче, это стремление вновь приходящих борцов за истину к поискам метода появляется как раз не по собственной их воле, а скорее от печальной необходимости продолжать незаконченное дело своих праотцов. Таким вот нехитрым образом задача поиска, изобретения, открытия методов постижения гуманитарного знания становится наравне с остальными задачами, которыми занимается сообщество. Невольно вписываясь в очередные фрагменты шедевра, она, эта задача, как и все остальные, остается неразрешенной, добавляя нам еще больше тревог и вопросов. И вот уже какое по счету поколение, отдавая дань предыдущим мыслителям, продолжает тянуть опоясывающую гуманитарное знание лямку поиска методологических универсалий.

«Не для себя же стараемся, а для вас. Чтобы вам было легче!» Будто слышу я голос стареющего младшего поколения, которое, склоняясь в реверансе перед фронтовыми и тыльными умами мощнейшего гуманитарного гарнизона, готовится к победоносному наступлению на непознанные глубины, скрывающегося от неприхотливых глаз универсального метода. И движет ими вдохновение от мысли о победе, о предстоящем неведомом доселе счастье стать первооткрывателями и подарить своим преемникам указатель на протоптанную ими тропинку к непостигаемой истине, высшей цели, если хотите.

Но давайте представим на миг, что истина эта есть некий клад. Все, кому доступно понимание данной метафоры, также осознают ту бесценность, которую представляет собой этот клад. И бесценность эта настолько запредельна, что клада этого не существует, потому что даже представить себе сложно, как может существовать столь бесценное в качестве доступного. Даже в помыслах наших. Но все же ни один не чурается предпринять попытку начертать карту, которая укажет нам верный путь, обрисует последовательность поисков. Однако карта эта мо-

жет существовать лишь в черновом варианте, поскольку заранее пути нам неведомы, и, пожалуй, не ошибусь, если скажу, что никому еще не удавалось указать точные координаты в силу нашего постоянного пребывания в поиске. Но каждый из нас, имея на руках свою карту, изобретает собственные обозначения, идет неизведанными тропами, и, попади такая карта в руки соблазнившемуся, который готов отказаться от самостоятельного развития топографического мастерства, едва ли он сможет прочесть все те тайные смыслы, что были заключены в ней первопроходцем. Таким образом, ценность моей карты в руках другого безвозвратно утрачивается.

Или же позвольте представить все вышеописанное немного в другом ракурсе. Будто жизнь наша словно *Самостоятельная работа*. И вот мы сидим за партой с отличником жизни, которому удалось уже в свое время достичь определенных высот. Перед нами раскрытая тетрадь, чистая, нетронутая, а рядом сидит он, такой умный и успешный. А мы все бьемся, пытаемся выдавить из себя хоть слово, а рядом лежит готовая работа, все секреты успеха в ней расписаны по пунктам. Каждую минуту в голове проносятся соблазнительные мысли: списать и получить хорошую отметку. И случается так, что мы все же решаемся на авантюру. В итоге тетрадь исписана, все пустые поля нашего жизненного бездействия заполнены выдающимися ответами, и совсем неважно, что ответы эти нас никоим образом не касаются и уж тем более являются решением не нами поставленных задач. По-видимому, должен последовать вздох облегчения, но легче не становится. Может, проблема в том, что слова эти нам чужды. Теория лишь в том случае сильна, когда за ней ступает опыт. А откуда же в таком случае опыту взяться?

Все это сказано мной лишь с той целью, чтобы призвать, в первую очередь себя, к попытке отказаться от поиска методологии – поиска протоптанной тропы к истине. Узреть ненужность ее и вред, что приносит даже самая слабая надежда на возможность ее отыскать. Ведь обретя универсальную схему сложений и вычитаний в гуманитарном знании, были бы мы верными той высшей цели, что стоит перед нами? Сохранила бы она свою непостижимость? Осталась бы она целью?

Предание как предательство

В этой части я предлагаю всем нам, вечным искателям, расположиться поудобнее за круглым столом и обсудить один весьма любопытный случай, который может послужить уроком для всех сегодня собрав-

шихся. Итак, начнем. Речь пойдет о неком Томшике[1]. Нам известно, что чудак этот некогда обладал чудесными способностями: отталкиваясь одной ногой, он мог взлетать на двести, а может и триста, метров над землей. Хотя сейчас утверждать это с уверенностью невозможно, в силу несохранившихся убедительных доказательств. Но все же, предположим, что это сущая правда и он действительно умел летать.

«И что до того? – спрашиваете вы. – Ну, умел летать, пусть бы и летал!» Но здесь нас интересует не вопрос о том, что он летал, а вопрос о том, как произошло так, что летать он перестал.

Этот невероятный талант он обнаружил в себе случайно. Как часто это бывает, Томшику снились красочные сны, в которых он обнаружил свой дар полета, но летал он не как птица, а по-особенному. Ему не нужны были крылья для того, чтобы оторваться от земли и парить. Все, что ему было необходимо, у него было и во сне и наяву. Две ноги и желание – вот все, что нужно было для того, чтобы грезы стали реальностью. Как раз на четвертый день своих волшебных странствий по снам он решил попробовать, а вдруг это так же легко, как и во сне. Так и оказалось. После этого начались дни тайных ежечасовых каждодневных тренировок, и, когда он уже достиг достаточного мастерства в своих полетах, ему захотелось поделиться своим опытом с остальными. Томшик решил, что открывшееся ему чудо не должно быть скрыто от глаз остальных. Люди должны знать, как это просто, и тоже попробовать. Ведь это так здорово парить в воздухе.

Полагаю, дорогие коллеги, вы можете предугадать, какова была реакция тех, кому он попытался донести свою маленькую тайну. Так, сакральные его знания стали общим достоянием. Как только окружающие узнали о столь необычном феномене, после непродолжительного чувства замешательства они решили, что дело это срочно необходимо передать в руки *специалистов*. Тише, дорогие коллеги, я понимаю, сколь странным вам кажется подобное высказывание, однако это мы с вами понимаем всю нелепость этой фразы, но они-то искренне верили в то, что только *специалисты* могут ему помочь. И бедный Томшик, сам того не подозревая, обрек свою сакральную тайну на гибель. Став достоянием общества, она не просто утратила ценность, но и благодаря непрекращающимся усилиям со стороны *специалистов*, которые так и норовили исправить все погрешности его техники взмывания в воздух, он навеки позабыл вкус сладости полета.

[1] Имя главного персонажа из рассказа Карела Чапека «Человек, который умел летать».

Такова история бедного Томшика. Какие мысли возникли у вас? Что вы думаете по этому поводу? Да, да, я с вами полностью согласна, что история его перекликается с предыдущей темой наших рассуждений. Однако скажите, не услышали ли вы среди всего прочего сожалеющие стенания Томшика о том, что он передал себя в руки предательски и бесчестно обворовавших его учителей?

Последствия. Послеследствие

Многое было сказано, но еще большее останется невысказанным.

«Хорошо бы еще немного поспать и забыть всю эту чепуху» [1]. Не исключено, что именно такие мысли могли бы возникнуть у вас после прочтения всего изложенного. Но, увы, придется еще немного потерпеть, если вы все же в завершение решитесь вновь впасть в спячку вечно длящейся зимы.

Все мои попытки определить предмет разговора, обрисовать хотя бы пунктирной линией его силуэт, мне сейчас уже в конце видятся провальными. Однако некоторые выводы я все-таки хотела бы предоставить.

Представьте, что вы понимаете, что с вами происходит нечто непривычное или необычное. И, возможно, одним из признаков того, что вы встали на иной путь, несогласованно с самим собой вступили в сообщество и теперь в паническом страхе дрожащими руками подбираете краску, которой нанесете первые мазки в поле шедевра, является возникновение мыслей, подобных тем, что возникали у героя рассказа Льва Толстого «Записки сумасшедшего» Федора.

«Они признали меня подверженным аффектам, и еще что-то такое, но – в здравом уме; они признали, но я-то знаю, что я сумасшедший» [3]. И возникновение подобных мыслей не обязательно признак некоего недуга, а напротив, они могут являться указателем того, что вы на правильном пути.

Конечно, это нелегко. Нужно это понимать и принимать не как чуждую вам ношу, а как собственный груз, который держит вас на этой земле. Не будь его, представьте, вас бы первым порывом ветра, словно пушинку, оторвало от этой твердой поверхности и унесло в небытие. В первую очередь нелегко из-за столкновений с самим собой: «От чего, куда я убегаю? – Я убегаю от чего-то страшного и не могу убежать. Я всегда с собою, и я-то и мучителен себе. Я, вот он, я весь тут. А я-то, я-то надоел себе, несносен, мучителен себе. Я хочу заснуть, забыться и не могу. Не могу уйти от себя» [3]. Но гораздо сложнее уживаться со всем,

что раньше прочно привязывало к этому миру. После этого превращения вы можете почувствовать нечто схожее с тем, что чувствовал Грегор Замза, пусть у вас и не будет десятка лапок и усиков. Но возможность столкнуться с непониманием теперь выходит на передовые позиции. Ваш диагноз со стороны общественности может звучать примерно таким образом:

«Речи его, правда, уже не понимали, хотя ему она казалась достаточно ясной, даже более ясной, чем прежде, – вероятно потому, что его слух к ней привык. Но зато теперь поверили, что с ним творится что-то неладное, и были готовы ему помочь. Он чувствовал себя вновь приобщенным к людям и ждал от врача и от слесаря, не отделяя по существу одного от другого, удивительных свершений» [3].

Однако вспомните историю Томшика и еще разок подумайте о том, как это полагаться на кого-то, кроме себя, что значит ожидать независимого эксперта, который решит все ваши проблемы. Думаю, вам ясно, что эксперт в этом деле может быть лишь один, и ваша задача найти в себе силы отыскать этого эксперта в себе.

Заключительно-вступительное слово

Жизнь – это выстрел в упор.
И культуру – самопознание жизни – нельзя отложить на потом.
Хосе Ортега-и-Гассет

Не запутайся в полотне сущего. Вплетая нить своей судьбы в него, помни, что нить, тщательно подобранная по цвету и фактуре общего полотна, может стать лишь частью основы или утка. Однако каждый вправе создать свою собственную, доселе не существующую и не имеющую аналогов, не схожую с другими, отличающуюся цветом и материалом нить. И пусть она станет основой для создания новых переплетов…

Литература

1. Кафка, Ф. Превращение / Ф. Кафка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://free-book.ru/news,1,886.htm. – Дата доступа: 21.01.2013.
2. Толстой, Л.Н. Дьявол / Л.Н. Толстой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.rus.ec/b/168557/read. – Дата доступа: 21.01.2013.
3. Толстой, Л.Н. Записки сумасшедшего / Л.Н. Толстой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bookmate.com/r#d=Je9xhSDO. – Дата доступа: 21.01.2013.

4. Чапек, К. Человек, который умел летать / К. Чапек [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.velib.com/book.php?author=ch_191_1&book=chapek_karel_chelovek_kotoryjj_umel_letat%60. – Дата доступа: 21.01.2013.
5. Шестов, Л.И. На весах Иова / Л.И. Шестов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bookmate.com/r#d=kBaDmB8r. – Дата доступа: 21.01.2013.

Александра Гоман
(Россия)

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАК ФОРМА ОТРАЖЕНИЯ КАРТИНЫ МИРА

Though language is the man's greatest achievement we seldom wonder about its contradictory and complicated facts. If all word definitions are given in dictionaries, why is it so difficult for people to understand each other? Why is it so hard sometimes to grasp sense of the phrase? The article is written with aims to reveal what is hidden behind the shell of lexical meaning. The research is carried out within a framework of the new anthropocentric linguistic approach as well as it focuses on psycholinguistic and cognitive linguistic factors.

Семантические вопросы вызывают непрекращающиеся научные споры. В лингвистике эти проблемы считаются наиболее сложными. В какой степени мы зависим от языка? Как мы пытаемся выразить свои чувства или мысли? Как человек с помощью языка осваивает мир? Почему мы понимаем или не понимаем друг друга, когда общаемся? Все это волнует исследователей на протяжении долгого времени.

Хотя язык является величайшим достижением человека, говорящий редко задумывается о смысле сложных и противоречивых явлений. Он ежедневно использует язык как средство общения, но даже не подозревает, какая сложная связь существует между речью и мыслью. Развитие языковых значений лучше любых монографий, хроник, учебников отражает судьбы, нравы, интересы, верования и способы мышления людей.

Лексическое значение непосредственно связано с пониманием природы человеческого языка. Именно в толковании слова отражается и хранится веками социальный и исторический опыт носителей данного языка, именно оно сохраняет речевые образования. Признание тесной

взаимосвязи между культурой и языком повлекло за собой изучение менталитета в этом контексте.

Разгадать, увидеть, понять жизнь слова – заветная мечта каждого, кто хоть раз оказался перед необходимостью ответить на вопрос, что такое язык, слово, в чем проявляется взаимодействие звучания и значения, мысли и слова.

Молчат гробницы, мумии и кости, –
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.
(И.А. Бунин. Слово)

Целью данной статьи является обращение к лексическому значению как к форме отражения картины мира. В данной статье мы попытались объяснить, что слово содержит в себе гораздо больше информации, чем дает любой словарь.

Исследования, посвященные этому вопросу, в науке начались недавно. Во второй половине XX века лексикологи подходили к проблеме значения слова в рамках интегрального подхода, то есть значения как результата отражения действительности. По словам М.Я. Розенфельд, человек может объяснить конкретное слово (предметное существительное или глагол) только через представление о называемых реалиях [4, с. 88]. Так, например, невозможно объяснить, что такое гроза, никогда не увидев молний и не услышав грома.

Уже на первом этапе специалисты столкнулись с рядом проблем: так, предполагалось, что только слова конкретной семантики могут обладать образным компонентом.

Например, слова «проворонить», «собачиться», «петушиться» ярко отражают отрицательную сторону поступков или поведения человека, хотя в прямом значении эти слова, обозначающие животных, являются нейтральными и не несут в себе никакой оценки: «ворона», «собака», «петух». Возможность возникновения оценочного и ассоциативного смыслов связана с самой природой собственно образных слов.

Но затем выяснилось, что абстрактные существительные и глаголы также способны вызывать образы. К примеру, В.П. Белянин выявил психологический момент слова «экзамен». Оказалось, что носители русского языка (и соответственно культуры) связывают это понятие со следующими словами: «трудный», «страх», «страшный» и «тяжелый» [1]. В толковых словарях такая составляющая значения «экзамен» отсутствует.

Семантика некоторых слов содержит в себе дополнительную информацию, связанную с ассоциациями в сознании говорящих. Так, концепт «русской бани» по проведенному нами исследованию гораздо шире у представителей русской культуры, чем у представителей европейской культуры. В прямом и переносном смысле слово «баня» получило значение одного из существенных элементов семейной обрядности, найдя отражение и в мистических представлениях народа. В бане не только мылись и парились – в ней лечились, рожали, она служила местом для гаданий и игр. Существует и множество поговорок и пословиц, связанных с этим словом: баня все грехи смоет; душистый пар не только тело, но и душу лечит; баня – мать вторая: кости распарит, все дело поправит и др. Английские слова «bath» или «sauna» в словарях Longman, Oxford, Collins и др. не содержат в себе таких коннотативных и образных компонентов.

В лингвистике слово «образ» довольно часто связывают с переносным значением и его употреблением. Однако интегральный подход рассматривает образность в более широком плане. Согласно И.А. Стернину, образный компонент – это «закрепленный за знаком обобщенный чувственно-наглядный образ обозначаемого предмета» [5, с. 128].

Различные ассоциации закрепляются в значениях некоторых слов в связи с особенностями их употребления в фольклоре и литературных произведениях, широко известных в данном языковом коллективе. Множество ассоциаций возникнет у русского человека с именами *Базаров*, *Обломов*, *Митрофанушка*, *Коробочка*, англичанина не оставят равнодушным *Humpty-Dumpty, Dr Jekyll, Mr Hyde, Sherlock Holmes* и др. Благодаря образному компоненту значения слово обладает большей «силой» и оказывает воздействие на человека. Его семантика воспринимается с большей готовностью, привлекает внимание, вызывает эмоциональное отношение или какие-то психологические переживания.

Описание значения слова, которое можно найти в толковом словаре, направлено на объяснение, а не на отражение чувственных ассоциаций, хотя довольно часто оно содержит и образный аспект, который может выражаться различными способами.

Другая проблема изучения образного компонента состоит в том, что образ, на самом деле, является объектом изучения психологии, так что лингвистических методов может оказаться недостаточно, следовательно, нужно применять и другие.

Выделение образного компонента в значении слова, однако, признается не всеми лингвистами. Так, В.З. Панфилов пишет, что чувственно-наглядный образ в отличие от понятия не может быть передан непосред-

ственно при помощи слов, а точнее, материальной языковой оболочки, одним членом коллектива другому. То есть чувственно-наглядные образы не связаны непосредственно с языком как со средством общения, потому что они всегда индивидуальны, а значение слова объективно [4, с. 87]. Однако задача любого писателя как раз и заключается в том, чтобы у читателя при чтении возник яркий образ соответствующего объекта.

Принято считать, что в семантике лексическое значение слова, а точнее, его сущность (которая должна раскрываться в толковании слова), есть понятие о существующем реальном предмете или явлении, которое пересекается со смысловыми и эмоциональными ассоциациями. В психолингвистике слово является достоянием человека, и к его изучению подходят с позиции специфики функционирования языкового и речевого механизмов.

Из этого следует проблема, что, во-первых, носители языка – люди весьма разные. У них разное образование, разная работа; одни – горожане, другие – жители глухих селений. Они разного возраста с разными фоновыми знаниями. Кроме того, есть разница в том, как мужчины и женщины понимают слова. Так что люди по-своему трактуют те или иные слова. Именно поэтому иногда возникают ситуации, когда слово как будто знакомо, а смысл не вполне ясен. Так, например, бабушки и дедушки знают, что такое *чесанки*. А молодежь точно не даст определение этому слову, потому что она используют в своем обиходе слово *валенки*.

Во-вторых, значения слов имеют свойство меняться со временем, так что новое слово для одних покажется обычным, а для других – нет. Это можно с легкостью проиллюстрировать появлением так называемого олбанского языка (олбанского йазыгга), который распространился в Интернете в XXI веке. Он используется в блогах, чатах и на веб-форумах. Этот сленг имеет специфическую лексику: «жжошь», «ЖЖ», «в мемориз», «рулит», «аффтар, выпей йаду», «аццки», «ниасилил», «слишкам многа букафф», «ктулху», «тыц» и др. Такие слова легко узнаются молодежью, но не всегда старшим поколением, хотя с постоянно растущим влиянием Интернета на масс-медиа даже они перестают быть неологизмами. Другим интересным примером может послужить реакция детей на новый фильм, к примеру: сначала говорили «клево», затем «прикольно», а сейчас то и дело можно услышать «зачОт» [3].

В-третьих, смысл слов можно знать настолько, насколько это нужно для повседневной жизни [6]. Однако для переводчиков недостаточно знания одного значения. Например, всем известное слово «duck» – не всегда «утка» и может переводиться как «неудачник», «банкрот», «при-

гнись»; «diamond» не только алмаз и бриллиант, но и «ромбовидный», «ромбоидальный»; «paper», помимо своего традиционного значения «бумага, газета, письменная работа», может означать «банкноты, контрамарки»; «flimsy» не только прилагательные «хрупкий, непрочный, мелкий, слабый», но и существительные «банкнота, телеграмма»; «playtime» не только время для игр и развлечений, но и в американском английском время начала спектакля или его длительность. Таких примеров можно привести множество. Не стоит также забывать, что для одних английский язык – родной, а для других – иностранный, так что едва ли у носителей языка вызовет сомнение слово «paragraph», который переводится не как «параграф», а как «абзац»; а «angina» означает вовсе не ангину (лат. *angina tonsillitis*), а стенокардию (от лат. *angina pectoris*).

Таким образом, А.А. Залевская предлагает новый подход к значению слова, который смог бы объяснить, что знает человек, на чем базируется переживание значения слова как понятного, какие стратегии используются при поиске слова в памяти, при понимании восприятия текста [2, с. 98].

Следует отметить, что ученые и специалисты-практики много раз указывали на то, что язык – это не просто система знаков, но система, отображающая социум и самого человека, за ним лежит картина мира той или иной культуры. Эти понятия тесно связаны между собой. Однако при более детальном рассмотрении значений оказывается, что уже на уровне слова есть смысл говорить о менталитете людей.

Нельзя изолировать язык от внешнего мира, так как последний является основой существования языка. Нужно помнить, что всякая знаковая система обычно обозначает то, что находится вне ее, а значение знака раскрывается также вне системы. Именно поэтому, с точки зрения психологов, лексическое значение не имеет принципиального отличия от знаний о мире.

В истории исследования проблематики значения долгое время преобладало теоретическое описание, где перечислялись основные признаки, а значение приравнивалось к понятию. Только в конце XX века было положено начало описанию значения лексических единиц через обращение к непосредственным носителям языка.

Это открыло ряд особенностей значения, как, например, опора на характерные и случайные признаки, связь слова и эмоционально-оценочных переживаний [2, с. 100]. Представляется целесообразным признать множественность форм репрезентации значения у индивида. Соответственно, каждый человек по-своему может охарактеризовать то или иное слово.

Отсюда следует идея глубинной структуры (см. рис.). С одной стороны, как только слово произносится, его лексическое значение, то есть общепринятое и всем понятное (как правило, оно фиксируется в толковом словаре), оказывается на поверхности. С другой стороны, есть в этом слове что-то ненаблюдаемое, лежащее на глубине. То, что не выражено в речи, что можно назвать ассоциациями.

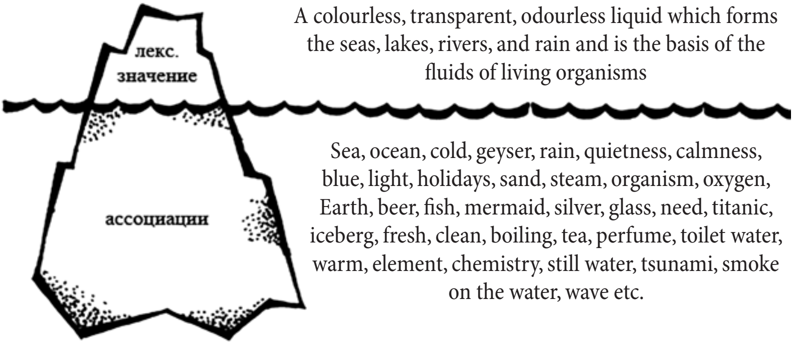

Рис. Глубинная структура слова «WATER»

В качестве доказательства вышесказанного нами был проведен пробный эксперимент, целью которого было доказать, что на одно и то же слово у людей возникнут разные ассоциации. Европейским студентам было предложено дать реакцию на слово «water». В результате было получено 43 реакции, при этом всего 11 совпали (sea – 5, ocean – 4, cold – 2).

Интересно отметить, что дважды прозвучала ассоциация «Smoke on the water», знаменитая песня британской рок-группы Deep Purple. Первая была дана музыкантом из Германии, вторая – преподавателем из Франции, увлекающимся рок-музыкой. Таким образом, на практике оказывается, что хотя значение слова осознается, то есть понимается всеми без исключения, но данные реакции практически не связаны со значением слова или понятием синонимии. Большее влияние оказывают неязыковые факторы, такие как хобби, профессия и др. Очевидно, что в словаре фиксируются не все компоненты значения.

Слово с определенным лексическим значением дает только часть информации, другими словами, оно представляет собой некоторую семантическую модель, которую можно найти в толковом словаре и которая, как и любая модель, дает упрощенное восприятие реальности. В этом случае слово направлено на объяснение, а не на отражение чувственных

ассоциаций, переживаний, жизненного опыта и др. Хотя нельзя отрицать наличие и другой оставшейся информации, которую сейчас пытаются отразить ученые, выделяя наряду с уже существующими компонентами образный и психологический компоненты лексического значения.

Кроме того, видится целесообразным выделение образного компонента лексического значения, так как семантика некоторых слов содержит в себе дополнительную информацию, связанную с ассоциациями в сознании людей. Благодаря этому компоненту слово имеет способность оказывать большее воздействие на человека.

На основе ассоциаций можно увидеть структуры, которые не отображаются в лексическом значении, их нельзя найти в словаре, но между тем именно с их помощью мы воспринимаем окружающий мир. С их учетом проблему семантики можно представить в другом ракурсе.

Так как язык невозможно отделить от окружающего нас мира, то соответственно к проблематике лексического значения нужно подходить не только теоретически, но и практически, то есть через обращение к непосредственным носителям языка. Так как люди разные, каждый по-своему может охарактеризовать то или иное слово, следовательно, можно предположить, что значение имеет более глубокую структуру: за ним кроются собственные переживания, эмоции и события.

Таким образом, можно говорить о том, что язык тесно связан с культурой, в котором мы живем, с менталитетом. Исходя из таких признаков лексического значения, нельзя не заметить влияние языка на наше мышление, а также не подчеркнуть необходимость обращения к антропоцентрическим подходам к языку.

Литература

1. Белянин, В.П. Психолингвистика / В.П. Белянин. – М., 2005.
2. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику / А.А. Залевская. – М., 2000. – С. 97–171.
3. Кронгауз, М.А. Русский язык на грани нервного срыва / М.А. Кронгауз. – М., 2007.
4. Розенфельд, М.Я. Образ как компонент значения слова / М.Я. Розенфельд // Вестник ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. – Вып. 1. – Воронеж, 2007. – С. 87–91.
5. Стернин, И.А. Проблемы анализа структуры значения слова / И.А. Стернин. – Воронеж, 1979.
6. Фрумкина, Р.М. Психолингвистика / Р.М. Фрумкина. – М., 2001.

Юлия Забара
(Украина)

ШАБЛОННОСТЬ РЕЧИ КАК ОДНА ИЗ ПРОБЛЕМ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

The article deals with the problem of wide use of hackneyed phrases. The hackneyed phrase is an expression which has become overused to the point of losing its original meaning. The author describes hackneyed phrases as emotionless, uninformative units that lose the influence on the interlocutor. The main spheres of their usages are administrative and journalistic ones. The way to solve the problem of speech stereotypeness is to create new metaphors and to avoid using the wise using words.

Проблема перенасыщенности речи различными шаблонами в том или ином масштабе встречается во всех языках мира. Ежедневно воспринимая огромный поток информации по радио, с экранов телевизоров или от находящихся рядом с нами людей, мы невольно подхватываем часто употребляемые словечки или выражения, которые, паразитируя в нашем словарном запасе, делают нашу повседневную речь похожей на стенографическую запись или шифровку. Смысл подобных «закодированных» высказываний окружающим, однако, понятен, так как «стандартный набор» фраз для выражения мыслей является общеупотребительным и всем известным.

Речевыми штампами становятся слова и выражения, лишенные образности, эмоционально тусклые, значения которых затерты частым употреблением без учета контекста, например, «горячая поддержка», «живой отклик», «резкая критика прозвучала в адрес», «в целях распространения», «рентабельность предприятий», «наведение элементарного порядка» и т.п.

К речевым штампам относят также универсальные слова, которые используются в самых различных, неопределенных значениях: вопрос,

мероприятие, ряд, проводить, разворачивать, отдельный, определенный. Например, существительное *вопрос*, выступая как универсальное слово, никогда не указывает на то, о чем спрашивают. Например: «Особо важное значение имеют вопросы питания в первые 10–12 дней» (так в чем же состоит вопрос? о чем, собственно, речь?). Слово «являться» как универсальное тоже лишнее. Предложение «Очень важным является использование для этой цели химикатов» вполне заменяется более определенным высказыванием «Для этой цели необходимо использовать химикаты». Целесообразно определять штампы как единицы, имеющие стереотипную сниженную экспрессивность, потому что для штампов характерна серийность семантики, формы и образного переосмысления: бумажный король, газетный король; обувной король, мясной король, пушечный король; героиновый король, опиумный король; химический король, нефтяной король [3, с. 92]. Указанные выше номинации сближаются такими признаками: 1) они строятся по модели адъективно-субстантивных словосочетаний с зависимым прилагательным; 2) используются слова одной тематической группы; 3) у этих конструкций есть общий лексический компонент (метафорически переосмысленное слово «король»); 4) однообразная структура штампов противоречит их функции экспрессивного средства.

У речевых штампов выделяются следующие категориальные признаки:

1) стереотипная сниженная экспрессивность (однообразие семантики и структуры, серийность конструкций, несмотря на то, что они предназначены для экспрессивной функции);

2) раздельнооформленность, наличие не менее двух лексических компонентов;

3) стабильность сочетаний, десемантизация слов-компонентов, которая проявляется в редукции денотативных и/или коннотативных сем;

4) использование стилистически окрашенных конструкций не по назначению, их стилистическое и семантическое рассогласование с другими элементами текста;

5) чрезмерная употребительность единиц в небольшом по объему тексте, текстах одного стиля речи. При употреблении штампов страдают эмоциональность, информативность высказываний, внешняя форма речи, ее воздействие на адресата снижается [1].

В практической стилистике термин «речевой штамп» получил более узкое значение: так называют стереотипные выражения, имеющие канцелярскую окраску. Например, в результате многократного повторения

в узнаваемый штамп превратилось слово *плюрализм* (плюрализм мнений, политический плюрализм), привлекавшее к себе внимание в конце 80-х гг. прошлого века. Многочисленны как публицистические штампы (труженики полей, люди в белых халатах, город на Волге, город на Неве или северная столица), так и литературоведческие (волнующий образ, расписной ковер цветов). Еще Николай Гоголь высмеивал подобные выражения: перед начатием чтения; табак, адресуемый в нос; для воспрепятствования его намерению; событие, имеющее быть завтра. Сочетания, которые некогда были смелыми и свежими, со временем становятся затасканными и стереотипными: свет души, неиссякаемый источник вдохновения, их сердца бьются в унисон, плащ, сотканный из лоскутьев мрака, глаза, горящие странным огнем, жемчужный смех, потоки слез, лазурь небес.

По способу номинации штампы могут представлять собой структуры с прямым номинативным употреблением всех компонентов или конструкции, полностью (частично) переосмысленные.

По характеру структуры значения штампы можно разделить на единицы, имеющие семы оценки; эмотивные; обусловливающие стилистическую дифференциацию наименований; включающие коннотативные семы разных видов. Но из-за автоматизированного применения коннотативные семы речевых штампов часто редуцируются. Играют роль стабильная связь штампов с тем или иным функциональным стилем речи и появление штампов вследствие перенесения из одного стиля в другой в данном тексте.

По степени активности применения в экспрессивной функции речевые штампы делятся на узуальные и окказиональные. Узуальные штампы могут иметь низкую экспрессивность вне зависимости от контекста (вследствие однотипности средств выражения у тематически близких стабильных сочетаний слов и редукции сем у компонентов с широким универсальным применением). Окказиональные штампы являются результатом единичного нецелесообразного применения единиц в тексте либо пополнения многоэлементных серий новыми членами, построенными по той же модели.

Основными сферами функционирования речевых штампов являются административная и газетно-публицистическая (включая в целом все средства массовой информации). При этом если для административной сферы употребление и знание соответствующих штампов является, скорее, удобным и не требующим усилий средством простого однозначного коммуникативного обмена, то сфера средств массовой информации

и публицистики должна опасаться увеличения речевых штампов в своих текстах. Стремление к минимизации коммуникативных усилий, вызывающее употребление штампов, приводит к засорению ими все большего числа текстов и быстрому распространению в соответствующей среде. Речевые штампы, избавляя говорящего от необходимости искать нужные и точные слова, лишают речь конкретности. Например, предложение «Нынешний сезон провели на высоком организационном уровне» можно употребить при написании отчета и об уборке урожая, и о спортивных достижениях, и о подготовке жилищного фонда к зиме.

По своей форме речевые штампы могут соотноситься (или даже совпадать) со стереотипами, клише, цитатами, пословицами и другими явлениями этого коммуникативного поля. Особенность штампа – не формальная, а функциональная. Они не участвуют в языковом манипулировании или языковой игре, а также не создают в отличие от цитат и пр. дополнительного социального смысла [2].

С исследованием штампов в когнитивном аспекте закономерно связан вопрос о стереотипизации. Слова *стереотип*, *стереотипный* имеют негативную окраску в русском языке и в словарях определяются при помощи слов *шаблон*, *трафарет*, *шаблонный*, т.е. избитый, лишенный оригинальности, выразительности. Это понимание не всегда целесообразно при употреблении лексемы *стереотип* как термина: роль стереотипов может быть и позитивной, и негативной. Стереотипы, как известно, экономичны, они благоприятствуют сокращению процесса познания и понимания, быстрому принятию решений. Стереотипы упорядочивают знания, помогают человеку ориентироваться в жизни; они необходимы, чтобы справиться со слишком объемной, сложной и быстротечной для восприятия окружающей нас средой. Будучи не в состоянии зафиксировать все ее тонкости, многообразие и конфигурацию, мы вынуждены структурировать и воссоздавать действительность по более упрощенным моделям.

Особенно проблема шаблонности речи относится к диалогу. Многие высказывания в диалоге должны быть непредсказуемы не только для собеседника, но и для самого говорящего. Он должен говорить творчески, сообразуясь с постоянно меняющейся ситуацией речи, с нюансами вроде бы стандартной жизненной ситуации, со степенью ее динамичности. Говорение, как и оценка ситуации речи, должно быть мобильным, чутким, а следовательно, в существенной мере иметь характер экспромта, а не заученно-заготовленной речи и ее отдельных фраз, продуманных заранее или шаблонно-ситуативных. И такая эвристичность устной речи должна вести к полезным результатам общения, к раскрытию информационных

перспектив, к нахождению взаимопонимания, к взаимной направляемости речемыслительного поведения партнеров по общению. Здесь необходимы творческие эвристические повороты в содержании высказываний, эвристичность речевых средств, поиски и нахождение своеобразных средств выражения. Каждая очередная реплика должна продвигать разговор, ведя его к логическому концу, а не заводить в тупик.

В Соединенных Штатах особой «клишированностью» отличается речь политических деятелей. Этот факт уже неоднократно высмеивался в американской прессе. Однако избежать употребления штампов в своих выступлениях политикам удается пока с большим трудом. По мнению одного журналиста, если рассматривать сеть как несколько дырок, соединенных веревочками, то речь политиков имеет схожую структуру: она состоит сплошь из одних клише, «спаянных горячим воздухом».

Выступления общественных деятелей, изобилующие банальностями и избитыми фразами, настолько часто подвергаются нападкам в американских СМИ, что имидж «ораторов» стал серьезно страдать от этого. Возможно, что такая антипропаганда заставит американских спичрайтеров, наконец, всерьез задуматься над проблемой более качественной подготовки речей для своих работодателей.

С проблемой засоренности речи штампами и клише столкнулись и «первооткрыватели» английского языка – жители Великобритании. Британцы подошли к делу серьезно: создали специальную организацию по борьбе за чистоту языка – The Plain English Campaign.

Активисты провели опрос среди 5000 человек из 70 стран мира, в результате которого выяснилось, что ведущее место по количеству шаблонов занимает бизнес-лексика. Специалисты, проводившие исследования, сделали вывод, что использование некоторых выражений в повседневном деловом общении стало таким же неизменным атрибутом бизнесменов, как галстук или режущая слух мелодия звонка в телефоне.

Большинство из опрошенных выразили свое раздражение по поводу наиболее часто употребляемых выражений, среди которых первое место отводится словосочетанию «at the end of the day», а второе – «at this moment in time».

По мнению одного из представителей The Plain English Campaign, проблема речевых штампов заключается в их слишком частом использовании и отсутствии новизны, – как только человек в очередной раз слышит шаблонную фразу, его впечатление о собеседнике резко ухудшается [4].

Борцы за чистоту языка считают, что общество нуждается в изобретении новых метафор и аналогий, которые должны сделать разговорную

речь живой, но не стандартизированной. И прежде всего следует избегать употребления фраз, встреченных в печатных изданиях или услышанных из уст популярного телеведущего.

Однако совсем отказаться от употребления поговорок и устойчивых выражений в повседневной речи люди не готовы: слишком тяжело представить себе живую разговорную речь без излюбленных фразеологизмов.

Литература

1. Гринкевич, Е.В. Речевые штампы: особенности их применения как экспрессивного средства / Е.В. Гринкевич // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2006. – № 10.
2. Наталевич, О.Г. Речевые штампы и языковые стандарты / О.Г. Наталевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.profmedia.by/pub/sec/art/43641.
3. Новиков, А.Б. Словарь перифраз русского языка / А.Б. Новиков. – М., 1999.
4. Речевые штампы – помеха в бизнесе и политике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.study.ru/support/lib/note11.html.

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ

Tatsiana Kanapliova
(Lithuania/Belarus)

LIBERAL ARTS EDUCATION

Статья посвящена значению либерального образования. Рассматриваются определение либерального образования и его функции в современном мире. Сравниваются различные подходы к либеральному образованию в контексте развития Болонского процесса, в том числе и в Беларуси.

Today our world and everything in it is rapidly changing: we can observe technological progress, globalization of cultures and business, the blurring of boundaries between countries and the appearance of interpretive issues. We are bombarded and influenced by all kinds of information, values, and, of course, the mass character of consciousness. I think this is the most dangerous factor which can distort our perception of reality. It means that we can't estimate anything independently. I am sure that education must help us resist this trend. But if we talk about natural sciences: mathematics, physics, chemistry, biology etc., we have to follow certain rules: counting, measurement. This education means systematic knowledge. In these fields we generally have only one theory which is considered right, but we should not forget that these kinds of natural science belong to the classical type. For example, quantum physics is in the same uncertain condition as the humanities.

But if we want to know the truth about reality, we can't do it only by using the scientific method. The question of interpretation also arises. It forms the world around us, and at the same time we are formed by it. We should remember that «[T]here is no absolutely true interpretation» as Gadamer said. Liberal arts in education explore issues of interpretation of our life and problems that we meet in everyday life. So liberal arts are the subjects which a free person has to know in order to take an active part in civic life. Liberal arts includes hu-

manities, creative and performing arts, social sciences and (generally, though not officially at some universities) natural sciences. They are divided into:

- the Humanities (Arts, English, Foreign Languages, History and Philosophy),
- the Social Sciences (Anthropology, Communication, Geography, Political Science, Psychology, Sociology and Women's Studies),
- the Sciences (Biology, Geology and Physics), and Mathematics.

The basic functions of Liberal arts are:

1. To analyze and interpret information.
2. To form and express informed opinions.
3. To communicate effectively.
4. To appreciate the richness of a diverse human culture.
5. To understand human nature and society better.

Of course, European and American universities follow this principle. They are not isolated from each other and are constantly engaged in dialogue. Liberal arts education concentrates on creativity, critical thinking, problem solving and communication skills. Europe and America acknowledge the importance of liberal arts in crafting public response to the problems of pluralism, fear, challenging authority and in helping students to develop strong intellectual and practical skills such as communication, analytical, and problem-solving ability. It also shows how these skills and knowledge can be applied in real life, not only in theory. It is necessary for us because liberal arts education also fosters a sense of social responsibility.

Another important factor is the need to bring everyone to the same level of education. It is manifested in the Bologna Process in Europe. This led to the recognition of undergraduate education as a phase in its own right and facilitated the emergence of liberal arts programs in Europe. In part this can be explained as a response to create greater convergence between European systems, to bring them to a similar level. This is the role of education in the humanities because in the past there were significantly different European universities. This raises the issue of Belarus' absence from the Bologna process.

The most exciting science today is developing at the interface of the traditional disciplines. Some of the «big issues» can't be solved only by a single discipline and methodology. Analysis should combine several approaches and perspectives. It is only then that we can get a complete picture of the solution of our problems. I surmise that it helps to develop the whole person, including personal and intellectual development with a view to taking social responsibility and playing a full part in today's democratic society.

We can say that EHU is on the right way to achieve success in this area. After a month of studying I have noticed that students are put into a special atmosphere. It is the first condition, and it enables students to make their own efforts to achieve their goal. The conditions at EHU help us to think critically and to ask questions about our complex and bewildering world. We have also learnt about the notion of challenging authority, which explains why EHU has contradictions with the government of Belarus. It stresses the importance of creativity, inquistiveness, a sense of adventure, ambition and keenness. EHU demonstrates the trend of Liberal Arts with its Core Courses, where students select two (or three) out of five (or seven) courses in the Modules – first and second year studies.

It is true that EHU does not teach science subjects or math. Some «liberal arts» universities are called «Liberal Arts and Sciences» and also teach basic math and sciences. In these universities, courses like «Science Literacy» or «Math Literacy» are offered. At EHU, they are still trying to introduce Economics and Statistics into the curriculum.

But perhaps the biggest question is why a person must study statistics or mathematics if their future career will be in artistic fields, dealing with human beings who are not just «numbers».

EHU divides «required» core courses into 4 modules during the first 2 years of study.

Module 1: Philosophy and Religion (6 ECTS credits).

Module 2: Politics and Law (6 credits).

Module 3: Economics, Psychology, and Sociology (6 credits).

Module 4: History, Literature, and Art (9 credits).

We need to understand our special subject, when we start learning it, to analyze how society works, to select information, books, to learn to choose between those that are useful and those that are not. For example, when we talk about our history we should know what has influenced our historical consciousness. (And, of course, to be a human.)

It is actively involved in the Bologna Process, and gives Belarusian students an opportunity to study in a foreign country. It means first that they get to know about their culture and society and compare life in Belarus with other countries, because everything is relative.

About Belarus

It is true that Belarus provides a very good education in subjects such as natural sciences. It has the best education in comparison with other post-So-

viet countries. But in humanities we can see a big gap between levels. I studied at a Belarusian university and have some experience of this kind of education. I had studied geodesy and civil engineering for three years. I did not have a complete overview of humanities, but we did have some subjects in this area. In my subject of civil engineering we had difficulty understanding what we were taught. Students simply learnt the material by heart as at a secondary school. I do not think my experience was an exception. Teachers were reading material from books or computers and we had to write it down. After these years something changed in my mind: suddenly I wanted to have my own opinion and to broaden horizons.

In my view, the main problem of this kind of education is information which is simply absorbed without any analysis or critical reflection. The government needs workers who will not think critically and have their own point of view. This is an outdated education system that does not satisfy the requirements of today's world, because today the world is full of competition among people, especially young professionals. And if a person wants to have a good job, if he wants to get an occupation which will be satisfactory for him he must think critically and approach his tasks creatively.

Another problem is that in Belarus students start to specialize too early. It means that our specialization begins before students understand what their profession means. Education should consist of common humanities subjects and special subjects should be chosen only later. This will enhance learning effectiveness.

The third problem is the Bologna Process. For Belarus we can say «Bologna isolation». Why is our country out of this system? First, I think that our education looks like Soviet education, we have 5 years of studying and then we should work for a state organization. Belarus has a long and hard path ahead before it can join the Bologna Process. It has made a lot of changes in education, some of which are positive and some negative. And in my view the most important problem is political. Because when Belarus joins the Bologna Process, the door to the European Union will be open and there will be social contacts between people. This is especially relevant for the young generation. It is our future and the future of the country. And of course joining Bologna would mean a greater adaptation of European values. The Bologna Process will create new opportunities for Belarusian universities. It will help students to learn foreign languages, and, of course, to study Liberal arts education, to think critically and to evaluate situations. As a result, the universities will produce better qualified graduates who understand how democracy and the market economy work.

In conclusion, I would like to stress that liberal arts education helps us to form our own opinions and to be independent of mass outlook. It enables us to interpret issues in our own way, to think critically and to be more creative, ready for competition. EHU gives us this opportunity and we should appreciate it. Because before we try to change the world we have to change ourselves.

References

1. Mikhailov, A. Democracy as a Challenge. Recipient of the 2007 Ion Ratiu Democracy Lecture Award. WoodrowWilson International Center for Scholars. 2007. 17 p.
2. Prince, G. Teach them to challenge authority. L.: Bloomsbury Publishing PLC. 256 p.
3. Site of university of New Haven (University of liberal arts) [Electronic Resource]. – Mode of access: http://www.newhaven.edu.
4. Site of European humanities university [Electronic Resource]. – Mode of access: http://www.ehu.lt/en.

Наталья Быковская
(Литва/Беларусь)

ПРИРОДА ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Specific character of the humanities is not connected with studying formulae or theorems which are applicable to the cases of one type. Therefore, the article is not an answer book, it is an essay that should move closer to the nature of the humanities conception regarded from the optimistic perspective. It contains the analysis of the importance of the humanities in the contemporary global world; the humanities are regarded as an aid on the way to self-cognition. A lot of attention is given to the investigation of time, hope and routine phenomena. It is necessary to rethink such terms as «language» and «language proficiency».

В современном мире, к сожалению, гуманитарному знанию отводится не самая значительная роль, вопреки опыту прошлых лет, который ясно указывал на недопустимость игнорирования данной области. Природа гуманитарного знания такова, что в нем превалирует критическое осмысление событий, оно не предполагает безоговорочного принятия фактов как данности. Изучая мировой опыт, можно сделать определенные выводы, касающиеся личной и профессиональной жизни любого человека, хоть в поисках правильного пути в запутанном лабиринте жизни далеко не каждый выберет себе в помощники историю. Не зря из глубины веков до современности прошла немалый путь поговорка про чертей в, казалось бы, тихом омуте. Поль Валери в своей работе «Кризис духа» отмечает: «Мы чувствуем, что цивилизация наделена такой же хрупкостью, как жизнь» [4].

К слову, человек в принципе склонен не всегда обоснованно верить в лучшее и жить одной надеждой, забывая о том, что жизнь – это вызов. Чтобы принять этот вызов, необходимо постоянно совершать над собой усилие, заставлять себя что-то изменить, находиться в постоян-

ном движении, что является сложным, так как человек по своей природе стремится к комфорту. Выбирая между вариантом удерживания своего состояния в таком уютном для тела, но таком неблагоприятном для развития комфорте и вариантом личностного и профессионального становления, требующего определенных усилий, выбор не всегда падет на второй вариант.

Одной из причин этого явления, по моему мнению, является не совсем достаточное осознание последствий. Чаще всего человек способен понять, что сделал неправильный выбор, уже пройдя б*о*льшую часть жизненного пути. В большинстве случаев «момент истины» настает тогда, когда мало что можно изменить, и приоритетным чувством становится сожаление о впустую потраченном времени.

Но стоит заметить, что правильная расстановка ценностных ориентаций – трофей, который не всегда достается лишь по достижении определенного возраста. Можно получать необходимый опыт не только из своей жизни, но и, допустим, из литературных произведений. К примеру, произведение Дино Буцатти «Татарская пустыня» [3] становится пищей для ума у тех, кого отличает желание исследовать некоторые проблемы, имеющие непосредственное отношение к наукам о духе. В частности, это изучение феномена времени, рутины, надежды и приспособляемости человека к обстоятельствам.

Время – то, что неразрывно связано с нашей жизнью. Многие даже ставят между этими двумя понятиями знак равенства, с чем я лично не могу согласиться, ведь жизнь – промежуток времени. Время – нечто более глобальное, и человек вне зависимости от желания либо нежелания находится в его власти. Единственное, в чем человеку предоставляется выбор, – это выбор того, чем он свое время заполнит. В детстве течение времени своеобразно: дни кажутся необыкновенно длинными, и тогда в голове начинают зарождаться мысли, что впереди уйма времени. Это ложное представление без особого труда прочно закрепляется в сознании, а ведь с каждым годом все меняется и меняется не в пользу человека: жизнь набирает обороты, с каждым годом ускоряя темп. А мы продолжаем жить с ощущением, что у нас все впереди, откладывая все дела, все перемены на потом. И чем больше мы откладываем, тем дальше нас поглощает рутина.

За редкими исключениями каждый человек рано или поздно, образно говоря, замыкает свой круг и начинает свое континуальное движение по одной и той же траектории. Тем самым, дни становятся неразличимыми между собой. Я бы назвала рутину формой социального наркотика, сво-

еобразным болотом, чем больше в котором находишься, тем сложнее оттуда выбраться. Однообразный досуг, однообразный распорядок дня – казалось бы, что в этом такого плохого? Не следует обременять себя необходимостью выбора, нужно лишь выполнять определенные функции. Но имеем ли мы после этого право называться людьми? В конце концов, это схоже с жизнедеятельностью растений, которые в течение отведенного им срока занимаются выработкой кислорода в процессе фотосинтеза. Более того, человек в редких случаях способен похвастаться столь полезной рутинной деятельностью.

Чаще всего, в начале пути все полны амбиций и стремлений. Кто-то работает над собой и делает все для достижения цели, а кто-то все действия откладывает на ближайшее будущее, которое в действительности оказывается далеким. Проблема в том, что любимое многими «завтра» все не приходит, ведь существует лишь сегодня, которому, как правило, не придается столько значения. Завтра как горизонт, оно где-то впереди, ты к нему приближаешься – оно отдаляется, и настигнуть его невозможно. С ним мы связываем все наши надежды, идеи, цели, и во множестве случаев они там и остаются.

Надежда – явление, требующее не меньшего внимания. «Давно пора было бы выработать феноменологию надежды», – подтверждает испанский философ и социолог Ортега-и-Гассет в книге «Человек и люди» [6]. Возможно, для кого-то надежда и служит своеобразным компасом на пути к совершенству, однако она также способна влиять на жизнь кардинально иным способом, а именно, заместить реальность и наполнить жизнь пустотой.

Хотелось бы отметить еще одну проблему, последствия которой должны быть проанализированы, – это приспособляемость человека к обстоятельствам и среде. Большинство, попадая в определенную среду, подстраиваются под установленные в ней правила. И тут важно вовремя оценить ситуацию, рассчитать возможные последствия и в случае отсутствия пользы для себя и своего будущего не бояться сделать выбор. Человек создан, чтобы творить, и если какие-то обстоятельства мешают этому, ни в коем случае нельзя покорно их принимать. В конце концов, человек – не дерево, он вполне способен выбрать место, где «почва» будет более благоприятной для «роста».

Можно утверждать, что, изучая гуманитарные науки, необходимо овладеть языком гуманитарного знания.

Говоря о разновидностях языка, мы чаще всего подразумеваем различные знаковые системы в определенных странах: испанский язык, не-

мецкий, русский… В связи с таким пониманием во всех, к примеру, русскоязычных странах ответ на вопрос «Владеете ли вы русским языком?» будет, по всей вероятности, положительным, невзирая на глубину этого вопроса. Многие считают, что способность легко выражать свои мысли – это и есть владение языком, и что единственная причина того, что речь говорящего может быть не воспринята, – иностранное гражданство собеседника, но это не так. Не случайно George Steiner начинает первый раздел книги «The Poetry of Thought: From Hellenism to Celan» словами о музыке: «We do speak about music» [1, c. 15], так как именно этот вид искусства имеет огромное влияние на человека и воздействует на него эмоционально. Музыку представители разных стран могут почувствовать одинаково, а в языке все иначе. В языке стоит учитывать возникающие в ряде случаев коммуникативные барьеры у людей, использующих один язык в общении. Используя лексику повседневной коммуникации, человек с медицинским образованием имеет все шансы быть понятым в кругу представителей разных специальностей. Но если разговор перетекает в русло профессиональной деятельности, с легкостью вникнуть в суть сказанного врачом сможет далеко не каждый. Чтобы воспринять такие понятия, как, например, «абдоминальный» или «лабильность», необходимо знать специальный язык.

Это самое простое доказательство того, что ответ «Да» на вопрос о владении языком не совсем корректен, а формулировки «Владеете ли вы языком медицины?» или «Владеете ли вы языком гуманитарного знания?» хоть и не совсем привычны, но имеют свое логическое обоснование. В своей лекции А. Михайлов, доктор философских наук, ректор ЕГУ, утверждает: «Язык слишком часто воспринимается в качестве средства или инструмента, которым мы якобы владеем». Я бы акцентировала внимание на этой частице «якобы», которая также ставит под сомнение общеупотребительное значение языка.

Если остановиться конкретно на языке гуманитарного знания, то для овладения им необходимо не просто познакомиться с лексикой этой области, которая отличается своей абстрактностью, но и приобщиться к философскому мышлению, развиваться духовно. По всем правилам компаративистики, чтобы лучше понять какое-либо явление, нужно сравнить его с другим, причем это другое явление должно одновременно иметь и схожие, и отличительные черты. Используя этот метод, G. Steiner в работе «The Poetry of Thought: From Hellenism to Celan» приводит в сравнение наряду с музыкой еще и язык математики: «Mathematics is the other universal language. Common to all men, instantly legible to those

equipped to read it» [1, с. 18]. Безусловно, точность математики контрастирует на фоне языка гуманитарного знания. Если искать общее, то, по моему мнению, оба этих языка имеют свою специфику, в частности, «специальный язык». Но, как мне кажется, язык математики, в силу большого количества заимствованных слов в лексике и в силу большей конкретики, не находится в таких рамках, как язык гуманитарного знания. Можно проследить зависимость содержания гуманитарных наук от территории, на которой проживает отдельная нация. И проблема не только в языке, но и в различном осмыслении слов. Этот вопрос затрагивают Лев Ванд и Анна Муратова в своей книге «Теоретические основы духовной коммуникации». Они сравнивают понятие «дух» в русском и немецком языках, беря в основу книгу Карла Гюстава Юнга «Проблемы души нашего времени»: «В немецком абсолютно несозвучны: дух – der Geist, душа – die Seele, дыхание – die Atmung, воздух – der Luft. В русском восприятии дух – нечто аналогичное воздуху, дающее жизнь, это невидимая и невесомая сущность души; для немца же все это изрядно дистанцировано. <…> Не случайно в немецкой философии душа всегда слабее духа – это, кстати, явно представлено в монадологии Лейбница, для русского же это почти одно и то же, если речь не идет о духе в церковном значении» [5]. Вышеизложенное подтверждает зависимость содержания от территории и языка в гуманитарных науках и ко всему прочему указывает на то, что точно передать весь смысл при переводе текстов гуманитарного знания невозможно. Особенно если принять во внимание тот факт, что перевод с одного языка на другой – это априори крайне проблематичный процесс в связи с различиями семантических структур или многозначностью терминов. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что человек, который переводит подобные тексты, должен как ориентироваться в гуманитарных науках, так и обладать высоким уровнем знания языка и его особенностей, чтобы комментировать и разъяснять смысл, вкладываемый в то или иное понятие.

Если говорить о становлении как гуманитарного знания, так и в целом науки в европейской интеллектуальной традиции, то сразу вспоминается перефразированная философом и переводчиком Леонтием Блинниковым цитата Бэкона о силе знания при условии его истинности [2]. Однако известно, что сила может быть направлена не только во благо. Разумеется, нельзя оспорить тот факт, что изучение человеком себя самого и окружающего мира принесло полезные изобретения, которые в каких-то случаях облегчили наше существование и расширили круг наших возможностей. Однако важно, чтобы человек, вдохновленный по-

лученными знаниями, не начал ощущать главенство над окружающей средой.

Наука находится в постоянном развитии, соответственно стремление исследовать природу человека и регулировать социальные процессы обусловило формирование самосознания гуманитарного знания. Здесь хотелось бы обратить особое внимание на то, что большое количество людей заблуждается, считая, что в человеке присутствует лишь физическое начало, другая часть предполагает, что у человека есть душа, но и с ними я не совсем соглашусь. По моему мнению, все наоборот: это у души есть физическая оболочка, которую мы нарекли «тело». И именно вследствие этой неправильной расстановки акцентов слишком большое внимание уделяется нашему телу. Человечество создало много различных предметов обихода, которые облегчают прохождение жизненного пути, но стоит задуматься: в правильном ли направлении мы движемся? Желание ответить на этот вопрос отделило гуманитарные науки от других наук, изучающих физические, химические или биологические процессы. И я могу с уверенностью сказать, что изучение человеческой души нисколько не уступает в важности изучению процессов в организме.

Каждый человек, даже если он отличается поверхностным отношением ко многим вещам, я считаю, хоть раз изъявлял желание понять, в чем смысл его жизни, с какой целью был создан этот мир. В поисках ответов на эти вопросы некоторые с головой окунаются в мир религии, кто-то обращается к истории, изучая знания древних, и т.д. Что касается лично меня, то мне представляется, что если цивилизация и заблудилась на пути своего развития, то гуманитарные знания – это своеобразная гуманитарная помощь человечеству, потерявшему правильный путь. И это не просто игра слов, это тот критерий, который объединяет разные лексические значения слова «гуманитарный», и это объединение порождает новое осмысление данного определения. А новое осмысление позволяет по-другому посмотреть на тот вид образования, который был мной избран.

Литература

1. Steiner, G. The Poetry of Thought From Hellenism to Celan / G. Steiner. – A new directions book, 2011.
2. Блинников, Л.В. Краткий словарь философских персоналий / Л.В. Блинников [Электронный ресурс]. – Новосибирск, 2010. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/FilosPers/index.php.

3. Буцатти, Д. Татарская пустыня / Д. Буцатти [Электронный ресурс]. – М., 1940. – Режим доступа: http://lib.ru/INPROZ/BUCCATI/desert.txt.
4. Валери, П. Кризис духа / П. Валери [Электронный ресурс]. – М., 1976. – Режим доступа: http://lib.ru/CULTURE/VALERY/about_art.txt.
5. Ванд, Л. Теоретические основы духовной коммуникации / Л. Ванд, А. Муратова [Электронный ресурс]. – М., 2013. – Режим доступа: http://www.prakultura.ru/bases.
6. Ортега-и-Гассет, Х. Человек и люди / Х. Ортега-и-Гассет [Электронный ресурс]. – М., 1927. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/gas_chel.

Вероника Бардюкова (Машинист)
(Беларусь)

ОТВЕТ РЕАЛИЯМ СОВРЕМЕННОСТИ: ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ КАК БАЗИСНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ИННОВАЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

The article deals with the problem of the necessity of humanities in innovation education. The author analyzes the role of the humanities in the contemporary world, particularly in the innovative education context and discusses the main objectives of innovative education.

Развитие современного общества во многом определяется теми технологиями, которые сопровождают его жизнь. Говоря о технологиях, мы часто подразумеваем то, что являет собой неотъемлемое условие возникновения материальной составляющей научно-технического прогресса (т.е. материальных благ). Однако не стоит забывать о том, что технологии и продукты научно-технического прогресса реализуются и потребляются, прежде всего, людьми, бытие и жизнедеятельность которых не ограничиваются лишь материальной сферой.

Вместе с тем естественнонаучное знание значительно преуспело в создании искусственных средств, призванных воздействовать на природу и преобразовывать ее, – и эти средства возросли по своей мощи и ареалу распространения. В то же время духовная составляющая общественного прогресса обнаруживает видимое отставание – это проявляется, в частности, в глобальных кризисах (утрата смысла жизни и осознания своего места в мире человеком, экологический, демографический кризисы, кризис межцивилизационных отношений и др.), в данный момент не нашедших своего решения, а лишь набирающих все большие масштабы.

Что возможно сделать в сложившейся ситуации? Выход видится отнюдь не в отказе от научно-технического прогресса и от предоставляемых им благ, а в «придании ему *гуманистического измерения*» [2, с. 44]. Дальнейшее развитие невозможно без пересмотра основополагающих ценностей и отношения к ним. Так, XXI век называют *веком гуманитарной науки*, причем без последней этого века может не быть вообще, что связано именно со значительным опережением научно-техническим прогрессом в сравнении с интеллектуальными возможностями и способностью каждого отдельного человека осмыслить их последствия для индивидуальной и социальной жизни [6, с. 223].

Формирование ценностей у человека происходит в процессе его социализации, и значительная роль в этом процессе отводится образованию. В свою очередь, в основе любого образования, а также социального, профессионального и культурного развития личности лежит ***знание***. Принятое в современном мире деление на естественнонаучное и гуманитарное знание возникло в западно-европейской науке еще в период Нового времени, и именно с этих пор с естественнонаучным знанием связываются абстрактность, экспериментальный базис теоретических положений и их дедуктивная выводимость, в то время как с гуманитарным – наличие субъективной компоненты и, порой, отсутствие четкой определенности положений. Современное, прежде всего, гуманитарное знание предназначено формировать культуру мышления и создавать возможности для гибкой ориентации в быстро меняющемся мире, самоопределения и самореализации в обществе, что вполне отвечает нашим реалиям. А формируемое им (гуманитарным знанием) гуманистическое миропонимание отсылает нас к определенной системе ценностей, которая реализуется в отношении человека к самому себе и окружающему миру (природному и социальному) [3, с. 99]. Вместе с тем гуманитарное знание предполагает в своем существовании диалог со знанием естественнонаучным, практическим, обыденным – иначе говоря, не существует без вовлечения в «свою» сферу знания «вообще».

Действительно, материальные блага создают комфорт и делают жизнь человека удобнее, однако в этих вещах зачастую «теряется» смысл его жизни. Иначе говоря, не происходит «очеловечивание этого прогресса» [5, с. 29]. И мы можем говорить об «истинности» происходящего прогресса лишь тогда, когда «техническая» и «гуманистическая» составляющие идут рука об руку. И обе эти составляющие требуют для своей полноценной реализации развития соответствующих навыков, способ-

ностей, умений, качеств и ценностных установок у личности. Именно *такое сочетание специальных* (технических и естественнонаучных) и *гуманитарных знаний* предполагается в рамках *инновационного образования*. Поскольку в современном обществе, характеризующемся постоянными изменениями, ускоряющимися темпами этих изменений и динамичностью социальной жизни в целом, значимой ценностью становится инновация, общество стоит на пороге преобразования института образования в институт ***инновационного образования***. Его основными *задачами* по отношению к личности являются:

- формирование стремления к личностному росту и развитию;
- формирование потребности в самореализации и самоактуализации; позитивная оценка своих способностей и вера в собственный потенциал; мотивированное отношение к своей профессиональной деятельности и стремление к ее развитию;
- формирование понимания современных социальных, культурных, политических и экономических реалий, умения выделять в них приоритетное;
- формирование способности к глобальному видению проблемы;
- формирование инновационности, креативности и открытости мышления и пр.

Необходимо отметить, что данные задачи реализуются в условиях *диалогичности* образовательного процесса и *совместного* характера деятельности (по получению знаний, приобретению навыков и развитию способностей) субъектов образовательного процесса.

Можно утверждать, что указанные задачи представляют собой «концентрат», выражающий ценности *техногенной* цивилизации, с одной стороны, а с другой – формирование данных способностей и навыков невозможно без включения *гуманистической* компоненты в образовательный процесс, поскольку, в свою очередь, *задачами образования* в рамках парадигмы ***гуманитарного знания*** являются:

- формирование интеллектуального кругозора, включающего как специальные знания в профессиональной области, так и общеобразовательные знания о природе и обществе;
- формирование культуры мышления, способности творчески мыслить и самостоятельно находить решения профессиональных и социальных проблем;
- формирование умения осознанного выбора, способности к осуществлению осознанной деятельности, умения принимать решения и нести за них ответственность;

● формирование способности «слушать» и «слышать» Другого, а также учитывать аргументацию оппонентов в своих суждениях и решениях;

● формирование способности к постоянному развитию и самосовершенствованию;

● формирование способности к адекватной ориентации в современном мире, поиску и пониманию связей между различными социальными, политическими, экономическими и прочими явлениями в целях предотвращения повторения ошибок, уже имевших место в истории [1, с. 38; 5, с. 30–31; 6, с. 225].

При этом принципиальным является способ передачи гуманитарного знания, который основывается на *демократическом* стиле отношений участников образовательного процесса, их уважительном отношении друг к другу и характеризуется *диалогичностью*.

Отсюда мы приходим к выводу о том, что значение гуманитарного знания и образования в формировании инновационной личности определяется самой природой гуманитарности и тем, как она влияет на становление духовно-нравственной культуры личности. Помня о значении слова «гуманитарный», мы понимаем существование связи между гуманитарностью, человеком и культурой.

Иными словами, ***значение гуманитарного знания*** проявляется в том, что оно:

● влияет на *становление духовно-нравственной культуры*. Учитывая тот факт, что культура представляет собой внегенетический механизм наследования социального опыта, а значит, подлежит изучению, осмыслению и усвоению, то гуманитарное образование, в свою очередь, предстает как феномен культуры и система духовно-практического освоения человеком реальности;

● влияет на *формирование самосознания личности* через усвоение программ социально-культурной деятельности. Так, мы понимаем, что процесс осмысления представляет собой не только усвоение духовно-нравственной культуры общества, но также и усвоение индивидом определенных программ социально-культурной деятельности, что связано с динамикой самоорганизации личности и направлено к базовым ценностным установкам, к центру «собирания» личности и ее самосознания. Т.е. одним из важных аспектов процесса осмысления является формирование самосознания личности, которое выступает не чем иным, как осознанием себя и своей деятельности в системе общественного разделения труда;

● способствует *развитию процесса целеобразования*. Если рассматривать развитие личности как процесс, который не сводится только лишь к освоению программ социальной деятельности, а также предполагает осознание себя как целостной системы социального опыта и собственных ориентаций в мире деятельности, то «взращивание» личности не может быть сведено лишь до «сообщения» знаний и обучения. Формирование личности непременно предполагает развитие процесса целеобразования, что возможно только с позиций гуманитарности;

● выполняет *функцию ценностно-смыслового самоопределения личности*. Становление целостной личности происходит с помощью механизма осмысления, а саму целостность определяют духовно-нравственная культура и развитое самосознание. Поэтому мы говорим о том, что гуманитарное образование выполняет функцию ценностно-смыслового самоопределения личности в процессе познания культуры и создания ее новых форм и в этой своей функции не имеет альтернативы;

● отвечает за *формирование целостности личности, способствуя ее саморазвитию и творчеству*. Формируемая гуманитарностью цельность личности выступает источником саморазвития и творчества – важных качеств инноватора, что обусловлено тем, что творчество «питается» от целостности личности, а не от отдельных ее компонентов;

● является *средством зарождения и развития мышления*. Диалогичность выступает в качестве структурообразующего элемента образования гуманитарного типа. Вместе с тем диалог можно назвать «всеобщим определением неделимых начал мышления» [4, с. 148], что и позволяет нам считать гуманитарность средством зарождения и развития мышления. Само мышление гуманитарно уже по своей природе, поскольку оно направлено к человеку и к диалогу с ним. А осмысление гуманитарного опыта сопровождается смыслопорождающей и смыслотворческой деятельностью и также способствует развитию творческого потенциала личности. Так, извлечение смысла в контексте собственной деятельности рождает в индивидуальном сознании своеобразный смысловой «сдвиг», необходимый для синтеза социального опыта и личных жизненных ориентаций, что и есть творчество, определяемое в данном случае как попытка выстраивания нового видения реальности. А так как творчество является важным компонентом научного поиска в процессе создания инновации, то в этой связи гуманитарность предстает как необходимый атрибут формирования инновационной личности;

● является основой мышления, *формирует рациональность*. Т.е. в процессе осмысления действительности происходит «расщепление» яв-

лений окружающего мира на составляющие элементы, выявляется их «скрытый схематизм», причем такое моделирование составных частей и элементов происходит всегда на рациональной основе, что восходит еще к античной идее «технэ» (представляющее собой как искусственное, так при этом и искусное, преобразование и воспроизведение действительности);

● формирует *инновационную способность личности*. Поскольку осознание сделанности в процессе осмысления является одновременно как осознанием рациональности сделанности, так и усвоением этой рациональности, то в этом смысле гуманитарность формирует инновационную способность личности;

● способствует *становлению инновационной экономики*. Формируя инновационную способность личности, гуманитарность тем самым способствует становлению инновационной экономики, которую можно представить как непрерывное развитие на основе создания новых форм культуры [4, с. 146–148].

Таким образом, можно обозначить *четко различимые связи* между ***инновационным образованием*** и ***гуманитарным знанием***, которое являет собой именно тот базисный элемент, без которого невозможен переход от имеющегося института образования к институту образования, с одной стороны, информационного общества, а с другой стороны, общества, способного видеть и оценивать результаты своей деятельности, задумываться о возможных последствиях, а также с ответственностью подходить к решению общемировых проблем и заботиться о будущем планеты и ее населении.

Литература

1. Ангеловский, А.А. Социально-гуманитарное знание как интеллектуальная основа профессионализма / А.А. Ангеловский // Сибирский педагогический журнал. – 2011. – № 5. – С. 33–44.
2. Другова, Е.А. Социогуманитарные аспекты инноватики в свете критики техногенной цивилизации / Е.А. Другова // Инновации в науке. – 2013. – № 16–2. – С. 40–46.
3. Резцов, А.С. Специфика формирования смысложизненных ориентаций личности в условиях гуманитарного образования / А.С. Резцов // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 2. – С. 99–101.
4. Рудаков, П.Г. Зачем инноватору гуманитарное образование? / П.Г.Рудаков // Высшее образование в России. – 2011. – № 5. – С. 146–149.

5. Тарасов, Б.Н. Значение гуманитарного знания в современном образовательном процессе / Б.Н. Тарасов // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – № 4. – С. 28–31.
6. Яхьяев, М.А. Гуманитарное знание и гуманитарное образование в России / М.А. Яхьяев // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2012. – Вып. 5. – С. 223–228.

Александр Мельников
(Беларусь)

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

The paper discusses the question what kind of knowledge should a contemporary person have to be able to solve problems of private and social life in the context of continuous social changes as well as the question how this knowledge may be presented in special Humanities courses and in the structure of professional training. It is common knowledge that the Humanities studies a human in his/her mental, ethical, cultural and social activities. Among them are philosophy, psychology, ethics, linguistics, history of literature and the arts, sociology, etc. One may draw the conclusion that the study of the Humanities is a human, one who studies them.

В данном докладе мне предстоит выяснить: какими знаниями должен обладать современный человек, чтобы успешно решать проблемы личной и социальной жизни в контексте непрерывных социальных изменений, и как эти знания могут быть представлены в специальных гуманитарных курсах, а также в структуре профессиональной подготовки? Известно, что гуманитарные науки – это дисциплины, изучающие человека в сфере его умственной, нравственной, культурной и общественной деятельности. К таким дисциплинам можно отнести философию, психологию, этику, лингвистику, историю литературы и искусств, социологию и т.д. Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что гуманитарные науки изучают самого изучающего, то есть человека.

Обратимся к истории. Хотя движение в сторону разделения знания на гуманитарное и естественнонаучное началось еще в античности, как целое оно оставалось гуманитарным, так же как гуманитарной была и система образования. Гуманитарием мог быть и античный математик,

и средневековый врач, и ренессансный астроном или инженер. Приведу в пример хорошо известный историко-культурный факт. Основой образования с конца античности и вплоть до Возрождения оставались «семь свободных искусств», знаменитые тривиум и квадриум. Они включали в себя грамматику, риторику, диалектику, геометрию, арифметику, астрономию и музыку. С привычной для нас точки зрения в этом перечне перемешаны не только гуманитарные и естественные науки, в него вторгается и искусство. Здесь особенно важно обратить внимание на то, что «семь свободных искусств» составляли единство взаимодополнительных частей, каждая из которых по-своему необходима человеку, помогает формировать единую картину мира и, что не менее значимо, готовит к выполнению своего жизненного предназначения. Целостность и своего рода антропоцентризм средневекового образования и делали его гуманитарным.

Если посмотреть на структуру гуманитарного знания в современном мире, то можно сделать вывод, что за последние тридцать лет она радикальным образом изменилась, выдвинув на первый план интердисциплинарные области. Между тем структура гуманитарного образования в Беларуси, а также в России по-прежнему соответствует той, что сложилась еще в конце XVIII – первой половине XIX века. В белорусском, как и в российском гуманитарном образовании нет не только ряда дисциплин, но и целых направлений образования, давно уже ставших неотъемлемой частью социогуманитарного образования большинства университетов Европы и Северной Америки. Это является основной проблемой, не позволяющей белорусскому гуманитарному образованию выйти на мировой уровень и делающей выпускников белорусских вузов в целом неконкурентоспособными на международном академическом рынке. Основанная на состоящем из набора обязательных дисциплин государственном стандарте, система высшего гуманитарного образования лишена необходимой гибкости, она оставляет вузам крайне узкое пространство для вариативности на основе творческого потенциала имеющихся научных школ.

Французский философ Мишель Фуко отчечал: «Человек построил свой образ в промежутках между фрагментами языка. Это тень, отбрасываемая человеком, вступающим в область познания, это и слепое пятно, вокруг которого только и можно строить познания». Смысл его высказывания я понимаю так: человек как главный объект гуманитарных наук не может быть опредмечен и уж тем более загнан в какие-то рамки своего бытия.

Я считаю, что физическая картина мира без гуманитарных составляющих – это как пустая комната с голыми стенами и холодными окнами. В физике выражение «белые дыры» используется для обозначения чего-то мнимого, в отличие от черных дыр, предполагаемых вполне реальными. Так как моя специальность в белорусском вузе непосредственно связана с физикой, то я могу с полной уверенностью сказать, что белых дыр не существует в природе, так как они бы нарушали второй закон термодинамики. Но, с точки зрения гуманитария, белые дыры все-таки существуют – не в природе, а в культуре.

Ни для кого не секрет, что у всех нас есть два полушария мозга: левое и правое. Левое отвечает за логику, анализ, именно оно анализирует все факты. Числа и математические символы также распознаются левым полушарием. Правое помогает создавать новое, генерировать идеи, интегрировать. Однако можно быть математиком с хорошо развитым левым полушарием и при этом ничего нового не придумать. А можно быть творцом и сыпать идеи налево и направо, и ни одну из них не реализовать из-за непоследовательности и нелогичности своих действий. Такие люди встречаются часто. И не хватает им только одного: работы над совершенствованием своего мозга, приведения его в гармоничное состояние. Психофизиологи уже давно разработали систему упражнений для гармонизации полушарий мозга. Хорошо в этом отношении музыкантам, например, пианистам. Им с раннего детства прививают гармоничное восприятие окружающего. Ведь самый главный инструмент для развития мозга – это руки. Действуя двумя руками, человек развивает оба полушария.

Но давайте поговорим о перспективах гуманитарных дисциплин, изучающих человека в сфере его духовной, умственной, нравственной, культурной и общественной деятельности. В XXI веке появляются, по крайней мере, в научно очерченной перспективе альтернативные виды разума и жизни: генопластика, клонирование, искусственный интеллект, киборги, андроиды, виртуальные миры, изменение психики, расширение мозга, освоение дыр (туннелей) в пространстве и времени. С развитием информационных технологий появилась возможность создания альтернативных, виртуальных, параллельных миров. Хорошим примером являются компьютерные игры. Каждая компьютерная игра – это маленький своебразный мирок, и в этом мирке действуют свои законы онтологии (бытия), эпистемологии (законы познания), свои законы судьбы, добра и зла, свое понимание взаимоотношения причин и следствий.

Наглядным примером выступает игра под названием «Вторая жизнь» (Second Life). Самым любопытным в этом проекте является даже не сам креатив, а потрясающее сходство игровых реалий с настоящей жизнью. Автор игры Филип Роздейл так и сказал однажды: «Я не игру создаю, а новое государство». Second Life – не столько игра в обычном понимании, сколько виртуальное пространство с определенными свойствами. Здесь нет необходимости зарабатывать очки, «прокачивать» своего персонажа, нет присущих обычным играм заданных сюжетом заданий. Вместо этого владельцы аккаунтов получают возможность выбрать наиболее приемлемый для них способ виртуального существования – участие в сообществах по интересам, создание виртуальных товаров, строительство, создание виртуальных предметов искусства, общение в чате или голосом, путешествия по многочисленным примечательным местам виртуального мира. Пользователи могут развлекаться различными сложными и мини-играми, взаимодействовать с окружением и свободно перемещаться по трехмерному миру. Имеются и серьезные «ролевые миры», требующие большой вовлеченности (например, сегмент Гор). В Second Life есть также виртуальная валюта под названием Linden Dollar (L$), которую можно получить, обменяв на настоящие деньги; предусмотрена также обратная конвертация, что создает возможность организации в Second Life вполне реальных бизнес-схем. Деньги нужны для покупки и продажи виртуальных товаров, в том числе виртуальной земли.

Таким образом, при создании самой маленькой, даже ничтожной, компьютерной игры – возникает философский вопрос: какова природа этого мироустройства? Философия так же, как и история, культурология, психология, социология, составляющая пласт гуманитарных наук, обретает в этих виртуальных, альтернативных мирах свое новое призвание: не просто осмыслять этот единственный мир, который уже был многократно переосмыслен философами, а закладывать основы новых миров.

Раньше, когда в нашем распоряжении был один-единственный мир, философия поневоле была умозрительной, отвлеченной наукой. Когда же с развитием компьютерной техники и физическим открытием параллельных вселенных открывается возможность других миров, философия переходит к делу, становится сверхтехнологией нового дня творения. Раньше философ говорил последнее слово о мире, подводил итог: Гегель любил повторять, что сова Минервы (богини мудрости) вылетает в сумерках. Но теперь философ становится «жаворонком» или даже «петухом», возвещает рассвет, произносит первое слово о прежде никогда не бывшем. При этом философия как наука о первоначалах, первоприн-

ципах уже не спекулирует о том, что было в начале, а сама закладывает эти начала, определяет метафизические свойства виртуальных, инофизических, инопространственных, инопсихических миров (от компьютерных игр до создания искусственного разума). Философия не завершает историю, не снимает в себе и собой все развернутые в ней противоречия разума, а развертывает собой те возможности разума, которые еще не воплотились в истории или вообще не могут исторически воплотиться, требуют построения альтернативных миров, осуществимых в иных, виртуальных формах бытия.

Гуманитарные знания важны не как самоцель, а как средство решения научных и практических задач. Достижения науки определяются не беспредельно растущими фактическими данными, материалом науки, а прежде всего умением решать научные проблемы. Будущее гуманитарных наук я вижу в развитии гуманитарных технологий, их взаимодействии с технологиями естественнонаучными, информационными, генетическими и прочими. И хотя идеи гуманизма имеют немалую историю, но общество, в котором эти идеи могут быть практически реализованы, – это дело будущего. Гуманистическое сознание людей как средство социальной ориентации – это не то, что позади нас, а то, к чему мы должны стремиться.

Литература

1. Гуманизм // Википедия, свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Гуманизм.
2. Гуманитарное знание сущность и функции / под ред. Г.А. Подкорытова. – Издательство Санкт-Петербургского университета, 1991.
3. Гуманитарное знание в контексте формирования инновационной культуры преподавателя: материалы науч.-практ. конф. молодых ученых и аспирантов, Минск, 25 мая 2007 г. / редкол.: В.И. Дынич [и др.]. – Минск: РИВШ, 2007.
4. Ключевский, В.О. Письма, дневники, афоризмы и мысли об истории / В.О. Ключевский. – М., 1968.
5. Левитская, И.В. Гуманитарное знание как социокультурное явление: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. философ. наук / И.В. Левитская. – Самара, 1998. – 22 с.
6. Мозги усохли? Общество, образование // Аргументы и Факты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aif.ru/society/education/40253.
7. Эпштейн, М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук / М. Эпштейн. – М.: НЛО, 2004.

Наталья Смирнова
(Россия)

ПОЛИТОЛОГИЯ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

This article considers the main aspects and problems of the development of political science in modern Russia. The author starts by discussing the conditions that affected the formation of political science in the USSR. Great attention is given to the situation with political education in contemporary Russia. Further the author describes the problems that in her opinion are a serious obstacle in the successful development of national political science. The author focuses on the necessity to conduct comprehensive work for «cross-dressing» political science in Russia. The main goal of this paper will be the development of the quality of training students and a new perception of political science in Russian society.

Термин «политология» в России служит дефиницией для отдельной сферы гуманитарного знания и тождествен западному термину «political science». В Российской Федерации политология обрела статус учебной дисциплины только на исходе XX века. В период существования СССР политическая наука не фигурировала терминологически, более того, политология признавалась «буржуазной лженаукой» [3, с. 28], и основой обществоведческого гуманитарного знания выступал марксизм-ленинизм. Правда, нужно заметить, что в 1955 г. была создана Советская ассоциация политической науки, представлявшая добровольное объединение изучающих политические вопросы исследователей. Учебный предмет «политология», введенный в конце 80-х гг. под влиянием перестройки, часто именуют не иначе как наследник «научного коммунизма». Многие известные сейчас в научном сообществе российские политологи являлись в свое время исследователями в области научного коммунизма

и переняли от него некоторые методологические традиции. Первая кафедра политологии в России была открыта в 1989 г. на базе Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (преобразована в факультет только в 2008 г.). В середине 1990-х на основе государственных стандартов высшего образования были сформированы структура и тематика самостоятельного базового учебного курса «Политология».

Специальность политолога становится в последнее время все популярнее среди абитуриентов крупнейших российских вузов. Конкурс среди абитуриентов, претендовавших на обучение за счет средств бюджета, на факультете политологии СПбГУ летом 2012 г. был один из самых высоких среди остальных 24 факультетов. Но в то же время статус политолога остается неопределенным, а порой даже дискредитируемым. В современной России политическая наука, по высказыванию Г. Лассуэлла, как «наука о политической власти», претерпела некую «ценностную» девальвацию: «политологом» могут именовать и политического исследователя, и политического комментатора, а также политического консультанта – «политтехнолога» [2]. В связи с этим политологи по-прежнему крайне слабо привлекаются к взаимодействию с государством на основах конструктивного партнерства и экспертной помощи.

Встает вопрос о способности политической науки в России занять собственную нишу в стройной системе гуманитарного образования, способности преодолеть статусный кризис и состояние инертности.

В связи с масштабом рассматриваемого вопроса предложить к обсуждению хотелось бы проблемы, связанные непосредственно с образовательным процессом по подготовке политологов, будущих теоретиков-исследователей и практикующих специалистов. К ряду таких проблем, на наш взгляд, относятся:

1. Роль иностранного терминологического аппарата. Обучение в магистратуре по образовательной программе «политология» ведущих российских университетов все больше происходит на английском языке. В 2013 г. СПбГУ заявил о введении собственной научной степени «доктор наук СПбГУ», для получения которой необходимо подготовить и защитить диссертационную работу на английском языке объемом не менее 300 страниц. Мы не выступаем против активного изучения иностранных языков, применения их в процессе подготовки студентов, наоборот, часто именно владение иностранным языком является важнейшим двигателем профессионального развития исследователя. Но время диктует российской политологии свои требования, включая выработку собственного адекватного терминологического аппарата, способного стать

основой для конструирования самостоятельных теорий и методологий. На данном этапе здесь наблюдаются значительные упущения, поэтому необходимо уделять пристальное внимание подготовке исследований на родном языке.

2. Игнорирование восточной политической науки при «гипердоминировании» американской и европейской политической традиции. Имеется в виду не столько профессиональная специализация, а общая подготовка студентов-политологов. Изучение восточной философии, восточной политической науки и восточных политических систем (в т.ч. управления) необходимо включить в образовательную программу в качестве проработанных, подготовленных с привлечением целой группы специалистов курсов.

В странах Востока политическая наука также развивается в общем русле, с учетом богатого наследия и современных разработок западной политической науки. Предоставление возможности подробно изучить политологию в этом направлении и, возможно, выбрать его в качестве своего профессионального будущего является важным компонентом качественного политологического образования.

3. «Рейтинговая гонка» университетов. Эта проблема отражается, в первую очередь, на общем состоянии российской политологии, уровне престижности ученых, индексах цитируемости (прим. *Индекс Хирша*), авторитете отечественных исследований. К примеру, одним из критериев для составления рейтинга университетов является число изданных монографий. Важен тираж, но ситуация складывается таким образом, что учитывают монографии тиражом от 500 экземпляров, а часто финансирование выделяется только на 100–200.

Еще одним показателем в ряде рейтингов является качество подготовки выпускников – их трудоустройство, профессиональный рост и т.д. К сожалению, представители преподавательской когорты говорят о некотором снижении общего уровня подготовки студентов, умственно-психологических способностей поступающих абитуриентов. В то же время во многих вузах страны рейтинговая система для студентов не применяется на практике, но именно она смогла бы частично решить проблему низкой учебной активности студентов, создать здоровую конкурентную среду с мотивацией к активному действию.

4. Медленный процесс институционализации. Говоря об институционализации, мы имеем в виду процесс создания отдельных кафедр и факультетов политологии в университетах нашей страны. На данный момент в России самые известные и авторитетные факультеты политоло-

гии готовят специалистов в МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ, НИУ ВШЭ, МГИМО. Приятно отметить, что Пермь в этом плане примеряет на себя роль нового регионального политологического сообщества. В остальном политология видится как курс для смежных дисциплин, целью которого является формирование у студентов общего представления о политической философии Платона и Аристотеля, формах государственного устройства и политической системе в течение одного семестра. Но, помимо этого, наблюдается еще одна тенденция – создание квазинаучных школ молодого политика, российской политики и т.д. с участием партийных деятелей. Создаются две параллельные реальности: с одной стороны, факультеты политологии, где как бы одна теория и никаких «секретов успеха», а с другой – школы молодого политика, где за три-шесть месяцев всем желающим раскроют основы успешной политической деятельности с учетом российской конъюнктуры.

5. Разрыв теоретического знания и прикладных исследований. Эта проблема имеет несколько аспектов. Во-первых, российские политологи часто стремятся закрыться от политической реальности, «заключить» свои научные интересы в сфере политической истории и философии, не связанной с эмпирической сферой. Это находит отражение и в процессе подготовки студентов. К примеру, на кафедрах факультета политологии СПбГУ списки тем, предлагаемых для написания курсовых работ, давно не обновлялись, и до сих пор студенты выбирают темы в стиле «Институт президента и его роль в политической системе России», «Парламентаризм в современной России» и т.д. Плюс этих тем в том, что они актуальны и уместны всегда, но вот насколько они помогают личностному росту студента как профессионала – говорить сложно.

Во-вторых, исследовательские методики и методологический аппарат недостаточно освоены политологическим сообществом в России, и процесс этот протекает довольно медленно. Лишь немногие российские кафедры политологии регулярно и в достаточном количестве проводят как прикладные, так и теоретические исследования социально-политической действительности.

В-третьих, преподаватели политологии часто не имеют доступа к новинкам специализированной политологической литературы в связи с отсутствием таковой в библиотеках. Использование новых материалов и методик его подачи при проведении лекций и семинаров – очень важный элемент политологического образования, так как оно должны быть таким же гибким и динамичным, как и его объект исследования. Кафедрам нужно максимально чутко реагировать на сигналы внешней среды,

поддерживать новые исследовательские направления своих студентов, организовывать научную работу на кафедре и факультете вообще, принимать участие в деятельности студенческих научных обществ.

И, в-четвертых, количество и качество прикладных исследований зависят от финансирования и определения тематики таких работ. Часто это отражает характер политической системы страны, когда политологи для получения ресурсной поддержки вынуждены выполнять исключительно государственный заказ, превращая политологию в «обслуживающую власть» науку. Заказы на экспертную оценку имеют шансы получить ограниченное количество групп политологов, представляющих конкретные факультеты и университеты. Особенно тесно сотрудничество государства, политических партий с политологическим научным сообществом проявляется в течение очередного электорального цикла.

Подводя итоги, нужно еще раз подчеркнуть, что процесс подготовки политологов на кафедрах и факультетах российских вузов и общее состояние политической науки в стране тесно связаны между собой и можно легко проследить их взаимовлияние. Безусловно, есть примеры подготовки талантливых выпускников, успешно защищающих собственные научно-исследовательские работы и строящих научную или профессиональную карьеру в сфере государственного управления, что может свидетельствовать о позитивных тенденциях трансформационных процессов в российской политической науке. Но пока это не является общей тенденцией, и перед отечественной политологией стоит ряд проблем, комплексное решение которых позитивно скажется на повышении уровня подготовки студентов, качестве прикладных политологических исследований и общем реформировании системы российской политологии.

Литература

1. Гуторов, В.А. Политическое образование и формирование гражданского общества: достижения, проблемы, перспективы (Опыт Санкт-Петербурга) / В.А. Гуторов, В.А Ачкасов // Университетское образование и гражданское общество. – Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2007.
2. Дульман, П. Прислушиваются ли в России к политологам? На вопросы корреспондента «РГ» отвечает президент фонда «Политика» Вячеслав Никонов / П. Дульман // Российская газета. Центральный выпуск. – 2006. – № 4084 (от 5 июня).
3. Партшкола МГУ // Ведомости. – 2009. – № 100(2370) (от 3 июня).
4. Учебник по политологии / под ред.: М.Н. Ненина, Е.И. Камышева, Н.К. Манькова, А.Г. Аникевича [и др.]. – М., 2007.

Вероника Демидко
(Литва/Беларусь)

ИНТЕРНЕТ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА

Today many universities provide educational courses in the Internet. Internet resources are used concurrently with full-time education and correspondence and distance learning. In this article, these internet resources are divided into two parts – specialized and non-specialized resources. Specialized resources are websites created for education through the Internet. Non-specialized resources are blogs, video hosting, social networking, and online games. The article shows the importance of specialized and non-specialized internet learning resources for education.

В современном мире образование начинает играть все более важную роль, и особенно ценным может выступить именно гуманитарное образование, поскольку только оно помогает сохранить современному человеку свое лицо в обществе социальной неопределенности и постоянно меняющихся идентичностей.

Католический философ начала XX века Р. Гвардини в своей работе «Конец нового времени» писал, что в обществе, в котором «человек попадает под власть Безличных Сил», главной задачей становится – «потеряв личность, все же сохранить свое лицо» [1, с. 130]. И именно здесь на помощь может прийти образование, в первую очередь гуманитарное, ведь именно гуманитарное образование способно помочь человеку задуматься о его жизни и о его месте в этом мире.

Многие исследователи отмечают важность гуманитарного образования для XXI века. Так, доктор философских наук Н.И. Латыш в своей работе «Образование на рубеже веков», написанной еще в начале 1990-х гг., среди принципов образования будущего, образования XXI века, выделял такие его принципы, как «расширение общечеловеческих ценностей

в содержании общего образования, отрицание командно-административного принципа и усиление автономии образования, а следовательно, отрицание тоталитарного образования и переход на эгалитарное» [4, с. 43]. О необходимости развития новой системы образования в те же годы пишет в работе «Образование в условиях меняющегося мира» исследователь Р.Р. Сингх, который утверждает, что образованию не следует ориентироваться на прошлое, а нужно быть связанным с определенной деятельностью, и перед учащимися стоит ставить задачи, требующие их разрешения в ходе учебного процесса. При этом особое внимание в таком практико-ориентированном образовании следует уделять «изучению мировой культуры и истории, но не как набору фактов и событий, а как логической системе, цепочке изменений в жизни человечества» [5]. При этом образование должно в себя также включать множество междисциплинарных связей.

Перечисленные характеристики образования – непрерывность, образование в течение всей жизни, междисциплинарность, ориентация на общечеловеческие ценности – указывают на тот факт, что такое образование не только должно включать в себя гуманитарные предметы, но и вполне может осуществляться посредством сети Интернет.

Стоит отметить, что неоднократно делались прогнозы о перспективности использования сети Интернет в образовательных целях. Так, «по данным аналитического центра IDC (США), динамика роста рынка образовательных ресурсов и услуг в сети Интернет является очень высокой, и в 2004 г. мировой объем этого сегмента рынка превысит 23 млрд дол. США. При этом 90% американских университетов и колледжей будут способны предложить реализацию моделей обучения через Интернет (e-learning) в 2005 г. Затраты высшего образования в США на приобретение средств и технологий сетевого обучения постоянно увеличиваются не менее чем на 10% ежегодно и составят к 2005 г. 5 млрд дол. По данным отчета Департамента образования США, более 50% университетов США оценивают эффективность дистанционного образования как “высокую” и “очень высокую”» [6, с. 35].

Интернет-ресурсы, используемые в образовательных целях, условно можно разделить на две группы: специализированные, то есть те ресурсы сети Интернет, которые изначально создавались для их применения в образовательных целях, и неспециализированные – ресурсы, при создании которых такой задачи изначально не ставилось.

Стоит отметить также, что образование в Интернете может проходить как параллельно с традиционной формой обучения, так и самосто-

ятельно, к примеру, в рамках заочного и дистанционного образования, внутрифирменного, спонтанного и некоторых других форм обучения. При этом использование интернет-ресурсов в образовании параллельно с очной формой обучения вызывает меньше всего вопросов, ведь в данном случае присутствуют и традиционные способы обучения. А вот использование интернет-ресурсов при образовании, к примеру, дистанционном, то есть в том случае, когда обучение осуществляется именно через данные интернет-ресурсы, является достаточно сложной темой в плане того, насколько существенна или же ее нет потеря связи между преподавателем и обучающимся. Возможно, в данном случае хорошим дополнением к исключительно дистанционному образованию могли бы стать очные семинары или же какие-либо другие формы офлайн-встреч в реальном мире преподавателей и обучающихся. Однако при этом стоит учитывать и тот факт, что преимуществом образования посредством интернет-ресурсов является возможность его получения параллельно с работой, при этом такое образование может быть доступно для обучающихся из любой местности, не требуя переезда на время получения образования.

Сегодня многие университеты и другие учреждения образования отдают предпочтение специализированным образовательным ресурсам, особенно при реализации программ как дистанционного, так и заочного обучения. Среди специализированных образовательных ресурсов в Интернете можно выделить сайты, создающиеся как университетами, так и коммерческими структурами и энтузиастами для изучения тех или иных курсов. При этом данные ресурсы могут использоваться как дистанционная система обучения для реализации полного образовательного цикла, так и курсов по отдельным предметам, к примеру, курсов в сфере IT или же бизнес-образования, а также являться средой для изучения иностранных языков. Стоит отметить, что в использовании интернет-среды в образовательных целях лидируют именно ресурсы, созданные для изучения иностранных языков, а также для получения образования в сфере IT, бизнес-образования.

Для организации подобного образования используются специализированные информационные системы или же оболочки обучения, например: WebCT, LearningSpace, ПО «Виртуальный университет» (http://www.openet.ru), Прометей (http://www.prometeus.ru), eLearning Server 300 [6, с. 66] и многие другие. Сюда же относится и виртуальная обучающая среда Moodle. При этом обучение посредством подобных систем позволяет организовать «предоставление материалов с постоянным

круглосуточным доступом, циклический, корректирующий контроль (промежуточные тесты, тренажеры), принципиальную корректировку работы обучаемого преподавателем. Могут быть реализованы одинаково успешно и групповая, и индивидуальная модели работы студента, но преимущественно групповая» [6, с. 47], что, несомненно, является плюсом подобного обучения.

Относятся к специализированным образовательным ресурсам сети Интернет и сайты, созданные для получения образования. К примеру, lingualeo.ru – весьма успешный проект, созданный для изучения английского языка. При этом данный ресурс в первую очередь предназначен для получения самообразования и является ярким примером того, как продуманная структура (в данном случае видео- и аудиоматериалы, словари, упражнения) может приносить результаты и работать без наличия преподавателя во время обучения. Что показывает еще одно преимущество образования в Интернете – при желании такое образование вполне можно получать самостоятельно, при этом преподаватели могут понадобиться только на начальных этапах обучения – для объяснения основ.

Стоит отметить, что сама структура, которая используется на ресурсе lingualeo.ru, может быть применена и для получения гуманитарного образования – тексты, разбитые по определенным разделам, пояснительные материалы к ним, словарики терминов, возможность общения с другими участниками обучения. В данную структуру также можно добавить блоги, и подобный ресурс может рассматриваться не только как образовательный, но и как клуб по интересам, площадка для общения на заданные темы (блоги, комментарии). То есть и образование, и в какой-то мере развлечение, или же полезное времяпрепровождение, однако эта тема уже выходит за рамки данной статьи.

Впрочем, стоит отметить, что, кроме специализированных образовательных ресурсов, в сети Интернет существуют и неспециализированные, изначально не предназначенные для данных целей ресурсы.

Как отмечает исследователь С.Л. Тимкин в работе «Вводный курс в информационно-образовательную среду открытого образования», помимо специальных образовательных ресурсов, сам Интернет выступает в качестве образовательной среды.

«С образовательной точки зрения Интернет – это всемирная библиотека информации, включающая:

1. Информационные источники (ресурсы), расположенные на многочисленных серверах;

2. Средства их поиска (поисковые системы и порталы);

3. Средства доставки (средства телекоммуникации);

4. Средства общения между пользователями (форумы, чаты и пр.).

Данное перечисление показывает, что Интернет – это типичная (но глобальная) информационно-образовательная среда, он сам по себе является отдельным образовательным феноменом. Ведь многие определяют университет – типичную образовательную структуру – как библиотеку плюс помещения для занятий и прочие обслуживающие элементы, ставя на первое место именно библиотеку как информационно-коммуникационную среду» [6, с. 57].

И в данном вопросе С.Л. Тимкин близок в своем определении сети Интернет к определению Интернета, которое было дано католической церковью, – Интернет является сокровищницей человеческого знания. Определение С.Л. Тимкина интересно и тем, что в сети Интернет он видит структуру, подобную структуре университета, и тогда возникает весьма интересный вопрос: может ли Интернет в будущем претендовать на замену традиционных университетов?

Однако, как очевидно из отмеченного выше, Интернет может являться сам по себе образовательной средой, а не только лишь та его часть, которая включает в себя специальные ресурсы, созданные для получения образования.

Как отмечает О.А. Клименко в работе «Социальные сети как средство обучения и взаимодействия участников образовательного процесса», преимуществами использования социальных сетей в образовательном процессе, к которым также относит и блоги, являются:

1. Привычная среда для учащихся.

2. В социальной сети человек выступает под своим именем-фамилией.

3. Технология Wiki позволяет всем участникам сети создавать сетевой учебный контент.

4. Возможность совместной работы.

5. Наличие форума, стены, чата.

6. Каждый ученик-участник может создать свой блог как электронную тетрадь.

7. Активность участников прослеживается через ленту друзей.

8. Удобно использовать для проведения проекта.

9. Подойдет в качестве портфолио как для ученика, так и для учителя.

Отмечается и положительный опыт использования Facebook. Так, данная социальная сеть, к примеру, позволяет «преподавателям университетов создавать курсы для студентов» [2].

Полезным для обучающихся может оказаться и участие в профессиональных сообществах – к примеру, в специализированных форумах, на которых общаются специалисты в той или иной области.

Еще одним неплохим средством обучения может стать блог. При этом блог может вести как преподаватель, публикуя на нем определенные материалы, интересные для обучающихся, так и сами обучающиеся. В первом случае активность обучающихся может сводиться к комментированию записей преподавателя, во втором – записи обучающихся могут комментироваться как преподавателем, так и сами обучающиеся могут участвовать в дискуссии по какой-либо теме.

Также в образовательных целях успешно могут быть использованы компьютерные игры, к примеру, игра Second Life, которая в частности используется для успешного обучения будущих переводчиков, о чем пишет в своей работе «Immersive learning: практическая организация и педагогическое осмысление» Г.М. Концевая. При участии в данной игре обучающиеся погружаются в саму среду, они уже не просто получают знания, но и активно используют их на практике.

Не стоит забывать и об интернет-библиотеках, журналах и новостных ресурсах, которые существуют в сети Интернет, а также о блогах, которые ведутся профессионалами в той или же иной сфере деятельности и которые также могут быть использованы при обучении в качестве источников информации для обучающихся.

Образование посредством сети Интернет может осуществляться в самых различных формах – начиная от специализированных ресурсов, созданных специально для организации учебного процесса, и заканчивая самыми различными неспециализированными, изначально не предназначенными для получения образования ресурсами. На сегодняшний день существует и используется на практике множество средств для реализации образования в сети Интернет, при этом как специализированных, так и иных. Однако данные средства не всегда взаимодействуют друг с другом, при этом использование в образовании неспециализированных средств не столь широко распространено, как хотелось бы, несмотря на присущий им образовательный потенциал.

Литература

1. Гвардини, Р. Конец нового времени / Р. Гвардини // Вопросы философии. – 1990. – № 4. – С. 127–163.
2. Клименко, О.А. Социальные сети как средство обучения и взаимодействия участников образовательного процесса / О.А. Клименко // Теория и практи-

ка образования в современном мире: материалы Междунар. заоч. науч. конф. Санкт-Петербург, февраль 2012 г. – СПб.: Реноме, 2012. – С. 405–407.

3. Концевая, Г.М. IMMERSIVE LEARNING: практическая организация и педагогическое осмысление / Г.М. Концевая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gisap.eu/ru/node/4202. – Дата доступа: 07.04.2013.
4. Латыш, Н.И. Образование на рубеже веков / Н.И Латыш. – Минск, 1994. – 155 с.
5. Сингх, Р.Р. Образование в условиях меняющегося мира / Р.Р. Сингх // Перспективы. – 1993. – № 1.
6. Тимкин, С.Л. Вводный курс в информационно-образовательную среду открытого образования (ИОС ОО): учеб. пособие / С.Л. Тимкин. – Омск: Издательство ОмГУ, 2005. – 136 с.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ

Анна Холод
(Литва/Беларусь)

ТУРИЗМ КАК СОВРЕМЕННЫЙ ПРОЕКТ АВТОНОМИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

For a long time the phenomenon of tourism has been regarded as an economic one. Since the second half of the 20th century during the transition from industrial to information society the phenomenon of tourism has started to be also considered as a social one. Thus, this paper is an attempt to link tourism with the ideas of social theory in order to show that tourism is not only an entertainment industry but also a way of identity formation. And as the key issue of this problem is the relationship of power and knowledge, a promising way to change this in favor of autonomy is the development of a virtual guest network, Couchsurfing.

В настоящее время существует многообразие проектов автономии, которые направлены на то, чтобы сделать нас современными. В экзистенциальном понимании быть современным означает понять себя и других в мире.

«Путешествовать полезно», – так говорил Рене Декарт в своей работе «Рассуждения о методе» [3, с. 10], чьи размышления о радикальном сомнении и мыслящей вещи становятся отправной точкой отсчета для новых размышлений о свободе и автономии. Но путешествовать – приравнивается к тому, что мы станем чужими для себя, для своей страны. Именно поэтому туризм, как частный случай путешествий, имеющий четкие ограничения из общности понятия, может помочь нам стать современными.

Сегодня практика «телесных» перемещений достигает огромных размеров. Это приводит к тому, что потоки путешественников изменяют текстуру пространства, влияя на «пространственный континуум» современного общества, вызывая «ощущение сжатия пространства» [2, с. 24]. Под

телесным понимается «живое», или «физическое», перемещение людей в отличие от виртуального перемещения, включающего просмотр фильмов и путешествия по телевизионным программам или в Интернете.

Туризм – это досуговая активность, которая противопоставляется практике повседневной жизни и предполагает под собой регулируемую и организованную работу.

Понятие туризма сочетает в себе два компонента – удовольствие и познание, которые являются важными физиологическими потребностями человека. Индустрия досуга позволяет получить удовольствие от познанного в отдыхе путем визуального потребления культуры и пространства. Для объяснения того, каким образом происходит потребление пространства в контексте массового туризма, Дж. Урри вводит термин-метафору «туристский пристальный взгляд», что подразумевает под собой совокупность познавательной деятельности, а также ее отличительные особенности, является своего рода рамкой, которая высекает нечто из окружающего мира по определенным правилам.

Универсального пристального взгляда для всех туристов во все времена не существует, так как способ визуального восприятия зависит от нескольких факторов: общество, принадлежность к определенной социальной группе и историческому периоду.

Отправляясь в путешествие, туристы ожидают увидеть что-либо отличное от их повседневного окружения и ежедневных практик. Так, по мнению Урри, именно разочарование заставляет людей постоянно находиться в поиске новых образов и мест. В фильме «О чем молчат девушки» (2013 г.), когда девушки сбегают из Москвы в Испанию, чтобы забыть о своих проблемах, использовалась фраза «Проблемы как бы там, а мы как бы тут». Таким образом, мотивом поездок выступает смена обстановки, так как для современного туриста ключевым фактором являются впечатления. «Под туристским впечатлением понимается комплекс положительных эмоций и душевного состояния туриста, возникающий или достигнутый им в результате потребления туристского продукта» [5, с. 19]. Таким образом, экскурсии, посещение природных ландшафтов, аттракционов и ресторанов создают туристские впечатления.

Места туристского взгляда выбираются исходя из ожиданий, особенно из фантазий туриста. Такие ожидания выстраиваются на нетуристических практиках, которые составляют закрытую нескончаемую систему иллюзий, предоставляющую туристам основу выбора и оценки потенциальных мест, задают имиджевый маршрут путешествия: среди них литература, фильмы, журналы, фотографии. В этом случае можно

сказать, что туристскому взгляду присуща форма статичности. К примеру, фотография фокусирует наш взгляд на искусство через призму взгляда автора, формируя наши желания на основе искусственных универсальных образов. На основе этих образов у туристов возникает желание посетить конкретное место и сфотографироваться там, что будет служить доказательством причастности. Таким образом, процесс фотографирования становится своеобразным двигателем всего туристического бизнеса. Не напрасно бытует стереотип, что человек с фотоаппаратом на шее – это непременно турист.

Сегодня туристические объекты обозначаются рядом установленных знаков и понятий, полученных из различных дискурсов туризма и путешествий. Так, туризм представляет собой целую коллекцию знаков. «Знаки, символы феномена туризма конструируются на основе бинарного разделения повседневного и экстраординарного» [8, с. 369]. Туристский объект становится привлекательным не сам по себе, а как знак особенности. Туристы постоянно находятся в поиске признаков французскости, типичного итальянского поведения и т.п. «Турист, дешифруя закодированные смыслы туристской достопримечательности, встает на путь семиотики» [2, с. 23]. Как утверждает Куллер, «туристы интересуются всем как знаком самих себя» [3, с. 3]. Сегодня туристы – это агенты семиотики: во всем мире они занимаются «чтением» городов, пейзажей как знаковых систем.

Профессионалы в сфере туризма, к примеру, экскурсоводы, обладая властью, задают алгоритм восприятия действительности. Власть и знание, если следовать Фуко, – это две стороны одной медали. Экскурсовод обладает знанием, которое передает экскурсанту через непосредственную коммуникацию с ним. Этот процесс коммуникации уже и является определенной формой власти. Таким образом, экскурсовод направляет туристский взгляд на объекты, определяя не только то, на какие объекты необходимо смотреть туристам, но и то, каким образом на них нужно смотреть, что чувствовать при осмотре того или иного объекта.

В прошлом году я проводила экскурсию по Вильнюсу под названием «Туфля Адама Мицкевича». Рассказывая о памятнике Адаму Мицкевичу на улице Майроне, я, как экскурсовод, воспользовалась «властью», задала образ этой скульптуры таким образом, что Мицкевич предстал перед экскурсантами молодым человеком времен филоматской университетской юности, задумчивым и одухотворенным, так, что это впечатлило экскурсантов. Следовательно, было бы иное проявление власти, были бы и иными знания и впечатления. Маршрут экскурсии был спланирован заранее, таким образом, туристский взгляд был направлен на те объ-

екты, которые были указаны в методической разработке. Как результат, реальный Вильнюс находился за вуалью.

Еще один используемый термин-метафора, или, я бы сказала, термин-баррикада, – «туристские пузыри» – окружающая среда, созданная специально для удовлетворения туристских потребностей. Это так называемое пространство, которое изолирует от внешней среды и местных жителей, располагая туриста в центре строго ограниченного мира, является своего рода тюрьмой. Так как турист не может напрямую познать «реальность», ведь его постоянно защищают от «странностей» внешнего мира туристские агенты, курьеры, управляющие отелей, ограничивая пляжем, отелем и некоторыми утвержденными объектами туристского интереса. Таким образом, «туристские пузыри» создаются для упорядоченности и контроля над взглядом туриста, оказывают воздействие на приезжающих. Изоляция от окружающей среды и местных жителей вынуждает туриста, путешествуя в управляемых группах, находить удовольствие в неаутентичных объектах и довольствоваться так называемыми «псевдособытиями», становясь жертвой «постановочной аутентичности».

Наряду с формированием искусственно созданных зон, обращаясь к проблеме «знание и власть» [6, с. 2], туризм обвиняют в том, что он не способен гарантировать получение аутентичного опыта.

Маккенел считал, что поиск аутентичности является мотивом к путешествию, т.к. турист хочет увидеть «реальный мир», пожить с местными жителями, на такой поиск туристов толкает неаутентичность и отчужденность современности.

Основой «постановочной аутентичности» Маккенела стала концепция И. Гофмана. «Социальное пространство разделено на две части: “сцену” и “закулисье”» [7, с. 590]. Сцена представляет собой место собрания хозяев и гостей, клиентов и обслуживающего персонала – к таким местам относятся приемные, офисы. К «закулисью» И. Гофман относит такие пространства, как кухни или котельные, служебные туалеты. То, что происходит на «сцене», считается фальшивым, в то же время «закулисье» скрыто от глаз зрителей, и поэтому то, что в нем происходит, считается более реальным и аутентичным. Туристам кажется, что они попадают в «закулисье», на самом же деле это просто хорошо декорированная сцена, которая создает иллюзию «закулисья». Таким образом, «постановочная реальность» является специально созданной «новой реальностью». В данном случае получение туристской подлинности становится невозможным. Но для современных туристов это не играет

большой роли, так как они сегодня хотят получить опыт экзистенциальной аутентичности, который относится к туристскому впечатлению, полученному от занятия туристской деятельностью.

Термин «экзистенциональной аутентичности» был введен Вонгом. Это такая аутентичность, которая относится к туристскому впечатлению, полученному от знания туристской деятельности, в результате чего турист приближается к экзистенциональному состоянию Бытия. Для получения такого впечатления не обязательно наличие аутентичных объектов. Испытывая такой туристский опыт, люди чувствуют себя аутентичными и более свободными в собственном выражении, чем в повседневной жизни. Происходит это не по причине того, что посещаемые ими объекты аутентичны, а потому, что они участвуют в неординарных мероприятиях, свободных от ограничений каждодневной жизни.

В своей работе Бауман, анализируя фигуры паломника, бродяги, игрока, фланера и туриста в философско-исторической перспективе, «показывает, что они выполняют роль ярких парадигмальных образцов культурного пространства и идентичности» [2, с. 25]. Но если паломник – это метафора для модерной эпохи, то гуляющий, бродяга, турист и игрок являются метафорами для постмодерна. Все эти фигуры отличаются друг от друга и содержат определенную долю амбивалентности. В каждой из этих личностей находится определенный способ объяснения печально известной неугомонности, изменчивости и неуверенности в практикуемых жизненных стратегиях. К примеру, туриста Бауман определяет как субъекта, подобного бродяге. Уподобляясь бродяге, турист постоянно находится в движении, так как «находит доступный мир неотразимо привлекательным» [1, с. 52]. Но турист движется не по-настоящему. Он всегда возвращается домой, а именно это и важно для того, чтобы быть современным. Ведь целью туриста является получение нового опыта, который в будущем он сможет применить.

***

Современный мир предлагает новые способы путешествия. К примеру, проект «Couchsurfing», который на сегодняшний день является наиболее популярной виртуальной гостевой сетью и объединяет более 6 миллионов человек, представляет собой веб-сайт, на котором зарегистрированы люди из разных стран мира, готовые бесплатно предоставить жилье и оказать помощь друг другу во время путешествия.

«Опыт участников проекта “Couchsurfing” существенно отличается от опыта массовых туристов» [4, с. 8]. Главной характеристикой массового туризма является визуальное потребление культуры, а визуальность конструируется в первую очередь с помощью технологии «пристального» взгляда. Массовый туризм – это всегда организованная и регулируемая деятельность, которая осуществляется профессионалами в сфере туризма, которые в свою очередь защищают туристов от реального мира, помещая в «туристские пузыри», таким образом, производя контроль над туристским опытом. Изолированное от местных жителей и окружающей среды массовое общество туристов не получает аутентичного опыта. Массовый туризм рассчитан на потребителей, которых можно охарактеризовать как анонимных туристов, которые в свою очередь интересуются по большей части достопримечательностями. И, таким образом, массовый турист перемещается по монотонному миру.

В отличие от массового туризма участники «Couchsurfing» являются активными участниками и создателями своего туристского опыта. Целью участников виртуальной гостевой сети является не только осмотр достопримечательностей, но также и коммуникация с жителями другой страны. Посетители не только получают «диван» у местных жителей, но и проводят с ними бо́льшую часть времени, что позволяет участвовать в повседневных делах, устанавливать тесный контакт с местными жителями, это дает возможность ближе познакомиться с культурой и бытом местного населения. Роль экскурсовода выполняют, как правило, местные жители, которые стараются показать не только основные туристические достопримечательности, но и те места, которые не доступны для массового общества туристов, так как не указаны в путеводителях. Важно определить, что участники также могут самостоятельно знакомиться с городом, предварительно взяв указание у местных жителей. Останавливаясь у местных жителей, путешественники получают доступ к скрытым местам. В данном случае имеется в виду, что они попадают в дом к местным жителям.

В 2013 г. я с другом отправилась в город Порту (Португалия), используя проект «Couchsurfing», предварительно зарегистрировавшись на сайте данного проекта, заполнив общую информацию и отослав письма 10 пользователям гостевой сети этого города. На мое письмо положительно откликнулся местный житель Порту Pedro Secia, у которого мы остановились на два дня. За это время мы узнали много интересной и полезной информации о Португалии. К примеру, ездить автостопом по Португалии очень сложно из-за случаев нападения автостопщиков на

водителей. Мы также узнали, что имена у португальцев могут включать до пяти имен: это первое имя, имя твоего отца, деда или даже местность. Мы также рассказали ему о нашей стране. Pedro быстро сориентировал нас на местности. Когда на следующий день он отправился на работу, мы отправились гулять по городу Порту. Мы сами составили себе маршрут, смотрели то, что хотели, и не были ограничены во времени.

На следующий день мы поехали в ресторан «O Baptista do Bacalhau», расположенный в городе Авейру. Этот ресторан посещают исключительно местные жители, там мы попробовали национальные блюда (рыбу, бутерброды с треской) и портвейн. Мы посетили ресторан в обеденное время и были удивлены, что там было многолюдно и шумно. И что больше всего меня удивило – это маленькие дети в ресторане.

После нашей поездки мы оставили позитивный отзыв Pedro на платформе сети Couchsurfing. Но на этом наше общение не закончилось. Мы продолжаем общаться.

Таким образом, различия между опытом массового общества туристов и участниками проекта «Couchsurfing» очевидны, поскольку последних можно охарактеризовать как свободных, современных туристов.

***

Подводя итог, следует сказать, что глобальные туристские потоки влекут тотальное освоение культурного пространства. Туризм как частный случай путешествия знакомит с культурой разных народов, что позволяет здраво судить о нашей культуре. Турист, пребывая в различных дестинациях, сравнивает социокультурные системы, проводит тем самым компаративный анализ образов неизвестных культур. Ценность путешествия важна как экзистенциальный опыт познания и сравнения культурного пространства различных культур. Так, феномен туризма предполагает свободу выбора, свободу выбора передвижения, свободу выбирать из всего многообразия социокультурного быта человечества. Тем самым, мы можем понять себя и других в мире. Таким образом, туризм является перспективным проектом автономии.

Литература

1. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман. – М.: Издательство «Весь мир», 2004. – 188 с.
2. Гализдра, А.С. Феномен туризма: социально-философский анализ: дис. канд. философ. наук: 09.00.11 / А.С. Гализдра. – Саратов, 2006. – 136 с.

3. Декарт, Р. Рассуждения о методе / Р. Декарт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://constitutions.ru/archives/5796. – Дата доступа: 01.05.2013.
4. Луневич, И. Феномен аутентичности в современном индивидуальном туризме на примере проекта «Couchsurfing» / И. Луневич // Европа-2012: глобальное и локальное / под ред. Г.Я. Миненкова. – Вильнюс: ЕГУ, 2013.
5. Социология производства и потребления услуг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ssa-rss.ru/files/File/congress2012/part68.pdf. – Дата доступа: 02.05.2013.
6. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко [Электронный ресурс]. – М., 1999. – Режим доступа: http://philosophy.ru/library/foucault/03/fuko_oglavlenie.html. – Дата доступа: 03.04.2013.
7. Maccanell, D. Staged Authenticity: Arrangements of Social Space in Tourist Settings / D. Maccanell // The American Journal of Sociology [Electronic resource]. – 1973. – Vol. 79, № 3. – P. 589–603. – Mode of access: http://www.travel-studies.com/sites/default/files/MacCannel%20Staged%20Authenticity.pdf. – Date of access: 14.04.2013.
8. Mccanell, D. Tourist Agency / D. Mccanell // Tourist Studies [Electronic resource]. – 2001. – № 1. – P. 366–379. – Mode of access: http://moodle.ehu.lt/file.php/352/Seminar_4/MacCannell_Tourist_agency_s366-379.pdf. – Date of access: 18.04.2013.
9. Urry, J. The tourist gaze / J. Urry. – London: Sage, 2002. – 171 p.
10. Wang, N. Rethinking Authenticity in Tourism Experience / N. Wang // Annals of Tourist Research [Electronic resource]. – 1999. – Vol. 26, № 2. – P. 349–370. – Mode of access: http://www.depts.ttu.edu/museumttu/CFASWebsite/H7000%20folder/Readings%20Heritage%20Tourism%202010/Heritage%20Authenticity_Wang%201999.pdf. – Date of access: 14.04.2013.

Тамара Луцкая
(Литва/Беларусь)

ВЛИЯНИЕ МУЗЕЕВ НА РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: НА ПРИМЕРЕ МУЗЕЕВ ЛИТВЫ И БЕЛАРУСИ

The museum was firmly involved in the cultural life of citizens and has become one of the places of spending free time. However, there is a problem that museum is perceived as a static institution which is only keeping memory about historical artifacts; the phenomenon of the museum is challenged. That is why there is a need to rethink the relationship between museum and society. The relevance of this research topic is due to transformations in the cultural, historical, political and ideological perceptions and people's understanding of the modern world. This circumstance creates the need to revise the concept of «museum», museum's relations with society, its role in the socio-cultural life and influence on the development of national consciousness of citizens. Today the museum is changing along with society, which is reflected in its structure, and principles of internal and external activities. Consequently, the museum is involved in the social life of the citizens no less than citizens are involved in the activities of the museum. This article contains the results of research of the role of museums in the development of civil society on the example of two museums: Minsk regional museum in Molodechno (Belarus) and Museum of Genocide Victims in Vilnius (Lithuania).

Музей прочно включился в культурную жизнь граждан и стал одним из мест проведения свободного времени. Однако зачастую музей воспринимается как статичный институт, лишь сохраняющий память об артефактах истории, поэтому феномен музея ставится под вопрос. В итоге на передний план выходит необходимость переосмысления взаимоотношений между музеем и обществом.

Актуальность темы исследования обусловлена трансформациями в культурных, исторических, политических и мировоззренческих восприятиях и осмыслениях людьми современного мира, что создает необходимость пересмотра самого понятия «музей», его взаимоотношений с обществом, роли в социокультурной жизни и влияния на формирование национального самосознания граждан.

Успешное развитие гражданского общества подразумевает наличие самостоятельных и независимых социальных, культурных и политических институтов, объединений и движений, органов самоуправления, свободной экономики, рыночных отношений и плюрализма форм собственности, реального функционирования различных свобод, в том числе печати и самовыражения. То есть условий, которые обеспечивают удовлетворение потребностей граждан, их социальные нужды и заинтересованность в различных сферах общественной жизни, включающих, в том числе, социальную и культурную активность, и которые содействуют достижению целей всестороннего развития личности в обществе.

Процессы, происходящие в социальной и культурной жизни общества, привели к развитию музея и переосмыслению его сущности. Коммуникация стала рассматриваться как ведущая функция музея. Музей, подвергаясь глобальным и локальным трансформационным тенденциям, становится одним из главных социокультурных центров не только в сохранении и представлении историко-культурного наследия, но также центром научной деятельности, образования, воспитания и организации свободного времени. Расширяя свое участие в жизни граждан, музей оказывает на них непосредственное влияние, способствуя формированию и развитию общества с определенными традициями и ценностями.

С одной стороны, музеи создаются заинтересованными людьми для сохранения культурной и национальной идентичности, с другой стороны, служат для ее же осознания и развития. Музеи превращаются в «места памяти», которым общество доверяет хранение особенностей конкретных поколений. Музейные предметы превращаются из статичных экспонатов в объекты истории, культуры и быта, которые несут в себе определенную символическую нагрузку, приобретают свойства архивов, свидетельств истории прошлого и настоящего, показывающих ракурсы развития будущего. Они становятся сокровищницами коллективной памяти, полноценной и неотъемлемой частью жизни общества, воплощают функцию укрепления взаимосвязей между поколениями, вырабатывают чувство гордости и единства, показывают моральные основы общества.

В современном мире музей изменяется вместе с обществом, что отражается в его структуре, принципах внешней и внутренней деятельности. Следовательно, музей включен в социальную жизнь граждан не менее, чем граждане в деятельность музея. Поэтому он влияет не только на форму организации культурного просвещения, но также на развитие гражданского общества в целом. Можно выделить следующие факторы влияния музея на гражданское общество:

1) выполнение музеем функции места памяти;

2) создание музеев местными сообществами и членство в них музейных сотрудников;

3) взаимодействие музея с государством по горизонтальному принципу;

4) деятельность вне и внутри музейных общественных ассоциаций;

5) неформальное образование.

Это ключевые факторы, которые могут оказать воздействие на процесс развития гражданского общества в рамках его взаимодействия с культурными институтами, актуальность чего в наше время все более возрастает, что связано с поиском новых форм выражения самосознания в быстро меняющемся мире. Музеи способствуют более глубокому пониманию своей истории, национальной и этнической идентификации граждан, расширению культурных границ гражданского общества. Для выполнения этих функций большое значение имеет заинтересованность граждан в создании и существовании музея как общественно функционирующего института, достичь чего возможно при активном участии местных сообществ. Привлечение к деятельности музея локальных сообществ или создание ими же музеев наполняет его концепцию реально существующими интересами и потребностями общества, а также позволяет придать музейным предметам символический смысл и превратить их в репрезентантов не только фактов истории, но и отразить понимание, установки, взгляды, систему ценностей граждан. Сотрудники музея, состоящие в местных ассоциациях и представляющие их интересы, помогают установить более тесную связь между посетителем и экспонатами, повышают уровень коммуникации, что вырабатывает осознание личной связи с музеем, способствует самоидентификации.

Музей расширяет свое социальное влияние, а вследствие этого возникает необходимость переосмысления его места в структуре современных процессов развития общества и потребности в нем как институте неформального образования. Так, практика использования музейных предметов и коллекций для обучения студентов, применявшаяся еще

в XVII веке, породила развитие образовательной деятельности музея как социального института. Приобщая к своей деятельности как можно больше людей различных специальностей, творческих и научных объединений и движений, музей расширяет свои возможности, превращаясь из замкнутого в себе заведения в мультифункциональный культурный центр, одним из примеров которого может быть всемирно известный национальный Центр искусства и культуры им. Ж. Помпиду.

Взаимодействуя с различными ассоциациями и объединениями, музей увеличивает охват аудитории заинтересованных лиц, укрепляет свое положение в обществе, позволяет обществу участвовать в конструировании исторического, национального и социокультурного пространства, расширяет перспективу неформального образования, укрепляет общественные связи, формирует определенный тип самосознания. Музей дает обществу возможность образования, обучения и воспитания, то есть многостороннего развития и формирования личности.

Важным аспектом в возможности влияния музея на развитие гражданского общества является непосредственно то, чем он предстает перед обществом, что в себе заключает, посредством чего и как свое содержание репрезентирует, однако в данной позиции главными субъектами являются те, кто эту деятельность осуществляет и поддерживает функционирование данного учреждения. То есть музей вливается в жизнь общества, предлагая ему свою идеологию, обращаясь в этом к помощи команды, работающей в нем.

Одна из проблем современных музеев заключается в том, что люди, которые в нем работают и которые должны поддерживать его жизнедеятельность, испытывают творческий кризис, что непременно отражается на интерпретации коллекций. Задача музея – служить обществу и своей публике. В исполнении этой задачи важную роль играют именно работники музея, которые должны репрезентировать экспонаты таким образом, чтобы публика сама искала ответы на возникающие вопросы посредством коммуникации с объектами музея, познания и осознания смысла представленных вещей. Задача работников – менять свое мышление таким образом, чтобы музей становился динамичным и выводил на рефлексивное и критическое отношение к представленным в нем экспонатам.

Музей (включая и его работников) должен быть открытым к сотрудничеству и взаимодействию не только с профессионалами, учеными и историками, но и художниками, оформителями, искусствоведами, коллекционерами и просто добровольцами. Не менее важно, чтобы это со-

трудничество проходило на равных – в таком случае музей может развиваться и интегрироваться в общество, а общество – в музей.

Изменения, происходящие в обществе, находят свое отражение и в изменениях музейных экспозиций и трансформации деятельности музея в целом. Это касается политических, социальных и экономических преобразований, изменения стиля жизни, развития технологий и переоценки ценностей. Все эти явления могут оказать как положительное, так и отрицательное влияние, и они же показывают связь музея с обществом.

Музей, являясь общественным институтом, не может уклониться от взаимодействия с государством, что выступает естественным процессом. Проблема заключается в том, насколько это взаимодействие либерально и является ли оно сотрудничеством или борьбой.

В данном вопросе показателен пример Советского Союза, где все музеи должны были отражать и подчиняться одной выстроенной линии политического направления и превратились в инструмент пропаганды. Деятельность музея контролировалась «сверху», поступали конкретные приказы, какую идеологию должны распространять музеи, как нужно действовать музейным работникам и каким рекомендациям подчиняться. О самостоятельных и независимых проектах речь идти не могла.

Государство зачастую смотрит на музей как на идеологическое учреждение, музей же хочет быть творческим и независимым, открытым и готовым к сотрудничеству. Непосредственная связь музея и общества проявляется в том, что полноценная музейная коллекция может быть создана не по приказу, а посредством участия и привлечения к ее формированию не только музейных специалистов, но и ученых, представителей культурных, этнических, местных сообществ, историков, коллекционеров и других лиц.

Музей будет способствовать развитию гражданского общества только в том случае, если будет создаваться по «горизонтальному» принципу, не теряя суверенитета, вырвавшись из политических зажимов, имея возможность брать на себя инициативу, открывать фонды и отражать свои интересы. Современное положение музея видится как переходное от понимания и восприятия музея «как кладбища древностей» к его становлению в качестве «подвижного и живого» института гражданского общества.

Теоретическое рассмотрение и осмысление функционирования и построения взаимоотношений музея с обществом в наше время дает основания говорить о том, что можно выделить ключевые факторы, которые

позволяют данному институту интегрироваться в общество, а обществу, в свою очередь, воспринимать его как дополнительный способ расширения и укрепления гражданских позиций.

Для иллюстрации отмеченных факторов влияния музея на развитие гражданского общества и показа их практического воплощения проведены полевые исследования двух музеев: Минского областного краеведческого музея в городе Молодечно и Музея жертв геноцида в Вильнюсе. Данные музеи имеют различный статус, масштаб и национальное значение, однако оба музея представляют определенную местность и ее жителей, поэтому они призваны рассказывать историю и сохранять память о ней.

Минский областной краеведческий музей, находящийся в городе Молодечно, был основан в 1959 г. и открыт для посетителей в апреле 1964 г. [11]. Музей собирает материалы о разных направлениях жизни Минской области, однако одно из самых важных направлений – это историческое прошлое Молодечненского района и города Молодечно. В музее хранятся копии оригинальных документов об образовании района. Большое внимание уделяется сведениям о знаменитых жителях и деятелях, которые оказали существенное влияние на становление и развитие края. Эти материалы были собраны при помощи жителей области, которые передавали документы из семейных архивов в фонд музея. Рассматривая возможные факторы влияния музея на развитие гражданского общества, хотелось бы отметить, что общей спецификой краеведческих музеев является их комплексная структура, то есть работа ведется по разным направлениям сохранения материального и духовного наследия края, сочетания в себе разных профилей и жанров.

Музей соответствует своей концепции и направленности деятельности, однако невозможно утверждать, что для большинства жителей области музей реально выполняет функцию «места памяти», где музейные предметы наполнены глубоким символическим значением. Музей призван сохранять историческое и культурное наследие данного района, репрезентировать историю, быт и культуру целой области. Делая ставку на г. Молодечно и район, музей не может в полной мере выполнить свою миссию, так как представленные в нем экспонаты довольно скромно охватывают наследие этой территории.

Минский областной краеведческий музей является государственным учреждением. Это обстоятельство не может не отражаться на деятельности музея, формировании коллекций, тематике экспозиций и выставок. Зависимость от государства в финансовом плане заставляет

музей подчиняться всем указам и подавлять в себе творческие начала, не входящие в планы высших структур, что является характерной проблемой большинства государственных музеев страны.

Музей жертв геноцида в Вильнюсе был учрежден в октябре 1992 г. решением Министра культуры и просвещения и Президента союза политических заключенных и ссыльных. Разместился он в здании, где советские репрессивные структуры (НКВД и КГБ) с 1940 г. по 1991 г. составляли планы ссылок и арестов жителей Литвы. Здесь же разрабатывались формы преследования инакомыслящих и тактики подавления воли народа к восстановлению своей независимости. Для литовского народа это здание – символ 50-летней советской оккупации Литвы, поэтому важным является тот факт, что именно здесь находится музей, который современному поколению напоминает, а будущему еще расскажет о мучительных и трагических для народа событиях 1940–1990 гг. Комплекс музея состоит из подземного этажа, где находились внутренняя тюрьма КГБ и расстрельная камера, и первого и второго этажей, на которых располагаются экспозиции.

Музей жертв геноцида был создан по инициативе жителей страны, что, несомненно, отразилось на его концепции и развитии. При широком участии граждан был создан тот общественный институт, который они хотели видеть, которому согласились передать часть своей памяти. Тот фактор, что в музее работают люди, являющиеся личными свидетелями исторических событий, представляемых музеем, только повышает качество коммуникации музея с гражданами. Помимо людей, и само здание музея также является участником исторического процесса.

Анализ работы Минского областного краеведческого музея показал, что он ориентирован на сохранение социокультурной и исторической памяти района, однако не выступает тем местом, где в полной мере отражена история края, что влечет за собой малую интегрированность в общество, а люди не ощущают личной вовлеченности. Восполнить этот пробел музей стремится через образовательную деятельность и сотрудничество с культурными учреждениями города, однако проблему нужно решить на уровне концепции и миссии музея, представляемых им экспозиций.

Что касается Музея жертв геноцида в Вильнюсе, то он реально отражает интересы граждан Литвы, так как был создан на общественных началах, музейные сотрудники являются участниками и свидетелями событий, которые представляет музей, многие коллекции были собраны только благодаря участию граждан.

Таким образом, можно утверждать, что музей является общественным институтом, который выступает не только в качестве культурного учреждения, но и оказывает прямое влияние на развитие гражданского общества. При этом следует отметить, что все еще требуют исследований и не в полной мере решены такие вопросы, как место музея в социокультурном пространстве, его роль и функции в обществе, организация информационного пространства музея и музейной коммуникации, построение принципов взаимодействия государства и музеев.

Литература

1. Музей и демократия. Серия электронных изданий Museum Pro. Выпуск 1.0. – М., 1997.
2. Музей и личность / отв. ред. А.В. Лебедев, сост. М.Ю. Юхневич. – М., 2007.
3. Музей и новые социальные технологии // На пути к музею XXI века / сост. и научн. ред. Н.А. Никишин. – М.: Прогресс-Традиция, 1999.
4. Музейная коммуникация: модели, технологии, практики / отв. ред. В.Ю. Дукельский. – М., 2010.
5. Шляхтина, Л.М. Основы музейного дела: учеб. пособие для студентов пед. и гуман. вузов / Л.М. Шляхтина, С.В. Фокин. – СПб.: СпецЛит, 2000.
6. Юренева, Т.Ю. Музееведение: учебник для высшей школы / Т.Ю. Юренева. – М.: Академический Проект, 2003.
7. Юренева, Т.Ю. Музей в тоталитарной культуре / Т.Ю. Юренева // Век XX: музейный мир в поисках нетрадиционных решений. Музей в мировой культуре. – М.: Русское слово-РС, 2003.
8. Aleksander, E.P. Museums in Motion AASLH / E.P. Aleksander. – Nashwille, 1990.
9. Newman, A. The Impact of Museums upon Identity / A. Newman, F. McLean // International Journal of Heritage Studies. – 2006. – Vol. 12. – № 1. – P. 49–68.
10. Hein, H.S. The Museum in Transition: A Philosophical Perspective / H.S. Hein // Museums and Communities. – Harpercollins, 2000. – P. 37–50.
11. Минский областной краеведческий музей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.interfax.by/place/68907. – Дата доступа: 20.02.2013.
12. Центр исследования геноцида и резистенции жителей Литвы. Музей жертв геноцида [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.genocid.lt/muziejus/ru. – Дата доступа: 01.03.2013.
13. Чувилова, И.В. Музеи общества и общество в музее / И.В. Чувилова // Cultivate-Russia Web Magazine [Электронный ресурс]. – 2002. – Вып. 1. – Режим доступа: http://www.cultivate.ru/mag/issue1/visitor.asp. – Дата доступа: 17.03.2013.
14. Museum magazin [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.aam-us.org/pubs/mn.cfm. – Date of access: 10.04.2012.

Анастасія Зайцава
(Літва/Беларусь)

СТАЎЛЕННЕ БЕЛАРУСКАЙ МОЛАДЗІ ДА САВЕЦКАЙ СПАДЧЫНЫ (на прыкладзе адносін да помніка У.І. Леніну)

This work is devoted to the problems of the transformation of the attitude of the Belarusian youth to the Soviet heritage. The indicator showing the beginning of the transformation process is the attitude to the Lenin monument. This monument is a symbol of Soviet ideology and has almost no historical or cultural value for the modern heritage of Belarus. This opinion allows to start a new discourse about the need to form a national pantheon of historical figures whose memory should be honoured by monuments.

Сучасанае беларускае грамадства знаходзіцца зараз у стане трансфармацыі. Гэты працэс пачаўся ў пачатку 90-х гг. са з'яўленнем новых дзяржаў на тэрыторыі былога Савецкага Саюза і не завяршыўся да сённяшняга дня. Адметнай рысай гэтай сітуацыі з'яўляеца перааценьванне каштоўнасцей савецкага часу і фарміраванне новых, якія будуюцца на падмурку нацыянальных ідэялогій. Беларуская сітуацыя ў гэтым сэнсе з'яўляецца ўнікальнай, таму што працэс пераходу ад успрымання савецкай спадчыны як нормы да фарміравання новага корпуса нацыянальных каштоўнасцей толькі пачынаецца. Беларусь у гэтым сэнсе можна назваць «запаведнікам савецкай спадчыны» у адрозненні ад іншых краін-суседак, якія вызначыліся з нацыянальнымі каштоўнасцямі.

Пэўным індыкатарам стаўлення сучаснага беларускага грамадства да савецкай спадчыны з'яўляюцца адносіны да помніка У.І. Ульянаву (Леніну), як найбольш яскраваму сімвалу савецкай эпохі. У гэтым сэнсе цікава звярнуць увагу на тое, як беларускае грамадства спрабуе зараз успрымаць савецкую спадчыну праз адносіны да помніка Леніну.

Вышэйакрэсленыя тэзісы дазваляюць у гэтым артыкуле звярнуцца да праблемы крытычнага асэнсавання савецкай спадчыны, на прыкладзе адносін да помніка Леніну, найперш беларускай моладзі, якая вызначае і фарміруе зараз свой светапогляд, у адпаведнасці з якім яна будзе вызначаць каштоўнасць тых ці іншых помнікаў розных эпох.

На сённяшні дзень праблема палягае ў тым, што тэрмінам «савецкая спадчына» карыстаюцца, а дакладнай дэфініцыіі яго ў афіцыйных дакументах кшталту закона «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны» ад 2006 г. не існуе. Для гэтага неабходна зрабіць некалькі ўдакладненняў таго, якім зместам можа быць напоўнены гэты тэрмін сёння. Хранальгічныя межы «савецкай спадчыны» можна акрэсліць у асноўным XX стагоддзем. Пэўным выключэннем могуць з'яўляцца помнікі XIX стагоддзя, непасрэдна звязаныя з жыццём або дзейнасцю савецкіх палітычных дзеячоў, як сядзіба Ф.Э. Дзяржынскага (в. Петрылавічы, Стаўбцоўскі р-н, Мінская вобл.), ці з падзеямі, звязанымі са станаўленнем, напрыклад, сацыял-дэмакратычнага руху, непасрэдна звязанага з савецкім часам, такім прыкладам можа стаць Дом першага з'езда РСДРП у Мінску [11]. Па зместу савецкая гісторыка-культурная спадчына можа быць і матэрыяльнай і нематэрыяльнай каштоўнасцю і быць звязана з такімі відамі помнікаў, як помнікі архітэктуры і горадабудаўніцтва, помнікі мастацтва і гісторыі, а таксама нематэрыяльнымі, якія не ўключаны ў спіс гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі. Напрыклад, гістарычная частка Мінска, адбудаванага ў пасляваенны час, цалкам з'яўляецца помнікам горадабудаўніцтва, а большасць будынкаў, якія ў яе ўваходзяць, з'яўляюцца помнікамі архітэктуры, як, напрыклад, будынак Дома ўрада на плошчы Незалежнасці. Помнік Леніну на гэтай жа плошчы прызнаны Міністэрствам культуры Беларусі помнікам мастацтва [2] і з'яўляецца часткай архітэктурнага ансамбля Дома ўрада. Нематэрыяльнай каштоўнасцю савецкага часу, якая функцыянуе і зараз, з'яўляецца гімн Беларусі, якім карысталіся на працягу большай часткі XX стагоддзя. Самай буйной часткай спадчыны, звязанай з савецкім часам, з'яўляецца гістарычная спадчына, якая павінна нам прыгадваць пэўныя гістарычныя падзеі з нашай мінуўшчыны. Большасць з іх звязана з падзеямі Першай і Другой сусветных войн і перыядам, звязаным з усталяваннем савецкай улады ў краіне. Гістарычныя падзеі і асобы больш ранейшых часоў неадназначна трактуюцца з пункта гледжання сучаснай беларускай палітыкі і ідэалогіі і значна прайграюць у барацьбе за палітычную публічную прастору беларускіх гарадоў, гарадскіх пасёлкаў і вёсак, дзе на цэнтральнай плошчы абавязкова можна сустрэць помнік У.І. Леніну ці, як мінімум,

вуліцу яго імя. Паўстае пытанне пра тое, ці варта распачаць дыскусію пра будычыню гэтых помнікаў у нашай краіне? І ці варта думаць пра тое, хто б мог заняць у будучым гэтую палітычную гарадскую прастору пасля таго, як адсутнасць вартасці спадчыны Леніна для будучай Беларусі стане рэальнай?

Амаль што ўсе суседзі Беларусі вызначыліся са сваімі адносінамі да савецкай спадчыны і ў тым ліку да помнікаў Леніну як частцы гэтай спадчыны. У Беларусі гэта тэма на афіцыйным узроўні ніколі адмыслова не ўздымалася. Раса Чэпайцене, доктар гуманітарных навук, у сваёй кнізе «Культурная спадчына ў глабальным свеце» піша, што «ў сучаснай індустрыі спадчыны культурныя каштоўнасці ўспрымаюцца як культурныя рэсурсы і выяўляюцца ў траякім выкарыстанні спадчыны» [4, с. 27]. Адным з такіх выкарыстанняў культурных каштоўнасцей з'яўляецца іх выкарыстанне як палітычных рэсурсаў, якія «прызначаны для стварэння або падтрымкі дзяржаў, забеспячэння легітымнасці іх улады і пануючых ідэалогій» [4, с. 27]. І сапраўды, урад сённяшняй Беларусі вельмі актыўна карыстаецца савецкімі каштоўнасцямі ў адбудаванні ўласнай ідэалогіі. У многім гэта звязана з афіцыйным дзяржаўным міфам пра нараджэнне Беларусі «з пеклу» Другой сусветнай вайны. Вынікам такой палітыкі з'яўляюцца афіцыйныя дзяржаўныя святы, якія звычайна адзначаюцца з вялікім размахам і фарматам «святочных» шэсцяў, якімі некалі праслаўляліся афіцыйныя святы ў савецкія часы.

Адносіны да помніка Леніну былі і з'яўляюцца індыкатарам трансфармацыі сучаснага грамадства і па большай частцы тых дзяржаў, якія ўваходзілі ў склад Саюза Савецкіх Сацыялістычных Рэспублік. У Беларусі спадчына, якая звязана з савецкім часам, дагэтуль дамінуе над усімі астатнімі тыпамі спадчыны. На сённяшні момант роля правадыра міравога пралетарыяту ў нашай гісторыі застаецца спрэчнай. Хтосьці лічыць Леніна выдатнай асобай, якая зрабіла істотны ўклад у гісторыю не толькі Расіі, але і Беларусі, і, нават, што без яго Беларусь не змагла б увогуле мець шанц на існаванне. Такія меркаванні выказвалі Прэзідэнт Беларусі Аляксандр Лукашэнка на прэс-канферэнцыі ў Мінску для расійскіх журналістаў у 2010 г. [13] і Сяргей Калякін, лідар Беларускай партыі левых «Справядлівы свет», у інтэрвью газеце «Наша Ніва» ў дзень святкавання дня народзінаў Леніна (2012 г.) [9].

Нельга не ўзгадаць, што эра помнікаў Леніну (а Сяргей Харэўскі ў сваёй кнізе «Сто твораў ХХ стагоддзя» акрэслівае гэтую з'яву як традыцыю «лeнініяны» [3, с. 162]) пачалася менавіта на Беларусі. Першым месцам, дзе быў усталяваны помнік правадыру, быў беларускі пасёлак Красна-

полле пад Магілёвам. Пасля Аляксандра Грубэ, які стварыў вобраз «праваднра на трыбуне», былі спробы па-іншаму асэнсаваць вобраз Леніна, але «стварэнне лeнініяны пайшло сваім шляхам – шляхам кананізацыі стэрэатыпных натуралістычных шаблонаў» [3, с. 161–162].

На 1987 г. у Беларусі налічваўся 481 помнік Леніну, з якіх абсалютная большасць захавалася да сённяшняга дня. З гэтай колькасці 465 помнікаў – гэта помнікі гісторыі мясцовага ўзроўня, 10 – помнікі мастацтва і 6 – помнікі гісторыі і мастацтва [1, *асабістыя падлікі аўтара*]. Амаль што ў кожным горадзе нашай краіны помнік Леніну з'яўляўся абавязковым атрыбутам архітэктурнай забудовы горада. Уражвае іх колькасць: толькі ў сталіцы – 21 помнік на 1987 г. На сённяшні дзень у Мінску іх захавалася 16 [10], а гэта дае падставы для разважанняў. Вызначыць на цяперашні момант, колькі помнікаў Леніну засталося на Беларусі, практычна немагчыма. Афіцыйных каталогаў ці зборнікаў, падобных на энцыклапедыі кшталту «Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі» 1984–1987 гг., зараз няма. Асноўнымі крыніцамі даведкі робяцца прасторы інтэрнэта, дзе актыўна ідуць дыскусіі і збіраюцца звесткі аб існаваўшых або існуючых помніках Леніну. Дакладна вядома, што на сённяшні дзень у спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь занесены 9 помнікаў У.І. Леніну, чатыры з якіх маюць «2» катэгорыю і маюць нацынальную значнасць і пяць – «3» катэгорыю, а значыць, яны маюць значнасць толькі для асобных рэгіёнаў Рэспублікі Беларусь [2].

Негледзячы на гэта, іх засталося дастаткова, каб меркаваць аб дзяржаўнай палітыцы і адносінах людзей як да савецкай спадчыны ўвогуле, так і да самой постаці Леніна. На афіцыйным узроўні праблема палягае ў тым, што помнікі з цягам часу разбураюцца, і тады паўстае пытанне: што з імі рабіць? Укладваць у іх грошы, зноў аднаўляць і ахоўваць? Пакідаць на самаўпраўнасць лёсу ці ўвогуле пазбаўляцца ад іх? Канешне, гэта не тычыцца тых помнікаў, якія ўваходзяць у спіс гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі, таму што яны знаходзяцца пад апекай дзяржавы, але для іншых, магчыма, няма будучыні.

Улічваючы, што дадзеная тэма не ўздымалася даследчыкамі на Беларусі спецыяльна і ў шырокім маштабе, асноўнымі крыніцамі для выяўлення і аналізу адносін да помніка Леніну і падзей, звязаных з ім, будуць з'яўляцца артыкулы з беларускіх навасных сайтаў. Яны, як ніякія іншыя крыніцы, у найбольш поўным аб'ёме дэманструюць сучасную сітуацыю. І зараз гэта сітуацыя факусуецца вакол аднаго пытання – ці мае савецкая спадчына вартасць? Адказам на гэтае пытанне становіцца

ўяўленне пра тую частку савецкай спадчыны, якая звязана з архітэктурай той эпохі. Звычайна, яна не выклікае негатыўнага стаўлення. Разам з тым становіцца відавочным, што помнікі Леніну з'яўляюцца хутчэй помнікамі ідэалагічнымі, чым гістарычнымі, пры тым што савецкая ідэалогія ўсе больш і больш зыходзіць з беларускага грамадства пад ціскам іншых ідэалагічных каштоўнасцей.

Дзеля таго каб паспрабаваць акрэсліць дыскурс, які б мог ахарактарызаваць стаўленне сучаснай беларускай моладзі да савецкай спадчыны, на прыкладзе помніка Леніну, з 6 па 20 красавіка 2012 г. было праведзена анкетаванне, якое паказала вельмі неаднназначнае стаўленне моладзі менавіта да помніка У.І. Леніну. У анкетаванні прыняло ўдзел 32 маладых чалавека з розных гарадоў Беларусі. У асноўнай сваёй частцы гэта вучні выпускных класаў, студэнты вышэйшых навучальных устаноў Беларусі і беларускія студэнты ЕГУ (Літва, Вільня). Канешне, нельга сцвярджаць, што гэтай колькасці апытаных хопіць для таго, каб з упэўненасцю акрэсліць стаўленне ўсёй беларускай моладзі да савецкай спадчыны ўвогуле, але яны дазваляюць меркаваць пра некаторыя тэндэнцыі, якія, магчыма, можна было б даказаць, правеўшы паўнавартасную сацыялагічную апытанку. Падобныя апытанні не праводзіліся на Беларусі афіцыйна ў адрозненні, напрыклад, ад Літвы, дзе ў 2003 г. у Інстытуце сацыяльных даследаванняў была прадпрынята спроба прааналізаваць погляд на савецкі час «простых людзей», але, праўда, старэйшага пакалення. Тады былі атрыманы высновы аб тым, што людзі, якія мелі дачыненне да сталінскіх рэпрэсій, падзяліліся на 3 суполкі і прытрымліваліся пазіцый «амнезіі», «частковай амнезіі і рэлятывізма» і «прызнання праўды» [4, с. 253].

У выніку аналіза праведзенага апытання была пацверджана прапанаваная гіпотэза ў дачыненні да гэтай фокус-групы, у прыватнасці тое, што сучаснае беларускае грамадства пачало працэс крытычнага пераасэнсавання савецкай спадчыны і неаднназначнага ўспрымання помнікаў савецкім дзеячам як гістарычных або мастацкіх каштоўнасцей і гатова публічна артыкуляваць гэты працэс. Пасля праведзенага даследавання было выяўлена тры суполкі меркаванняў: моладзь, якая вызначана супраць таго, каб савецкая спадчына дамінавала ў сучаснай гісторыка-культурнай спадчыне Беларусі, і гэтая суполка акрэслена большай колькасцю зацікаўленых у гэтым працэсе (прыкладна каля 50–60%); тыя, хто лічыць, што гэтая спадчына ўсё ж такі павінна застацца на сваім месцы, тлумачачы гэта тым, што гэта старонка нашай гісторыі, хоць і не самая светлая, і яе трэба захоўваць для нашчадкаў (пракладна каля 20%), а

таксама пасіўныя прадстаўнікі грамадства ў адносінах да савецкай спадчыны, каму абыякавы яе лёс (таксама каля 20%).

Аднак разгледжанае анкетаванне дае нам статычныя звесткі аб адносінах моладзі да савецкай спадчыны, таму што нішто так не вызначае адносіны, як рэальныя дзеянні. Дзякуючы штодзённым навінам мы можам прасачыць рэальнае стаўленне да помнікаў Леніну, якія падкрэсліваюць нашы тэарэтычныя высновы. Прыкладаў публічнага артыкулявання моладдзю адносін да спадчыны «саветаў» становіцца ўсё больш і больш. Канец першага дзесяцігоддзя XXI стагоддзя адзначаны найбольш актыўнымі спробамі выказвання ўласнага меркавання грамадзянамі ў дачыненні да помніка. Напрыклад, у 2009 г. у Мінску каля Мінскага электрамеханічнага завода помнік быў заліты белай фарбай [6], а ў 2011 г. пад час ускладання кветак да помніка Леніну і мітынгу ўдзельнікаў Камуністычнай партыі Беларусі ўдзельнікі «Маладога фронта» з крыкамі «Камунізм пад трыбунал!» пачалі кідаць яйкі ў бок помніка Леніну [12]. У Навагрудку быў асуджаны актывіст партыі «Беларуская хрысціянская дэмакратыя» за тое, што ён абліў зялёнай фарбай помнік правадыру [8]. Усё больш прасочваецца грамадскіх ініцыятыў у дачыненні да помніка Леніну. Так, напрыклад, у Полацку быў распачаты збор подпісаў за знос помнікаў [7], а «Малады фронт» патрабуе выключыць помнік Леніну са спіса гісторыка-культурных каштоўнасцей [5].

Робячы высновы, трэба ўсе ж такі зыходзіць з таго, што сэнс тэрміна «спадчына» палягае ў тым, каб атрымаць ад продкаў тое, што для іх было важным і захоўвалася, захаваць самім і перадаць далей сваім нашчадкам. Сённяшняе беларускае грамадства стаіць перад пытаннем: ці варта савецкая спадчына таго, каб яе захоўваць і перадаваць нашчадкам? І калі варта, то якая яе частка? Зразумела, што адказаць на гэта пытанне немагчыма адназначна, і пра гэта сведчыць стаўленне да ідэалагічнай часткі савецкай спадчыны, якая ўвасоблена ў помніку Леніна. Гэта праблема патрабуе ўвагі і грамадскага абмеркавання, так як дыскусія аб лёсе савецкай спадчыны, і ў першую чаргу помнікаў У.І. Леніну, уздыме іншую, больш важную зараз праблему аб фарміраванні сапраўднай беларускай нацыянальнай спадчыны. Магчыма, тады нам не будзе сорамна перад нашымі нашчадкамі, якія гісторыю Беларусі будуць вывучаць па помніках Усяславу Чарадзею і Еўфрасін'і Полацкай, Міндоўгу і Вітаўту, Канстанціну Астрожскаму і Льву Сапегу, Тадэўшу Касцюшку і Адаму Міцкевічу ды іншым.

Літаратура

1. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі / НН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фалклору; рэд. кал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Сав. Энцыклапедыя, 1984–1987. – Т. I–VII.
2. Пастанова Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь ад 14 мая 2007 г. № 578 «Аб статусе гісторыка-культурных каштоўнасцей» [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=c20700578&p2={NRPA}. – Дата доступу: 19.04.2012.
3. Харэўскі, С.В. Сто твораў XX стагоддзя: нарысы па гісторыі мастацтва і архітэктуры Беларусі і найноўшага часу / аўт.-укл. С.В. Харэўскі. – Вільня: ЕГУ, 2011. – 432с.
4. Чепайтене, Р. Культурное наследие в глобальном мире / Р. Чепайтене. – Вильнюс: ЕГУ, 2010. – 296 с.
5. «Молодой фронт» требует исключить памятник Ленину в Минске из списка историко-культурных ценностей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/politic/2008/11/29/ic_news_112_302312/. – Дата доступа: 27.05.2012.
6. В Минске памятник Ленину залили белой краской [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.tut.by/society/134778.html. – Дата доступа: 03.06.2012.
7. В Полоцке начался сбор подписей за снос памятников Ленину [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/society/2009/03/19/ic_news_116_308263/. – Дата доступа: 27.05.2012.
8. Гудбай, Ленін! [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://nn.by/index.php?c=ar&i=72112. – Дата доступу: 27.05.2012.
9. Калякін: Для беларусаў Ленін з’яўляецца вялікім чалавекам [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://nn.by/?c=ar&i=72333. – Дата доступу: 27.05.2012.
10. Музеі маёй краіны. Дом-музей I з’езда РСДРП // № 7’09. Пачатковая школа [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://p-shkola.by/ru/child_periodical/rukzachok?art_id=1029. – Дата доступу: 18.05.2012.
11. Памятник Ленину пытались забросать яйцами члены «Молодого фронта» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/society/2011/11/07/ic_news_116_380097/. – Дата доступа: 29.02.2012.
12. Президент: я абсолютно не придерживаюсь мнения, что Сталин – враг, а Ленин – преступник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.tut.by/politics/199058.html. – Дата доступа: 27.05.2012.

Елена Мазалецкая
(Россия)

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ НАСЛЕДИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ГОРОДА (на примере Ярославля)

This article covers some aspects of preservation of cultural heritage in Yaroslavl. The author describes different approaches to conservation and rehabilitation of the historical city center of Yaroslavl. The paper also characterizes the activity of heritage organizations working in the city as well as different ways of collaboration between local authorities, the commercial sector, and cultural and archaeological institutions.

Целью работы является изучение деятельности Ярославского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) по сохранению городской застройки, а также работы современных общественных организаций и музеев, сотрудничающих с Ярославским отделением общества. Задачи работы заключаются в определении направления деятельности Ярославского отделения общества, а также его влияния на формирование общественной инициативы в деле охраны памятников. Кроме того, ставится задача проанализировать основные этапы деятельности общества и его роль в сохранении исторической застройки Ярославля.

Планировка и застройка Ярославля, сложившаяся в XVIII–XIX веках, является классическим примером планировки русских городов. Город сформировался с учетом исторически сложившихся градостроительных традиций. Богатое архитектурное наследие Ярославля требует постоянного контроля. Важную роль в этом играют общественные организации, в том числе и ВООПИиК.

Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры было организовано по постановлению Совета Министров РСФСР от

23 июля 1965 г. Руководящим органом стал Центральный комитет ВООПИиК, а затем на местах были открыты отделения общества по всей стране. В городах были созданы первичные организации общества. Основная деятельность сосредоточилась на предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях [6, Д. 118а, л. 44]. В июне 1966 г. в Москве состоялся учредительный съезд. Совет Министров утвердил устав общества постановлением от 6 июля 1966 г. Руководящими органами стали Центральный совет и Центральная ревизионная комиссия [6, Д. 118а, л. 45]. ВООПИиК имело четкую структурную организацию. Отделения общества были созданы как в крупных, так и в небольших городах и районах Советского Союза. Таким образом, оно получало информацию со всей страны. Важным является то, что обществу удалось охватить широкие слои населения и включить их в свою работу.

Ярославское отделение ВООПИиК было создано в ноябре 1966 г. Оно сразу начало формировать сеть первичных организаций. Количество первичных организаций, как и индивидуальных членов общества, росло очень быстро, и вскоре отделения были открыты в каждом районе города и в городах области. Главной целью общества являлось активное содействие осуществлению мер по охране памятников истории и культуры и их использованию для воспитания советского народа, повышения уровня образования и культуры.

ВООПИиК вело деятельность по нескольким направлениям. Члены общества занимались экспедиционной работой, в ходе которой выявляли новые памятники, обследовали и ставили их на государственный учет. Другим направлением являлась общественная работа. Члены общества организовали широкую пропаганду памятников среди населения, советских и иностранных туристов с помощью проведения выставок, лекций, экскурсий. Чтобы контролировать деятельность общества, члены центральных отделений выезжали в первичные организации. Они рекомендовали бюро первичных организаций оформлять стенды, фотовыставки, фотоальбомы о памятниках истории и революционного движения, памятниках искусства и старины в клубах, школьных музеях, комнатах революционной боевой, трудовой славы. Еще одним направлением деятельности в сфере популяризации наследия были телевизионные передачи, которые готовили сотрудники ЯО ВООПИиК. Например, член секции архитектурных памятников В.Г. Яников подготовил и провел программу о выполнении охранно-арендных договоров арендаторами [6, Д. 31, л. 19].

Одним из главных направлений деятельности Ярославского отделения общества являлась реставрация. ЯО ВООПИиК столкнулось с много-

численными проблемами, связанными, в первую очередь, с финансированием реставрационных работ, воровством на местах, неправильным использованием памятников архитектуры и недостатком квалифицированных кадров. В качестве примера можно привести реставрационные работы, проводившиеся в 1960-е гг. на памятнике архитектуры Толгском монастыре, где находилась колония. Этот памятник архитектуры XVII века должен был быть отреставрирован и подготовлен к музейному показу, однако из-за хищения материалов, предназначенных для реставрации (покрытие кровли), работы остановились [6, Д. 31, л. 105].

С целью осуществления контроля над реставрационными работами Ярославское отделение ВООПИиК занималось обследованием памятников архитектуры и на этой основе составляло справки о состоянии архитектурного наследия. Например, была подготовлена Справка об обследовании памятников архитектуры в Кировском районе Ярославля. В основном осуществлялась проверка тех памятников, которые входили в туристические маршруты и поэтому стояли на первом месте в очереди на проведение реставрационных работ. Справка составлялась с учетом плана реставрации. Проверяющие смотрели, что должно быть по плану на определенный период, и сравнивали с тем, что реально сделано и сколько требуется времени для завершения работ [6, Д. 31, л. 254–257].

ВООПИиК разработало подробную схему реставрационных работ, контролировало деятельность Ярославской реставрационной мастерской. Общество вело контроль состояния памятников, которые находились на балансе различных учреждений: предприятий, общественных организаций, учреждений культуры. Оно старалось добиться большего финансирования объектов. При участии общества и под его руководством было отреставрировано значительное количество архитектурных объектов, среди них такие важные памятники архитектуры, как ансамбль Спасо-Преображенского монастыря, в котором размещался музей-заповедник, Ростовский кремль. Были отреставрированы церкви: Иоанна Предтечи, Рождества Христова, Иоанна Златоуста, Николы Мокрого, Ильи Пророка, Николы Рубленого и др. [6, Д. 5, 41, 87]. Благодаря деятельности ВООПИиК совместно с музеем-заповедником и вышестоящими органами власти удалось отреставрировать Ростовский кремль, что было очень важно, так как Ярославская область являлась туристическим центром. Вместе с тем были и недостатки в реставрационной работе, из-за недостаточного финансирования тормозилась реставрация объектов, реставрационные мастерские не справлялись с объемом работ, не было организовано охраны памятников.

Самым важным делом, на которое была направлена инициатива Ярославского отделения общества, стало утверждение генерального плана города Ярославля, составленного институтом «Ленгипрогор». Важное место занимали обсуждения проектов охранной зоны и зоны регулирования застройки. Много внимания уделялось работе, направленной на сохранение исторического центра города Ярославля. Отстаивание общественностью целостности исторического облика города остается актуальным до настоящего времени. Генеральный план детальной планировки и застройки города не получил в те годы широкого освещения в прессе. Общественность только через Ярославское отделение общества могла высказывать свое мнение по этим вопросам.

В 1967 г. при Ярославском отделении ВООПИиК была создана Архитектурная секция [6, Д. 3, т. 1, л. 421], которая принимала непосредственное участие в рассмотрении проектов планировки и застройки города, а также в решении вопросов сохранения и использования в современных условиях памятников истории и культуры. Она способствовала тому, что многие памятники не были утрачены. Члены секции принимали активное участие в принятии плана города и определении границ заповедной зоны и зоны регулирования застройки. Например, благодаря деятельности С.В. Капачинского, В.К. Ляхова, В.Ф. Марова и др., удалось сохранить историческое лицо города Ярославля [6, Д. 3, т. 1, л. 56, 108, 145, 379].

Проблемы планировки и застройки волновали общественность. В 1966 г. в Ярославле состоялась научно-методическая конференция по разработке туристического маршрута «Золотое кольцо». Участники конференции обсуждали вопросы, касающиеся сохранения и правильного показа объектов наследия. В.И. Кочемасов, заместитель Председателя Совета Министров РСФСР и председатель Центрального совета общества, во время выступления говорил о том, что было совершено много ошибок в планировке и застройке исторических городов, например: «В некоторых исторических городах мы ведем застройку беспланово, лезем с новыми постройками прямо к памятникам без всякой нужды, не считаясь с характером памятников, не считаясь с элементарным разумом и культурой понимания этого вопроса…» [6, Д. 3, т. 1, л. 110].

В 1969 г. в Ярославле была проведена следующая научная конференция. Она положила начало организации комплексного туристического маршрута «Золотое кольцо». На конференции обсуждались проблемы использования памятников истории и культуры Ярославской и других областей [6, Д. 41, л. 1]. Для того чтобы сохранить уникальный облик старинных русских городов, было предложено выделить в них специальные

заповедные зоны, в пределах которых должно запрещаться новое строительство или модернизация уже существующей застройки [6, Д. 41, л. 20].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что конференция 1969 г. положила начало открытому обсуждению проблем застройки исторических городов. По материалам конференции можно проследить развернувшиеся дискуссии между архитекторами по вопросам сохранения, содержания и охраны памятников и, исходя из этого, можно увидеть, что большинство архитекторов и ученых выступали за сохранение исторически сложившегося облика городов. В своих выступлениях докладчики акцентировали внимание на мерах, необходимых при строительстве и проектировании в городах, находящихся на маршруте «Золотое кольцо»:

– установление охранных зон и зон регулирования застройки;

– необходимость нового строительства для планомерного развития городов;

– сохранение индивидуального облика города;

– ведение строительства по индивидуальным планам;

– требование учета местных традиций при проектировании.

В период с 1970 по 1973 гг. Ярославским отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры были разработаны и приняты Основные положения о режиме застройки и содержания заповедной зоны и зоны регулирования застройки. Эти Положения предусматривали меры по сохранению архитектурно-художественного облика древней части города, исторически сложившейся планировки и застройки улиц, площадей, набережных, градостроительных ансамблей, по обеспечению сочетания исторической и новой застройки и охраны памятников истории и культуры [6, Д. 41, л. 16].

27 марта 1973 г. на заседании секции памятников архитектуры Ярославского областного отделения ВООПИиК развернулась дискуссия о сносе зданий в центре города. Основные вопросы, которые были затронуты, касались количества зданий, которые планировалось сносить, в частности, было предложено снести здание университета на Красной площади, дом с атлантами по проспекту Октября, одну из сторон улицы Свободы, а также часть Комсомольской улицы (если двигаться из центра, то это вся правая сторона) [6, Д. 54, л. 105–107].

Таким образом, можно отметить, что обсуждения проекта охранных зон памятников истории и культуры продолжались, но результат не был достигнут. Проект охранных зон и зон регулирования застройки после заседания архитектурной секции ВООПИК вновь был отправлен на до-

работку, так как члены общества считали нецелесообразным сносить такое количество зданий в исторической части города.

Итогом сложной многолетней работы Ярославского отделения ВООПИиК стал генеральный план города Ярославля. Он был одобрен решением совместного заседания «Госгражданстроя» и «Госстроя РСФСР» от 22 июля 1976 г. В него внесены изменения по замечаниям «Госгражданстрооя» и «Госстроя РСФСР» согласно протоколам от 22.07.1976 и 23.11.1976. В проекте были учтены замечания управления культуры облисполкома по проекту охраняемых территорий памятников истории и культуры, связанных с проектом детальной планировки центра. Проект был принят в 1977 г. Ярославским городским советом депутатов трудящихся и Исполнительным комитетом [6, Д. 105, л. 57].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Ярославское отделение ВООПИиК осуществляло деятельность по следующим направлениям: обследование территорий и выявление новых памятников, их постановка на государственную охрану, а также общественная работа, включающая в себя пропаганду памятников истории и культуры. Главным направлением являлось сохранение исторического облика Ярославля. Оно занималось сложной работой по составлению проектов по планировке и застройке, а также определением границ охранных зон. Ярославское отделение вело постоянную работу по предотвращению незаконного строительства в исторической части города, до и после принятия проекта охранных зон Ярославля. Благодаря появлению Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и, в частности, Ярославского отделения можно говорить о том, в Ярославле сформировалась общественная организация, которая могла обеспечить сохранение культурного наследия.

Если анализировать современное состояние городской среды и деятельность по охране наследия, то на сегодняшний день ситуацию в этой сфере нельзя назвать благополучной. На примере Ярославля можно сказать, что современная жизнь неумолимо вторгается в историческое городское пространство, поскольку основная финансовая, административная, общественная, культурная жизнь течет в центре города, где расположены наиболее выдающиеся и ценные памятники архитектуры, необходимо их сохранять, заниматься их реставрацией и рассказывать жителям и гостям города о его историческом прошлом.

Центр Ярославля в 2005 г. был внесен в Программу ЮНЕСКО по охране всемирного культурного наследия. По мнению экспертов ЮНЕСКО, исторический центр Ярославля служит «выдающимся образцом преемственности в развитии градостроительства и архитектуры, монументального

искусства, организации городских ландшафтов на протяжении более 500 лет, ярко представляя этот процесс в центральном регионе России» [7]. Новое строительство в зонах объектов всемирного наследия подлежит обязательному согласованию с центром всемирного наследия ЮНЕСКО, привлекающим ведущих международных экспертов для определения того, не несет ли данное строительство ущерба охраняемому объекту.

В 2010 г. Ярославль отметил 1000-летний юбилей. В центральной части было осуществлено строительство различных крупных объектов. Многие проекты тысячелетия стали спорными, так как строились в самом центре города, а некоторые (например, Успенский собор) – в заповедной части. Эксперты ВООПИиК, музеев, общественность активно призывали к обсуждению и выработке конструктивных решений относительно реализованных и еще находящихся в разработке проектов, чтобы не допустить разрушения исторического облика Ярославля [3].

После празднования 1000-летия Ярославля музеями и некоммерческими организациями проводилось множество выставок, посвященных истории и культуре Ярославля. В частности, были представлены проекты перспективной застройки города. Прошла волна обсуждений относительно строительства в заповедной части и того, как город будет воспринят туристами. Одной из выставок на тему облика Ярославля стала выставка «Ярославль 3010». Она проводилась в городском выставочном зале имени Нужина. Мероприятие являлось итогом фестиваля «Архитектура движения» [5], который прошел в третий раз и стал одним из ярких событий, проведенных в рамках празднования юбилея. Главным событием стал междисциплинарный форум «Теория и практика архитектуры движения» [4], который собрал экспертов из различных областей: СМИ, политики, экономики, культуры, бизнеса. Они вместе попытались найти ответы на актуальные вопросы о том, какой должна стать городская среда, в каких направлениях должен развиваться город. По итогам форума планируется издание Резолюции, в которой будут отражены идеи, планы, проекты по развитию города. Продолжением дискуссии о городском пространстве и о сохранении исторического наследия Ярославля стал Строительный форум, который прошел 17 марта 2011 г. в Ярославле. Во время форума был проведен круглый стол на тему «Провинция в перспективе». Организаторами круглого стола являлись фестиваль «Архитектура движения» в сотрудничестве с компанией «ИНФОКОМ» [1], а также Региональное агентство творческих инициатив. К участию были приглашены практикующие архитекторы, члены общественных организаций (ВООПИиК), представители от администрации города и области,

СМИ, представители строительного бизнеса, преподаватели и студенты Ярославского государственного технического университета (ЯГТУ), а также все, кому небезразлично, как будет развиваться город. На круглом столе был затронут достаточно широкий круг тем, в частности, обсуждались вопросы о том, каких объектов не хватает городу, какие факторы влияют на качество городской среды, а также каковы пути реконструкции и нового строительства в городской среде.

Можно сделать вывод о том, что празднование тысячелетия основания города во многом способствовало развернувшемуся строительству в историческом центре Ярославля. Точечная застройка в этой части города велась давно, но не в таком количестве и не в такие короткие сроки. Масштаб строительства привлек внимание экспертов, прессы, общественности. Появилась возможность открыто высказывать свое мнение.

Однако тысячелетие дало толчок к обсуждению проблем города, которые заключаются в правилах землепользования и застройки, а также в поправках, которые были внесены в генеральный план города без участия проектировщиков. Стали регулярно проводиться конференции, форумы, семинары, круглые столы с участием общественных организаций (ВООПИиК, Архитектура движения), представителей власти, бизнеса и, что немаловажно, жителей города Ярославля, которым небезразличен облик города.

Литература

1. Компания ИНФОКОМ [Партнер фестиваля «Архитектура движения»] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.yarinfo.com.
2. Региональное агентство творческих инициатив [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://raci.ru.
3. Сайт тысячелетия города Ярославля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.1000letie.ru.
4. Теория и практика «Архитектуры движения», 29–30 сентября 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://yarportal.ru.
5. Фестиваль Архитектура движения 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.armv.ru.
6. Центр хранения документации новейшей истории Ярославской области (далее – ЦХДНИЯО). Ф. 973. Оп. 1. Д. 3, Т. 1, 5, 31, 41, 54, 77, 98, 105, 118а, 140, 154, 232, 332.
7. ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unesco.ru.

Наталья Усенко (Титова)
(Россия)

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК МЕХАНИЗМ АДАПТАЦИИ И СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ (на примере опыта существования русской диаспоры в Болгарии)

The 20th century is a period of serious social shocks in the history of Russia and the world. They provoked a surge of migrations and promoted diffusion of the Russian diasporas worldwide. Refugees lived in difficult psychological, social and economic conditions. This article is devoted to the process of conservation of national self-consciousness of Russian emigrants and their adaptation to new socio-cultural conditions. An attempt to comprehend the role of cultural heritage in this process was made. The Russian diaspora in Bulgaria in the first half of the 20th century was taken as an example. It was found that the Russian Orthodox Church played a great role in the preservation of the Russian emigrants' identity and in their successful adaptation. This role should be attributed to the historical memory of the Russian diasporas, to Russian art, Russian science and the Russian education traditions.

По определению Ю.М. Лотмана, культура есть «ненаследственная память коллектива» [7, с. 219]. Совместно с религией и языком она является важным элементом самоидентификации народа. Данная функция осуществляется через духовное и материальное культурное наследие, то есть через материальные объекты культуры (произведения архитектуры, живописи, скульптуры и т.п.) и через духовную ее составляющую (религию, историю, традиции, школу, науку). Естественно, подобное деление условно, так как данные группы тесно связаны между собой и нередко материальные объекты могут одновременно представлять собой и духовное наследие.

Особенно ярко значение культурного наследия как механизма трансляции культуры проявляется в условиях эмиграции. Духовное и материальное культурное наследие становится способом сохранения национальной идентичности беженцев в инокультурной среде. В наибольшей степени это появляется в условиях вынужденной эмиграции. Как правило, представители диаспоры стремятся не только сохранить свою веру, язык, традиции, но и воспитать в соответствии с ними подрастающее поколение.

В то же время взаимодействие эмигрантов из числа творческой и интеллектуальной элиты с местной культурной традицией нередко способствует ее обогащению и повышению авторитета беженцев, которые пытаются адаптироваться в условиях эмиграции.

Подобная ситуация сложилась во второй четверти XX века, когда после революций 1917 г. за пределами России оказалось несколько миллионов русских беженцев. Эмиграция происходила в несколько этапов, органически связанных с поражениями Белой армии. Первоначально русские диаспоры образовались в Маньчжурии (с центром в Харбине), в Константинополе, ставшем на время «Малой Россией», а также в Китае (с центром в Шанхае). Затем центры миграции переместились в Европу и Америку, около 400 тыс. чел. приняла Франция, с 1921 по 1925 гг. примерно 200 тыс. чел. проживало в Германии (в связи с экономическим кризисом и приходом к власти нацистов их число во второй половине 30-х гг. сократилось до 30 тыс.) [10, с. 506].

Несколько десятков тысяч эмигрантов обосновались на Балканах, в том числе в Болгарском царстве. Численность русских беженцев в Болгарии была непостоянной и менялась в результате внутренних миграций в рамках зарубежной России, репатриации в СССР и других факторов, в том числе религиозного (расколы в русском зарубежье). В 1920-е гг. она составляла не менее 30 тыс. чел. Мигранты разместились в 54 населенных пунктах Болгарии, наиболее крупные общины обосновались в Софии и Пловдиве и на черноморском побережье [1, с. 118; 3, с. 326; 6, с. 55; 17].

Исторические связи русского и болгарского народов и особенно участие Российской империи в освобождении болгар от османского ига способствовали доброжелательному отношению к русским беженцам в Болгарском царстве со стороны государства, Болгарской Церкви и местного населения. Однако большинство изгнанников надеялись на скорое возвращение в Россию.

Подобная ситуация складывалась и в других странах – центрах эмиграции. Как отмечал Н.А. Бердяев, «русской эмиграции при длительном

пребывании вне родины грозило распыление, денационализация, потеря связи с Россией» [4, с. 4]. Поэтому для членов диаспор были характерны религиозность и повышенное внимание к воспитанию и образованию подрастающего поколения в духе православия и русской культуры.

В немалой степени этому способствовало то, что в дореволюционное время в большинстве европейских и балканских государств существовали русские миссии, при которых действовали посольские храмы. После революции вокруг этих церквей стали возникать первые русские эмигрантские общины. Центрами диаспоры в Болгарии стали храмы в Софии, Пловдиве, Варне и др. Некоторые из них (храм св. Николая при Русской дипломатической миссии в Софии, храм-памятник Рождества Христова на Шипке) были построены еще в дореволюционное время в традициях русской архитектуры, в них сохранились фрески русских живописцев, колокола и другие подарки русских императоров. Сюда передавались войсковые иконы частей Белой армии. Богослужение велось, как правило, на церковно-славянском языке.

Все это делало данные храмы своеобразными символами связи с Россией. Русские приходы становились средоточием духовной и общественной жизни беженцев и играли важную роль в их адаптации, так как «для многих эмигрантов возрождение веры явилось источником утешения и внутренней силы» [11, с. 153]. Оказавшись в сложных психологических, экономических и социальных условиях, эмигранты пытались переосмыслить собственную жизнь, найти объяснение произошедшему и приспособиться к своему новому состоянию.

Кроме духовного руководства, храмы способствовали объединению групп русских эмигрантов в определенном районе или городе. Следует отметить, что подобную функцию выполняли и многочисленные объединения: православные братства, союзы и т.п., которые во множестве образовывались в центрах эмиграции (например, в Болгарии насчитывалось несколько сотен подобных объединений) [18]. В большинстве случаев Церковь также оказывала значительную материальную поддержку оказавшимся в бедственном положении эмигрантам.

На территории многих стран, где обосновались беженцы, находились православные храмы-памятники, а также монументы в честь русских деятелей и героев (например, русский храм св. Александра Невского в Париже, Свято-Алексеевский храм-памятник Русской славы в Лейпциге). В Болгарии более четырехсот памятников было воздвигнуто в память о русско-турецкой войне 1877–1878 гг., в ходе которой произошло освобождение болгар от османского ига. Среди них – храм-памятник св.

Александра Невского в Софии, вышеупомянутый храм-памятник на Шипке, Памятник Освобождения, Русский памятник, монумент царю-освободителю Александру II и др. Кроме того, в честь русских героев был назван ряд улиц в Софии (улица Московская, бульвар Граф Игнатьев, бульвар Генерал М.Д. Скобелев и др. [12, с. 38]) и более двадцати населенных пунктов: Александрово (несколько сел в разных областях страны названы в честь российского императора Александра II Освободителя), Скобелево (несколько сел названы в честь генерала М.Д. Скобелева), Братушково (в честь русских воинов-освободителей, которых болгары называли «братушки») и др. [19]. Все эти объекты живо напоминали эмигрантам о Родине, ее истории и культуре.

Для русской эмиграции большое значение имели православные святыни: чудотворные иконы, мощи святых и другие реликвии. Наиболее известной из них является Курско-Коренная икона Божией Матери «Знамение», святыня XIII века, чья история связана с рядом важнейших событий в жизни России, в том числе победы русского воинства в Отечественной войне 1812 г. [16], что, вероятно, было весьма символично для Белой армии. В 1920 г. икона была тайно вывезена в Константинополь и стала одной из главных реликвий Русского Православного Зарубежья. Основным местом ее пребывания до 1944 г. был Белград (Югославия), затем – Австрия, Германия и Швейцария, а с 1951 г. – США. Для поддержания духа и единства русского рассеяния ее время от времени привозили в крупные центры эмиграции. В 1935 г. икона была принесена для поклонения в Болгарию, которая на тот момент являлась одной из епархий Русской Православной Церкви за границей.

Таким образом, святыни и традиции Русской Православной Церкви, а также историческая память о победах Российской империи, отраженная в скульптурных и архитектурных памятниках, составили важнейшую часть культурного наследия и способствовали сохранению национального самосознания и единства русских беженцев.

Большую роль в сохранении русской идентичности за границей играли различные области культуры: живопись, литература, хоровое пение, театр. Богатые традиции и опыт, принесенные русской творческой элитой, оказывали значительное влияние на культуру стран, в которых обосновались эмигранты.

Во многих европейских и балканских государствах высоко ценили русских художников, в том числе иконописцев, которых приглашали для росписи храмов других поместных церквей. В Болгарии русским иконописцем Николаем Ростовцевым были написаны фрески в ряде извест-

ных церквей и кафедральных храмов в Софии, Варне, в храме-памятнике на Шипке. В первой половине XX века в Софии работали театральный художник и сценограф Евгений Ващенко, иллюстратор детских книг Вадим Лазаркевич, скульптор Михаил Паращук, карикатурист Михаил Блек и др. [17].

При крупных храмах и религиозно-философских обществах создавались хоры. Кроме участия в богослужениях, они организовывали концерты и гастроли с целью получения средств на содержание прихода. В Болгарии самым известным хоровым коллективом, сохранявшим традиции русской музыкальной культуры, был хор донских казаков Сергея Жарова. Первые годы его существования (1921–1923 гг.) прошли в Болгарии, в г. Бургасе и г. Софии, где участники хора пели на клиросе в Русском Свято-Николаевском храме и выступали с концертами русской духовной музыки [12, с. 47].

В столице Болгарского царства жил и работал русский актер и режиссер Николай Осипович Массалитинов, русской актрисой Екатериной Базилевич был организован театр «Русская драма», в котором сохранялись особенности русской театральной школы, а Н. Гукасов, И. Арт, Е. Воронец создали Русскую оперную труппу. Их появление имело большое значение, так как контакты основателей данных объединений с русской эмиграцией в Европе обеспечивали появление на софийских сценах известных во всем мире русских исполнителей [1, с. 61]. В Болгарии концертировали и участвовали в спектаклях звезда Мариинского театра балерина Тамара Карсавина, певица Надежда Плевицкая, великий оперный бас Федор Шаляпин и др. [17].

Русские ученые, оказавшись в эмиграции, внесли значительный вклад в интеллектуальную жизнь Западной Европы, Балкан, Северной Америки и других регионов, принявших беженцев.

В Софийский университет и другие учебные заведения Болгарии был принят на работу ряд исследователей, в частности, Н.Н. Глубоковский, П.М. Бицилли, И.В. Шапшал, М. Попруженко, Н. Кондаков и др. [1, с. 61; 17]. Их вклад в развитие медицины, физики и богословия способствовал развитию болгарской науки и успешному обучению русских студентов в данных учебных заведениях. Самой внушительной и авторитетной была группа русских ученых в Софийском университете, особенно – на медицинском факультете. Русская профессура положила начало целым научным направлениям, не существовавшим или слабо разработанным до того момента в Болгарии (богословие, физическая химия, биохимия, неврологи, акушеро-гинекология и др.) [17]. В конце 20-х и в 30-х гг.

XX века многие кафедры университета возглавили русские профессора. В болгарских высших учебных заведениях был создан льготный режим приема на работу русских эмигрантов [14, с. 5].

На территории многих стран были организованы издательства, которые публиковали богословские, философские, церковно-исторические труды, литературные произведения, богослужебные книги. Это способствовало консолидации русских общин, сохранению русского литературного и научного наследия в эмиграции и ознакомлению европейцев с русской религиозной и богословской мыслью. В Болгарии также действовали русские типографии, в частности, русско-болгарское книгоиздательство, которое публиковало литературу политического, философского, богословского и других направлений, осуществлялся книгообмен с русской эмиграцией. Кроме того, в стране проживали многие русские журналисты, издававшие свыше 100 русских газет и журналов [1, с. 61].

Для воспитания молодежи в религиозно-патриотическом духе и подготовки кадров духовенства русскими беженцами создавались начальные и средние школы, гимназии, училища и вузы. Обязательными дисциплинами в их учебных программах были Закон Божий, русский язык, русская история, география, литература. Так были учреждены Свято-Сергиевский институт в Париже, духовные школы в Харбине и др. [8, с. 96–97]. В Болгарии эмигрантами был создан ряд школ и гимназий в г. Пещера, София, Шумен и др., а также среднее специальное учебное заведение – Русское Пастырско-Богословское училище для подготовки священнослужителей из числа эмигрантов и местного населения. В училище, помимо очного отделения для русских беженцев, действовала система заочного обучения посредством рассылки лекций тем, кто по различным причинам не мог учиться в Болгарии, и были организованы Высшие Богословско-Педагогические курсы [2, с. 310, 328 об.; 5, с. 23]. Таким образом, поддерживалась связь между русскими общинами по всему миру.

Для воспитания патриотизма проводились мероприятия, которые способствовали сохранению и укреплению национальной русской культуры эмигрантов и ее распространению среди болгарского населения.

В центрах русских общин, а также в средних и средних специальных учебных заведениях отмечали общеэмигрантские праздники: День русского ребенка, День русской культуры, по времени приуроченный ко дню рождения А.С. Пушкина (6 июня) [9, с. 17–18], а также дни памяти великих русских святых (например, св. равноапостольного Владимира). В Пастырско-Богословском училище в честь Дня русской культуры служили Божественную литургию и устраивали концерт, на котором чита-

лись доклады о русской культуре и ее роли в мире (например, «Русская культура в изгнании») и выступал училищный хор [2, с. 290].

Кроме того, преподавателями и воспитанниками училища совершались поездки «с миссионерской целью по местам Болгарии, где имеются колонии русских беженцев… Везде со своим причтом и певчими совершал с благословения местных митрополитов литургии и вели беседы на современные темы. Принимало участие и болгарское духовенство» [2, с. 240]. Священнослужители училища в большие праздники командировались в русские колонии для совершения богослужений и проповеди.

Данные мероприятия были очень важны для сохранения связи между частями русской диаспоры. Они позволяли эмигрантам почувствовать себя единым народом и препятствовали денационализации, связанной с длительным пребыванием вне Родины.

Сохранению национальной идентичности способствовало и зримое обособление эмигрантов от местного населения, в частности, учреждение собственных учебных заведений (о чем уже говорилось выше) и создание русских некрополей и мемориальных комплексов (кладбище Сен-Женевьев-де Буа близ Парижа, Николаевское кладбище (кладбище Кокад) в Ницце и др.). В Болгарии наиболее известными русскими захоронениями являлись русское военное кладбище на Шипке, русский некрополь в Софии, где были похоронены известные священнослужители, военные деятели, ученые и др. [13]. Их посещение в дни поминовения усопших способствовало сплочению общин эмигрантов.

Таким образом, духовное и материальное культурное наследие играли важную роль в адаптации русских беженцев на территории других стран и способствовали сохранению ими национальной идентичности. Кроме того, традиции русского искусства и науки продолжали развиваться в новых условиях и способствовали обогащению культуры стран – центров эмиграции.

Литература

1. Анастасова, Е. Русские в Болгарии / Е. Анастасова // В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XIX – первая половина XX в.). – М., 2009. – 248 с.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 222.
3. Държавен Военноисторически архив (Республика Болгария). Ф. 24. Оп. 3. А.е. 87.
4. Духовные задачи русской эмиграции. Путь. Сентябрь 1925 г. № 1 // Путь. – М., 1992. – С. 3–8.

5. Ермаков, Б., священник. Историческая записка о Пастырско-Богословском училище в монастыре Святого Кирика в Болгарии, 1922–1932 гг. / Б. Ермаков. – София, 1932. – 40 с.
6. Йованович, М. Русская эмиграция на Балканах, 1920–1940 / М. Йованович. – М., 2006. – 488 с.
7. Лотман, Ю.М. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) / Ю.М. Лотман // Б.А. Успенский. Избранные труды. – М., 1994. – Т. 1. – 688 с.
8. Осовский, Е.Г. Русская высшая школа и студенчество в эмиграции (20–40-е гг. XX в.) / Е.Г. Осовский, В.А. Левкина // Педагогика. – 1999. – № 4. – С. 95–102.
9. Петрушева, Л.И. Болгария и российская эмиграция / Л.И. Петрушева // Болгария и российская эмиграция, 1920–1945 гг. Историко-документальная выставка. Каталог выставки. – М., 2007. – С. 10–19.
10. Полян, П. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию / П. Полян // Россия и ее регионы в XX веке. – М., 2005.
11. Раев, М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции, 1919–1939 / М. Раев. – М., 1994. – 294 с.
12. Решетникова, О.Н. Русский храм в Софии / О.Н. Решетникова. – М., 2012. – 96 с.
13. Русский некрополь в Софии. – М., 2011. – 400 с.
14. Централен Държавен архив (Республика Болгария). Ф. 791 к. Оп. 1. А.е. 34.
15. Шкаровский, М.В. История русской церковной эмиграции / М.В. Шкаровский. – СПб., 2009. – 359 с.
16. Икона «Знамение» Курско-Коренная // Православие.ru. Встреча с Православием. Святые и святыни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravoslavie.ru/put/31902.htm.
17. Кьосева, Ц. Российская эмиграция в Болгарии. XX век / Ц. Кьосева //«Новый Журнал» [Электронный ресурс]. – 2007. – № 247. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nj/2007/247/ki14.html.
18. Кьосева, Ц. Русские эмигрантские организации в Болгарии (общая характеристика) / Ц. Кьосева // Российские и славянские исследования [Электронный ресурс]. – 2007. – Вып. 2. Режим доступа: http://www.rsijournal.net/russkie-emigrantskie-organizacii-v-bolgarii-obshhaya-xarakteristika.
19. Список памятников русским в Болгарии // Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org.

Анастасія Жвалеўская
(Беларусь)

ТРАНСФАРМАЦЫЯ ГУМАРЫСТЫЧНАГА ФАЛЬКЛОРУ Ў ЭПОХУ ГЛАБАЛІЗАЦЫІ

The author argues that folk jokes can be a useful source of information about a nation. However, due to the impact of globalization folk jokes have to be studied differently from the way they used to be analyzed in the past. Nowadays one nation's jokes are easily adapted by another nation, and even the language of jokes sometimes cannot show their origin. Yet many jokes still contain some ethnic markers and can be attributed to one or several nations. On the other hand, the transformations of humor folklore reflect the transformations that take place in the communities where jokes are told. Therefore, these transformations are an abundant source of information per se.

Гумарыстычны фальклор, як і іншыя жанры фальклору, з'яўляецца неад'емнай часткай культурнай спадчыны любога народа. Нягледзячы на наяўнасць сходнай структуры і падабенства ў сюжэтах, у час існавання традыцыйнага грамадства комплексы фальклору розных народаў існавалі дастаткова адасоблена, таму кожны з гэтых комплексаў можна было атрыбутаваць да пэўнага народа.

Акрамя духоўнай каштоўнасці, дадзены кампанент культурнай спадчыны ўяўляе інтарэс і для вывучэння народа, яго традыцый і менталітэту. Фальклор наогул з'яўляецца прыдатнай крыніцай звестак пра этнас, бо «важнейшыя спецыфічныя рысы народнай вусна-паэтычнай творчасці – калектыўнасць і традыцыйнасць» [1, с. 6], то бок, звесткі, атрыманыя з фальклорнага матэрыялу, датычацца ўсяго этнасу, а не асобных яго прадстаўнікоў. Народныя анекдоты і жарты з'яўляюцца адной з асабліва важных крыніц, якія можна выкарыстоўваць для даследаванняў этнасу і этнічнасці. З аднаго боку, іх універсальны характар, а з другога

боку, іх лакальныя асаблівасці робяць мэтазгоднай пастаноўку пытання аб наяўнасці этнічных асаблівасцей у гумары. Больш за тое, папулярнасць такой часткі гумарыстычнага фальклору як этнічныя жарты таксама спрыяе павышэнню цікавасці да жартаў як аб'екта этналагічных даследаванняў. Нягледзячы на несур'ёзны характар дадзенага матэрыялу, ён вельмі часта змяшчае ў сабе сур'ёзныя звесткі пра тыя ці іншыя з'явы жыцця народа [17, с. 190]. Таму да жартаў і анекдотаў неаднаразова звярталіся навукоўцы, якія займаліся праблемамі традыцыйнага грамадства. У беларускай этналагічнай навуцы, напрыклад, гэта былі І.А. Сербаў [8, с. 39], Я.Ф. Карскі [4, с. 403] і іншыя даследчыкі.

Сучасныя жарты, працягваючы з'яўляцца важным элементам культуры любога народа, маюць пэўныя адметнасці ў параўнанні з тымі жартамі, якія былі распаўсюджаны ў часы традыцыйнага грамадства. Гэтыя адметнасці, у сваю чаргу, абумоўліваюць неабходнасць выкарыстання новых падыходаў да іх вывучэння як крыніц звестак пра этнасы.

Трэба мець на ўвазе, што гумарыстычныя творы даволі лёгка пераходзяць з адной культурнай прасторы ў іншую. Таму нават у той час, калі крос-культурныя кантакты не былі настолькі пашыранымі, як сёння, гумарыстычныя творы даволі часта пераадольвалі межы рассялення аднаго народа і рабіліся часткай культуры іншага. Таму невыпадкова, што ва ўмовах глабалізацыі гэты працэс набыў яшчэ большыя маштабы. Сюжэты шматлікіх жартаў распаўсюджаны далёка за межамі тэрыторыі пражывання аднаго этнасу, сведчаннем чаму з'яўляецца ў тым ліку і існаванне жартаў з адным і тым жа сюжэтам, але з рознымі (у тым ліку і па этнічнай прыналежнасці) персанажамі, абставінамі і г.д., пра што сведчыць даследаванне Лізы Фрыдланд (Lisa Friedland) і Джэймса Эллэна (James Allan) [16, с. 883–892].

Суадносна, асобныя гумарыстычныя сюжэты не могуць выступаць у якасці прыкмет, па якіх магчыма вызначыць спецыфіку таго ці іншага этнасу. Тое ж можна сказаць і пра фармальныя характарыстыкі гумарыстычных твораў, якія таксама нярэдка супадаюць у гумарыстычных творах розных народаў, што абумоўлена спецыфікай фальклорных гумарыстычных жанраў. Паводле сведчання вядомага даследчыка гумару Крысці Дэвіса, «жарты падарожнічаюць вольна і хутка з аднаго месца ў іншае і лёгка адаптуюцца да мясцовых умоў» [14, с. 14]. Адпаведна, для больш эфектыўнага вывучэння народа з дапамогай жартаў варта выкарыстоўваць не адзінкавыя гумарыстычныя творы, а іх комплексы. Пра неабходнасць выкарыстоўваць гумарыстычныя творы цэлымі серыямі пісаў і іншы даследчык гумару Уладзіслаў Хлопскі (Wladyslaw Chlopicki) [13, с. 79].

Што датычыцца корпуса гумарыстычных твораў, то вызначэнне яго распаўсюджанасці і прыналежнасці да пэўнага этнасу шляхам палявых даследаванняў магчыма, але таксама з пэўнымі абмежаваннямі. Перш за ўсё, такое даследаванне павінна ахопліваць дастаткова вялікі рэгіён, які ўключае ў сябе тэрыторыю рассялення некалькіх этнасаў. Пры запісах гумарыстычных твораў неабходна ўлічваць, прадстаўнік якога этнасу распавядае пэўны твор. Корпус гумарыстычных твораў павінен быць дастаткова рэпрэзентатыўны як з пункту гледжання ахопу тэрыторыі, так і з пазіцыі колькасці і якаснай разнастайнасці сабраных жартаў. Такія даследаванні асабліва складана праводзіць у поліэтнічных рэгіёнах, дзе асяроддзе бытавання жарта па аб'ектыўных прычынах выходзіць за межы аднаго этнасу. Больш за тое, гумарыстычны матэрыял не дае магчымасці даведацца, наколькі доўга пэўны этнас пражывае на той ці іншай тэрыторыі.

Трэба таксама ўлічваць, што нават у пераважна монаэтнічных рэгіёнах нярэдкім з'яўляецца запазычванне жартаў. Гэта запазычванне тлумачыцца адносна простай кампазіцыяй большасці гумарыстычных твораў, што спрыяе іх запамінальнасці. Анекдот, у прыватнасці, – гэта «кароткае аднаэпізоднае вуснае апавяданне пра розныя жыццёвыя сітуацыі, <...> ён характарызуецца як невялікі аднаматыўны мастацкі твор нескладанай структуры» [10, с. 61]. Падобным да яго па структуры з'яўляецца і жарт [11, с. 482]. Яшчэ адным важным фактарам распаўсюджвання з'яўляецца тое, што людзі, пачуўшы ў іншым (у тым ліку адрозным этнічна) асяроддзі жарт, не проста запамінаюць яго, але і імкнуцца яго распавесці. Гэта тлумачыцца тым, што, згодна са сведчаннем Дж. Сёллі, «гораздо большая доля удовольствія выпадаетъ въ практической шутке на сторону лица ведущаго её» [7, с. 53]. Пры гэтым акалічнасці жартаў – персанажы, месца дзеяння і г.д. – могуць заставацца ў першапачатковым выглядзе, што дае магчымасць адразу вылучаць такія жарты як запазычаныя (напрыклад, узгадка пра кальё ў «беларускім» жарце, прыведзеным Я. Сіпаковым [9, с. 154–155]). У той жа час яны могуць змяняцца, адлюстроўваючы мясцовыя асаблівасці. У такім выпадку вызначыць, ад якога этнасу паходзіць той ці іншы жарт, не ўяўляецца магчымым. Суадносна, трэба ўлічваць міжэтнічную дыфузію жартаў пры вырашэнні пытанняў аб тэрыторыі, на якой яны распаўсюджаны.

Разам з тым нельга сцвярджаць, што народны гумар больш не адлюстроўвае нацыянальную спецыфіку наогул. Адной з характарыстык народных жартаў, якая спрыяе іх этнічнаму вывучэнню, з'яўляецца іх мова.

Пытанне пра мову гумарыстычных твораў як прыкмету этнасу, на першы погляд, вырашаецца даволі проста: у залежнасці ад таго, на якой мове распавядаецца дадзены твор, можна казаць аб яго прыналежнасці да пэўнага этнасу, а корпус гумарыстычных твораў на адной мове, адпаведна, лічыць носьбітам гэтай характарыстыкі этнасу. У рэальнасці, аднак, такая логіка далёка не заўсёды мае права на існаванне. Перш за ўсё, трэба мець на ўвазе існаванне этнасаў, якія размаўляюць і, адпаведна, распавядаюць гумарыстычныя творы на некалькіх мовах. Прыкладамі могуць быць беларусы, ірландцы і іншыя этнасы. Моўная асіметрыя можа разглядацца і з супрацьлеглага боку: на адной і той жа мове часта размаўляюць прадстаўнікі розных этнасаў. Класічнымі прыкладамі з'яўляюцца англійская, іспанская, руская мовы. Таму часам мова ўвогуле з'яўляецца вельмі ўмоўным крытэрыем этнічнасці [5, с. 19–20].

Мова народных гумарыстычных твораў таксама мае свае асаблівасці, істотныя пры разглядзе яе як этнавызначальнай прыкметы. Як і ў выпадку з этнічнай тэрыторыяй, трэба ўлічваць магчымасць перакладу гумарыстычных твораў з адной мовы на іншую. Гэта ў найбольшай ступені датычыцца папулярных сюжэтаў гумарыстычных твораў, якія існуюць амаль без змен на некалькіх мовах. Напрыклад, сюжэт пра чалавека, які заснуў на дарозе, а прачнуўшыся, не пазнаў свае ногі (бо пакуль ён спаў, хтосьці зняў з яго боты), сустракаецца з невялікімі варыяцыямі на польскай, беларускай, рускай і ўкраінскай мовах [2, с. 173–174; 6, с. 194; 18; 19].

Але ў той жа час спецыфіка гумарыстычных твораў нярэдка абумоўлівае той факт, што іх мова выразна сведчыць пра этнічную прыналежнасць тых, хто іх распаўсюджвае. Жарты і анекдоты як творы перш за ўсё гутарковыя ўтрымліваюць тыя асаблівасці мовы, якія могуць не прысутнічаць у яе літаратурным варыянце. Такім чынам, нават творы на адной і той жа мове (напрыклад, рускай ці англійскай) могуць адрознівацца паміж сабой фанетычна (калі яны распавядаюцца) ці арфаграфічна (калі яны публікуюцца ці распаўсюджваюцца ў пісьмовым варыянце). Гэта датычыцца тых твораў, якія распавядаюцца ці публікуюцца на мове арыгіналу, а не з'яўляюцца перакладам жартаў з іншых моў, таму што ў апошнім выпадку творы адаптуюцца да культурнага кантэксту носьбітаў той мовы, на якую яны перакладаюцца і, адпаведна, губляюць сваю першапачатковую каштоўнасць [12, с. 280].

Яшчэ адной адметнасцю гумарыстычных твораў з'яўляецца той факт, што камічны эфект у іх нярэдка заснаваны на гульні слоў, шматзначным талкаванні, стварэнні новых слоў [3, с. 19]. Суадносна, такія гумарыстычныя творы могуць мець сэнс і распаўсюджвацца толькі сярод носьбітаў

той мовы, у якой такая гульня прысутнічае. Гэты аспект не выключае вышэйадзначаны фактар моўнай асіметрыі, але ў той жа час дазваляе атрыбуціраваць той ці іншы гумарыстычны твор да пэўнага этнасу ці (у выпадку, калі мовай твора карыстаюцца некалькі этнасаў) да групы этнасаў.

Усе гэтыя моўныя акалічнасці вылучаюць не толькі корпус твораў, але і асобныя гумарыстычныя творы як носьбітаў этнічнасці. У той жа час неабходна мець на ўвазе вышэйадзначаныя абставіны пры выкарыстанні гумарыстычных твораў як этнавызначальнай прыкметы.

Акрамя адметнасцей мовы, выкарыстанню гумарыстычных твораў для этнічнага вывучэння спрыяе і тое, што ў некаторых народаў працягваюць існаваць пэўныя гумарыстычныя традыцыі, што робіць іх жарты непадобнымі да жартаў усіх астатніх. Напэўна, самым яскравым у дадзеным выпадку будзе прыклад брытанскага гумару, які сучасныя навукоўцы тлумачаць адметнасцю ў генах і асяроддзі, якое стварае і ў якім жыве пэўны народ [20].

Але нават тыя народы, якія не маюць такіх вядомых гумарыстычных традыцый, тым не менш захоўваюць пэўную спецыфіку свайго фальклорнага гумару. Гэта найбольш яскрава выяўляецца ў тэматыцы жартаў і тых персанажах, якія ў іх фігуруюць. Напрыклад, вялікая колькасць жартаў пра нецвярозы лад жыцця і станоўчае стаўленне да п'яных у гэтых жартах адрознівае фальклор усходніх славян нават ад тых народаў, якія жывуць побач і актыўна кантактуюць з імі, у прыватнасці, палякаў і літоўцаў. Акрамя таго, пэўныя персанажы выклікаюць смех толькі ў прадстаўнікоў некаторых народаў. Да ліку такіх персанажаў можна аднесці амерыканскіх юрыстаў. Па сведчанні вядомага даследчыка гумару Крысці Дэвіса (Christie Davies), нават калі жарты пра амерыканскіх юрыстаў выходзяць за межы ЗША і распаўсюджваюцца ў Еўропе, у іх працягваюць фігураваць менавіта амерыканскія, а не, напрыклад, брытанскія юрысты [15, с. 8].

У іншых выпадках, аднак, пераход жартаў з культурнай прасторы аднаго народа ў культурную прастору іншага суправаджаецца захаваннем сюжэта, але зменай персанажаў. Часцей за ўсё гэта такая змена адбываецца ў этнічных жартах. Такі аспект таксама ўяўляе цікавасць да даследчыка, таму што ён дазваляе даведацца, пра каго са сваіх суседзяў пэўны народ стварае якія стэрэатыпы і наколькі катэгорыя этнічнасці ўвогуле актуальная ў азначаны перыяд для дадзенага народа [14, с. 2]. Таму нават у аднолькавых па сюжэце і структуры гумарыстычных творах можна

сустрэць адметнасці, якія з'яўляюцца часткай культурнай спадчыны пэўнага народа.

Нарэшце, нават само падабенства ў сюжэтах і форме гумарыстычных твораў розных народаў нельга пакідаць па-за разглядам. У сучасны перыяд, калі глабалізацыя ахоплівае ўсё больш сфер жыцця, сходнасць паміж народамі з'яўляецца гэткай жа характэрнай часткай іх культурнай спадчыны, як і адрозненні паміж імі. Таму падабенства жартаў у розных народаў трэба разглядаць у гістарычным разрэзе: наколькі тыя ці іншыя сюжэты (і, суадносна, звязаныя з імі з'явы ментальнасці) былі характэрны для пэўнага народа ў час існавання традыцыйнага грамадства і якія з падабенстваў з'явіліся пазней, у час глабалізацыі. Апошнія можна разглядаць у кантэксце прыстасавання ментальнасці людзей і, адпаведна, іх нематэрыяльнай культурнай спадчыны да змен, якія адбываюцца ў сучасным грамадстве. Такое даследаванне дазваляе зрабіць высновы пра стаўленне асобных народаў да тых працэсаў, якія адбываюцца зараз ва ўсім свеце.

Такім чынам, такі зменлівы элемент культурнай спадчыны народа, як гумарыстычны фальклор, дазваляе даследчыку зрабіць істотныя высновы пра захаванне народам сваіх традыцыйных каштоўнасцей, пра адметнасці яго сацыяльнага жыцця і ментальных усталёвак, а таксама пра яго адаптацыю да глабалізацыйных працэсаў сучаснасці.

Літаратура

1. Беларускі фальклор: Хрэстаматыя: вучэб. дапам. для філал. спец. выш. навуч. установаў / склад.: К.П. Кабашнікаў [і інш.]. – Мінск: Выш. шк., 1996. – 856 с.
2. Жарты, анекдоты, гумарэскі // Беларуская народная творчасць. – 2-е выд., дапр. – Мінск: Беларуская навука, 2005. – 503 с.
3. Иванова, Т.В. Психология восприятия комического / Т.В. Иванова. – Самара: Издательство Самарского государственного педагогического университета, 2002. – 142 с.
4. Карский, Е.Ф. Белорусы: в 3 т. / Е.Ф. Карский. – Т. 3: Очерки словесности белорусского племени, кн. 1. – Минск: Беларуская энцыклапедыя, 2007. – 584 с.
5. Мечковская, Н.Б. Язык и религия: Лекции по филологии и истории религий / Н.Б. Мечковская. – М.: Изд.-торговый дом «Гранд»: Агентство «Фаир», 1998. – 349, [1] с.
6. Польский юмор: [Сборник. Переводы]. – М.–Л.: Искусство, 1963. – 207 с.
7. Сёлли, Д. Смех, его физиология и психология / Д. Сёлли; под ред. и с предисл. Л.Е. Оболенского. – СПб., 1905. – 92 с.

8. Сербов, И.А. Белорусы-сакуны / И.А. Сербов. – Петроград: Типография Академии наук, 1915. – 180 с.
9. Сіпакоў, Я. Зялёны лісток на планеце Зямля. Партрэт Беларусі: эсэ / Я. Сіпакоў. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2010. – 362, [4] с.
10. Фядосік, А.С. Анекдот / А.С. Фядосік // Беларускі фальклор. Энцыклапедыя: у 2 т. / пад рэд.: Г.П. Пашкова [і інш.].– Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2005. – Т. 1. – 766 с.
11. Фядосік, А.С. Жарт / А.С. Фядосік // Беларускі фальклор. Энцыклапедыя: у 2 т. / пад рэд.: Г.П. Пашкова [і інш.].– Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2005. – Т. 1. – 766 с.
12. Bellos, D. Is That a Fish in Your Ear?: Translation and the Meaning of Everything / D. Bellos. – Faber & Faber, 2011. – 384 p.
13. Chlopicki, W. O humorze powaznie / W. Chlopicki. – Krakow: Pol. Akad. Nauk. Oddz. w Krakowie, 1995. – (Nauka dla wszystkich / Pol. Akad. Nauk. Oddz. w Krakowie; 0077-6181; № 473).
14. Davies, C. Ethnic humor around the world: a comparative analysis / C. Davies. – Bloomington&Indianapolis: Indiana University Press, 1990. – 404 p.
15. Davies, C. Jokes and Targets / C. Davies. – Bloomington&Indianapolis: Indiana University Press, 2011. – 315 p.
16. Friedland, L. Joke retrieval: recognizing the same joke told differently / L. Friedland, J. Allan // Proceedings of the 17th ACM Conference on Information and Knowledge Management, CIKM 2008. – New York: ACM, 2008. – P. 883–892.
17. Oring, E. Humor in anthropology and folklore / E. Oring // The primer of humor research; ed. by Raskin. – Berlin–New York: Mouton de Gruyter, 2008. – P. 183–210.
18. Анекдоты про сапоги [Электронный ресурс]. – 11.03.2006. – Режим доступа: http://www.vysokovskiy.ru/story/sapogi/3. – Дата доступа: 09.04.2013.
19. Чи це мої ноги, чи не мої? // Куди тебе чорти несуть, га?! [Изоматериал]. Where on earth are you going, ha!: Украинский юмор начала XX века: Из частных коллекций: [Комплект открыток]. – [Б.м.]: Пресса, [Б.г.] – 10 отд. л. в обл. – (Старин. укр. открытка).
20. Bloxham, A. British humour «dictated by genetics» / A. Bloxham // The Telegraph [Electronic resource]. – 10 Mar 2008. Mode of access: http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/1581251/British-humour-dictated-by-genetics.html. – Date of access: 31.03.2012.

Ilona Beliatskaya
(Lithuania/Belarus)

FRAMING SOCIAL MEDIA USE FOR CULTURAL HERITAGE INTERPRETATION ON THE EXAMPLE OF PINTEREST

Автор обращается в концепции, которая подкрепляется развитием Интернет и особенно Web 2.0, а именно, как культурное наследие интерпретируется в социальных медиа и отражается в блогах. Вопрос рассматривается на примере Pinterest, который показывает, что сегодня общественность содействует развитию теории конвергенции культур. Автор стремится обозначить новые тенденции в интерпретации культурного наследия, в том числе с помощью блоггинга.

Cultural heritage is a broad field and, according to UNESCO, its definition evolves frequently and «the concept of heritage is an open one, reflecting living culture every bit as much as that of the past» [13]. Taking into account the fact that cultural significance of many places is not readily apparent, it, therefore, should be explained by interpretation. Nevertheless, the cultural heritage interpretation should be culturally appropriate. However, today it is possible to notice the tendency that traditional approach to cultural heritage interpretation is under the risk; thus, there is great necessity for innovative approaches by means of using Information Communication Technologies (ICT) and Web 2.0. Therefore, the main goal of this research is to represent a new emerging trend in social media, namely, collecting and exhibiting cultural heritage online on the example of *Pinterest*.

Obviously, the concept of interpretation is a successful way of managing heritage visitors and their potential impacts. Interpretation is essentially a process of communicating or explaining to visitors the significance of the place they are visiting [12]. Interpretation is a communication tool that is

used to facilitate the visitors' engagement with the places they visit. It has been described as «an educational activity» (Tilden, 1977), «a communication process» (MacFarlane, 1987), «a management tool» (Sharpe, 1982) and «a process of stimulating and encouraging appreciation» (Carter in Wearing & Neil, 1999) [15]. For instance, according to Herbert (1989), the role of interpretation is «to make people more aware of the places they visit, to provide knowledge, which increases their understanding and to promote interest which leads to greater enjoyment and perhaps responsibility». On the basis of this definition, it is possible to allocate three clear objectives of interpretation: 1) to educate people about the place they are visiting; 2) to provide an enjoyable, and even entertaining experience for visitors; 3) these two elements work together to increase visitors' respect for heritage and take responsibility for caring for it [12].

Effective interpretation as a dynamic process of communication enables visitors to make connections between the information being given and their own knowledge and experience. A great amount of means is widely used in cultural heritage interpretation. Besides the traditional means, such as guidebooks, illustrations, maps, etc., today innovative technologies are successfully applied (e.g. multimedia presentations that combine pictures, videos, music and text, virtual reality setups, interactive installations, individual guiding systems, online blogs and publics) as an interpretative media. Innovative technology solutions are ideal means of interpretation since they allow for a high degree of interactivity and (co)creativity, thus making interpretation a two-way, open-ended and ongoing process [2]. Accordingly, digital cultural communication is a new field of research, which intends to build a co-creative relationship between the cultural institution and the community by using new media to produce audience-focused cultural interactive experiences. However, another important thing that should be taken into consideration is the emergence of Web 2.0 and social media involvement in cultural sector. Social media reframes the understanding and the experience of cultural heritage. It occurs in the emergence of new social practices of collection, representation and communication, which are enabled and promoted by social media. These new media technologies allow the development of new dimensional interactive cultural experiences. New participatory media are to be elaborated; they enable widespread active participation in production of culture and community. They include blogs, wikis, RSS, tagging and social bookmarking, photo-video sharing, podcasts, etc.

Generally, social media and innovative technologies support new ways to engage with the people, interpretations and values that refer to a specific

territorial setting [5]. In recent years museums are increasingly repositioning themselves to be seen as places, «which encourage public discussion and participation within cultural narratives» [1]. This achievement has been stimulated by innovations in technology changing the way museums communicate with their audience. Furthermore, it has been recognized through the interest shown by the museum sector, where social media provides a unique opportunity for museums to connect with their potential visitors [9]. Additionally, social media provides museums with a way to convey their cultural purpose across to visitors and to keep themselves relevant in today's culture wars [7].

Today a huge number of museums have a profile on social media site in order to post news, promote their exhibitions or disseminate their content, organize participatory projects or create initiatives aimed at interacting with the visitors and starting conversation and debates. These platforms are a great source of data. Furthermore, a museum's presence on social media platforms comes not only from their own activity, but also from everyday visitors who are sharing content about the museum, expressing their opinions and experiences and even posting photos taken during their visit on platforms like Facebook, Twitter, Pinterest, Instagram [14]. This kind of social media create a new forum within which audiences can engage with museums to actively debate and express these reflections online. Social media provides unique opportunities for museums to investigate new roles in managing the relationship between cultural heritage and digital cultural content creation. Moreover, the ability for an individual to create and display content within the authoritative cultural environment reflects a growing global interest in the sharing of individual and collective experiences. In this case social media facilitates knowledge exchange through the social networking, which can be used in order to encourage audience to respond to their museum experience.

Pinterest is an image-sharing social network for creative people who are looking to organize their thoughts and inspiration. It is also called as a «visual bookmarking tool». Pinterest has just become the third most popular social network after Facebook and Twitter [8]. This social network is a form of a virtual pin board, allowing users to share imagery from across the web with estimated 25 million users. It is one of the fastest growing social media sites. Forbes even called it «the next social media giant» [17]. Users «pin» or «like» images or videos to do with themes or items that interest them. The service states its goal as connecting everyone in the world through the «things» they find interesting. Among the fast grow of Pinterest, a particular demographic group is the most prominent: young people who can be considered one of the main cultural institutions' target group [11].

The basic idea, which is underlined by Pinterest is the possibility to create and share boards made with interested users pinned on it. Therefore, the social network is fully fledged to host the activities and initiatives of museum, institutions and every single entity, which has to deal with culture and heritage. Moreover, for heritage institutions, it represents an opportunity to increase qualitative interactions with new audience. Creating boards with images from latest happenings or events related to the cultural heritage can give new possibilities to communicate in a creative and social way. Speaking about the role of Pinterest in museum's supervision, it could definitely change the way of interaction with information and images on the web. Pinterest could open another channel for conversation and inspiration from museums' communities to people who are inherently interested in the latest news in the museum world. It can also be utilized in exhibition planning. Numerous galleries and museums have picked up on Pinterest's most obvious artistic use: creating virtual, shareable versions of exhibitions and collections. The audience can preview pieces of art and museum items online and share their favorite artwork by re-pinning them onto their own boards. For example, the *Metropolitan Museum of Art* based in New York is using Pinterest to showcase part of its collection, categorizing the items into creative pinned pictures. Another example – *Chicago History Museum* – is taking virtual venue further by organizing gifts in the museum or gallery shop to a board. The *Contemporary Jewish Museum* in San Francisco is doing the same in order to encourage pinners (users) to share the most desirable items with their friends [16].

Obviously, it is possible to highlight the following advantages of using Pinterest in museum context [3]:

(I) showcase collections – as Pinterest is all about organizing images into themes and creating a some kind of exhibition, obvious use for museums on Pinterest is to create boards while highlighting their collections or conducting specific themes within them, and organizing these themes by genre, geographical origin, etc.;

(II) promote collections – another obvious use is for museums to create boards promoting (museum) products from their store. Since Pinterest shows curators how many times pins of a distinct museum were liked or re-pinned. As a result this lets the museum see which of their store products are most popular;

(III) generate discussion – Since Pinterest also allows to comment on pins, it offers a possibility to generate a discussion on a selected topic;

(IV) collaborate – another feature of Pinterest is to let other people to contribute to the museum's board. This option opens up a range of possibilities for current and future museum projects;

(V) recommend like-minded museums – the idea of like-minded recommendation is not new to the Internet. Today almost all social networks use this function and Pinterest is not an exception. Some museums are used to recommend like-minded and similar cultural institutions via Pinterest boards;

(VI) share related resources – as well as recommending other museums of interest, Pinterest boards provide to share with users all kinds of resources related to the relevant museums.

(VII) determine museum in global museum environment.

Pinterest can improve audience engagement by contributing comments on pinned items, allowing users to criticize gallery's artworks. It would help art organizations to stimulate audience in order to curate their own collections. Thus, it should be pointed out that today more and more institutions are opening their exhibition on Pinterest by means of sharing images of their collections and eventually providing contents specifically created for the social network. The key for successful communication on Pinterest is to provide great pictures that people will want to pin. It can be achieved by focusing on cultural participation and engagement and design methods for creating cultural interactive experiences, which stands for «the capture and analysis of disparate audience needs and the creation of new digital cultural content which includes user-led innovations» [27].

In the view of the above it is possible to say that new interactive technologies should be a part of the new approach for heritage learning. Museums should use social media in order to become a part of the knowledge-sharing networks. Previously, Freedman (2010) argued that museums should become «mediators of information and knowledge» for a range of users in order to be accessible on their terms, through their own choices, and within their own place and time [4]. Furthermore, Russo et al. (2008) proposed the widespread popularity and sustainability of social media as a tool for curatorial practice, participatory communication and informal learning [10].

Pinterest is rapidly expanding and has already become the third most-used social media platform, ranks after Facebook and Twitter. One of the biggest advantages of Pinterest is that it directly links to users' Facebook and Twitter accounts, becoming instantly accessible to individuals' already established networks. It also allows museums' or galleries' representatives to highlight and distinguish the content from museums and galleries that might be hidden in physical environment. Moreover, Pinterest is a great way to reach new audi-

ences that are not aware of distinct cultural institutions and collections they hold. Even if a person cannot physically visit a museum he/she can still visit its Pinterest page and take in a selection of the same sights. A great amount of American and European museums already pinned their exhibitions in order to make them accessible to all people. Moreover, the number of such museums is increasing. Opportunities for museums in using Pinterest may be the following:

- share collections in new ways – organizing collection objects under different themes;
- exhibit collections as museum and heritage objects;
- inspire pinners to re-pin images in their own categories (boards);
- use as an education tool;
- use as an audience research tool (using boards to seek comments about exhibition imagery/ ideas/ branding, etc.).

In conclusion, by facilitating re-use on social media, museum and heritage institutions will see their content being replicated not only on Pinterest, but across the web, which eventually promotes awareness of cultural heritage and its interpretation on the web. In fact, the effectiveness of the web presence is the key factor for cultural institutions. Providing quality contents worth sharing is a way to achieve this effectiveness.

References

1. Coffee, K. Museums and the Agency of Ideology: Three Recent Examples. Curator: The Museum Journal, 2006.
2. Economou, M. and Pujol, L. Evaluating the impact of new technologies on cultural heritage visitors // J. McLouglin, J. Kaminski, B. Sodagar (eds). Technology strategy, management and socio-economic impact, Heritage Management series. Vol. 2. Budapest: Archaeolingua, 109–121, 2007.
3. Example of how museums are using Pinterest. Museum Diary [online]. [cited 24.10.2013]. Available from World Wide Web: http://jennifuchs.tumblr.com/post/17227794320/examples-of-how-museums-are-using-pinterest.
4. Freedman, G. The Changing Nature of Museums // Curator: The Museums Journal, 2010. Vol. 43, issue 4. P. 295–306.
5. Giaccardi, E. Heritage and Social Media. Understanding heritage in a participatory culture, 2012.
6. Jenkins, H. Welcome to Convergence Culture, 2006.
7. Kidd, J. Enacting engagement online: framing social media use for museum, 2011.
8. Pinterest now the third most popular social network after Facebook & Twitter. Venture Beat Social [online]. [cited 23.10.2013]. Available from World Wide Web: http://venturebeat.com/2012/04/05/pinterest-third-most-popular-social-network.

9. Russo, A. [et al.]. Participatory Communication with Social Media, 2008.
10. Russo, A. [et al.]. Social media and cultural interactive experiences in museums // Nordisk Museologi, 2007. P. 19–29.
11. Social networks and cultural heritage. The case of Pinterest. Creative cooperation in cultural heritage [online]. [cited 24.10.2013]. Available from World Wide Web: http://www.creative-heritage.eu/4812.html?tx_ttnews%5Btt_news%5D=7057&tx_ttnews%5BbackPid%5D=4799&cHash=a7195f4b5d06614d3f8465e0488968d8.
12. Timothy, D.J. and Boyed, S.W. Heritage Tourism. Pearson Education Limited, 2003. 344 p.
13. UNESCO. Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural heritage. Paris, 16 November 1972.
14. Villaespesa, E. Diving into the Museum's Social Media Stream. Analysis of the Visitor Experience in 140 Characters. Museums and the Web 2013 [online]. [cited 21.10.2013]. Available from World Wide Web: http://mw2013.museumsandtheweb.com/paper/diving-into-the-museums-social-media-stream.
15. Wearing, S. [et al.]. Enhancing visitor experience through interpretation: an examination of influencing factors, 2008.
16. What Pinterest means for the arts? The Guardian Culture [online]. [cited 19.10.2013]. Available from World Wide Web: http://www.guardian.co.uk/culture-professionals-network/culture-professionals-blog/2012/feb/24/pinterest-uses-arts-organisations.
17. Why Pinterest could be the next social media giant. Forbes Investing [online]. [cited 19.10.2013]. Available from World Wide Web: http://www.forbes.com/sites/investor/2012/07/02/why-pinterest-could-be-the-next-social-media-giant.

Сергей Поляков
(Литва/Беларусь)

РИСК-МЕНЕДЖМЕНТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (на примере Помпей)

The article provides a review of the main approach to risk assessment and management at heritage sites. This approach is based on UNESCO's guidance and studies. Risk management affects many aspects from defining the context and outstanding universal value of cultural heritage and ending with the implementation of the strategies to treat risks. At present it can be said that the risk model examined in the study is universal and efficient. The article also shows the relationship between the risk approach and the case study of Pompeii, Italy. The result of the study indicated that most of the recommendations and requirements given by UNESCO to Pompeii's administration are repeated steps of the risk management approach.

Болезнь легче предупредить, чем лечить.
Н.И. Пирогов

На протяжении последнего десятилетия работа специалистов, занимающихся охраной культурного наследия, становится все более напряженной. Стремительное развитие массового туризма, природные катаклизмы, военные конфликты и банальное равнодушие стирают с лица земли объекты культурного наследия, возраст которых достигает порой нескольких сотен лет и даже тысячелетий.

Привычная политика устранения внезапных результатов происшествий, виновником которых нередко является человеческий фактор, признается все менее результативной. Множество организаций, в том числе Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), обращают внимание на необходимость

предупреждения рисков и угроз с целью сохранения культурного наследия и минимизации расходов по его восстановлению.

В то же время интеграция риск-плана в стратегию развития объекта очень часто откладывается из-за непонимания ценности и необходимости данного процесса. Наиболее безопасным и простым вариантом многие считают страхование, однако при полном уничтожении объекта культурного наследия выплаты страховой компании не помогут.

По состоянию на 2012 г. план по работе с рисками имеется не более чем для 10% объектов культурного наследия [2, с. 23]. Учитывая то, что первый международный документ, направленный на защиту культурных ценностей (Гаагская конвенция), появился еще в 1954 г., данный показатель является весьма незначительным.

На основе документов, подготовленных ЮНЕСКО в сотрудничестве с Международным советом музеев (ИКОМ) и Международным советом по сохранению памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС), можно сформировать универсальную модель работы с рисками, которая может и должна стать неотъемлемым компонентом стратегии развития любого объекта культурного наследия в независимости от контроля ЮНЕСКО.

Модель имеет шесть ступеней и графически может быть представлена следующим образом (рис. 1).

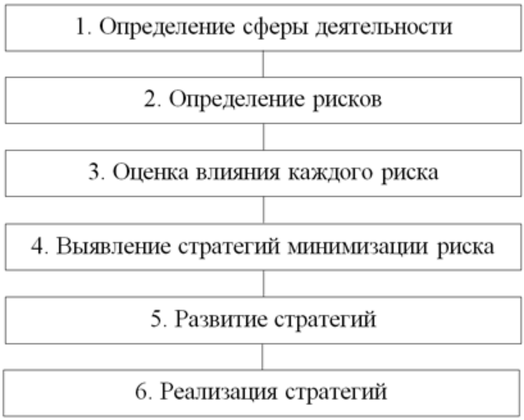

Рис. 1. Модель работы с рисками

Первый этап является наиболее важным, именно из-за его пропуска или непонимания оказывается безуспешной попытка внедрить всю мо-

дель в план управления объектом культурного наследия. Данный этап предполагает необходимость проведения аксиологического анализа, направленного на выявление ценностей объекта. Сотрудники всех уровней должны понимать ценность объекта, не только экономическую, но и культурную. Данная составляющая включает не только понимание, но и принятие ценностей, работа с культурным наследием должна рассматриваться не только как источник получения финансовой прибыли, но и как передача знания будущим поколениям для понимания своей идентичности и культуры. Наиболее важно, чтобы это понимание было у руководящего звена. Что касается объектов, претендующих на получение статуса объектов всемирного наследия, ЮНЕСКО требует представления письменного обоснования их выдающейся универсальной ценности, без выполнения данного условия объект не может быть включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО [7].

На данном этапе также проводится изучение контекста, а именно сбор всей информации об объекте: документации, фотографий и карт – всего того, что поможет ответить на вопросы: как, где, когда и кто совершал работы с рассматриваемым объектом. Изучать надо также и личность руководителя, модель управления и степень ее эффективности с целью понимания того, способен ли человек или управляющее звено реализовать план по работе с рисками.

На втором этапе проводится выявление рисков, для этого необходимо сформировать команду из специалистов различных областей (археологов, геологов, историков, культурологов). Предпочтения отдаются местным специалистам, которые знакомы со спецификой местности, а также обладают живой памятью о событиях, происходивших в отношении рассматриваемого объекта. Данный этап является продолжительным, и необходимо его начинать с рассмотрения рисков, последствия которых уже видны (растительность, затопления, проседание почвы). Перечень рисков огромен, но делится на шесть базовых категорий (рис. 2). При определении рисков надо думать об адекватности – первичности угрозы, продумывание последствий всевозможных маловероятных рисков может занять десятилетия. Например, не стоит делать упор на анализ устранения последствий извержения вулкана в районах, где вулканы или какая-либо сейсмическая активность отсутствуют.

Рис. 2. Основные группы и примеры рисков

Когда все риски и угрозы определены, начинается этап оценки влияния каждого компонента. Проводятся количественная и качественная оценки каждого риска с целью последующего ранжирования выявленных рисков. При качественном подходе учитываются два критерия: частота и тяжесть риска. По частоте риск может быть единичным, редким или постоянным, а по тяжести – разрушительным, средним или мягким (незначительным). При количественной оценке уровень риска рассчитывается по следующей формуле:

$$X + Y + Z = R,$$

где X – критерий частоты. Эксперты оценивают, как часто случается данный риск. Выставляется оценка от 0,5 (крайне редко) до 5 (часто, постоянно);

Y – критерий потери. Оцениваются потери после происшествия. Эксперты могут основываться на экономической, научной, исторической, социальной ценности, в зависимости от объекта культурного наследия. Выставляется оценка от 0,5 (незначительные потери) до 5 (полное уничтожение);

Z – критерий охвата. Оценивается число поврежденных элементов и/или объектов. Выставляется оценка от 0,5 (незначительные потери элементов здания) до 5 (уничтожение всех элементов здания или группы зданий);

R – размер риска. Полученное значение позволяет оценить угрозу риска. При приближении данного коэффициента к 15 риск является чрезвычайно высоким, при значении до 7 риск является минимальным, и его приоритет при рассмотрении низок.

Необходимо отметить, что в зависимости от объекта и его месторасположения критерии могут иметь свой шаг и градацию. Под понятием «крайне редко» может пониматься событие, происходящее раз в год (например, в регионах с большим количеством осадков, один дождливый день в году будет являться «крайне редким») или же раз в день (например, для объекта, находящегося около крупного аэропорта и разрушаемого от постоянной вибрации от взлетающих и садящихся самолетов, внезапное уменьшение количества взлетов и посадок до 1 в день будет являться «крайне редким»). Данное решение выносит группа специалистов, занимающихся анализом рисков.

На следующем этапе происходит выработка стратегий по минимизации риска. Можно выделить пять основных стратегий (таблица).

Таблица. **Различные стратегии, позволяющие минимизировать риск**

Стратегия	Описание
Избегание	Создание условий, при которых можно избежать угрозы. Возможна установка различных информационных табличек («не трогать», «не заступать», «не заходить»)
Блокировка	Установка различных барьеров (заграждений) для доступа к объекту
Предупреждение	Предупреждение угрозы с помощью установки различных средств мониторинга с целью немедленного реагирования
Реагирование	Применение различных мер после или во время того, как угроза осуществилась. Данная и последующая стратегии применяются в случае неэффективности предыдущих
Восстановление	Восстановление разрушенных элементов, объекта или группы объектов

На пятом этапе стратегию развивают из расчета ее действенности и стоимости, так как из-за ограниченного финансирования не всегда удается обеспечить наиболее эффективный способ по минимизации риска.

Также необходимо учитывать уровень неточности и неопределенности, чтобы не полагаться только на один метод. Довольно часто отсутствует гарантия, что тот или иной метод минимизации риска сработает безошибочно, при высоком уровне неопределенности развития событий необходимо иметь дополнительные меры и методы, которые будут реализованы в случае опасности. Уровень неточности зависит от достоверности информации, циркулирующей между работниками, связанными с охраной культурного наследия. При отсутствии важных данных об объекте (внезапное обрушение, порча) уже используемый метод может оказаться неэффективным, также дальнейшая оценка риска будет некорректной.

Завершающим шагом становится реализация стратегии. Наиболее важным требованием на протяжении всего процесса реализации модели по работе с рисками является информирование. Все работники, связанные с определенным объектом культурного наследия, должны своевременно получать и передавать точную и правдивую информацию. Все данные должны храниться централизованно и, по возможности, в электронном виде.

К сожалению, из-за игнорирования или непонимания ценности объектов культурного наследия часто возникает равнодушие, приводящее к серьезным последствиям, связанным с полной или частичной утратой многих объектов. Необходимо помнить, что объекты культурного наследия являются не только туристическими достопримечательностями, это огромный культурный пласт, передаваемый из поколения в поколение. Представленная модель работы с рисками может быть эффективным инструментом в деле сохранения объектов культурного наследия и должна стать обязательным компонентом стратегии развития любого такого объекта.

Далее рассмотрим возможность практического применения модели работы с рисками на конкретном примере археологической области Помпеи в Италии.

Некогда пострадавшая от извержения вулкана область Помпей снова разрушается, но в этот раз главную угрозу сохранности этого уникального объекта, внесенного в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, представляет человеческий фактор. Наибольшее внимание встревоженного международного сообщества было приковано к этому объекту в 2010 г., когда обрушилось одно из зданий, а именно Школа гладиаторов (Schola Armaturarum). В отчете по данному происшествию отмечалось, что воздействие разрушительных факторов распространяется по всему

участку, где располагалось разрушенное здание. Причинами обрушения были названы проливные дожди, а также неготовность работников к природным угрозам [7].

Количество работников в Помпеях достигает 500 человек, но охранников на весь комплекс всего 23, количество же посетителей превышает 20 000 человек ежедневно. Такое количество охранников не может обеспечить полный контроль, поэтому руководство держит большинство зданий закрытыми для посещения (т.е. в данном случае применяются рассмотренные нами выше стратегии избегания и блокировки). Туристы, пользуясь отсутствием охраны, проникают в здания, тем самым нанося им вред [6].

Необходимо разобраться, в чем именно состоят проблемы управления рассматриваемым объектом. Прежде всего следует отметить, что менеджерский план существует и управление не является бесконтрольным, однако при этом большинство сотрудников не знакомы с данным документом и его содержанием. Кроме того, необходимо вернуться к первому шагу в модели по работе с рисками (рис. 1): в случае Помпей следует отметить проблемы в понимании ценности объекта, тем самым, как было подчеркнуто выше, из-за упущения этого шага дальнейшая работа не может проходить эффективно [7].

По результатам экспертных проверок, различных собраний и конференций было решено выделить совместно с Европейским союзом 105 млн евро на развитие археологической области Помпей, Геркуланума и Торре-Аннунциата. Был утвержден Главный проект Помпеи (Grande Progetto Pompei), одной из задач которого является, в том числе, составление менеджерского плана, в котором будет детально проработана программа по работе с рисками и угрозами. Однако руководство Помпей не проявило инициативы в подготовке данного плана. С целью предотвращения дальнейшего разрушения археологической области Помпей экспертами ЮНЕСКО совместно с местными специалистами был подготовлен перечень рекомендаций с обозначением конкретных сроков их реализации. Перед руководством Помпей поставлена задача начать реализацию работы с рисками не позднее конца 2014 г. В случае невыполнения данного условия будет принято решение о включении Помпей в список объектов, находящихся под угрозой.

Научные сотрудники и студенты вузов могут помочь в подготовке предварительной информации, на это выделено 8 млн евро. Данная деятельность поможет в понимании масштаба работы. Некоторые объекты не требуют детального рассмотрения и достаточно работы только с эле-

ментами зданий. В случае с Домом гладиаторов необходима работа над целым зданием.

Связь модели по работе с рисками и текущего состояния менеджмента Помпей покажет анализ некоторых рекомендаций ЮНЕСКО, сформулированных по результатам встречи 7–10 января 2013 г., посвященной ситуации в Помпеях, Геркулануме и Торре-Аннунциата.

1. ИКОМОС рекомендует пересмотреть миссию и выдающуюся универсальную ценность данной археологической области. Данная рекомендация представлена под первым номером и является наиважнейшей в постройке фундамента; о важности понимания ценности объекта было сказано выше.

2. Руководство должно разработать альтернативные решения по увеличению штата охранников, работающих, в том числе, в ночное время. Данная рекомендация наравне со следующими двумя иллюстрирует явную угрозу, а именно пробел в менеджменте данного объекта. Эта рекомендация соответствует пункту номер два в модели по работе с рисками. Необходимо пояснить, что данная проблема возникает из-за итальянского законодательства, которое не позволяет увольнять работников, так как они находятся на государственной службе. Принятый Главный проект Помпеи позволяет найти выход, а именно предоставляет возможность найма сотрудников по контракту в рамках данного проекта.

3. Руководство должно разработать альтернативные решения по увеличению штата технического персонала и ремесленников, которые будут способны быстро реагировать в случаях поломок и повреждений.

4. Проект нового, переработанного менеджерского плана должен быть предоставлен не позднее 31 декабря 2013 г.

5. Руководство должно составить предложения по новой буферной зоне вокруг археологической области к 1 февраля 2014 г. с указанием точных границ и цели использования данной зоны. Буферная зона относится к контексту, в рамках которого и осуществляется вся управленческая деятельность, также является подготовительным этапом, как и определение ценности объекта. Данная зона не может быть универсальной для всех объектов. Для каждой области должны быть определены свои рамки, что связано со множеством факторов, влияющих на культурное наследие (постройка зданий в непосредственной близости, прокладка трасс, рытье траншей).

6. В процессе реализации Главного проекта Помпеи необходимо сохранить все данные для использования их в будущем. Стоит отметить, что эти данные должны находиться в открытом доступе, чтобы специ-

алисты всех профилей могли использовать их для выявления, оценки и минимизации дальнейших угроз.

Если в ближайшие два года Главный проект и другие инициативы не будут реализованы, то внесение объекта в список культурного наследия, находящегося под угрозой, станет неизбежным.

Модель по работе с рисками, рассмотренная выше, вписывается в рамки данных рекомендаций и могла быть использована и раньше без лишних затрат на проведение исследований, конференций и встреч.

Случай с Помпеями является частным, но подобные проблемы характерны для многих объектов культурного наследия и в других странах. На наш взгляд, работа с рисками должна быть, прежде всего, закреплена на уровне законов и требований. Такие организации, как ЮНЕСКО, не могут насильно заставлять действовать руководителей и менеджеров объектов культурного наследия, они могут вырабатывать рекомендации или, в крайнем случае, исключать объект из Списка всемирного наследия ЮНЕСКО (данная мера сократит финансирование и уменьшит туристический поток). Все основные действия осуществляются управленцами конкретных объектов, и, соответственно, на них же лежит ответственность за будущее этих объектов.

Необходимо понимать, что при наличии готовой методики подходов к рискам ее стоит внедрять повсеместно. Различные встречи и конференции, посвященные одному объекту, являются затратными по времени и деньгам, а как показали недавние события в Белизе и Перу и военные конфликты в Сирии, практически уничтожившие множество объектов культурного наследия в регионе, времени крайне не хватает. Рассмотренная модель по работе с рисками, безусловно, должна дорабатываться и совершенствоваться, но уже на данном этапе она доказала свою эффективность, в связи с чем может быть рекомендована к более широкому внедрению.

Литература

1. Church, M. The uncertain future of Pompeii's extraordinary ruins. World Socialist Web Site, 2012 / M. Church [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.wsws.org/en/articles/2012/03/ppei-m06.html. – Date of access: 20.10.2013.
2. ICCROM, ICORP, UNESCO. Heritage and resilience. Issues and opportunities for reducing disaster risks. – 2012. – 60 p.
3. Ministero per i Beni e le Attività Culturali, Grande Progetto Pompei. – Rome, 2012.
4. Stovel, H. Risk preparedness: a management manual for world cultural heritage / H. Stovel. – Rome: ICCROM, 1998. – 145 p.

5. UNESCO. Managing Disaster Risks for World Heritage. – Paris, 2010. – 69 p.
6. UNESCO. Report of the joint UNESCO WHC/ICOMOS reactive monitoring mission to the archaeological areas of Pompei, Herculaneum and Torre Annunziata (c829). – Italy, 2013. – 87 p.
7. UNESCO. State of conservation of World Heritage properties inscribed on the World Heritage List. – Paris, 2011. – 182 p.
8. UNESCO. The Criteria for Selection [Electronic resource]. – Mode of access: http://whc.unesco.org/en/criteria/. – Date of access: 20.10.2013.
9. UNESCO. Towards a governance system for coordinating the updating and the implementation of the Management Plan of the Archaeological Areas of Pompei, Herculaneum and Torre Annunziata. – Pompei, 2012.

HISTORY FROM BELOW – ИСТОРИЯ «СНИЗУ»

Паліна Скурко
(Беларусь)

ПАЎСЯДЗЁННАСЦЬ ЖЫХАРОЎ ВКЛ XVI–XVIII СТАГОДДЗЯЎ У АДЛЮСТРАВАННІ КНІЖНЫХ ІНСКРЫПЦЫЙ

Inscriptions in the books appeared together with the book and existed as part of the book culture. They show how the perception of the book was changing in society of the Great Duchy of Lithuania in the 16–18th centuries. Firstly, the book was a miracle and then it became a reality, an object of veneration, collecting but also of criticism. By the 18th century the book was firmly embedded to everyday life not only of the nobility but also of citizens and even part of the peasantry. Although they were mostly illiterate, information about their thoughts, actions and events of the «silent majority's» everyday life has come to us including through book inscriptions.

Запісы ў кнігах – кніжныя інскрыпцыі – з'явіліся разам з кнігай і існавалі заўсёды як частка кніжнай культуры. Успрыняцце кнігі ў грамадстве ВКЛ XVI–XVIII стагоддзяў змяняецца: з цуда яна ператвараецца ў рэчаіснасць, аб'ект шанавання, збірання, але таксама і крытыкі. Да XVIII стагоддзя кніга трывала ўваходзіць у паўсядзённасць не толькі шляхты, але і месцічаў, і нават часткі сялянства. І хоць сялянства было пераважна непісьменным, звесткі пра думкі, дзеянні, падзеі з паўсядзённага жыцця гэтай «маўклівай большасці» дайшлі да нас у тым ліку праз кніжныя інскрыпцыі.

Запісы на кнігах адлюстроўваюць розныя праявы жыцця, але найчасцей звязаныя з кнігакарыстаннем і кніжнай культурай. Месцічы ды сяляне бралі ў рукі кнігу прынагодна, і адной з такіх нагод быў уклад у царкву. Кнігу куплялі ў святара суседняй парафіі, манаха, вандроўнага гандляра, на рынку, у краме і перадавалі ў мясцовы храм.

Інскрыпцыі паказваюць, што кнігу для ўклада мог купіць адзін чалавек – мужчына ці жанчына: «Купил раб Божый Василий по прозвиску Бондар и дал до храму» [2, с. 71], «дала сию книгу раба божиа Григорьевая Ходкевичовая пани виленская гетмановая навышшая великого князства литовского, старостиная городенская и могилевская, княжна Катерина Ивановна Вишневецкая» [6, с. 73–74]. Магла купіць кнігу і сямейная пара: у 1604 г. «многогрешный и унылый раб Божий Павелъ Ковал со женою своею Анною купил… и придал сию книгу ку храму» [2, с. 119]. А з 1580 г. дайшоў выпадак, калі кнігу ахвяравала сям'я: «пан Мелен из панею своею Феодосию из Богом данными панятыми своими» [2, с. 165].

Пакупнікамі і ўкладчыкамі магла выступаць група жыхароў, як у запісе 1582 г. са старадаўняга мястэчка Нобель на Піншчыне: «Дана сія кніга… до церкви святое пречистое рождества во граде Нобли на престол через рабов божих то есть именовите напервей величко петрычич а иван вицеревич а михач Черанович и своих особ сами от себе грошей на Евангелие дали» [8, с. 46].

Для чалавека XVI–XVII стагоддзяў кніжны ўклад у царкву азначаў буйное грашовае ахвяраванне (што падкрэсліваюць выпадкі, калі дарыцелі прыносілі ўклад у выглядзе грошай на кнігу), а таксама павагу ад грамады, якая магла даведацца пра ўклад у тым ліку ад сведкаў, што прысутнічалі пры перадачы кнігі: «Я раб божій Гордей із жоною своею Воувдею… сію книгу рекомую евангелие… предал до храма… На то призвал есми людей добрых и меновите Клима мелника, Лукиана, Василия Ивашченка» [8, с. 42].

Кніга ў той час ужо служыла аб'ектам куплі-продажу і абмену. Часцей за ўсё акты аб продажы складалі прадаўцы кніг проста на старонках: яны «рукою власною» пісалі аб гэтым дакумент («Сию книгу продал и руку приложил») [6, с. 225].

Часам на кнігах трапляюцца сцёртыя, напаўсцёртыя, заклееныя або выразаныя ўласніцкія надпісы. Яны сведчаць пра яшчэ адзін аспект паўсядзённасці: крадзеж кніг, якія мелі значную матэрыяльную вартасць [11, с. 35]. Новыя гаспадары маглі зацерці не ўвесь уладальніцкі надпіс, а толькі імя гаспадара або назву манастыра, які ёю валодаў. Не дзіва, што пры продажы прадаўцы часам дапісвалі ў кнігі «а сия книга некраденная» [6, с. 71]. Вялікі попыт на кнігі і магчымасць іх выкрадання тлумачыць наяўнасць ахоўных надпісаў з пагрозамі злодзею. Адна з самых частых пагроз за крадзеж – «буди проклят въ семь веце в будущом» [8, с. 89]. Сустракаліся і больш экспрэсіўныя запісы: «А хтобы то надане смел узяти из церкви святое… перенести албо на свой пожиток обернути

анафема нехай будет проклят в сей век и будущій и хто отомет нехай ему отомет Господь Бог живот вечный, нехай его Господь Бог скарает як царя Набуходоносора, нехай як цар Балтазар згинет а я запозиваю его на страшный суд Божій» [8, с. 29]; «хто сию книгу украдет тому рука по локець одпадет. Базиль» [5, с. 75]. А «ўдасканаленую» анафему XVIII стагоддзя напісаў у новакупленай кнізе Мінеі нехта Раман Іванік: «а по смерім моей повинни еи дети мои исправити а хто би ей бы мел (украсти) той нехъ на мурованой шибеници у львове (повисне) на веки аминъ» [2, с. 391].

Праклён мог падаць не толькі на злодзея, але і на нядбайнага чытача: «Аще кои поп или диак чтет сию книгу, а не застегнет – проклят будет» – зазначаў нейкі абачлівы кнігаўласнік. Ён баяўся таго, што пергаментныя аркушы, не сціснутыя дошкамі вокладкі, могуць скручвацца, у выніку чаго кніга псуецца [10, с. 22].

Кніга ўжо ў XVI стагоддзі магла выступаць у якасці падарунка. Так, Кіеўскі мітрапаліт на Апостале выказаў пажаданні, падобныя да тых, што ў XXI стагоддзі зазначаюць на паштоўках: «ихъ велможному пану Ивану доброго здоровия и вшаликих радостий хвуртун на часы долгия и пана Бога верне» [2, с. 73]. На Статуце 1588 г. дарыцель у 1643 г. занатаваў: «Пан Лаврин Киркило, возный Упитского повета подарил Яну Поляку русчизны не умеющему» [6, с. 164].

Кніга выступала як нататнік, папера для запісаў. Хоць асобныя аркушы паперы можна было набыць, аднак набывалі яе, відаць, у асноўным для работы і канкрэтнай справы. А свае думкі ды пачутыя народныя мудраслоўі людзі XVI–XVIII стагоддзяў запісвалі на палях: «То спит до слоца сходящяго, то не вбежит пекла горящаго», «Пчела летит на красен цвет и собирает себе медвяную сладость, а мудрый человек на полезное слово, собирает себе сокровища духовные» [1, с. 113, 141]; «Synu z młodosci nabywai mondrosci abys nie był na potym w załosci. Zdaie mi sie napiłbym sie alie mi sie zdalo ze penienzyi mało. Pan Bug a worek to pryiacioł prawyi a ludzka pryiazn tylko dla zabawy», «Кому бедне і еще коупил, то ся мудрости не научил», «Лепше железо варити, нежели злую жену учити» [2, с. 82, 257, 269]. Сэнсава мала змяняюцца афарызмы ў XVIII стагоддзі: «Як свеща во храме светиться так муж о доброй жене хвалиться. Як роса от солнца исахае так муж от злой жоны погибае. Волевъ бы железо варити нежели злую жену оучити» [2, с. 269]; «Kon bez ogona y bez grywy a pana bez posagu to sobie ruwne – kto piy a placi ten zydowy dobry priacil», «Хто богъ той всемудрост, а хто нечого не мает того нехто не знает» [2, с. 201]; «Kto chce gorzalkie pic ludzkie to trzeba swoje kupic, kto darmo pije, to darmo

bijo», «Kto chodzi po nocy, ten szuka swoi niemocy By cie bito y smiano swoli nie powieday co sie dzieje s mocy Kroli...», «Пиши часто не ленися, низко бардзо не хилися» [2, с. 274]. Сустракаюцца і афарызмы, падпісаныя кнігаўласнікам: «Sinu z mladosti nabiway mondrzosci, bondz mondrim… Anno Domini 17 februarys 25. Teodorz Wieniawsky popwicz krolewsky» [5, с. 158].

Кніжныя інскрыпцыі даюць звесткі і пра палітычныя ды рэлігійныя перакананні чытачоў, іх пазіцыю ў рэлігійнай палеміцы. Так, карыстальнік натаванага Ірмалоя зазначыў на палях: «Amen яко Bozhe day aby wszystka roś poszła w ray a lachy do piekła day» [2, с. 259]. На Апостале чытач запісаў вершык, які, верагодна, выяўляў яго сацыяльныя антыпатыі: «Gdyby żydzi z panami nie szelmirowali dawno by już z głodu jak psy pozdychali», а побач ён жа занатаваў малітвы на лаціне [2, с. 76]. А на палях «Трэнаса» М. Сматрыцкага можна назіраць завочную спрэчку чытачоў з аўтарам. Праваслаўны Сматрыцкі напісаў свой твор па-польску, каб тэкст быў успрыняты адрасатам. Ён назваў прыхільнікаў уніі невукамі, нахабнікамі, незвычайнымі грубіянамі, лісліўцамі, удзельнікамі вакханалій, валацугамі-камедыянтамі, святапрадаўцамі. Чытачы на палях адказалі яму тым жа: «Аўтар брыдкі схізматык-блюзнерца», «Гэта кніжка даўно была вартая спалення, толькі не было ката», «Укладзена самім Люцыферам і ў пекле надрукавана» [12, с. 258].

Варыятыўнасць кніжных надпісаў павялічвецца ў XVIII стагоддзі. Працягваюць рабіцца традыцыйныя надпісы аб укладах, прыналежнасці кнігі, надпісы-каментары, запісы перапісчыка, запісы пра куплю-продаж кнігі і г.д. Але з'яўляюцца і новыя тыпы запісаў, напрыклад, апісанне гістарычных падзей (абранне вялікіх князёў/каралёў, падзеі дзяржаўнага і мясцовага маштабу), згадкі пра ваенныя ліхалецці, стыхійныя бедствы (ураган, град, напад саранчы) [7, с. 320].

Таксама пачынаюць з'яўляцца запісы бытавога характару, у асноўным аб цэнах на збожжа ды іншыя прадукты. Напрыклад, на спісе Апостала выдання Івана Фёдарава знаходзіцца пералік цэн на грэчку, ячмень, авёс сярэдзіны XVIII стагоддзя, тут жа занатоўка пра надвор'е: «Року Божого 1747 zyma bula lycha» [2, с. 87]. На іншай кнізе запісы гаспадарчага зместу, разлік даходаў-расходаў суседнічае з памінальным запісам і занатаванымі на палях малітвамі [2, с. 209].

Распаўсюджанне агульнай граматнасці, пашыранае вывучэнне дакладных навук зрабіла магчымым з'яўленне не толькі надпісаў–грашовых разлікаў, але і надпісаў–матэматычных вылічэнняў: часта на першых старонках чытачы ды кнігаўласнікі ў слупок лічылі, колькі прайшло з года выхаду кнігі [7, с. 134]. Акрамя каштоўнасці культурнай і антра-

палагічнай, кожны канкрэтны такі запіс дае інфармацыю гістарычную: верхні год слупку – гэта год набыцця або прачытання кнігі, пры супадзенні почырку і чарніла робіцца магчымым датаваць і іншыя запісы з гэтай кнігі.

У выданні «Другога закону» Скарыны захаваўся запіс XVIII стагоддзя, які паказвае, што кнігі выкарыстоўваліся і як чарнавікі: «Мне ве(л)це ласкавы пане брате пише до ваш(ей) м(ило)сти... здоровя в. м. прошу в. м. на вевля рак» – зварот да нейкага пана па дазвол лавіць ракаў [5, с. 162].

Такім чынам, можна адзначыць больш утылітарнае стаўленне да кнігі ў XVIII стагоддзі: гэта не толькі папера для вылічэнняў і чарнавікоў; гэта таксама тэкст, які правяць і рэдагуюць. Пашыраюцца падкрэсліванні геаграфічных назваў, дат і імён, на палях дапісваюцца гады і падзеі, робяцца заўвагі наконт памылак у тэксце. У рукапісным зборніку павучанняў, жыцій і слоў другой паловы XVI – пачатку XVII стагоддзя чытач XVIII стагоддзя зрабіў запіс–спробу пяра: «Покоштувати пера ци доброе если злое то пречь» [2, с. 223]. Так вытанчана аўтар «распісаў» пяро, перш чым брацца за складанне важнага ліста ці дакумента. Роспісы пяра сустракаюцца і ў судовых актавых кнігах, і ў рэлігійных, і ў забаўляльных. Вынікае, што папера ў той час была больш каштоўная за кнігі. Паперу берaглі для складання дакументаў; кніга ж не станавілася горшай і менш каштоўнай, калі ў ёй з'яўляліся пэўныя надпісы ці крэсленні.

Надпісы XVIII стагоддзя сведчаць, што і тады працягваецца традыцыя царкоўных укладаў. Але ў гэты тып надпісаў былі ўнесеныя ўдакладненні, напрыклад, дапіскі аб дзейсных кіраўніках царкоўных і свецкіх. Так, запіс у Евангеллі-тэтр кажа, што кніга была перададзеная ў 1743 г. «при державе благовернаго короля Августа третаго, за преосвященного архиепископа Флориана Гребницкаго, к церкве Соборной Витебской, храма Успения пресвятой Богородицы чину св. Великаго Василиа, тщанием господина Николая Чернобровки и супружницы его Евфросинии» [9, с. 177].

Менавіта ў XVIII стагоддзі пры кожным манастыры фарміруюцца кнігазборы, і адпаведна з'яўляюцца запісы прыналежнасці кнігі да пэўнай бібліятэкі: «Сия книга есть с библиотеки… Василия Великого 1755 Анно подписана» [1, с. 134].

Трэба зазначыць, што інскрыпцыі паказваюць не толькі бакі паўсядзённасці, звязаныя з кнігай. Напрыклад, можна ўбачыць праявы інтэлектуальнага (і не вельмі) гумару XVII–XVIII стагоддзяў. Напрыклад, запіс выхадца з Гальшанаў Макара Ільвовіча: «ъшорг аз ъшург ъмад умот ътетчорп еіс отк» («кто сіе прочтетъ тому дамъ грушъ за грошъ»)

[4, с. 213]. Або запіс перапісчыка Мінеі святочнай XVI стагоддзя: «пити ми ся хоче покушаю чернила» [2, с. 274]. Усе словы да нашага часу захавалі сваё значэнне, толькі «покушать» у старабеларускай мове азначала «паспрабаваць», «пакаштаваць». Прыклад не вельмі прыстойнай інскрыпцыі на беларускай лацінцы месціцца на Актоіху 1740 г.: «Pisaw Pisaka [a] chto Preczitaya toy Sraka» [3, с. 150].

Старыя кнігі ўтрымліваюць і больш сур'ёзную інфармацыю, напрыклад, дакументы, перапіску. На ўкладным аркушы ў рукапісным Евангеллі XVI–XVII стагоддзяў можна прачытаць цэлы ліст: «Во бозе лебный отче Иване за молитвами пресвятыя Богородица и я вам всего добра зычливый приятел а пре то упрашам ласк ваших… с которим мужем на тую заставу дати гречки с пуд… с тым се ла(с)це вашей отдае отец Василем презвитер полицки и проше о термин». Праз пэўны час айцец Васіль атрымаў «зычлівы», але несуцяшальны адказ: «Отче Васїлїей, Телеснаго здравїя а дшевнаго спасенїя от господа Бога зичу вам яко сам собе рачит вам писати… гречки радбым вам в тим услужити албо вигодити але не можна(.) речь того часу нам де бардзо зле стало драпезство великоею затим ся ласце и молитвам… а до того не маеш… всего добра не родилося. Зичливый отец и брат Іоан». Застаецца здагадвацца, што і калі прымусіла пісаць аднаго святара да іншага і якое «драпезство» перашкодзіла дапамагчы грэчкай суседняму прыходу. Магчыма, айцец Васіль быў святаром у сяле Паліцы, што знаходзіцца ў сучасным Уладымірэцкім раёне Ровенскай вобласці Украіны. Запіс, хутчэй за ўсё, адносіцца да XVII стагоддзя і сведчыць пра цяжкасці вёскі ў перыяд паміж крывавых войнаў гэтага часу. Відавочна, айцец Васіль або яго набліжаныя, разумеючы важнасць дакумента, прышылі яго ў кнігу [6, с. 42–44].

Увогуле, асобнай тэмай можа быць змяненне ролі кнігі ў паўсядзённасці экстрэмальнага часу, напрыклад, у вайну. Гэтае змяненне таксама магчыма прасачыць па кніжных запісах. Так, у 1658 г. маскоўскае друкаванае Евангелле 1553 г. ахвяравалі «Василии и Симеон… мещане Витебские на церков Ринка <…> Воскресенка Витебску стоячую <…> на чест и хвалу господу богу вечными часы» [6, с. 16]. Гэты ўклад здзяйсняўся падчас расійскай акупацыі Віцебска ў вайне 1654–1667 гг. Перажыванне ваенных ліхалеццяў выклікала ўзмацненне сэнсу кнігі як духоўнага сімвала. Уклад – магчымасць падбаць пра сваё зямное жыццё, жыццё сваіх родных, але таксама і просьба да Бога аб спрыянні душы ўкладчыка пасля смерці. Мэты і матывы ўкладаў выразна прасочваюцца па запісах. Гэта і «свое отпущение грехов за живота своего за здравие телесное и душевное спасение», «за свое отпущенїе грехов и за родичов своихъ», у

памяць пра сябе («на память своей души и своих родителей в вечный поминок»), проста «ку чести и ку хвале Божей». Уклады рабілі і за чыёсьці здароўе, і ў памяць членаў сям'і (мужа, жонкі, дзетак). Уклад – спроба праз матэрыяльны ўнёсак дамагчыся вечнага жыцця. І абавязковае напісанне свайго імя, імя сваіх родных – жывых і памерлых – гэта спроба чалавека ўвекавечыць сябе. І кніга тут выступае як сімвал вечнасці. Калі лічыць, што «гісторыя – гэта ўваскрашэнне» (паводле вызначэння Жуля Мішле), то гісторык здольны «ўваскрасіць» усіх тых, хто сваімі ўкладамі і подпісамі ў кнігах намагаўся застацца ў вечнасці. Вось імёны гэтых «нямых сведкаў гісторыі», герояў паўсядзённасці: Хадора, Усціння, Агаф'я, Марыя, Таццяна, Лукерыя, Алена, Матруна, Арынія, Марушка, Домна, Тэрэса, Любка, Ганна, Палагія, Ірсціна, Куліна, Марэна, Марта, Галя, Кацярына, Гарпіна, Еўдакія, Гафея, Параскева, Пазея, Вувдзея, Арына, Марухна, Варка, Еўга, Настасся, Васіліса; Арцемій, Грыгорый, Афанасій, Навум, Андрэй/Андрусь, Семіон, Матфей, Ігнат, Несцер, Мікіта, Антон, Юська, Сенька, Лаўрэн, Каленцій (Калістрацій), Гафон, Якім, Харытон, Цімафей, Кандрат, Гервас, Грыц, Іван, Ілля/Ілька, Сцецка, Дміцер, Раман, Пракоп, Гаўрыла, Міхайла/Міхалка, Яцак, Ванька, Нічыпар, Саўка, Логін, Мануіл, Данііл, Кліменцій, Цярэнцій, Мелхій, Пракопій, Георгій/Юрый, Ярэмій, Аляксей, Піліп, Канстанцін, Фама/Хама, Марцін, Панцелямон, Мацка, Мелен, Мелецій, Клім, Гардзей, Федзька, Сава, Лявонці, Радзіон, Врун. Такія імёны жыхароў ВКЛ сустракаюцца ў надпісах XVII стагоддзя. Наступнае стагоддзе пакінула нам і прозвішчы: Кавалёнак, Сянкевіч, Мароз, Кошка, Сушка, Вяргун, Уласёнак, Самалёнак, Арэшка, Салавей, Цюрбан, Салабух, Падолеш, Кебал, Мацюк, Сазат, Лісін, Козел, Мурашка, Дзікі, Варолак [2, с. 128; 8, с. 23].

Кніжныя інскрыпцыі – цікавая і мала вывучаная крыніца для разумення паўсядзённасці, думак, звычаяў людзей XVI–XVIII стагоддзяў. Яны дапамагаюць зразумець і ролю кнігі ў паўсядзённасці гэтага часу (а ставіліся да яе з павагай: «я Васко Петрашковыч Матковский прошу чэтэлников щобисте тую книгу шановали» [2, с. 70]). Зразумела, кніжныя інскрыпцыі не ствараюць поўную карціну паўсядзённасці, але рэканструююць пэўныя яе аспекты, што не раскрываюцца праз іншыя крыніцы.

Літаратура

1. Исторические сборники 15–17 вв. Описание рукописного отдела БАН СССР. – Т. 3, вып. 2: Наука. – М., 1965. – 364 с.

2. Кириличні рукописні книги у фондах Львівської наукової бібліотеки ім. В. Стефаника НАН України: каталог. Т. 1: XI–VI ст. / уклад.: М.М. Кольбух, Т.М. Гуцаленко, О.О. Дзьобан [та ін.], передм. М.М. Кольбух. – Львів: Оріяна-Нова, 2007. – 521 с.
3. Лаўрык, Ю.М. Беларускія кніжныя інскрыпцыі XV–XVIII ст. / Ю. Лаўрык // Здабыткі: дакументальныя помнікі на Беларусі. – Мінск, 2004. – Вып. 6. – С. 114–162.
4. Нікалаеў, М. Палата кнігапісная: Рукапісная кніга на Беларусі ў X–XVIII стагоддзях / М. Нікалаеў. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1993. – 239 с.
5. Немировский, Е.Л. Книги кирилловской печати 1491–1550 / Е.Л. Немировский. – М.: Пашков дом, 2009. – 269 с.
6. Немировский, Е.Л. Книги кирилловской печати 1551–1600 / Е.Л. Немировский. – М.: Пашков дом, 2009. – 269 с.
7. Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Вып. 1 (Хронографы, летописи, степенные, родословные, разрядные книги) / сост.: В.Ф. Покровская, А.И. Копанев, М.В. Кукушкина, М.Н. Мурзанова. – 1959. – 707 с.
8. Описание рукописного отдела и старопечатных книг библиотеки Минского церковно-археологического комитета / А. Снитко. – Минск, 1909. – Вып. 1. – 74 с.
9. Перетц, В.Н. Рукописи библиотеки московского университета, самарских библиотеки и музея и минских собраний / В.Н. Перетц. – Л.: Издательство АН СССР, 1934. – 193 с.
10. Розов, Н.Н. Русская рукописная книга / Н.Н. Розов. – Л.: Наука, 1971. – 123 с.
11. Слуховский, М.И. Русская библиотека XVI–XVII вв. / М.И. Слуховский. – М.: Книга, 1973. – 252 с.
12. Topolska, M.B. Czytelnik i książka w Wielkim Księstwie Litewskim w dobie Renesansu i Baroku / M.B. Topolska. – Wroclaw: Ossolineum, 1984. – 338 s.

Михаил Погорелов
(Россия)

КОНСТРУИРОВАНИЕ ДУШЕВНОЙ БОЛЕЗНИ В КЛИНИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ ПСИХИАТРИИ в 1880–1890-е гг. (на материалах архива Московской Преображенской психиатрической больницы)

The article focuses on the clinical practice of the Moscow Preobrazhensky mental hospital in the late imperial period (1880–1890) when the asylum reform and professionalization of psychiatrists was carried out in the Russian Empire. Reconceptualization of mental illness in this period demonstrates the psychiatrists' growing attention to social aspects in the explanation of origins of mental illness (such as criminality, drunkenness and depravity): they began speaking about it in terms of social disorder. Drawing on records of the Moscow mental hospital' archive, the article examines how distinction of individuals marked as insane was made by physicians and how mental illness was defined.

В последней четверти XIX века российская психиатрия становится дисциплиной, концептуальный аппарат которой используется для описания радикальных и стремительных социальных изменений, а психиатрическая больница – местом, где эти изменения делаются видимыми. В этот период происходит институционализация психиатрии: в университетах появляются кафедры, преподавательский состав, научные журналы, образуются региональные, а затем и всероссийские общества. С этим связано движение за реформирование психиатрической помощи. В старые больницы приходят подготовленные врачи и пытаются изменить сложившийся режим приема больных [13, с. 201]. Организованные после реформ земства органы городского самоуправления способствуют строительству новых больниц и перестройке и расширению старых. Профес-

сионализация психиатрии и появление современной психиатрической лечебницы, постулирующей в качестве главной цели лечение больного, а не изоляцию опасного индивида, влекут за собой появление нового аппарата описания душевной болезни.

В сложившейся исследовательской традиции прочно закрепился взгляд на психиатрическую больницу как на институт исключения [16, с. 2–4]. С утверждением психиатрии как научной дисциплины врачи получают статус экспертов, определяющих, что является душевной болезнью, больничный же режим представляет собой систему процедур и способов описания, закрепляющих за человеком статус больного. В этом отношении психиатрия оказывается не просто теоретической дисциплиной, а комплексом концепций, непосредственно выражающихся в ряде действий по отношению к населению, т.е. в медикализации общества [9, с. 80; 15, с. 117]. В работах о российской психиатрии конца XIX века не поднимался вопрос о том, как ее основные понятия применялись в клинической практике. Понятия и концепции рассматривались либо взятые в «чистом виде», либо в контексте дискуссий в специализированной или общественной периодике. Между тем появление и разработка ряда понятий (вырождение, наследственность, прогрессивный паралич и др.) оказали значительный эффект не только на определение душевной болезни и, соответственно, на изменение режимов исключения душевнобольных из общества, но и на формирование определенного видения общества. Поэтому в этой работе я собираюсь посмотреть, как основные понятия психиатрии использовались в клинической практике и как действовал механизм описания душевной болезни в конкретной больнице – Московской Преображенской больнице для душевнобольных. Решить поставленную задачу оказывается возможным на основе изучения больничной документации (включающей истории болезней, приемные листы, книги регистрации, годовые отчеты, протоколы больничных конференций и др.) за 1880–1890-е гг., которая хранится в Центральном государственном архиве города Москвы в фонде 217 (бывший Центральный исторический архив Москвы).

Как полагает Дэниел Бир, российская наука конца XIX века (а точнее, та ее часть, которую он обозначает как комплекс биомедицинских наук или наук о человеке) выполняла важную функцию: в лице врачей и ученых она предлагала определенный образ меняющегося в условиях модернизации общества и перспективы того, куда могут завести эти изменения [14, с. 6]. Несмотря на устойчивую веру в прогресс, в итоге возобладал пессимистический образ общества, когда в массах крестьян

и деклассированного рабочего люда, наводнившего города после крестьянской реформы, представители науки увидели опасность для вышестоящих социальных групп [11, с. 176]. Науки о человеке (в числе антропологии, психологии, криминологии и психиатрии) создавали язык для описания разворачивающегося социального кризиса и даже предлагали пути его решения. В случае психиатрии этот язык и его изменение были неразрывно связаны с практическим применением, то есть с изучением больных.

До начала 1890-х гг. Преображенская больница оставалась единственным специализированным заведением в Москве. Больные доставлялись туда как из города, так и из губернии, что неизбежно вело к переполненности, несмотря на постоянное расширение мест: с 1880 г. по 1895 г. количество больных увеличилось с 320 по 420 [1, с. 320]. Большую часть больных представляли крестьяне или мещане. До 1887 г. больница была подотчетна Приказу общественного призрения, а затем переведена в ведение Московского общественного управления. Несмотря на это, из-за отсутствия в Москве специальных полицейских заведений для душевнобольных административных заключенных, подозревавшихся в психическом расстройстве, до начала 1900-х гг. принудительно переводили в Преображенскую больницу [12, с. 286]. Это приводило к формированию в составе больных значительного количества маргинальных индивидов (пришедших на заработки в город крестьян, преступников, разнорабочих и пр.). Причем по сравнению с 1880-ми в 1890-е гг. количество больных, принятых через полицейские дома или тюремные больницы, начинает возрастать. Такой режим приема и социальный состав пациентов создавали соответствующий объект психиатрии. Как указывается в годовом отчете больницы за 1888 г., основными причинами душевных болезней поступивших на излечение были «злоупотребление спиртными напитками и сифилис, рядом с наследственностью и истощением психических сил как последствие усиленной борьбы за существование» [19, с. 15].

Для утверждения психиатрии как научной дисциплины было необходимо сделать ее объективной – субъективные состояния и мыслительное содержание нужно было заменить их телесными эквивалентами. Такая точка зрения получила в России еще большее выражение, чем в остальной Европе в конце XIX века [17, с. 726]. Применение точных методов естественных наук к телесным эквивалентам душевных процессов позволило психиатрам очень высоко поднять авторитет некогда спекулятивной области знания об умственных расстройствах. Однако для того,

чтобы применить эти методы к изучению душевных болезней, в первую очередь необходимо было локализовать их и связать с конкретными органами человека. В 1860-е гг. Теодор Мейнерт изложил теорию, в соответствии с которой все психические функции сосредоточены исключительно в коре головного мозга [2, с. 234]. И, как отмечает австрийский врач Рихард фон Краффт-Эбинг, психиатрия заняла положение клинической науки, когда приняла учение, согласно которому душевная болезнь есть болезнь мозга [5, с. 31]. Отталкиваясь от этого основополагающего положения, психиатры предложили рассматривать душевную болезнь наравне с другими болезнями нервной системы и даже сделать ее областью наук о нервных расстройствах, применив к ней соответствующие методы. На первом плане должен был оказаться метод клинического наблюдения [6, с. 245].

Психиатрия не просто изучала тело с соответствующими проявлениями и реакциями и поведение больного, но и обращается к условиям его окружения. Для практикующего психиатра было важно все, что так или иначе могло повлиять на человека, страдающего психическим расстройством. В этом отношении психиатрия могла претендовать на статус позитивной науки только при «эмпирически-статистическом» исследовании условий, под влиянием которых развиваются душевные расстройства. И этиология этих болезней выявляется «как результат правильных толкований статистических фактов» [5, с. 7]. В тот момент, когда причины душевных болезней сводятся к нарушениям и недугам нервной системы и когда методы естественных наук позволяют точно зарегистрировать и измерить их, психиатрия приобретает статус позитивной науки.

Современная психиатрическая лечебница должна была быть местом регламентированной регистрации данных о тех, кто в ней содержится и излечивается. Для этого в ней была введена система специальной документации, включающая истории болезней, книги регистрации, дневники наблюдений, отчеты и прочие формализованные документы [7, с. 34; 8, с. 897]. Ординаторы и надзиратели записывали биографии больных, рутинно документировали их поведение изо дня в день, вели отчеты об их физическом и психическом состояниях и т.д.

Как указывает Мишель Фуко, опрос (и последующее за ним составление истории болезни) был одним из основных дисциплинарных методов, действующих в больнице и принуждающих больного признать определенную интерпретацию своей биографии [10, с. 274]. Стратегию, которую использовал врач при работе с биографией пациента, можно проследить на материалах конференции о деле Прасковьи Качки, про-

веденной в 1880 г. в Преображенской больнице. Качка была обвинена в убийстве молодого человека, свидетелем чего стало несколько человек, однако ее психические способности в момент совершения преступления были подвергнуты сомнению в суде. К экспертам-психиатрам был обращен следующий вопрос: в каком состоянии умственных способностей была обвиняемая в момент совершения преступления? Обсуждение этого случая является характерным для иллюстрации того, как врачи рассматривают больного и его прошлое и на основе чего выносят суждение о расстройстве психических способностей и его причинах.

Главным образом, все обсуждение врачей направлялось стремлением обнаружить патологическую основу в больной – на это указывают все выступающие. Вся логика построения развития болезни обосновывалась наследственной склонностью к душевной болезни. Поэтому в первую очередь оказывается важным указать, что «запоем» страдали одновременно отец и братья подсудимой, а ее сестра страдала истерией. Ординатор Буцке регистрирует у обвиняемой истерию, с чем соглашаются почти все присутствующие: «итак, известное расстройство нервной системы у Качки в форме возвышенной чувствительности и истерии, развившихся под влиянием наследственного предрасположения, дурных условий воспитания и не менее дурных условий жизни в период первого возбуждения половых инстинктов и при неудовлетворенном половом раздражении, можно считать вполне констатированным фактом» [18, с. 16].

Врачи помещают (или находят их там) «аномалии» в детство и юность подсудимой. Ординатор Фоминский, например, указывает на предзнаменования болезни: подсудимая «в детстве еще проявляла признаки раздражительности, была неразговорчива, непослушна, своенравна, <…> билась об стену, когда делалось не по ее желанию, была странна – так, например, любила не свойственные детскому возрасту ощущения» [18, с. 47]. Болезнь не возникает в какой-то определенный момент, а она уже заложена в больной, и задача врача в таком случае – заметить проявления болезни с детства. Как говорит выступлением раньше Корсаков, этот случай представляет наследственную дегенерацию, где «вся жизнь человека есть болезнь» [18, с. 37].

Ординатор Голосов в своем выступлении продолжает перечисление аномалий и обозначает события жизни обвиняемой как симптомы: с 10-летнего возраста подсудимая «была странно непостоянна, то сердита, то добра, билась об пол головой, заговаривалась, если не исполнялось ее желание, потом успокаивалась, опять играла, забывая о самом желании.

Была вспыльчива, капризна, жестока к животным, уходила на бойню и кладбище, любила вой ветра и грозу. Училась неровно». Как отмечает Голосов, о душевной болезни Качки свидетельствуют как непосредственные данные о наследственности душевной болезни («отец и два его брата страдали запоем, следовательно, были душевнобольные»), так и косвенные, проявляющиеся в жизни больной через ее поведение («аномалии характера, странности и эксцентричности указывают почти всегда на наследственное происхождение») [18, с. 46]

Если Голосов указывает на «эксцентричное поведение» в детстве Качки, то ординатор больницы Савей-Могилевич – на ненормальное окружение в детстве, которое привело к актуализации наследственной патологии обвиняемой, которая при иных, более благоприятных обстоятельствах могла бы не выразиться в такой болезненной форме. Как говорит он в своем докладе, психическая сфера поразилась гораздо глубже и иначе, чем это бывает при простых обстоятельствах в случае истерии. Эти отношения не могли вызвать такую реакцию у девушки, больной истерией, значит, причина в другом. «Не явились ли эти расстройства благодаря особенности нервной системы Качки, не носила ли она в себе зачатки будущей психической болезни?». Качка больна истерией, «причем свобода ее воли была значительно связана теми психическими расстройствами, которые развились, как и сама истерия, благодаря в высшей степени ее психопатической наследственности и другим в высшей степени неблагоприятным условиям в ее детстве и юности» [18, с. 60].

В большинстве историй болезней врач идет примерно по такому же пути в поиске этиологии заболевания. Он высматривает такое поведение больного в его прошлом (когда больной не находился под врачебным наблюдением), которое отличается нелогичностью или нецелесообразностью или же представляет аномалии в развитии [20].

Если опрос дает доступ к прошлому больного, то анамнез (с устоявшейся структурой и формулировками) позволяет перевести полученные сведения об этом прошлом (рассказанные больным, его родственниками или из других свидетельств) в плоскость такого рассказа, который устраивал бы психиатров и был бы им понятен. Анамнез предоставляет возможность зафиксировать аномалии прошлого в уже имеющихся формулах (они находят для важных с точки зрения последующего заболевания событий в жизни больного соответствующие обозначения и формулы), отобрать значимые с перспективы актуального заболевания факты, придать им значение в общем построении и представить их в виде согласованного рассказа в истории болезни. В конечном счете задача врача при

составлении истории болезни заключается в том, чтобы найти для беспорядка несвязных фактов общий знаменатель и представить эти факты как нечто целостное и взаимосвязанное, что приводит к психическому расстройству. Наделяя значением проявления болезни, врач должен обнаружить картину развития болезни как что-то понятное.

О необходимости такой ясности пишет Корсаков, когда указывает, что отвлеченные психологические термины в анамнезе мешают представлению «объективной картины болезни». «В истории же болезни главным образом желательна объективная картина болезни, конкретное описание явлений, представляемых больным». Психиатр должен предоставить подробное описание фактов, ясное даже врачу других теоретических воззрений, который возьмется прочесть историю болезнь через несколько десятков лет [3, с. 503–505].

Действия врача предполагали следующую последовательность: сначала он собирал факты о больном, а затем приступал к их анализу. В первую очередь он диагностировал состояния, затем диагностировал форму болезни, а для этого нужно было «сопоставить результаты анализа психического состояния, результаты физического исследования организма и результаты анамнеза относительно развития болезни и той почвы, на которой развивалась болезнь» [3, с. 495]. Описание «объективной» картины болезни составлялось уже после всех этих исследовательских и аналитических процедур, которые должны были прояснить для психиатра, чем страдает больной и в чем может быть причина заболевания.

Формализованность истории болезни ведет, с одной стороны, к типизации получаемых врачом сведений: во многих случаях процедура ее написания превращается в выборочное переписывание пунктов опросного листа. С другой же, поскольку психиатра интересует индивидуальный клинический случай (так как болезнь определяется конкретной жизненной ситуацией больного), он должен представить в истории болезни биографию больного, иногда с подробным выведением жизненных эпизодов, описанием мотивов действий и т.д. Историю болезни нельзя свести до конца к формальным и однозначным ответам на вопросы больничной анкеты, и здесь требуется психиатр, который придавал бы определенное значение событиям из жизни больного, создавал бы единую картину болезни.

В фокус исследования психиатра попадает личность в ее развитии. Как указывает Краффт-Эбинг, душевные болезни «не только болезни мозга, но вместе с тем – болезни личности, болезни индивидуума», по-

этому «вся прежняя личность субъекта, в особенности его наследственность, должна быть внимательно изучена и таким образом психологический анализ должно стараться возвысить до степени диагноза антропологического». Поскольку врача интересует «индивидуальность исследуемого лица в ее целом, уяснение себе, как она сложилась», он рассматривает два фактора, из которых она складывается: наследственность и жизненная судьба [4, с. 330].

Необходимость ясного и подробного описания картины болезни объясняет преобладание в историях болезней обыденной лексики, почти полное отсутствие терминологии в разделе анамнеза и ее ограниченное использование в разделе описания текущего состояния. Термины, как их рассматривает Корсаков, и их значения меняются в зависимости от контекста или теоретических пристрастий врача, в то время как повседневный язык оказывается более надежным, определенным и ясным. Или, точнее, его определенность и ясность зависят от того, как доходчиво психиатр расскажет историю болезни.

Психиатр строит повествование о развитии болезни, руководствуясь определенными правилами рассказывания и повествовательными схемами. Эти правила и схемы заданы тем дискурсом, в котором работает психиатр. Анамнез не представляет собой «интуитивное схватывание» врачом сущности болезни; правила его написания являются строго регламентированными учебными пособиями, рабочими документами, больничными анкетами и негласными установками. Дискурс, сформированный такой совокупностью текстов, дает психиатру достаточно ограниченный набор формулировок, которые он и использует, соотнося последние с фактами из жизни больного. Подобную процедуру хорошо иллюстрирует пример анкеты: врачу просто нужно осмотреть больного (или опросить) и подчеркнуть, какие из перечисленных пунктов подтверждаются его жизнью.

В конце XIX века в Московской Преображенской психиатрической больнице мы можем наблюдать ситуацию, когда психиатры при помощи тщательно разработанной системы больничной документации описывают своих пациентов в терминах социальных неурядиц и в качестве основных причин душевных болезней указывают на социальные факторы: вредные условия окружения, распутное поведение и алкоголизм. При этом при построении клинического дискурса опорными оказываются такие понятия, как «наследственность» и «вырождение» – на их основе врачи выстраивают интерпретацию биографии больного.

Литература

1. Баженов, Н.Н. История Московского Доллгауза, ныне Московской городской Преображенской больницы для душевнобольных / д-р мед. Н.Н. Баженов. – М.: Моск. гор. обществ. упр., 1909. – 191 с.
2. Каннабих, Ю.В. История психиатрии / Ю.В. Каннабих; предисл. П.В. Ганнушкина. – М.: Центр творч. Развития МГП ВОС, 1994. – 528 с.
3. Корсаков, С.С. Курс психиатрии / С.С. Корсаков; под ред. Комис. О-ва невропатологов и психиатров, состоящего при Имп. Моск. ун-те. – 2-е изд., посмертно перераб. автором. – М.: Типо-литография В. Рихтер, 1902. – Т. 1–2. – 1101, XXXVIII с.
4. Краффт-Эбинг, Р. Учебник психиатрии: на основании клинических наблюдений для практических врачей и студентов / Р. фон Краффт-Эбинг; пер. А. Черемшанский. – СПб.: Издание К.Л. Риккера, 1897. – xvi, 891 с.
5. Лекции современных немецких клиницистов, издаваемые Ю. Гольдендахом. – М.: Типо-лит. И.Н. Кушнерев и К, 1890. – Т. 3. – 167 с.
6. Попов, Н.М. Основные положения современной психиатрии в связи с историческим их развитием (Вступительная лекция, читанная в Императорском Варшавском университете 9 марта 1888 г.) / Н.М. Попов // Санкт-Петербургская психиатрическая больница св. Николая Чудотворца. К 140-летию. Том II. Антология. – СПб., 2012. – С. 245–250.
7. Протоколы заседаний общества невропатологов и психиатров, состоящего при Императорском Московском университете, за 1891–1892 год. – М.: Типография А.И. Мамонтова и К., 1892. – 236, IV с.
8. Труды первого съезда отечественных психиатров, происходившего в Москве с 5 по 11 января 1887. – СПб.: Распоряд. бюро Съезда, 1887. – VII, 1067 с.
9. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. – М.: Праксис, 2006. – Ч. 3. – 320 с.
10. Фуко, М. Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году / М. Фуко; пер. с фр. А.В. Шестакова. – СПб.: Наука, 2007. – 450 с.
11. Энгельштейн, Л. Ключи счастья. Секс и поиски обновления России на рубеже XIX–XX веков / Л. Энгельштейн. – М.: Изд-во «Терра», 1996. – 576 с.
12. Юдин, Т.И. Очерки истории психиатрии / проф. Т.И. Юдин; под ред. Б.Д. Петрова. – М.: Медгиз, 1951. – 480 с.
13. Янгулова, Л.В. Институционализация психиатрии в России: генеалогия практик освидетельствования и испытания «безумия» (конец XVII – XIX вв.): дис. … канд. соц. наук / Л.В. Янгулова – М., 2004. – 195 с.
14. Beer, D. Renovating Russia: the human science and the fate of liberal modernity, 1880–1930 / D. Beer – London: Cornell university press, 2008. – xv, 229 p.
15. Nye, R.A. The evolution of the concept of medicalization in the late twentieth century / R.A. Nye // Journal of History of the Behavioral Sciences. – Vol. 39(2). – P. 115–129.

16. The confinement of the insane: international perspectives, 1800–1965 / ed. by R. Porter and D. Wright. – Cambridge: Cambridge university press, 2003. – xv, 371 p.
17. Zilboorg, G. Russian psychiatry – its historical and ideological background / G. Zilboorg // Bulletin of the New York Academy of Medicine. – 1943.
18. ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. 217. Д. 88. Протоколы заседаний медицинской конференции врачей Преображенской больницы для душевнобольных за 1880-й г.
19. ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. 217. Д. 814. Отчет о деятельности Преображенской больницы за 1888 г.
20. ГБУ «ЦГА Москвы». Ф. 217. Д. 1231. Истории болезней за 1891 г.

ПСИХОЛОГИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Ніна Стахно
(Беларусь)

ДЗЯЦІНСТВА КРЫМСКІХ ТАТАР У XVI СТАГОДДЗІ

There are more and more new disciplines and approaches within the framework of the humanities in recent decades. The use of psychology in historical practice was one of such innovations which gives birth to a new discipline called psychohistory. The author examines the question of Crimean Tatar's cruel attacks on the territory of the Grand Duchy of Lithuania in the light of the history of childhood and shows that the style of child-rearing had a considerable influence on the behavior of not only adult individuals but of the whole nation. Violence, detachment and lack of punishment in childhood created violent and would-be robbers.

Гісторыя – гэта не толькі навука, якая вывучае мінулае чалавецтва, але і велізарная прастора чалавечых узаемаадносін. Як ні дзіўна, але на працягу доўгага часу гістарычныя пытанні разглядаліся даследчыкамі ці толькі па сродках простага апісання, ці, у лепшым выпадку, з дапамогай метадаў, распрацаваных прыродазнаўчымі навукамі. Метады роднасных гуманітарных навук, такіх як сацыялогія і псіхалогія, амаль не выкарыстоўваліся. Але, нарэшце, разуменне гісторыі, якую робяць каралі, палкаводцы, сухія лічбы і выпадковасці, пачало зыходзіць у нябыт. Ужо ў 50-я гг. з'яўляецца новая дысцыпліна на стыку гісторыі і псіхалогіі, якая атрымала назву *псіхагісторыя*. Яна прапаноўвала выкарыстанне псіхалогіі ў інтэрпрэтацыі гістарычных падзей.

У сувязі з гэтым паўстае заканамернае пытанне: для гісторыі практычнае значэнне псіхагісторыі відавочна, але якую карысць яна можа прынесці для псіхалогіі? Нягледзячы на тое, што карысць гэта не кідаецца ў вочы, яна ўсё ж такі прысутнічае. Па-першае, вывучэнне псіхагісторыі для псіхолагаў карысна поглядам на чалавецтва і развіццё яго

псіхікі ў часе і прасторы. Псіхагісторыя вывучае не толькі гісторыю аднаго чалавека ці адной падзеі, яна дазваляе адчуць псіхалогію эпохі, у тым ліку і псіхалогію сучаснасці. Па-другое, некаторыя метады і погляды, адрынутыя псіхолагамі, атрымалі сваё развіццё ў псіхагісторыі і даказалі, такім чынам, сваю жыццяздольнасць. І, па-трэцяе, заўсёды карысна трымаць руку на пульсе сучасных тэндэнцый, бо ніколі не ведаеш, да якіх новых дзвярэй яны могуць вас падвесці.

На сёняшні дзень развіваецца некалькі накірункаў псіхагісторыі: гісторыя дзяцінства, псіхагісторыя груп і псіхабіяграфія. З-за таго, што псіхагісторыя як асобная дысцыпліна ўзяла пачатак ў фрэйдызме, найбольшае развіццё атрымала гісторыя дзяцінства.

Адзін з заснавальнікаў псіхагісторыі Ллойд дэ Моз сцвярджае, што «гісторыя з'яўляецца апошнім прыстанкам, куды мы заганяем свае дзіцячыя траўмы» [5, с. 153]. Дзяцінства псіхагісторыя разглядае як асяродак, які фарміруе ролю і месца наступных пакаленняў у гістарычным працэсе. Гісторыя дзяцінства як асобная плынь разглядае цэлы шэраг пытанняў:

– як выхоўвалі дзяцей;
– як строілася сям'я;
– як і чаму змяняліся звычаі;
– якая роля належыла дзіцяці ў грамадстве;
– як адносіліся да дзіцяці;
– якія існавалі метады пакарання.

У дадзеным артыкуле мы закранем некалькі з раздзелаў гісторыі дзяцінства, а менавіта, як раслі дзеці, як строілася сям'я, як адносіліся да дзіцяці і якія метады пакарання існавалі для крымска-татарскіх дзяцей у XVI стагоддзі. Праз прызму гісторыі дзяцінства мы паспрабуем па-новаму паглядзець на праблемы нападаў Крымскага ханства на землі Вялікага Княства Літоўскага і адказаць на пытанне, якое хвалявала яшчэ іх сучаснікаў: з-за чаго татары былі такімі жорсткімі, а напады іх былі такімі лютымі. Яшчэ Мацей Мяхоўскі ў сваёй працы «Трактат аб дзвюх сарматыях» зазначаў: «Заўважым, што хоць перакопскія татары павінны былі б стаць больш культурнымі і не такімі суровымі пад уздзеяннем клімату, у якім яны жывуць, аднак яны не страцілі ранейшай сваёй драпежнасці і дзікай жорсткасці, уласцівай хутчэй звярам, якія жывуць у палях і лясах, чым жыхарам гарадоў і сёлаў» [7, с. 91]. Як нам усім вядома, тэрыторыя, на якую прыйшлі татары, – Таўрыя – гэта тэрыторыя з добрым кліматам і ўрадлівымілі землямі, але яны ўпадабалі застацца качэўнікамі і жыць за кошт рабавання суседніх краін. Пры тым рабаванняў вельмі жорсткіх і бязлітасных.

На жаль, для вывучэння гэтага пытання мы маем у распараджэнні зусім не шмат крыніц. Пры вывучэнні плямёнаў, якія жывуць адасоблена на далёкіх выспах, мы можам спраектаваць іх лад жыцця на жыццё людзей, якія жылі на гэтых выспах некалькі стагоддзяў таму, але з крымскімі татарамі так не атрымаецца з-за таго, што ў апошнія дзвесці год яны знаходзіліся ў складзе Расійскай імперыі (а потым і Савецкага Саюза), дзе вельмі моцна пацярпелі ад асіміляцыі. Акрамя таго, нават даследаванні сярэдзіны XIX стагоддзя, калі традыцыйная культура крымскіх татар мела дастатковую моц, мала ў чым нам дапамогуць. Уся справа ў тым, што напрыканцы XV–XVI стагоддзяў крымскія татары з'яўляліся качавымі плямёнамі, таму іх паводзіны змяніліся пасля пераходу на аседлы лад жыцця, які качаткова адбыўся ў XVIII стагоддзі.

Нягледзячы на ўсю фрагментарнасць звестак, мы ўсё ж такі паспрабуем знайсці адказ на пастаўленае пытанне. І дапамогуць нам у гэтым некалькі прац XVI – пачатку XVII стагоддзя, а менавіта: Мацей Мяхоўскі «Трактат аб дзвюх сарматыях» [7], Міхалон Ліцвін «Аб норавах татар, ліцвінаў і маскавіцян» [6], Жыгімонт Герберштэйн «Запіскі аб Масковіі» [4], Аляксандра Гваньіні «Хроніка Еўрапейскай сарматыі» [3], Марцін Бранеўскі «Апісанне Крыма» [2] і Гіём дэ Баплан «Апісанне Украіны» [1].

Пачнем, напэўна, з таго, як будавалася крымска-татарская сям'я. Татары маглі мець да чатырох жонак, калі яны маглі забяспечыць ім добры ўзровень жыцця, і неабмежаваную колькасць наложніц з ліку дзяўчат, якія былі захоплены імі ў палон: «…они [мужчины] между тем не довольствуются супругами своими, как издревле велит человеческий обычай: каждому – единственная, [но] кичатся числом их, тем более что и закон их призывает каждого иметь по четыре жены, а на каждую из них – по десять наложниц» [6, с. 50]. Як ужо адзначалася вышэй, земляробствам яны не займаліся. Усе працы па збіранню ўсяго, чым радзіла зямля, клаліся на плечы наложніц, а некаторую працу выконвалі жанчыны: «переложена на них вся портняжная и сапожная работа» [6, с. 50]. Увогуле, вандроўнікі, якія завітвалі да татар, адзначалі, што яны вельмі лянівыя, бо ўсю працу за іх выконваюць палонныя і жанчыны [4, с. 170].

Яшчэ адной акалічнасцю, на якую хацелася б звярнуць увагу, з'яўляецца дом як адлюстраванне сямейнага ладу і побыту. Зразумела, што багатыя прадстаўнікі крымска-татарскага племені мелі буйныя палацы, якія былі перапоўнены раскошай, але нас цікавіць асяроддзе, у якім выхоўваліся простыя татары. У звыклым сэнсе слова дома ў татар не было. Іх невялічкія павозкі, якія ў крыніцах называюцца котаргамі, Марцін Бранеўскі апісаў наступным чынам: «Эти кибитки круглы и

покрыты войлоками; но едва могут вмещать в себе от четырех до пяти человек. Татары укладывают все на двуколесные возы, запряженные одним или двумя верблюдами, иногда волами. Ведя за собою верблюдов, лошадей, скот и бессчисленные стада овец, или оставляя некоторых на хороших пастбищах, татары отправляются в Перекоп, лежащий между Борисфеном и Черным морем; иногда за Перекоп в самую Таврику» [2, с. 338]. Яшчэ трэба адзначыць, што знутры гэтыя зусім невялічкія кібіткі былі падзелены на две адасобленыя часткі – мужчынскую і жаночую.

Што тычыцца непасрэдна дзяцей, то ў перыяд, калі жанчына насіла дзіця, ніякага асабліва паважнага стаўлення да яе не было, яна выконвала ўсе свае абавязкі да апошніх дзён. Першы час пасля нараджэння дзеці заўсёды знаходзяцца з маці. Для гісторыі дзяцінства з'яўляецца вельмі важным перыяд першых месяцаў жыцця, але, на жаль, не атрымалася нічога знайсці пра самі роды і кармленне. Трэба адзначыць, што дарослыя татары вельмі любілі малако кабылы, яны лічылі, што яно робіць чалавека моцным і смелым, таму можна выказаць здагадку, што дзяцей нядоўга кармілі матчыным малаком. Хутчэй за ўсё іх амаль адразу пераводзілі на кармленне малаком кабылы. Таму непасрэднае ўзаемадзеянне маці з дзіцём праз кармленне скончвалася вельмі хутка.

Дзяцінства ў Крымскім ханстве было нядоўгім. Дзяўчынак гадоў з шасці прывучалі да рукадзелля, ім даручаўся выраб вопраткі і абутку. Але найбольш для нас цікавымі з'яўляюцца хлопчыкі як будучыя ўдзельнікі набегаў. Пакуль хлопчыкі яшчэ малыя, маці імкнуцца кожны дзень купаць іх у вадзе з соллю: «Когда дети еще малы, матери стараются каждый день по одному разу купать их в воде, в которой растворена соль, чтобы сделать их кожу грубее и чтобы они стали менее чувствительными к холоду, когда им придется вплавь перебираться через реки в зимнюю пору» [1, с. 215]. (Можа падацца, што гэта выдумка, бо соль каштавала не танна ў тыя часы, але трэба адзначыць, што ў Крыме – яе было дастаткова: «Ведь соль там в ямах, в некоторых реках родится наподобие крепкого льда от солнечного жара; во время летнего солнцестояния она сверкает в обилии своем, ничем не уступая хрусталю» [6, с. 45], да таго ж татары не спажывалі соль з ежай [4, с. 167], таму яны маглі выкарыстоўваць яе вышэйапісаным чынам.) Гэтая непрыемная і вельмі балючая працэдура не толькі павялічвала супраціўленне скуры холаду, але і прывучала татар не зважаць на боль.

З сямі гадоў хлопчыкі перастаюць жыць у дамах (котаргах), з гэтага часу яны спяць толькі пад адкрытым небам. Такім чынам, яны фарміруюць у сябе ўстойлівасць да змен надвор'я. Пачынаючы з гэтага ўзросту

ім ніколі не даюць ежы, пакуль яны не заб'юць яе самастойна стралою. Такім чынам яны вучаць сваіх дзяцей трапна страляць [1, с. 215].

Татары былі вядомымі не толькі як добрыя і трапныя стралкі, але і як добрыя наезнікі, таму фарміраванню навыку коннай язды надавалася вялікае значэнне: «отвергая изнеженность и избалованность, ведут жизнь суровую, с детства занимаются верховой ездой и уже с колыбели они ездят верхом, равно как и в глубокой старости от этого не отучаются» [6, с. 51].

У часовых стаянках стэпавых крымцаў меліся цікавыя асаблівасці. Так пасярод іх размяшчалася вялікая круглая пляцоўка, абсыпаная пяском, дзе хлопчыкі і маладыя людзі займаліся вайсковымі практыкаваннямі. Старэйшыя вучылі малодшых усяму, што магло ім спатрэбіцца ў паходах. На гэтыя практыкаванні адводзіўся амаль увесь дзень за выключэннем часу на лоўлю ежы і непасрэдна трапезу.

Нават сам па сабе качавы лад жыцця з маленства прывучаў дзяцей да вынослівасці, бо праводзіць у шляху даводзілася не адзін дзень і не заўсёды побач аказваліся калодзежы з вадой. Таму, ужо ў дарослым жыцці крымскія татары «…до такой степени выносливы, что иногда выдерживают без сна и еды целых четыре дня, предаваясь тем не менее необходимым трудам» [4, с. 168].

Вельмі жорсткім было абыходжанне з палоннымі. На вачах малых дзетак татары здзекваліся над людзьмі: «Положение пленных у татар очень печально; их мучат голодом, наготою, а простого звания людей сильно бьют плетьми так, что несчастные сами желают себе смерти» [2, с. 364], «Ведь очень часто [встречаются] среди этих несчастных людей весьма сильные, которых если не оскопили, то отрезали уши и [вырвали] ноздри, прижгли раскаленным железом щеки и лбы и принуждают закованных в путы и оковы днем трудиться, ночью [сидеть] в темницах, и поддерживает их скудная пища, [состоящая] из мяса околевших животных, гнилого, кишащего червями, какого даже собаки не едят. А женщин самых юных они держат для разврата, а некоторых из них, обученных искусствам, даже приглашают на пиршества для увеселения, чтобы играли они на арфах и кифарах и танцевали» [6, с. 53]. Але гэта яшчэ далёка не ўсё. Значна большыя выпрабаванні выпадаюць на долю старых і знямоглых палонных: «Старых жа і хворых людзей, якія не здольны працаваць і якіх нельга прадаць за вялікія грошы да чужых краін, аддаюць моладзі, каб яны прывучаліся да крыві, як зайца хортам; каб такім чынам зрабіць сваю моладзь прагнай да бітвы. Тых людзей маладыя ардынцы або растрэльваюць з лука, прывязаўшы да якога-небудзь пня, або сякуць, або

забіваюць кісценямі, або душаць, або топяць, або забіваюць камнямі» [4, с. 703].

Выпрацаваўшы ўсе асноўныя навыкі для набегаў і бязлітасных захопаў, хлопчыкаў нароўні з дарослымі адпраўлялі ў паходы. У адрозненні ад Вялікага княства Маскоўскага, дзе хлопец лічыўся паўналетнім, пачынаючы з чатырнаццаці гадоў, крымска-татарскія дзеці станавіліся паўналетнімі ўжо ў дванаццаць год.

Акрамя жорсткасці і трываласці, у крымска-татарскіх дзяцей фарміравалі яшчэ дзве вельмі важныя рысы характару, пра якія нельга не сказаць. Па-першае, выпрацоўвалася традыцыйная павага да старэйшых: «…они наперебой стараются услужить любому старшему по возрасту или немощному» [6, с. 50]. Гэта рыса выражаецца і на полі бою, калі сярод татар пануе поўнае падпарадкаванне камандуючаму кошам (вялікі татарскі атрад). Па-другое, што для нас больш цікава, фарміруецца з ранняга дзяцінства пачуццё поўнай беспакаранасці. Дзяцей за іх праступкі не наказвалі. Нават дарослых, якія падчас нейкай спрэчкі забівалі сваіх «супляменнікаў», не чакала ніякіх пакаранняў. Вельмі цікавым быў прысуд у такіх справах: у такога чалавека забіралі каня і лук, наўзамен ім давалі каня і лук горшай якасці і адпускалі са словамі: «Ідзі і займіся сваёй справай». Калі чалавек забіраў у кагосьці нейкую рэч і справа даходзіла да грамадскага разгляду, ён мог проста аргументаваць сваё дзеянне тым, што гэта рэч была яму патрэбна. Тады суддзя вынасіў такі вырак: «Калі табе будзе што-небудзь патрэбна, тады забяры гэтую рэч у абвінавачанага або ў кагосьці іншага» [3, с. 704]. Але трэба адзначыць, што ўвогуле татары жылі паміж сабой мірна і судзіліся і сварыліся вельмі рэдка: «Татары хитры и вероломны с чужими, но между собой и со своими весьма честны» [2, с. 347].

Пасля прывядзення некаторых фактаў з жыцця крымска-татарскіх дзяцей паспрабуем падвесці пад іх крыху псіхагістарычнай тэорыі.

Ллойд дэ Моз у сваёй працы «Псіхагісторыя» выдзяліў шэсць паслядоўных этапаў, якія паказваюць паступовае збліжэнне дзіцяці і бацькоў па меры таго, як пакаленне за пакаленнем бацькі павольна пераадольваюць свае трывогі і пачынаюць развіваць здольнасць распазнаваць і задавальняць запатрабаванні дзіцяці. Першым з'яўляецца інфантацыдны этап, ці стыль дзетазабойства, які быў характэрны для антычнасці; другі – адштурхоўваючы, распаўсюджаны ў раннім і высокім Сярэднявеччы; трэці – амбівалентны стыль позняга Сярэднявечча і ранняга Новага часу; наступны, чацвёрты этап, які прыпаў на XVIII стагоддзе, меў навязваючы стыль выхавання; пяты этап – сацыялізуючы стыль; а сёння мы можам назіраць шосты этап з дапамагаючым стылем у выхаванні.

Не спыняючысь на асаблівасцях кожнага з гэтых тыпаў, зазначым, што Крымскае ханства ў XVI стагоддзі знаходзілася на першай прыступцы доўгага шляха ад бацькоў да дзіцяці. Гэта значыць, што для яго быў характэрны інфантацыдны стыль выхавання, які пабудаваны на перавазе гвалтоўных метадаў выхавання і на прынцыпе «выжывае мацнейшы». Акрамя таго, для гэтага этапу характэрна атаясамліванне некаторых старон прасторы з гендэрам і сімбіятычнае ўспрыняцце свету. Гэтыя ж асаблівасці мы бачым і ў крымскіх татар. Як было сказана вышэй, іх котаргі падзяляліся на мужчынскую і жаночую паловы, ежа здабывалася самімі дзецьмі, а той, хто не здолеў гэтага зрабіць, заставаўся галодным і нават мог памерці. Што тычыцца сімбіятычнага ўспрыяцця, яно дастаткова яскрава праяўлялася ў язычніцкіх перажытках. У той час як астатняя большасць насельнікаў сярэднявечнай Еўропы ўжо знаходзілася на этапе з амбівалентным стылем выхавання, крымскія татары ўсё яшчэ прапаведвалі інфантацыдны стыль. Менавіта таму дасведчаным еўрапейскім вандроўнікам і суседзям яны падаваліся дзікунамі.

Такім чынам, мы можам сцвярджаць, што крымскія татары з дзяцінства выхоўвалі ў сваіх дзецях тыя рысы характару, якія ў дарослым жыцці рабілі іх такімі жорсткімі рабаўнікамі: выхоўваліся бязлітаснасць, вынослівасць, ваяўнічасць, а пачуццё беспакаранасці рабіла іх асабліва жорсткімі. Нават сама сістэма грамадства і лад жыцця (пастаяннае качаванне, судовая сістэма, сістэма гаспадарання) спрыялі таму, што кожнае наступнае пакаленне крымскіх татар-бацькоў не рабіла крок насустрач дзіцяці, а захоўвала ўсе прынцыпы непарушнымі.

Літаратура

1. Боплан, Г. Описание Украины / Г. Боплан; пер. с фр. З.П. Борисюк. – М.: Древлехранилище, 2004. – 576 с.
2. Броневский, М. Описание Крыма / М. Броневский // Записки Одесского общества истории и древностей. – Т. VI. – 1867. – С. 333–367.
3. Гваньїні, О. Хроніка європейської сарматії / О. Гваньїні; упорядкув. Ю. Мицик. – К.: Вид. дім «Києво-Могілянська акадэмія», 2007. – 1006 с.
4. Герберштейн, С. Записки о Московии / С. Герберштейн. – М.: МГУ, 1988. – 261 с.
5. Моз, де Л. Психоистория / Л. де Моз. – Ростов н/Д: Феникс, 2000. – 512 с.
6. Литвин, М. О нравах татар, литовцев и московитян / М. Литвин; под ред. А.Л. Хорошкевич. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 126 с.
7. Меховский, М. Трактат о двух сарматиях / М. Меховский // Сибирь в известиях западно-европейских путешествеников и писателей XIII–XVII. – Новосибирск, 2006. – 365 с.

(НЕ)АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРНОЙ ТЕОРИИ

Елена Низеенко
(Литва/Беларусь)

ПУТИНСКАЯ РОССИЯ 2.0: ПОЛИТИКИ ГЕНДЕРНОГО МОЛЧАНИЯ

This article examines the ways in which gender and politics overlap in legislative initiatives and Putin's speech about homosexuality. GLBT (Q) is a very important problem for gender studies. Gender has become visible in Russian state policy in respect to GLBT issues. In 2013 a law about «propaganda of homosexuality» was introduced and this law has become part of media discourse. This text analyzes the political rhetoric of President Putin. I focus on Putin's two interviews – interview with Larry King (2010) and interview in Valdai (2013). Analysis of interviews shows patriarchal connotations in Putin's speech on LGBT-related law.

Принципы, по которым работает государственная политика, зачастую преподносятся обществу в виде законов. Законы являются формой политического высказывания в рамках государства. Российская Федерация сейчас пребывает в периоде «путинского режима». За последний год риторика государственного правления во многом свелась к взращиванию крепкой национальной, высокоморальной идентичности россиянина. В данной статье мне хотелось бы затронуть вопросы, связанные с тем, какими гендерными средствами оформляется новая российская идентичность, каковы механизмы работы по конструированию гендерных порядков, (не)востребованных политическим режимом нынешней формации, каким образом политика защиты несовершеннолетних от нетрадиционных ценностей содержит целый спектр гендерных измерений, так или иначе форматирующих российское общество. Таким образом, подходя к складывающемуся политическому порядку с гендерной перспективы, важно обратиться к тому, как оформляется и формируется взгляд российского правительства на позиции граждан РФ.

Путинский режим и политики молчания: как закон «о пропаганде гомосексуализма» становится линзой для обнаружения гендерного порядка нынешней России?

Первоначально политика Путина реализовывалась под девизом «поднять Россию с колен», и его второй приход к власти можно охарактеризовать этой же идеей, однако несколько преобразовавшейся, дополнившейся формированием национальной идентичности гражданина/ки Российской Федерации, что возможно осуществить лишь в сепарации от «других», «чужих» [2]. Можно говорить о том, что наличие в Российской Федерации либеральных взглядов, сохранявшихся в конце 90-х – начале нулевых годов, делало разрыв между Западом и Россией не столь очевидным. Обществом, как утверждалось, правили общечеловеческие ценности, речь шла о необходимости уважения прав личности, гражданина/ки, важности достижения равенства в правах угнетаемых групп населения.

Политические и социальные изменения, пришедшие в пору нынешнего правления Путина, не изменили ситуацию на уровне деклараций, однако обнаружился новый гендерный момент, который вывел на поверхность тотальную инаковость устройства политического режима современной России в сравнении с западным обществом. Точкой отсчета можно считать Закон «О пропаганде гомосексуализма», который, к слову, так и не приняли в данной формулировке, однако широкий резонанс и известность этого Закона во многом связаны именно с концептом «гомосексуализм». Отдельным предметом гендерной критики стало его употребление, отсылающее к восприятию гомосексуальных людей как стигматизированных, находящихся в неравном положении относительно гетеросексуальных людей. Так или иначе Закон поднял целый пласт до того существовавшего в подполье, проблемного вопроса о положении геев в России. Иначе говоря, присутствие в России людей с иной сексуальной ориентацией стало очевидным. Однако тут возникают вопросы, на которые я хочу попытаться ответить: как стало возможным производство политического высказывания, маркирующего гомосексуальных людей как группу с ценностями, изначально отличными от «нормальных человеческих»; как «закон о пропаганде» стал катализатором обнаружения гендерного конструирования российского общества, имеющего иной способ сборки, нежели в странах, которые принято называть западными; как связан закон, определяющий как несущих угрозу для несовершеннолетних группу геев и лесбиянок, с гендерным структурированием современного российского общества, как детство стало точкой отсчета,

позволяющей определять легитимность и нелегитимность определенных гендерных порядков?

Нормативность, семейные ценности и защита детей

Совсем недавно у меня состоялся разговор с молодой преподавательницей социологии в Южном федеральном университете (Россия), в ходе которого я делилась с ней своим исследовательским интересом к теме трансгендерности на постсоветском пространстве. Она отметила, что тема благодатная с точки зрения исследования, и сама она в далеком студенческом прошлом (порядка пяти лет назад) выступала с докладом на тему трансгендерности. Однако спустя несколько минут разговора выяснилось, что моя приятельница невольно (и, как выяснилось, абсолютно искренне) смешивает понятия трансгендеров и геев, сводя их в общую категорию и применяя к ней ту форму насилия, которая заключается в конституировании «ненормальности» трансгендеров и их опасности для социальной структуры. В ее представлении «эта интересная для изучения группа» разрушительно действует на общественную структуру, оказывает вредоносное влияние на «нормальные» семейные ценности. Точка зрения этой молодой преподавательницы отражает институциональное социологическое знание РФ, для которого характерна следующая логика: закон, касающийся гомосексуалов, был принят из перспективы необходимости сохранить и защитить традиционные семейные ценности, обеспечить «гармоничное» развитие семьи, защитить детей от «навязанных западных ценностей». Такого рода формулировка обнаруживает идеологическую компоненту понимания семьи и собственно значимых ценностей.

Эксплуатация понятия «детства» как основы выстраивания гендерных порядков в новой российской идентичности предполагает действующую в логике Фуко политику, где сексуальность оказывается конфискованной в пользу скрепленной браком семьи и поглощается серьезностью функции воспроизводства [4].

Гендерная разметка современного российского общества: вперед к патриархатности

Национальная идентичность мужчин и женщин в России оказывается тесно связанной с вопросами религии, патриотизма, морали, конструирующими патриархатную модель общества. Позиции мужчин и

женщин не артикулированы напрямую, однако они определяются посредством маргинализации геев и лесбиянок, с одной стороны, подчеркивания статуса гетеросексуалов как легитимного и продвижения государством демографической политики – с другой. В отсутствие прямого разговора о гендерных порядках в российской государственной политике организуется система законодательных подпорок, гендерно размечающих территорию, где обозначаются правовые позиции людей, структурированные в отношении понятия «гомо-гетеро-сексуальность».

Слово «пропаганда» обрело свой официальный юридический статус в принятом в конце июня Законе «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей». Предельная неконкретность и размытость текста были отмечены многими правозащитниками и активистами [7]. Именно эта формулировка позволяет говорить о том, что закон, связанный с гомосексуальностью, а точнее нетрадиционными сексуальными отношениями, оказывается лишь частью (не)декларируемой государственной гендерной политики России.

Гендер стал частью государственной политики через категорию гомосексуальности. Правовые возможности геев и лесбиянок вскрывают, как государственная политика становится местом конструирования определенных гендерных идентичностей. С одной стороны, становится очевидным раскол между политикой Запада и России в отношении прав человека и конструирования нормативности. С другой – осуществляется политическое производство легитимных гендерных порядков в России, основанных на «традиционных ценностях», «семейном укладе», «важности института детства». На повестку выходят вопросы здоровья нации, моральных и семейных ценностей, осуществляется своеобразная гигиена общества, предполагающая допустимые и недопустимые способы существования в «здоровом обществе». Духовное, национальное и культурное самоопределение становятся частью политических высказываний, делающих акцент на сохранении идентичности в изменяющемся мире. Национальная идея и национальная идентичность тесно сплетаются с гендерными политиками и гендерной идентичностью. Выражаясь в путинской риторике, «элементы российской государственности» напрямую сталкиваются с вопросами о гендерной политике, когда речь заходит о гомосексуалах. Политическое пространство оказывается специфически устроенным: при том, что де-юре государственная и об-

щественная дискуссии ведутся вокруг защиты детей, в т.ч. по защите от однополого примера, де-факто происходит конструирование того, каким следует быть мужчине (гетеросексуальность) и женщине (вменяя основной и необходимой функцией – репродуктивность).

Гомосексуалы как чужие: правовые возможности геев в России

В декабре 2010 г. ведущий CNN Ларри Кинг в интервью с Владимиром Путиным поставил вопрос, затрагивающий правовую сторону воинской обязанности гомосексуальных людей в российской армии. Симптоматичной оказалась реакция на тот момент премьер-министра. Вопрос прав геев оказался не раскрыт, дискурсивно его заменила демографическая политика государства. В фразе о том, что «однополые браки, как известно, потомство не порождают», обнаруживается предписанность порождения потомства для брачных отношений, с одной стороны, а с другой – определенная консолидация российского общества вокруг проблемы воспроизводства.

«Л. Кинг: У нас в Америке достаточно широко обсуждается тема службы в армии геев и лесбиянок. Какова политика по отношению к геям и лесбиянкам в ваших вооруженных силах?

В.В. Путин: Вы знаете, – я уже как-то пытался отвечать на вопросы подобного рода, – у нас в России, так же как и в Европе в целом, достаточно остро стоит вопрос демографии. Мы предпринимаем серьезные усилия для того, чтобы переломить эту ситуацию, и нам это удается сделать. У нас, наверное, по темпам самые лучшие показатели в Европе – по темпам изменения ситуации. У нас впервые лет за 10–15 устойчивый тренд на повышение рождаемости, и в этом году у нас даже наблюдается некоторый прирост населения страны.

А однополые браки, как известно, потомство не порождают. Поэтому мы достаточно терпимо относимся к сексуальным меньшинствам, но все-таки считаем, что государство должно поддерживать процессы, связанные с деторождением, с материнством, с детством, заботиться о здоровье» [9].

Терпимость к сексуальным меньшинствам в 2010 г. обернулась еще большим акцентированием проблемы воспроизводства в 2013-м. На заседании дискуссионного клуба «Валдай» с названием «Многообразие России для современного мира» Владимир Путин высказал взгляд на проблему демографии, которая в его риторике оказывается связанной

с позицией «меньшинства» и «большинства», где право последнего не должно быть поставлено под сомнение.

«Еще один серьезный вызов российской идентичности связан с событиями, которые происходят в мире. Здесь есть и внешнеполитические, и моральные аспекты. Мы видим, как многие евроатлантические страны фактически пошли по пути отказа от своих корней, в том числе и от христианских ценностей, составляющих основу западной цивилизации. Отрицаются нравственные начала и любая традиционная идентичность: национальная, культурная, религиозная или даже половая. Проводится политика, ставящая на один уровень многодетную семью и однополое партнерство, веру в Бога или веру в Сатану. Эксцессы политкорректности доходят до того, что всерьез говорится о регистрации партий, ставящих своей целью пропаганду педофилии. Люди во многих европейских странах стыдятся и боятся говорить о своей религиозной принадлежности. Праздники отменяют даже или называют их как-то по-другому, стыдливо пряча саму суть этого праздника – нравственную основу этих праздников. И эту модель пытаются агрессивно навязывать всем, всему миру. Убежден, это прямой путь к деградации и примитивизации, глубокому демографическому и нравственному кризису.

Что еще может быть большим свидетельством морального кризиса человеческого социума, как не утрата способности к самовоспроизводству? А сегодня практически все развитые страны уже не могут воспроизводить себя, причем даже с помощью миграции. Без ценностей, заложенных в христианстве и других мировых религиях, без формировавшихся тысячелетиями норм морали и нравственности люди неизбежно утратят человеческое достоинство. И мы считаем естественным и правильным эти ценности отстаивать. Нужно уважать право любого меньшинства на отличие, но и право большинства не должно быть поставлено под сомнение» [8].

Деление на «своих» и «чужих» становится основанием для отношения к гомосексуальности. Если законы о «легализации однополых браков», принимаемые в ряде стран, ориентируются на гендерное и правовое равноправие и движение к урегулированию правовой сферы с учетом не только интересов абстрактного «большинства», но и тех сообществ, чьи интересы оказываются ущемленными, то в случае с Россией формируется другой дискурс, рассматривающий гомосексуала как «другого», а точнее «чужого», следствием чего выступает лишение его/ее прав как равноценного гражданина РФ. Он/а перестает обладать статусом «нормального» члена общества.

Такое формирование идеологии сексуальности и семейных отношений в какой-то степени воспроизводит аналогичный советский проект. Эта идеология ориентирована на «нового человека» с чувством патриотизма, развитой национальной идентичностью и высокой нравственностью. В целом нынешние законопроекты отвечают на вопросы, какой должна быть семья и какой она быть не может [6].

Патриархатный характер ответов на эти вопросы оказывается различимым в свете существующего разрыва между степенью экономического участия мужчин и женщин, укладом жизни, предполагающим рассмотрение женщины как агента, отвечающего за воспроизводство рода и семейный быт [6]. Симптоматичным становится выдвижение законопроекта, связанного с повышением пошлины за развод от четырехсот рублей до тридцати тысяч.

Олег Рябов обращается к гендерному дискурсу как системе репрезентаций. Он, будучи переплетенным с национальным, межкультурным, религиозным дискурсами, как влияет на них, так и оказывается под их влиянием. Гендер, утверждая отношения иерархии и контроля, оказывается маркером границ между нормой и не нормой, «своим» и «чужим». «Наша» и «не наша» мораль обнаруживаются в технологии создания вражеского [3]. Государственная политика России в лице Путина отчетливо проводит эту грань, маркируя как «чужой» западный путь развития общества, уравнивающий однополые и разнополые семьи в правах. Следующим шагом становится артикуляция принципиально иной российской позиции, обращающейся к истинным ценностям, моральным устоям, позволяющим сохранить и развивать российское общество. Путинская риторика апеллирует, не проговаривая напрямую, к тем благам, которые становятся доступными лишь при таком развитии общества, где мужчины и женщины выполняют свои функциональные обязанности, а основной задачей семьи становится воспроизводство нового поколения. В такой системе гомосексуальным людям вменяется невозможность воспроизводства себе подобных. Поэтому невозможность легализации однополых отношений оказывается связанной с необходимостью решения демографических проблем – одной из первоочередных путинских задач. В то же время однополые браки, как и угроза простого существования геев для детей вписываются в данную риторику как вражеский элемент, не предлагающий духовности и необходимых идеалов подрастающему поколению. Дети, обладая статусом наивысшей ценности, оказываются в то же время капиталом, на который посягает «чужой» в лице российских гомосексуалов или представителей западного общества. Именно в

этом случае артикуляция собственной национальной идентичности становится тем необходимым условием, которое позволяет проводить работу по сепарации россиянина от нероссиянина, где первому вменяются определенные составляющие здоровой идентичности, необходимой государству, – верующий, высокоморальный гетеросексуальный мужчина и верующая, высокоморальная, детородящая женщина, воспитывающие ребенка в соответствии с нормой, предлагаемой государством. То, что Т. Журженко называет «постсоветским традиционализмом», сводящим семью к репродуктивной функции [1].

Механизм угнетения гомосексуалов исходит из демографической патриархатной позиции, в которой гомосексуальному человеку приписывается невозможность делать то, что заложено самим устройством общества, – выполнять функцию воспроизводства. И хотя этот тезис напрямую не соотносится с позицией женщин и мужчин в данном обществе, так или иначе он определяет запрос власти именно на тот способ традиционного устройства семьи (существующего сейчас, к слову, наравне с различными вариантами семей неполных, родителей-одиночек, родителей, родивших детей вне брака), который признается единственно легитимным.

Литература

1. Журженко, Т. Старая идеология новой семьи: демографический национализм России и Украины / Т. Журженко // Семейные узы. Модели для сборки / под ред. С. Ушакина. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – Кн. 2. – С. 268–296.
2. Журженко, Т. Между кланом, семьей и нацией: постсоветская маскулинность/феминность в цветных революциях / Т. Журженко // 1/2007. FORUM Ab Imperio: Гендер и постсоветские нации / ред. Е. Гапова.
3. Рябов, О.В. «Их нравы»: американская семья в зеркале советской пропаганды «холодной войны» / О.В. Рябов // Семейные узы: «Модели для сборки» / под ред. С. Ушакина. – М.: НЛО, 2003.
4. Фуко, М. Мы, другие викторианцы. Гипотеза подавления / М. Фуко // М. Фуко. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – М.: Касталь, 1996.
5. Хубер, Дж. Теория гендерной стратификации / Дж. Хубер // Антология гендерной теории / под ред.: Е. Гаповой, А. Усмановой. – Минск: Пропилеи, 2000. – С. 77–99.
6. Чуйкина, С. «Быт неотделим от политики»: официальные и неофициальные нормы «половой» морали в советском обществе 1930–1980-х годов / С. Чуйкина // В поисках сексуальности / под ред.: Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. – С. 99–127.

7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://korrespondent.net/world/russia/1598699-korrespondent-ne-gej-slavyane-rossijskie-vlasti-pereklyuchayut-vnimanie-svoih-grazhdan-s-nasushchnyh-prob.
8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/news/19243.
9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ria.ru/interview/20101202/303390492.html#ixzz2fpwQqw6i.

Анна Рябова
(Литва/Беларусь)

О СПЕЦИФИКЕ «ЛЕСБИЙСКОГО» ВЗГЛЯДА: ИКОНОГРАФИЯ ЛЕСБИЙСКОЙ ЭРОТИЧЕСКОЙ ФОТОГРАФИИ (конец 70-х – 90-е гг. XX века)

This article is concerned with the erotic art photography of the most influential lesbian photographers of the late 1970's – 90's: Tee Corinne, Della Grace, Morgan Gwenwald and Jill Posener. The author draws attention to the themes that have fueled lesbian photography, including the feminist approach to the body. What all lesbian photographers share in common is dissatisfaction with the conventional way of the female body representation. In order to free the erotic iconography from the patriarchal contamination lesbian artists construct alternative erotic languages of depicting the female body.

Введение

Лесбийская эротика/порно, созданная непосредственно лесбиянками (назовем ее аутентичной лесбийской эротикой), возникла относительно поздно, в конце 70-х гг., как открытое противостояние гетеросексизму и вызов «мужскому» взгляду. Конечно, и ранее существовали изображения женщин-лесбиянок, однако они не демонстрировали так открыто женскую сексуальность и подвергались жесткой цензуре, потому что все, что было связано с женским желанием и удовольствием, репрессировалось. Женщины (как гетеросексуальные, так и лесбиянки), которые хотели создавать эротическое искусство для удовольствия других женщин, сталкивались с целым рядом проблем и препятствий.

До недавних пор мир «высокого» искусства был узурпирован мужчинами, как в качестве создателей объектов искусства, так и их потребителей, и в особенности это касается эротических образов. Женщине-

художнице была не доступна практика рисования обнаженной модели[1]. Она могла выступать только моделью для мужчин-художников. «Женщина (“низкая” женщина, конечно) имеет полное право обнажаться, выставляя себя как объект на обозрение группы мужчин, но женщина не имеет права принимать участие в активном наблюдении и запечатлении обнаженного мужчины как объекта или даже такой же женщины» [3, с. 31]. Как следствие, отмечает Линда Нохлин, женщина-художница была исключена из целого ряда жанров, довольствуясь такими периферийными («малыми») жанрами, как натюрморт, портрет, анималистическая живопись и др. Неизбежно образность, коды и означающие системы эротического искусства, а также порнографии были разработаны мужчинами… и для мужчин.

Созданная ими иконография женского тела – «продукт» столетий гендерного неравенства: обладая ресурсами, статусом, сексуальной автономией, именно мужчина был свободен смотреть, оценивать и выбирать сексуального партнера; женская же сексуальность сведена к нарциссическому самооцениванию с целью привлечения мужчин. Согласно Джону Бергеру, «наблюдатель внутри женщины – мужчина, а наблюдаемый женщина. Таким образом, она превращает себя в объект, в объект видения – в зрелище» [1, с. 56]. Это значит, что женщина, смотрящая на себя или оценивающая себя, всегда смотрит на себя взглядом мужчины.

Особый способ видения женщин, сложившийся в традиционном европейском искусстве (а также в порнографии), представляет собой процесс объективации женщины – сведение ее идентичности к объекту, наряду с другими, призванными приносить удовольствие мужскому глазу. Женщины изображались и изображаются в визуальных искусствах иначе, чем мужчины, не потому, что феминность отличается от маскулинности, а потому, что «идеальный» зритель всегда мужчина [1, с. 75]. Он – субъект зрения, Она – объект, призванный приносить визуальное удовольствие.

---

1 В данном случае речь идет непосредственно о специфике художественного образования, когда в школах и академиях женщины не допускались к изучению и рисованию обнаженной натуры, неважно мужской или женской. Некоторым художницам удавалось обойти институциональные ограничения. Так, например, художница Гвен Джон (1868–1939) рисовала свои обнаженные автопортреты; лесбийская фотограф Франсис Бенджамин Джонстон (1864–1952) фотографировала обнаженной свою подругу; лесбийские скульпторы Эмма Стебинс (1815–1882), Энн Уитни (1821–1915) и Гарриет Госмер (1830–1908) создавали скульптуры обнаженных или полуобнаженных женских тел, изучая строение женского тела своих подруг [6].

«Двойной стандарт» в искусстве напрямую связан с тем, что многие века женская сексуальность в европейской культуре репрессировалась и подвергалась жесткому контролю. И одним из последствий такой репрессии – как в сфере интимного, так и в сфере искусства – является то, что мы меньше знаем об истории женского желания, нежели мужского.

Вопрос о том, что возбуждает женщин, требует дальнейшей спецификации. Что возбуждает гетеросексуальных женщин? А что – женщин-лесбиянок? Именно на последний вопрос пытается ответить лесбийская эротическая фотография.

Да, использование эротического образа «женщина + женщина» не ново и не редко: будь то старинные полотна мастеров классической мифологии или же постеры-вклейки в современных «мужских» журналах. Несмотря на то, что на них мы можем видеть целующихся/занимающихся сексом женщин, эти изображения ничего не скажут нам о «женском» (в частности лесбийском) желании. Эти изображения создавались мужчинами и для мужчин. На них женские тела обретают свою форму в соответствии с конституирующим мужским взглядом, который проецирует на это тело свои желания [2, с. 288]. Узурпирование мужчинами женских и лесбийских образов делает особенно трудным для лесбиянок обрести чувство собственности на сексуально эксплицитное лесбийское искусство. Что тут говорить, доминирование «мужского» взгляда делает сложным размышление о порнографии и эротике как о чем-то, что направлено на кого-то другого, помимо мужской аудитории. Лесбийское эротическое искусство столкнулось с выбором: перенимать уже существующие коды изображения женского тела или предпринять попытку выработать альтернативный (свой) эротический язык.

Иконография лесбийской эротики

Учитывая то, что лесбиянки являются объектами еще более жесткого сексуального подавления, чем гетеросексуальные женщины, удивительно, как много появилось лесбийской эротики за такой короткий срок (конец 70-х – 2000-е гг.). И одним из самых популярных медиа среди лесбийских художниц была и остается фотография. Почему именно фотография? Доминирование мужчин в академиях искусства может в некоторой степени объяснить ее популярность как формы в лесбийском искусстве: фотография требовала тот набор технических навыков, которыми женщины могли овладеть, будучи не принятыми в художественную школу или академию.

Возможность лесбиянок создавать эротическое искусство для лесбиянок – относительно новый феномен, который стал возможным благодаря тому, что в наше время женщина достигла относительной экономической автономии (от мужа/отца). Необходимо отметить, что публично показывать свою сексуальность могли только лесбиянки среднего и высшего класса и, по большей части, белые женщины. Привилегированность именно этого социального слоя позволила им создавать и показывать свое искусство [4, с. 26].

Вторая феминистская волна положила начало резкой критике сексуальной объективации женщин. И много лесбийских художниц-фотографов начали создавать изображения обнаженного женского тела, пытаясь избежать конвенций изображения женского тела в мужской порнографии, конвенций, которые представляли красивое женское тело. Феминистки выступали против деспотичности такого обмана, направленного на маргинализацию всех женских тел, не соответствующих «канону».

Главной целью лесбийской эротической фотографии, начавшей появляться в 70-х гг. XX века, стала как раз репрезентация многообразия женских тел, или то, что можно назвать «аутентичной географией женских тел» [5, с. 18]: короткие, толстые, бледные, темные, морщинистые, старые, непропорциональные (бедра шире, чем бюст, отсутствие талии), с волосами, где бы они не росли (см., например: Tee Corinne. *The Three Graces*. 1980; Parminder Sekhon. *Untitled*. 1994).

Эгалитарность, многообразие и аутентичность – вот кредо феминистского лесбийского искусства. Острым был вопрос расовой репрезентации: изначально моделями в лесбийской фотографии выступали белые лесбиянки среднего/высшего класса – социальный слой женщин, которые достигли на тот момент относительной автономии. С большим трудом стали появляться эротические фотографии лесбиянок, принадлежащих к другой расе/этничности или рабочему классу (см., например: Chloe Sherman. *Jew Dykes. Ali and Tai*. 1994; Laurence Jaugey-Paget. *Untitled*. 1990; Chloe Atkins. *Untitled*. 1992; Jill Posener. *Kitty Tsui*. 1988). Помимо указанных экономических причин, художницы и модели испытывали страх, что их сексуальность наделят некими расистскими коннотациями (например, black bitch, geisha girl, dark girl as slut). Многие боялись обвинений в эксплуатации и предательстве со стороны их общины и семьи.

Лесбийские фотографы были первыми и в репрезентации инвалидности и секса. Значимой оказывается идея, что каждая может быть любимой/любящей и заниматься сексом вне зависимости от своих физи-

ческих возможностей (см.: Tee A. Corinne. *In a Wheel Chair with an Able Bodied Lover*. 1979; Gon Buurman From. *Aan Hartstocht geen gebrek*. 1991).

Собственно, на идее многообразия форм женского тела и заканчивается то, что объединяет работы всех лесбийских фотографов. В отношении того, ***как*** изображать эти тела, мнения лесбийских художниц расходятся. Условно в лесбийской эротической фотографии можно выделить 2 направления: 1) те, кто полностью отвергали «мужскую» иконографию изображения женского тела (классическое искусство, эротика, порнография), 2) и те, кто, наоборот, частично заимствовали коды мужской гетеросексуальной порнографии/эротики, однако использовали их по-своему. Далее я подробнее на примерах рассмотрю специфику этих двух направлений.

Несомненно, одной из самых ярких фигур феминистского лесбийского искусства является Ти Коринн (Tee Corinne) – американская художница-фотограф, пик творчества которой пришелся на 80-е гг. XX века. В то время маргинальность ее искусства, посвященного лесбийским отношениям, была причиной того, что она не принималась традиционным художественным полем и выставлялась в небольших галереях, «женских» кофейнях, книжных магазинах и лесбийских барах. Однако она по достоинству была оценена лесбийским феминистским сообществом, которое зачастую печатало ее работы в своих изданиях. Следует сказать, что ее книга «Янтры женской любви» (*Yantras of Womanlove*), опубликованная в 1982 г., была первой книгой лесбийской эротической фотографии.

Фотографируя обнаженные тела лесбиянок, Ти Коринн преследовала своей целью отойти в сторону от «мужской» иконографии и стандартов изображения женского тела. Созданные ею эротические образы лесбиянок совершенно отличаются от тех, которые можно найти в мужских порнографических журналах. В работах Ти Коринн отсутствуют грязные, открыто постановочные сцены лесбийского секса с неестественными позами молодых, идеально сложенных моделей (которые на самом деле обычно не были в действительности лесбиянками, а вот Коринн снимала настоящих любовниц); не найти в работах художницы и фетишистских атрибутов (секс-игрушек, кожаных плеток, сексуального белья), так часто встречающихся на глянцевых страницах порножурналов. Напротив, то, что делает Коринн, можно обозначить как романтизацию лесбийского секса[2] и отношений: она фотографирует женщин, занимаю-

---

[2] Именно романтизация лесбийских отношений являлась главным пунктом критики творчества Ти Коринн лесбийскими фотографами из другого «идеологического» крыла.

щихся любовью (разных рас, разных возрастов, разных телосложений, женщин-инвалидов); женщин, испытывающих удовлетворение и удовольствие, открыто демонстрируя свою сексуальность; лесбиянок, гордо позирующих и смотрящих на зрителя с чувством собственного достоинства, полностью независимых и никому не подчиненных в своих жестах и позах (см., например: «*Kiss*» from Intimacies, #7; серию фотографий «*Boko-Maru Dancers*», 1975; «*Honeylove*», год неуказан).

Ти Коринн принадлежала к тому ряду феминистских фотографов, которые старались проявлять сдержанность в репрезентации женских тел и женской сексуальности, больше всего опасаясь, чтобы эти тела не стали похотливыми в глазах зрителей. Избегая двусмысленности, откровенности и зачастую даже явной фигуративности в сделанных ею фотографиях обнаженных женщин, Ти Коринн использовала ряд технических и художественных приемов, как, например, соляризация. Эта фотографическая техника представляет собой процесс искусственного пересвета (переэкспозиции) негатива с целью получения частично обращенного изображения. Коринн часто пользовалась этим приемом, который был направлен на легкую стилизацию изображаемых тел. Помимо эстетической составляющей, соляризация в творчестве Ти Коринн носила и функциональный характер: скрыть какие-то детали изображения, например, лица моделей. Как отмечает сама художница: «Я помню, как осознала, что соляризация будет служить частичной защитой для моделей. В то же время она мне нравилась, потому что придавала им [моделям] мистический, анонимный вид» («I remember realizing, early on, that [solarization] would give the models some protection. But at the same time I liked it because it gives them a mysterious, anonymous look») [5, с. 103].

Другая характерная черта фотографического искусства данной художницы – высокая степень абстракции в запечатлении как женского тела в целом, так и его частей. Самая запоминающаяся серия фотографий представляет собой полуабстрактные изображения, где при помощи женских тел автор создает калейдоскопический узор. Зрителю не сразу удается распознать на этих фотографиях тела, потому что они превращаются в несамостоятельные, декоративные (или формальные) элементы композиции, чей световой ритм и повтор создают этот гипнотический эффект. Несамостоятельные потому, что трудно сказать, какой из элементов (наряду с «нетелесными» объектами и просто световыми пятнами) композиционно является самым важным. В результате, переходя в разряд декора, женскому телу удается избежать сексуальной объективации. Если не полностью, то хотя бы частично: автор создает пре-

пятствие для того, чтобы моментально и непосредственно распознать и воспринять не только тело, но и сексуальный характер сцен (см. серию фотографий «Yantras of Womanlove», 1982).

Той же степени абстрактности, но иным путем достигает Ти Коринн в другой своей серии, посвященной детальному исследованию женских гениталий. Женские половые органы вписаны ею в природные пейзажи (см.: Isis in the trees, 1986; Isis in the sky, 1986). Таким работам присуща высокая степень метафоричности.

Так как лесбийские «сцены» уже давно узурпировались мужской коммерческой порнографией, Ти Коринн наряду с другими лесбийскими феминистками была озабочена тем, чтобы ее изображения были кодированы строго для женской зрительской аудитории. Она избегала откровенно грязных поз, крупных планов гениталий, каких-либо знаков гендерного различия между лесбиянками, а также проявления доминирующего и подчиненного статусов.

В отличие от таких попыток разработать свою уникальную лесбийскую эротическую иконографию, свободную от патриархатных форм, ответом некоторых лесбиянок на «порнографические» дебаты того времени было сознательное воспроизводство существовавших кодов мужской гетеросексуальной порнографии. Эти радикальные лесбиянки, зачастую идентифицировавшиеся с садомазохистским сообществом, прибегали к кодам той же садомазохистской иконографии, включавшей в себя одежду из кожи и латекса, корсеты, «шпильки», подвязки и какие-либо атрибуты ролевой игры «раб–господин». Художницы, которые использовали устоявшиеся коды мужской порнографии, делали это с определенной целью: они боролись с мужчинами за контроль над «взглядом».

Так, фотографа Деллу Грейс (Della Grace), как и многих феминисток, занимала проблема эксплуатации женщин в гетеросексуальной порнографии. Она пыталась по-разному проблематизировать этот аспект в своем искусстве, например, полностью пересматривая распространенное представление о женской сексуальности как пассивной, нежной, скромной, сдержанной, не терпящей насилия и не прибегающей к нему. Используя сцены из гетеросексуальной порнографии, она показывает, что женщина может быть не только объектом, реципиентом чьей-то (по умолчанию – мужской) сексуальности, но и занимать активную, доминирующую роль в сексуальных отношениях. Более того, художница демонстрирует, что использование трансгрессивной структуры доминирующий/подчиненный (трансгрессивной как раз в случае лесбийского секса, потому что это игра, перфоманс) является фундаментальным в

получении эротического удовольствия [4, с. 31] (см.: Della Grace. *Ruff Sex Series.* 1988; также Morgan Gwenwald. *In the Ice House,* 1991).

Такие изображения шокировали не только обычного зрителя, но и ту часть феминистского сообщества, которая поддерживала «антипорно» кампанию и выступала против любых порнографических изображений – неважно, созданы они мужчинами или женщинами – и считала это формой насилия над женщиной.

Несмотря на заимствование сюжетов и некоторых семиотических кодов мужской порнографии, такое лесбийское искусство нельзя назвать простым ее копированием. Внешний облик моделей-лесбиянок далек от тех женских образов, которые обычно можно встретить на страницах мужских журналов: бритые головы (но небритые, например, подмышки), «неженственные» формы, пирсинг и татуировки (см., например: Della Grace. *Gatekeeper*. 1992; Della Grace. *Persephone*. 1992; Jamie Griffeths. *Metamorphosis I*. 1994; Romy Suskin. *Untitled*. 1994).

Не редкость в лесбийской эротике андрогинные образы – бесполые существа, балансирующие на грани двух полов (см., например: Della Grace. *Triad*. 1992).

Исключая традиционные опознаватели «женственности» – длинные волосы, «чистое» тело, макияж, женственную одежду (платья, кружевное белье и т.д.), лесбийские фотографы стремились к тому, чтобы мужчины не могли воспользоваться данными изображениями для своего удовольствия.

Другие художницы могли пародировать традиционные коды мужской порнографии, используя их с иронией, или предпринимать попытки изменять их смыслы, инкорпорируя их в *butch-femme* ролевую игру, где *butch* – это мужская гендерная роль, а *femme* – женская. *Butch* представляет собой лесбийскую версию эротизированной маскулинности – мужеподобную лесбиянку (это может быть крепко сложенная, мускулистая женщина, с короткой стрижкой, в мужской одежде, с характерными мужскими позами, зачастую курящая), которая и в отношениях занимает активную мужскую позицию. Однако этот образ не будет полным без ЕГО женщины. То, что делает лесбиянку *butch* – это обладание женщиной (см., например: Tracey Mostovoy. *Butch on Butch – Which is which?* 1992; Laurence Jaugey-Paget. *The Black Widows*. 1989).

На фотографии Трэйси Мостовой (Tracey Mostovoy. *Butch on Butch – Which is which?* 1992) мы видим яркий пример *butch*-образа. И этот образ передается не только за счет мужской одежды, но и за счет развязной позы, которая не характерна для женщины: лесбиянка курит, облокотив-

шись на машину, широко расставив ноги и положив руку на «причинное» месте.

Однако полностью образ раскрывается только через наличие второго образа – *femme*. То, что наделяет лесбиянку мужской гендерной идентичностью, это как раз обладание женщиной. И стоит добавить, что обладание не просто любой лесбиянкой, а той, чей образ нравится гетеросексуальным мужчинам. Именно *femme* выступает носителем нормативной женственности (см.: Laurence Jaugey-Paget. *Untitled*. 1991; Jessica Tanzer. *Bear and Aphra 2*. 1989; Gon Buurman. *Lesbo Gang-Bang*. 1990).

На фотографии Джессики Танцер (Jessica Tanzer. *Bear and Aphra 2*. 1989) мы угадываем, кто *femme*, сравнив, как изображаются две женщины: одна (слева) почти скрыта от взгляда зрителя, а вторая, напротив, обнажена (на ней еще можно увидеть украшение и спущенный бюстгальтер – женские атрибуты) и полностью открыта для разглядывания. Именно она выступает тем пассивным объектом «мужского» взгляда, что дает нам право сделать предположение о ее гендерной роли в игре butch/femme.

Подытоживая, и в ответ на возможную критику описанного выше эротического языка, я хотела бы сказать, что, несмотря на использование открыто сексуальных и зачастую порнографических сцен, такое лесбийское искусство является рефлексивным, ироничным и политизированным. Это то, чего нельзя найти в мужской порнографической традиции.

Литература

1. Бергер, Д. Искусство видеть / Д. Бергер. – М.: Клаудберри, 2012.
2. Малви, Л. Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф / Л. Малви // Антология гендерной теории. – Минск: Пропилеи, 2000.
3. Нохлин, Л. Почему не было великих художниц? / Л. Нохлин // Гендерная теория и искусство / под ред.: М. Бредихиной и К. Дипуэлл. – М.: РОССПЭН, 2005.
4. Bright, D. Mirrors and Window Shoppers: Lesbians, Photography, and the Politics of Visibility / D Bright // ed. C. Squiers. Overexposed: Essays on Contemporary Photography. – New York: the New Press, 1999.
5. Bright, S. Nothing But The Girl: The Blatant Lesbian Image / S. Bright. – New York: Freedom Editions, 1996.
6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.glbtq.com/arts/subjects_nude_female.html. – Дата доступа: 28.11.2012.

КАТЕГОРИИ АНАЛИЗА РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ В ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

Марына Маўчанава
(Літва/Беларусь)

БЕЛАРУСКІ НАЦЫЯНАЛЬНЫ КАТАЛІЦКІ РУХ У XIX – ПАЧАТКУ XX стагоддзя

The main purpose of the article is to determine the socio-political significance of the Belarusian national Catholic movement in the 19th – the beginning of the 20th centuries. The Belarusian national Catholic movement emerged and developed due to a certain set of preconditions, among which the national policy of the Russian Empire played a very important role. Inner features of the Catholic Church and Catholic ideology were also important. The Belarusian national Catholic movement may be identified as an independent course of the Belarusian national movement, because its main activists not only supported or sympathized with the national movement but took an active part in it by creating their own political parties (Belarusian Christian Democracy), and by developing their own concept of the nation and the Belarusian national idea.

2-я палова XIX – пачатак XX стагоддзя ўвайшлі ў беларускую гісторыю як час фармавання беларусаў як нацыі. Асаблівасцю беларускага нацыянальнага руху сталася тое, што ён зараджаўся ў колах інтэлігенцыі, што належыла да каталіцкага веравызнання, а таксама наяўнасць у рамках агульнага нацыянальнага руху плыні, якая цалкам слушна можа быць выдзелена як самастойны кірунак нацыянальнай дзейнасці – беларускі каталіцкі рух.

У артыкуле разглядаецца сацыяльна-палітычны кантэкст, у рамках якога адбывалася зараджэнне беларускага нацыянальнага руху, а таксама робіцца спроба вызначыць асноўныя рысы і этапы развіцця нацыянальнага каталіцкага руху як феномена беларускай гісторыі і культуры.

Перадумовы зараджэння беларускага нацыянальнага каталіцкага руху

З'яўленне нацыянальных настрояў у беларускім Касцёле было абумоўлена палітычнымі і сацыяльнымі трансфармацыямі, што адбываліся на тэрыторыі Беларусі ў 2-й палове XIX – пачатку XX стагоддзя.

У 1795 г. у выніку 3-га падзелу Рэчы Паспалітай беларуская тэрыторыя была цалкам далучана да Расейскай імперыі. Разам з павелічэннем тэрыторыі і колькасьці падданых Расейская імперыя сутыкнулася з неабходнасцю выбудоўвання нацыянальнай палітыкі ў адносінах да далучаных земляў, нацыянальны і канфесійны склад якіх значна адрозніваўся ад рускіх тэрыторый. Найбольш востра нацыянальнае пытанне ўстала пасля паўстання 1863 г., калі пад нацыянальнай палітыкай, перш за ўсё, стала разумецца палітыка ў адносінах да палякаў і каталікоў.

Асаблівасцю нацыянальнай палітыкі расейскага ўраду ў адносінах да беларускіх земляў было перакананне ў тым, што асноўны адсотак насельніцтва Паўночна-Заходняга краю складаюць «апалячаны» рускі народ і непасрэдна палякі. Пры гэтым адрозніванне рабілася па канфесійнаму прызнаку: усіх, хто вызнаваў праваслаўе, «аўтаматам» далучалі да рускіх, каталікоў – да палякаў. Так, ставячы знак роўнасці паміж нацыянальнасцю і веравызнаннем, царскі ўрад пачаў хвалю ўціску і рэпрэсій у адносінах да каталікоў. У той жа час рускія-праваслаўныя прызнаваліся апорай самаўладдзя. Пачаўся працэс «дэкаталізацыі – праваславізацыі» [27, с. 134].

Паводле звестак, што прыводзіць С. Самбук у кнізе «Палітыка царызму ў Беларусі ў другой палове XIX стагоддзя», да 1868 г. у 9 заходніх губернiях былі зачыненыя 34 каталіцкіх кляштараў, 128 касцёлаў, 67 капліц. 40 касцёлаў і 17 капліц былі перабудаваныя пад праваслаўныя цэрквы [17, с. 41].

Адным з захадаў барацьбы з каталіцызмам быў прымусовы пераход сялянаў-каталікоў у праваслаўе. Агулам з 1863 па 1868 гг. сярод беларусаў каля 60 тыс. чалавек былі прымусова пераведзены з каталіцтва ў праваслаўе [17, с. 145].

Але адначасова ў тым, што датычыць палітыкі царскай Расеі ў адносінах да каталікоў і Каталіцкага Касцёла, трэба адзначыць яе неадназначнасць і часам адсутнасць паслядоўнасці. Так, ужо ў 2-й палове 60-х гг. XIX стагоддзя палітыка ў адносінах да палякаў і каталікоў мякчэе [17, с. 34]. У той жа час у чарговы раз палітыка ў адносінах да беларускіх каталікоў змянілася пасля забойства Аляксандра II і ўзыходжання на трон

Аляксандра III. У гэты перыяд зноў пачынаецца новы віток варожасці і рэпрэсій супраць Каталіцкага Касцёла [17, с. 99–105].

Палітыка царскага ўраду ад рэпрэсій да змякчэння ізноў перайшла ў пачатку XX стагоддзя [4, с. 22].

Можна заўважыць, што, калі рэвалюцыйныя настроі абвастраюцца, узмацняецца і ціск на Касцёл. Адначасова як раз такі боязь удзелу каталікоў у рэвалюцыйных рухах вымушае ўрад ісці на саступкі (як было ў выпадку выдання ўказа аб верацярпімасці) [4, с. 24].

Неадназначнасць і адсутнасць паслядоўнасці ў царскай палітыцы ў адносінах да каталіцызма, што перашкаджалі рэалізацыі якой-небудзь адной стратэгіі, ідэалогія заходнерусізма, якая абвяшчала праваслаўе адзінай гістарычна абумоўленай рэлігіяй беларусаў, адносна высокі ўзровень пісьменнасці і адукацыі сярод каталікоў спрыялі таксама зараджэнню нацыянальных настрояў сярод каталіцкага насельніцтва беларускіх тэрыторый, а ў прыватнасці – сярод беларускага каталіцкага духавенства [4, с. 24].

Асаблівасці і асноўныя этапы развіцця беларускага нацыянальнага каталіцкага руху

Беларускі каталіцкі рух цалкам слушна можна назваць культурным феноменам у беларускай гісторыі і ў гісторыі нацыянальных рухаў краін Цэнтральна-Усходняй Еўропы [24, с. 6]. Актыўнасць беларускага каталіцкага духавенства ў развіцці нацыянальнага руху абвяргае кропку погляду, згодна з якой духавенства звычайна не падтрымлівае нацыянальныя праекты. Так, такія даследчыкі, як Дж. Бройлі, Я. Грыцак, М. Грох, выдзяляюць некалькі прафесій, прадстаўнікі якіх часцей за іншых прымаюць актыўны ўдзел у нацыянальных рухах ці самі з'яўляюцца генератарамі нацыянальных ідэй і настрояў. Сярод іх – юрысты, журналісты, пісьменнікі, вучоныя, выкладчыкі вышэйшых навучальных устаноў [27, с. 117]. Дж. Бройлі ў сваёй класіфікацыі ролі сацыяльных пластоў у працэсе фармавання нацый рэлігійную іерархію адносіць да групы «традыцыйны правячы клас» і падкрэслівае, што звычайна духавенства супрацьстаіць радыкальнаму нацыяналізму. У той жа час Бройлі кажа пра магчымыя тут выключэнні (Ірландыя, Румынія, Грэцыя) [27, с. 40]. Так уяўляецца, што ў якасці выключэння можна таксама назваць і прадстаўнікоў беларускага каталіцкага духавенства, якія не толькі падтрымлівалі ці спачувалі нацыянальнаму руху, але і прымалі ў ім самы актыўны ўдзел, у тым ліку шляхам стварэння сваіх палітычных партый

(БХД), выпрацоўваючы сваю канцэпцыю нацыі і беларускай нацыянальнай ідэі (А. Станкевіч, У. Талочка) і такім чынам спрыяючы сваёй дзейнасцю фармаванню беларускай нацыянальнай ідэнтычнасці.

Адной з найбольш ранніх спробаў беларусізацыі Касцёла ў Беларусі можна лічыць дзейнасць кс. Магнушэўскага, які яшчэ ў 20–30-х гг. XIX стагоддзя ў Крошыне арганізаваў беларускую школу. Дзяцей у школе вучылі чытаць, пісаць, лічыць, выкладаўся катэхізіс [21, с. 134–139]. Але дзейнасць школы, зразумела, не знайшла падтрымкі ва ўладаў, і таму пасля задушэння паўстання 1830–1831 гг. яна была зачынена [14].

У 1897 г. магілёўскі архіепіскап Сымон атрымаў дазвол Ватыкана на ўвядзенне ў дадатковае набажэнства і казанні беларускай мовы ў тых парафіях, дзе большасць парафіян размаўляе на беларускай мове. За гэтую сваю дзейнасць епіскап Сымон быў сасланы расейскай адміністрацыяй у Адэсу [20].

З 1876 па 1882 гг. у мястэчку Улла Лепельскага ўезду мясцовы ксёндз Мотус чытаў казанні на беларускай мове [27, с. 137]. Таксама выпадкі ўжывання беларускай мовы былі ў парафіях Магілёўскай губерніі, у прыватнасці ў вёсцы Фашчаўка [33].

Найбольш выразная артыкуляцыя беларускага каталіцкага руху прыходзіцца на 10-я гг. XX стагоддзя.

Беларускі каталіцкі нацыянальны рух зараджаўся ў акадэміцкім асяродку – у Віленскай духоўнай семінарыі і ў каталіцкай духоўнай акадэміі ў Санкт-Пецярбургу, дзе арганізоўваліся беларускія суполкі. У Вільні такая беларуская суполка была афіцыйна прызнана рэктарам у 1911 г. У Санкт-Пецярбургу гурток быў створаны ў 1912 г. ксяндзом Люцыянам Хведзька [10].

Беларускія каталіцкія гурткі ствараліся і ў вёсках. Ля вытокаў дзейнасці гэтых гурткоў былі каталіцкія святары-беларусы. Так, у Гародні пры мясцовай гімназіі на працягу 1909–1914 гг. дзейнічаў беларускі гурток «Хатка», стварыцелем і кіраўніком якога быў кс. Францішак Грынкевіч. У 1913 г. гурток выдаваў сваю газету – «Колас нашай нівы». Менавіта з гэтым гуртком звязаныя першыя праяўленні арганізаванага беларускага каталіцкага руху на тэрыторыі Беларусі [23]. У в. Клюшчаны Свянцянскага павета пад кіраўніцтвам святара Канстанціна Стэповіча дзейнічаў гурток «Хаўрус сваякоў».

Адну з прычын зараджэння нацыянальнага руху сярод духавенства можна бачыць у тым, што клерыкі духоўных семінарый былі, у асноўным, выхадцамі з сялянскіх сем'яў, паколькі атрыманне духоўнай адукацыі было адной з нешматлікіх магчымасцей для вертыкальнай сацыяльнай

мабільнасці на той час [27, с. 119]. Зліваючыся з агульнай хваляй мадэрнізацыі і ўзрастання значэння нацыянальнасці ў XIX стагоддзі, беларускае духавенства шукала адказ на пытанне пра сваю ідэнтычнасць і прымыкала да руху беларускага нацыянальнага адраджэння. Большасць каталіцкіх святароў – дзеячаў беларускага нацыянальнага адраджэння – былі выхадцамі з сялянаў. І менавіта традыцыйная беларуская культура служыла фармаванню іх культурнай і нацыянальна-этнічнай самасвядомасці [13]. Тут, кажучы пра фармаванне нацыянальнай самасвядомасці, якая сярод беларусаў грунтавалася на народнай культуры не толькі ў прадстаўнікоў духавенства, да месца ўзгадаць «часавыя паясы» Э. Гелнэра, на якія ён падзяліў еўрапейскі кантынэнт згодна з эвалюцыйнымі схемамі пабудовы нацыі. 3 і 4 паясы, якія ахопліваюць Усходнюю Еўропу і еўрапейскую частку Расеі, характарызуюцца тым, што падмуркам нацыянальнай ідэі з'яўлялася «нізкая», народная культура [7]. Дзейнасць каталіцкіх святароў-адраджэнцаў у гэты час развівалася ў рэчышчы агульнага ўзрастання цікавасці да збору народнага фальклора, этнаграфічнага матэрыялу, будавалася на падкрэсліванні каштоўнасці і асаблівасці гэтай спадчыны, адрознасці яе ад рускай ці польскай, на тым, што такая розніца даспадобы Богу і яе трэба не чурацца, а наадварот, неабходна ёй ганарыцца і ў гэтым шукаць падставы сваёй ідэнтычнасці («этнаграфічная фаза» развіцця нацыянальнага руху, паводле Гелнэра [7]).

Магчымасці для актыўнай дзейнасці адкрыліся для беларускіх католікоў пасля Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г., калі была абвешчана свабода веравызнанняў. Пачалося паўсюднае ўвядзенне беларускай мовы ў касцёлы Беларусі. Каталіцкія святары пачалі актыўную палітычную дзейнасць. У 1917 г. у Мінску была створана палітычная рэлігійная партыя – Беларускае хрысціянскае дэмакратычнае аб'яднанне [2].

Беларускі каталіцкі рух на працягу 10-х гг. XX стагоддзя актыўна папаўняўся ўсё новымі дзеячамі – святарамі [2].

Барацьба за беларусізацыю Касцёла ў Заходняй Беларусі працягвалася да 1939 г. – да далучэння да БССР і пачатку Другой сусветнай вайны. Ва Усходняй Беларусі да гэтага моманта рэлігійнае жыццё было практычна задушана палітыкай савецкай улады.

Значэнне беларускага каталіцкага руху для фармавання беларускай нацыянальнай ідэнтычнасці

Нядоўгі перыяд актыўнай дзейнасці беларускіх ксяндзоў-адраджэнцаў прынёс свой плён у фармаванні нацыянальнай ідэнтычнасці белару-

скіх каталікоў, у прыватнасці каталікоў Заходняй Беларусі. Аб нацыянальнай самаідэнтыфікацыі насельніцтва заходніх рэгіёнаў Беларусі ў гэты перыяд можна часткова судзіць па публікацыях у газеце партыі БХД «Беларуская крыніца», што выходзіла з 1917 па 1940 гг.

Так, напрыклад, у № 4 ад 21 студзеня 1927 г. друкуецца наступны ліст ад чытача з мястэчка Міёры Браслаўскага павета:

«Сведамасць беларуская расце.

Хачу сказаць, што ў нас сведамасць беларуская расцець, хоць ксёндз наш паляк – польскасць шырыць. Але мала хто яму верыць, бо чувацъ у гаворцы нашых міёрскіх каталікоў вось што: каб пробашч не быў палякам, а беларусам, то не дружыў бы з панамі, жыў бы ў дружбе з намі, працоўнымі». Ст.К. (St.K.) [19].

Ці ўрывак з агляду чытацкай карэспандэнцыі з № 19 ад 6 траўня 1927 г.: «“Узглянь жа на народ бяздольны, беларускі, што к Табе голас ціхі, паднявольны ў пакорнай шле мальбе…” – спяваў народ, просячы Бога, каб выслухаў ягоных просьб, каб заслаў для яго ізноў праўдзівага пастыра… каторы б знаў нашу душу беларускую, нашы беды і нядолі» [9].

Беларускімі каталіцкімі святарамі ў 2-й палове XIX – пачатку XX стагоддзя ажыццяўляўся шырокі спектр накірункаў культурна-асветніцкай, рэлігійнай і нацыянальнай дзейнасці. Кажучы пра значэнні і віды дзейнасці, што праводзілася беларускімі святарамі-адраджэнцамі, даследчык І. Трацяк падзяляе яе на рэлігійную і нерэлігійную [24, с. 101–103].

Да рэлігійнай дзейнасці адносіцца культавая і пазакультавая. Да пазакультавай, у сваю чаргу, – катэхізацыя, місійная дзейнасць, публіцыстыка, філасофска-тэалагічныя даследаванні [24, с. 101–103].

Дж. Бройлі заўважае, што часта ідэі нацыяналізму выкладаліся пры дапамозе рэлігійнай тэрміналогіі [27, с. 40]. Менавіта такім чынам каталіцкія святары-адраджэнцы падавалі нацыянальныя ідэі вернікам, пры гэтым не толькі выкладаючы іх з ужываннем рэлігійнай тэрміналогіі, але і знаходзячы ім тлумачэнне ў Святым Пісьме і біблейскай традыцыі. Каталіцкія святары ў сваёй дзейнасці ставілі такія мэты, як распрацоўка канцэпцыі нацыянальна-культурнага адраджэння згодна з хрысціянскай этыкай і мараллю, рэлігійна-нацыянальная дзейнасць у парафіях, якая павінна была служыць фармаванню нацыянальнай ідэнтычнасці беларусаў. Гэтых мэтаў святары-адраджэнцы спрабавалі дасягнуць праз шэраг практычных задач, такіх як увядзенне беларускай мовы ў казанні, паралітургію і катэхізацыю, выданне перыёдыкі і рэлігійна-мастацкай літаратуры на беларускай мове, правядзенне даследаванняў у сферы

тэалогіі, філасофіі, гісторыі Беларусі і беларускага хрысціянства і культуры [24, с. 3]. Культурна-асветніцкая дзейнасць беларускіх каталіцкіх святароў таго перыяду падпарадкаваная двум аспектам – рэлігійнаму і нацыянальнаму. Так, падтрымліваючы нацыянальны рух, што разгортваўся ў Беларусі, святары імкнуліся надаць яму хрысціянскі характар.

Святары-адраджэнцы ў сваіх філасофска-тэалагічных разважаннях даводзілі, што нацыяналізм не супярэчыць хрысціянству як рэлігіі ўніверсальнай і наднацыянальнай. У прыватнасці, яны бачылі абгрунтаванне абавязку барацьбы за годнасць і незалежнасць свайго народа, сваёй нацыі ў тым, што нацыянальная разнастайнасць чалавецтва была задумана Богам, а таксама ў 4-м прыказанні, якое наказвае любоў і пашану да бацькоў. Больш шырокае разуменне бацькоў – гэта продкі, родная зямля, нацыя. Так, кс. У. Гадлеўскі пісаў: «Рэлігія, наказуючы паважаць бацькоў, няменш, канечне, наказвае паважаць Бацькаўшчыну, як супольную матку ўсяго народу» [24, с. 80].

І. Трацяк у сваім даследаванні суадносінаў у дзейнасці і творчасці святароў-адраджэнцаў пытанняў рэлігійнага і нацыянальнага, прыводзіць цікавае азначэнне нацыі У. Гадлеўскага: «Нацыя – гэта не толькі сужыццё людзей на адной тэрыторыі, злучаных адной мовай і сваёй культурай, але і супрацоўніцтва на карысць цэльнасці, да чаго патрэбная сведамасць і воля ўтрымоўваць і бараніць собскую супольнасць – народ» [24, с. 80].

Пытанню паходжання і прыроды нацый прысвячалі свае даследаванні такія святары, як Я. Тарасевіч і А. Станкевіч. Так, А. Станкевіч выказвае думку, што ўзнікненне нацый было абумоўлена аб'ектыўнымі (раса, мова, рэлігія, агульныя звычаі, агульная тэрыторыя) і суб'ектыўнымі (агульнасць маралі, псіхікі, волі і свядомасці) прычынамі [24, с. 81]. Права кожнага народа на сваю нацыянальную незалежнасць А. Станкевіч выводзіць з вучэння Хрыста, з Яго наказу «вучыць усе народы». На гэты момант з Евангелля (Мф 28,19) спасылаецца і кс. Р. Дзванкоўскі ў сваіх разважаннях аб месцы нацыі ў Каталіцкім Касцёле, выводзячы з гэтых словаў універсальны і наднацыянальны характар місіі хрысціянства, але таксама і факт існавання нацыянальнай разнастайнасці [31].

Згодна з перакананнем святароў-адраджэнцаў, менавіта ў хрысціянстве беларусы могуць знайсці трывалы падмурак для сваёй нацыянальнасці [24, с. 81].

Такім чынам, беларускі нацыянальны каталіцкі рух як культурны феномен быў адказам на сацыяльна-палітычную і культурна-канфесійную сітуацыю, што склалася ў Беларусі ў разгледжаны перыяд. Ён развіваўся

ў варунках палітыкі русіфікацыі з боку Расеі і паланізацыі з боку Польшчы. Беларускія каталіцкія святары – у большасці сваёй выхадцы з сялянскага асяродку – уносілі ў агульны працэс пабудовы нацыі «знізу» (згодна з «часавымі паясамі» Э. Гелнэра) неабходны этнаграфічны матэрыял, засвоеную з нараджэння народную культуру. Каталіцкія святары-беларусы выступалі за беларусізацыю Касцёла, за выкарыстанне каштоўнасцей і спадчыны Касцёла як фактара, які ляжыць у падмурку развіцця беларускай культуры і фармавання нацыянальнай самасвядомасці беларусаў. Асаблівасцю дзейнасці беларускага каталіцкага духавенства стаў багаслоўска-філасофскі пошук азначэння панятку «нацыя», суаднясення яго з хрысціянскімі каштоўнасцямі і прынцыпамі, з універсалізмам і наднацыянальнасцю хрысціянства. Беларускія каталіцкія святары шукалі «нацыянальную рэлігію», якая здолела б пераадолець канфесійны падзел беларусаў, у якім яны бачылі істотную перашкоду аб'яднанню беларусаў як нацыі. Беларускі каталіцкі рух меў бачныя вынікі сваёй дзейнасці па фармаванню нацыянальнай ідэнтычнасці беларусаў і, як уяўляецца, меў значны патэнцыял для далейшага развіцця, калі б не такія гістарычныя абставіны, як палітыка ваяўнічага атэізму ў СССР і далучэнне Заходняй Беларусі да БССР, што сталі для гэтага развіцця перашкодай.

Вынікі дзейнасці беларускага каталіцкага руху адзначалі як беларускія, так і замежныя даследчыкі. Так, І. Ганчар у сваёй працы ўзгадвае думку даследчыка Э. Зайкоўскага пра тое, што Касцёл як арганізацыя, інстытут, які не вызнаваў афіцыйную ідэалогію, паспрыяў таму, што «на яго грунце вырасла беларуская нацыянальная ідэя» [5, с. 11]. Польскі ж гісторык Р. Радзік у працах, прысвечаных этнагенезу беларусаў, прыходзіць да высновы, што «каталіцтва спрыяла фармаванню беларускай самасвядомасці нават у большай ступені, чым самасвядомасці польскай» [5, с. 25].

З новай сілай нацыянальныя настроі ў асяродку Каталіцкага Касцёла Беларусі разгарнуліся ў часы развалу СССР і абвяшчэння незалежнасці Беларусі. Рэлігія як частка нацыянальнай спадчыны, як этнаінтэгруючы фактар звярнула на сябе ўвагу ў час пераадолення савецкай палітыкі асіміляцыі і спробаў пабудовы ўласнай нацыянальнай дзяржавы. Паколькі нельга сказаць, што нацыятворчы працэс сёння ў Беларусі завершаны, то ў пошуках падмурку беларускай нацыі, шляхоў пераадолення крызісу беларускай нацыянальнай ідэі варта звярнуць пільную ўвагу на спадчыну беларускага нацыянальнага каталіцкага руху пачатку XX стагоддзя.

Літаратура

1. Андэрсан, Б. Уяўныя супольнасці. Разважанні аб вытоках і распаўсюджванні нацыяналізму / Б. Андэрсан [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/anders/index.php.
2. Анофранка, Н. Агляд моўнай палітыкі Рыма-каталіцкага Касцёла ў Беларусі ў XX ст. / Н. Анофранка, А. Гардзіенка // Часопіс «Terra historica» [Электронны рэсурс]. – 2002. – № 1. – Рэжым доступу: http://bk.baj.by/terra_historica/1_2002/anofranka.htm. – Дата доступу: 11.06.2012.
3. Астроўская, Т. Генеалогія гістарычнай памяці беларусаў у кантэксце адукацыйных практык / Т. Астроўская; Беларускі інстытут стратэгічных даследаванняў (BISS), 20.10.2010 [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://www.belinstitute.eu/images/doc-pdf/sa012010ru.pdf. – Дата доступу: 31.08.2012.
4. Бачышча, Ю.А. Каталіцкая Царква ў нацыянальна-рэлігійнай палітыцы царызму ў Беларусі (1900–1914 гг.): дыс. … канд. гіст. навук: 07.00.02 / Ю.А. Бачышча. – Мінск, 2004. – 155 л.
5. Ганчар, А.І. Дзейнасць Рыма-каталіцкага Касцёла па захаванню пазіцый каталіцызма на тэрыторыі Беларусі (1864–1905 гг.): дыс. … канд. гіст. навук: 07.00.02 / А.І. Ганчар. – Гродна: ГрДУ ім. Я. Купалы, 2007. – 200 л.
6. Ганчарук, І.Г. Палітыка рускага самадзяржаўя ў адносінах да Каталіцкага Касцёла 1772–1830 гг. / І.Г. Ганчарук // Часопіс «Наша вера» [Электронны рэсурс]. – 2001. – № 3(17). – Рэжым доступу: http://media.catholic.by/nv/n17/art10.htm. – Дата доступу: 12.06.2012.
7. Гелнэр, Э. Нацыі і нацыяналізм / Э. Гелнэр [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/gelln/index.php. – Дата доступу: 12.06.2012.
8. Грыцкевіч, А. Удзел у адраджэнні / А. Грыцкевіч // Часопіс «Наша вера» [Электронны рэсурс]. – 1998. – № 2(5). – Рэжым доступу: http://media.catholic.by/nv/n5/art19.htm. – Дата доступу: 11.06.2012.
9. Жалосны ўспамін // Газета «Беларуская крыніца». – 06.05.1927. – № 19. – С. 4.
10. Іллін, А.Л. Беларуская дзейнасць Аляксея Пятрані і Люцыяана Хведзька ў Пінскай каталіцкай духоўнай семінарыі / А.Л. Іллін // Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа (матэрыялы 2-й і 3-й міжнародных канферэнцый «Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа», 2008–2009 гг.) / гал. рэд.: Э.С. Ярмусік; ГрДУ ім. Я. Купалы. – Гродна, 2009. – Ч. 2. – С. 49–53.
11. Канфесіі на Беларусі (кан. XVIII – XX ст.) // В.В. Грыгор'ева, У. Завальнюк, У.І. Навіцкі, А.М. Філатава; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
12. Конан, У. Кс. Адам Станкевіч і каталіцкае адраджэнне ў Беларусі / У. Конан. – Мінск, 2003. – 127 с.
13. Літвіновіч, А.Ф. Да праблемы фарміравання гістарычнай, культурнай і нацыянальнай свядомасці беларускага каталіцкага духавенства (канец XIX – пачатак XXI ст.) / А.Ф. Літвіновіч // Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа

(матэрыялы 2-й і 3-й міжнародных канферэнцый «Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа», 2008–2009 гг.) / гал. рэд.: Э.С. Ярмусік; ГрДУ ім. Я. Купалы. – Гродна, 2009. – Ч. 2. – С. 112–114.
14. Лыч, Л. Шлях беларускага слова ў Касцёл / Л. Лыч // Роднае слова. – 2000. – № 11. – С. 99–102.
15. Лыч, Л. Шлях беларускага слова ў Касцёл. Працяг / Л. Лыч // Роднае слова. – 2000. – № 12. – С. 83–85.
16. Ралёнак, А. Рэсаветызацыя гістарычнай памяці як рэдакцыйная палітыка «Беларускай думкі» / А. Ралёнак // Архэ. – 2012. – № 4(115). – С 151–174.
17. Самбук, С.М. Палітыка царызму ў Беларусі ў другой палове XIX стагоддзя / С.М. Самбук; рэд. В.П. Панюціч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1980. – 224 с.
18. Сваяк, К. Выбраныя творы / К. Сваяк; уклад., прадм., камент. І. Багдановіч. – Мінск: Кнігазбор, 2010. – 472 с.
19. Сведамасць беларуская расце // Газета «Беларуская крыніца». – 21.01.1927. – № 4. – С. 4.
20. Смалянчук, А.Ф. «Беларуская карта» ў дзейнасці царскай адміністрацыі (2-я пал. ХІХ – пач. ХХ ст.) / А.Ф. Смалянчук // Спадчына. – 1996. – № 4. – С. 53–56.
21. Станкевіч, А. З Богам да Беларусі: збор твораў / А. Станкевіч; рэд. С. Петрыкевіч, уклад., навук. рэд.: А. Вашкевіч, А. Пашкевіч. – Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2008. – 1098 с.
22. Теплова, В.А. М.О. Коялович и православная историческая школа Белоруссии / В.А. Теплова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sobor.by/kojal.htm. – Дата доступа: 11.06.2012.
23. Трацяк, І.І. Айцец Уладзіслаў Талочка / І.І. Трацяк // Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа (матэрыялы 2-й і 3-й міжнародных канферэнцый «Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа», 2008–2009 гг.) / гал. рэд.: Э.С. Ярмусік; ГрДУ ім. Я. Купалы. – Гродна, 2009. – Ч. 2. – С. 20–26.
24. Трацяк, І.І. Культурна-асветніцкая дзейнасць беларускіх каталіцкіх святароў (пачатак ХХ ст. – 1939 г.): дыс. … канд. культуралогіі: 24.00.02 / І.І. Трацяк; ГрДУ ім. Я. Купалы. – Гродна, 2000.
25. Тумаш, В. Яўхім Карскі: жыццё, навуковая спадчына, пагляды (1861–1931) // В. Тумаш. Выбраныя працы / Бібліятэка Беларускага гістарычнага агляду [Электронны рэсурс]. – Мінск, 2002. – Рэжым доступу: http://kamunikat.fontel.net/www/knizki/historia/tumasz/vybranyja/07.htm#13. – Дата доступу: 11.06.2012.
26. Уладыкоўская, Л. Хрысціянства і сацыякультурнае развіццё: сучасны беларускі кантэкст / Л. Уладыкоўская // Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа (матэрыялы 2-й і 3-й міжнародных канферэнцый «Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа», 2008–2009 гг.) / гал. рэд.: Э.С. Ярмусік; ГрДУ ім. Я. Купалы. – Гродна, 2009. – Ч. 2. – С. 89–93.
27. Цярашковіч, П.У. Этнічная гісторыя Беларусі ХІХ – пачатку ХХ ст.: у кантэксце Цэнтральна-Усходняй Еўропы / П.У. Цярашковіч. – Мінск: БДУ, 2004. – 223 с.
28. Цымбал, А.Г. Спробы ажыццяўлення беларусізацыі Праваслаўнай Царквы ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А.Г. Цымбал // Хрысціянства ў гістарычным

лёсе беларускага народа (матэрыялы 2-й і 3-й міжнародных канферэнцый «Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа», 2008–2009 гг.) / гал. рэд.: Э.С. Ярмусік; ГрДУ ім. Я. Купалы. – Гродна, 2009, – Ч. 2. – С. 3–7.

29. Яноўская, В.В. Моўнае пытанне ў Рымска-каталіцкім Касцёле Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX ст.): славянская і літоўская гістарыяграфія / В.В. Яноўская // Белорусский научный исторический журнал «Российские и славянские исследования» [Электронны рэсурс]. – 2007. – № 2. – Рэжым доступу: http://www.rsijournal.net/mo%D1%9Enae-pytanne-%D1%9E-rymska-katalickim-kascyole-belarusi-60-ya-gady-xix-pachatak-xx-st-slavyanskaya-i-lito%D1%9Eskaya-gistaryyagrafiya/. – Дата доступу: 11.06.2012.

30. Ярмусік, Э.С. Каталіцкі Касцёл і нацыянальныя праблемы XX ст. (на матэрыяле Беларусі) / Э.С. Ярмусік // Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа: зборнік навуковых артыкулаў / рэдкал.: С.В. Марозава [і інш.]; ГрДУ ім. Я. Купалы [Электронны рэсурс]. – Гродна, 2008. – С. 329–344. – Рэжым доступу: http://pawet.net/files/christianity_in_history_of_belarus.pdf. – Дата доступу: 05.06.2012.

31. Dzwonkowski, R., SAC. Kościół katolicki a tożsamość narodowa wiernych / R. Dzwonkowski [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://www.polacy.by/spoeczestwo/ycie-duchowe/266-kocio-katolicki-a-tosamo-narodowa-wiernych.html. – Дата доступу: 12.06.2012.

32. Greenfeld, L. Types of European Nationalism [Nationalism: Five Roads to Modernity (Harvard University Press; Cambridge, Mass., 1992), 7–9, 14–17].

33. Nasze koscioly. Opis ilustrowany wszystkich kosciolow i parafii znajdujrcych sie na obszarach dawnej Polski i ziemiach przyleglych. T. 1 / archidiecezja Mohylewska, uloyyli i wydali ks. D. Baczkowski i ks. J. Zyskar. – Warszawa–Petersburg, 1913.

Мирас Абдрахим
(Казахстан)

ВЗГЛЯДЫ ЧИНОВНИКОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА РЕЛИГИОЗНОСТЬ КАЗАХОВ XIX ВЕКА

The article is devoted to the problem of religiosity of Kazakhs in the nineteenth century from the perspective of the Russian Empire officials. The author concludes that all Russian officials and other representatives of the imperial government unanimously saw the Kazakhs as «weak Muslims». At the same time, the author states that if you consider the fact that all these views were expressed by the authorities of the Russian Empire, who themselves carried out reforms in the spiritual realm of the Kazakhs, this position on the religiosity of Kazakhs is understandable. Collections of articles in various periodicals are analyzed.

Во второй половине XIX века в Казахской степи после завершения процесса включения ее в состав Российской империи были трансформированы политические институты, экономическая жизнь, хозяйство и быт, культура – все сферы общества. Не осталась в стороне от этих преобразовании и религиозно-духовная жизнь населения. Вопрос о выяснении степени религиозности казахов являлся важным во второй половине XIX века, потому что перед российской властью стояла задача внедрения унифицированной административной системы в Казахской степи, христианизации и слияния местного населения с русскими. В связи с этим необходимо было понять, насколько казахи, будучи кочевниками, – «мусульмане», в какой степени казахи отличались от волго-уральских татар, которых российское правительсто обозначило как «фанатичных мусульман», и насколько быстро они могли быть христианизированы.

В исторической науке исследовались вопросы религиозной политики имперской власти в Казахстане [1], деятельность Оренбургского мусуль-

манского Духовного собрания и муфтиев [2], роль татарских мулл в степи [3], политика христианизации казахов [4] и т.д. Однако в этих исследованиях не ставился вопрос об интерпретации российскими и казахскими чиновниками степени религиозности казахов XIX – начала XX века.

Какие критерии были положены в основу определения степени религиозности казахов в дореволюционной исторической литературе? Почему во второй половине XIX века появились исследования, посвященные изучению степени религиозности казахов? Осознавали ли себя сами казахи мусульманами? Этот вопрос является важным в структурировании концепции данной статьи, ибо помогает уяснить, как идентифицировали себя сами казахи и как их воспринимали российские власти. Так, А.И. Левшин, один из известных дореволюционных исследователей, первым обратил внимание на то, что большинство казахов на вопрос о религиозной принадлежности отвечало «не знаем». «Трудно решить, что такое казахи – магометане, манихеяне или язычники», – более конкретно ставил вопрос А. Левшин, при этом отмечая, что казахи смешивают ислам и древнеполистические культы, не соблюдают пост, не молятся, и благодаря только среднеазиатским и татарским муллам, находящимся в услужении у казахской знати, исламизм не угасает. Кроме того, добавлял он, «все они вообще имеют понятие о высочайшем существе, сотворившем мир, но одни поклоняются ему по законам Корана, другие смешивают учение исламизма с остатками древнего идолопоклонства, третьи думают, что, кроме божества благого, пекущегося о счастии людей и называемого ими худай, есть злой дух, или шайтан, источник зла. Сверх того казахи признают существование многих других духов, верят колдунам, ворожеям» [5].

В первую очередь нужно иметь в виду, что чиновники Российской империи отражали тенденции религиозной политики российской власти по отношению к казахам во воторой половине XIX века. Во-вторых, прежде чем перейти к анализу их работ, нужно выделить несколько групп чиновников, взгляды которых отличались в силу специфики их службы. К первой группе относятся чиновники, служившие в региональной администрации (Оренбургское и Западно-Сибирское генерал-губернаторство и т.д.) и имевшие постоянное взаимодействие с представителями казахского населения, вторая группа чиновников включала представителей высших эшелонов российской власти в регионе (генерал-губернаторы, вице-губернаторы, военные губернаторы и т.д.), третья группа – чиновники, которые в силу тех или иных обстоятельств были включены в состав научных экспедиций, проходивших через Казахские степи, и т.п.

Видный российский политик XIX века генерал-губернатор Сибири граф М.М. Сперанский считал, что будет легко крестить казахов, так как, по его мнению, они слабо исповедуют ислам [6]. Русский поручик Я.П. Гавердовский также отмечал «малую привязанность к своей вере» казахов. По его мнению, «казахи следуют учению суннитского толка, но весьма слабо и нерачительно исполняют правила, оным предписанные. Они избрали из него только те места, которые соответствовали их закоснелым мнениям и нравились по своей приятности, и соединили оные со старыми господствующими у них обрядами, не заботясь более таким или другим порядком должно брать прямое значение веры» [7, с. 440].

Русский генерал и первый начальник Омской области сенатор С.Б. Броневский считал, что казахи «хотя исповедуют закон Магомета, но суть невежи в оном; Ахунов, Мулов и Ходжей содержат в волостях, но нет у них ни мечетей, ни обрядов веры, постоянно отправляемых» [8]. Казачий старшина Ф. Усов в конце XIX века писал: «Хотя весь казахский народ считает сам себя и признается официально исповедующим мусульманство, но масса киргиз отличается глубоким индифферентизмом; все их понятия о божестве и религии ограничиваются разными поверьями, а в важных случаях жизни (при рождении, смерти и т.п.) кое-какими обрядами, больше языческими, чем магометанскими» [9].

Военный губернатор Семиреченской области Г.А. Колпаковский в своем докладе императору об открытии христианской миссии в Казахской степи отмечал, что казахи «могут принять христианство с легкостью, так как они все еще не знакомы с мусульманством, и что их жизнь основана на гуманно-бытовом кодексе устного фальклора» [6]. Начальник Генштаба военного министерства Л. Мейер также указывал на «слабость религиозности» казахов. Он отмечал, что казахи «магометане и считаются обыкновенно суннитами, хотя это ровно ни на чем не основано, потому что, вообще говоря, этот народ в настоящее время весьма не развит в религиозном отношении и сам определенно не знает, какого религиозного толка держится». При этом Л. Мейер приписывал фанатизм среди казахов только «султанам и пограничным жителям» [10]. Аналогичную точку зрения выразил и председатель Киевского отдела Русского Собрания Б.М. Юзефович в своих заметках «О быте киргизов Тургайской области». Он отмечал, что «замкнутость, в какую ставит казахов магометанская вера, не ведет однако к фанатизму» [11].

В классификации мусульманского населения Российской империи, составленной попечителем Казанского учебного округа П.Д. Шестаковым, казахи вместе с башкирами составили четвертую группу, так как,

по его мнению, они были «магометане слабые, на первой ступени магометанства» [12, с. 21]. А вот офицер Генерального штаба М. Красовский писал, что только казахи, «имеющие достаток, охотно выполняют магометанские обряды ради скуки». Однако далее он признавал, что «магометанизм, столь близко подходящий под взгляд невежественного азиатца, столь доступный его ленивому уму… мало-помалу все-таки распространяется в степи, в ущерб возможности проникнуть туда свету учения христианского» [13]. Н.Л. Балкашин заметил неспособность казахов самим удовлетворять свои духовные потребности, так как среди казахов нет «знающих мулл». И поэтому, отмечал он, «богослужение совершалось у них странствующими татарами и среднеазиатскими ишанами, а потом еще дунганами и таранчами» [14, с. 36]. В Сборнике материалов по мусульманству, составленному по распоряжению генерал-губернатора Туркестанского края С.М. Духовского, было сказано: «…из всех мусульманских народностей, подвластных России, самыми плохими исламистами следует признать наших казахов» [15].

Как видим, вышеприведенные сведения об отношении русских чиновников к степени религиозности отражают единую мысль о том, что казахи в XIX веке были «слабыми мусульманами» и, соответственно, они могли быть легко христианизированы. Основной причиной этого считался их образ жизни, а именно – кочевое хозяйство. Эту мысль четко выразил русский историк и этнограф по Средней Азии И.И. Гейер в своих «Материалах к изучению бытовых черт мусульманского населения Туркестанского края», считавший, что казахи мало информированы о религии, которую они исповедуют, в силу их кочевого образа жизни [16, с. 82].

О степени религиозности казахов высказался и директор народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей А.Е. Алекторов. Он в своей книге писал: «Что мулла скажет, то для татарина, башкира или киргиза – свято, почти закон; мусульмане как-то не допускают мысли, чтобы почтенное сословие мулл могло выдумывать, что им взбредет в голову, лишь была бы польза их личному интересу» [17].

Вопрос о степени религиозности казахов затрагивался и в разных сборниках статей, вестниках, записках и ведомствах, опубликованных или написанных опять же представителями Российской империи. Так, например, в статье «Киргизы» в «Записках Западно-Сибирского отдела ИРГО» написано, что «истинного же религиозного убеждения в них [у казахов. – *М.А.*] незаметно» [19]. Кроме того, в этих же записках говорится о том, что «казахи, хотя и считаются магометанского исповедания,

однако у них религия Магомета смешана с разными языческими обрядами».

А вот в «Тобольских епархиальных ведомостях» имеется следующая информация: «В давние времена казахи были обращены в магометанство, но с тех пор в их верования внесено столько языческих суеверий, что не знаешь, как их считать – язычниками или магометанами. Они признают бога, но верят также, что в мире есть два духа: добрый и злой (шайтан), что души покойников сходят со звезд, что каждый день находится под покровительством особой звезды, счастливой или несчастливой, отчего и сами дни бывают благополучные или неблагополучные» [20, с. 77]. В «Православном Благовестнике» говорится, что «...киргизы по большей части или равнодушны к Корану, или не знают его. Одно и, пожалуй, единственное из главнейших правил священного писания мусульман, которое соблюдалось киргизами, – многоженство» [21]. В «Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии» отмечалось: «Ислам широкой волной идет в киргизскую степь. При всем том мусульманские обряды и обычаи во многих случаях перемешаны еще с остатками язычества» [22, с. 34].

Из вышеприведенных фактов очевидно, что все политики-чиновники и другие представители имперской власти единогласно считают казахов «слабыми мусульманами». Однако, если учесть, что все эти взгляды были высказаны представителями власти, которая сначала до середины XIX века проводила политику использования ислама как инструмента политического влияния в Казахской степи, а затем разработала концепцию ее христианизации, то такая позиция вполне понятна и очевидна, поскольку в свете проводимых в то время реформ на территории Казахстана появление иной точки зрения было невозможно.

Литература

1. Ремнев, А. Российская империя и ислам в казахской степи (60–80-е годы XIX в.) / А. Ремнев // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. – 2006. – Т. 32. – С. 238–277.
2. Азаматов, Д.Д. Оренбургское магометанское Духовное собрание в общественной духовной жизни мусульманского населения Южного Урала в XVIII–XIX вв. / Д.Д. Азаматов. – Уфа, 1994.
3. Франк, А Татарские муллы среди казахов и киргизов в XVIII–XIX вв. / А Франк // Культура, искусство татарского народа. – Казань, 1993. – С. 125–131; Султангалиева, Г.С. The Russian Empire and the Interemediary Role of Tatars in Kazakhstan: The Politics of Cooperation and Rejection, From the Second Half of the Eighteenth to

the Early Twentieth Century / Г.С. Султангалиева // Asiatic Russia: Imperial Power in Regional and International Contexts. – London, 2012. – P. 52–81; Она же. Татарская диаспора в конфессиональных связях казахской степи XVIII–XIX вв. // Вестник Евразии Москва. – 2000. – № 4. – С. 20–37; Она же. Татарские и башкирские служащие в казахской степи в XVIII–XIX вв. // Этнопонарама Оренбург. – 2000. – №3. – С. 48–54; Ремнев, А. Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи / А. Ремнев // Вестник Евразии. – М., 2006. – № 4. – С. 5–32.
4. Садвокасова, З.Т. Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (II половина XIX – начало XX веков) / З.Т. Садвокасова. – 2005.
5. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. – Алматы: Санат, 1996. – С. 313–314.
6. Жүсіп, В.Б. Ресей империясының Қазақстанды (XIX ғ. аяғы – XX ғ. басы) діни отарлау тарихының революцияға дейінгі кезеңде зерттелуі / В.Б. Жүсіп // ҚазҰУ хабаршысы. Тарих сериясы. – 2010. – № 2(57). – Б. 288–291.
7. Гавердовский, Я.П. Обозрение Киргиз-кайсацкой степи, или Описание страны и народа киргиз-кайсацкого / Я.П Гавердовский // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – Т. V. – 613 с.
8. Броневский, С.Б. Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней Орды / С.Б. Броневский // Отечественные записки. – СПб., 1830. – Ч. 41, 42, 43.
9. Статистическое описание Сибирского казачьего войска / сост. Ф. Усов. – СПб., 1879. – 284 с.
10. Мейер, Л. Казахская степь Оренбургского ведомства / Л. Мейер. – 2-е изд., доп. – Астана: Алтын кітап, 2007. – 193 с. – (Библиотека казахской этнографии. – Т. 17).
11. Этнографические заметки. – 2-е изд., доп. – Астана: Алтын кітап, 2007. – 264 с. – (Библиотека казахской этнографии. – Т. 34).
12. Шастаков, П.Д. Соображения о системе преподания инородцев, обитающих в Казанском учебном округе / П.Д. Шастаков. – Казань, 1868.
13. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область Сибирских киргизов / сост. М. Красовский. – СПб., 1868. – Ч. III. – 264 с.
14. Балкашин, Н.Л. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах / Н.Л. Балкашин. – СПб.: Типография министерства внутренних дел, 1887. – 56 с.
15. Духовский, С.М. Сборник материалов по мусульманству / С.М Духовский; под ред. В.П. Наливкина. – Ташкент: Тип-я М. Розеноер, 1900. – 147 с.; Он же. Сборник материалов по мусульманству / под ред. В.И. Ярового-Раевского. – СПб.: М. Розеноер, 1899. – 156 с.
16. Алекторов, А.Е. Инородцы в России / А.Е. Алекторов. – СПб., 1906. – 134 с.
17. Гейер, И. Материалы к изучению бытовых черт мусульманского населения Туркестанского края / И. Гейер. – Ташкент, 1891.

18. Бабаджанов, М.К. Этнография казахов Букеевской Орды / М.К. Бабаджанов. – 2-е изд., доп. – Астана: Алтын кітап, 2007. – 221 с. – (Библиотека казахской этнографии. Т. 19).
19. Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. – Кн. 7. – Вып. 2. – 1886.
20. О казахах и киргизах // Тобольские епархивальные ведомости. – Ч. 1. – Омск, 1892.
21. Шотанова, А.Г. Деятельность миссионерских учреждении на территории Младшего Жуза и Букеевской Орды на рубеже XIX – начала XX вв. (По материалам Астраханского государственного архива) / А.Г. Шотанова // Вестник КазНУ. Сер. Историческая. – 2006. – № 3(42). – С. 31–33.
22. Известия императорского русского географического общества. – Вып. № 15. – Оренбург, 1900.

ОБРАЗЫ СОВРЕМЕННОСТИ В ИСКУССТВЕ

Елизавета Березина
(Россия)

«ФОРМУЛЬНАЯ ЖИВОПИСЬ» В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

The article considers the genre peculiarities of painting that is presented at the open art markets – urban vernisage. Trying to find a place of these paintings in the art system, the author consistently rejects the established terminology of classical art theory. Identification of the mass market painting as the «formula» painting makes it possible to understand the specifics of this type of work and the particularities of its production and circulation on the mass market of art. It also allows to avoid evaluation judgments that preclude recognition of this type of paintings as a piece of art.

Что представляет из себя пространство современного искусства? В большинстве работ, авторы которых пытаются «скроить» для него некоторое определение или выработать критерии включения предмета в поле художественного, как правило, постулируется его радикальный плюрализм. Как только теория искусства утверждала новое основание художественного, находился творец, бросавший вызов риторике классического искусствоведения и создававший работу, не соответствующую новому установленному критерию. Трансформация представлений об эстетическом, «эстетизация повседневности», также обострила проблему классификации художественной продукции. В связи с этим возникает следующее противоречие, на которое обращает внимание Борис Гройс в предисловии к сборнику статей «Политика поэтики»: современное искусство, функционируя как механизм включения всего того, что раньше не воспринималась как искусство, в сферу художественного, вместе с тем «исключает все, что имитирует уже существующие художественные образцы в наивной, неотрефлексированной, неизощренной,

неполемичной манере» [7, с. 7]. Таким образом, при кажущейся демократизации современное искусство остается закрытой и непроницаемой системой, с весьма жесткими институциональными границами.

Сегодня превращение того или иного предмета в «произведение искусства» во многом зависит от его включенности в процессы обмена на художественном рынке. «Арт-рынок больше не является периферийным по отношению к развитию форм искусства» [10]. Именно акторы рынка (галеристы, критики, коллекционеры, кураторы музеев, издатели) ставят маркировку «искусство» на ту или иную работу. Фактически, коммерческая система создания и распространения искусства стала господствовать над содержательной и смысловой стороной художественного творчества, в то время как работы, созданные вне рыночных условий, исключаются из сферы институционально признанного искусства. Сказать о каком-то явлении «это – не искусство», значит, отказать ему в легитимном существовании, вывести из пространства дискуссии. Однако это утверждение справедливо лишь для элитарного рынка искусства. В то же время существуют «маргинальные» рынки, не обладающие подобной властью.

Так, в большинстве городов России на пешеходных улицах, главных площадях, набережных, в узловых точках туристических маршрутов встречаются вернисажи, места свободной торговли предметами художественного творчества. Эти открытые рынки живописи являются одной из включенных в городское пространство форм существования массового рынка искусства. Помимо совершенно особого материального оснащения рынка и практик, поддерживающих его функционирование, его отличительной чертой является тип живописных работ, вокруг которых строятся экономические отношения. В Москве самые известные вернисажи расположены на Старом Арбате, в парке «Музеон» на Крымском Валу, в переходе между парком «Музеон» и «Парком Горького», в комплексе «Измайловский кремль». Другие рынки имеют стихийный, сезонный характер и могут появляться в разных точках города: у памятника Юрию Долгорукому, на пешеходной улице Кузнецкий мост и т.д.

И элитарный, и массовый рынок не существуют изолировано и находятся в тесной связи с культурными, экономическими и политическими процессами, происходящими в обществе. Вернисаж, являясь формой существования массового рынка живописи, с одной стороны, отражает общие художественные тенденции и предпочтения публики, распространенные в данный период, и в то же время сам влияет на формирование вкусов, актуализируя конкретные культурные коды в искусстве.

Одной из главных особенностей вернисажа является отсутствие посредника между художником и покупателем. Именно общение с клиентами, ориентация на их желания и потребности организуют, в конечном итоге, творческие поиски художников. Например, Михаил Рыбин, работающий на вернисаже, говорит, что для него разговоры с покупателями – способ понять, что нравится людям. Он самостоятельно занимается изучением различных стилей и направлений в живописи, но в своей работе главными цензорами считает именно покупателей [2]. В отличие от элитарного, профессионального рынка искусства, где субъектами высказывания о качестве и статусе искусства являются критики, аукционные дома, кураторы, музеи и другие институты, на вернисаже принято положение, что «у каждого свое представление о том, что такое художественное». Непосредственное общение продавца и покупателя, художника и зрителя легитимирует само существование рынка. Ведь, как правило, вернисажная живопись рассматривается специалистами в сфере искусства как низко профессиональная и примитивная. Однако и у такого творчества есть свой собственный выразительный язык и особая система ценностей, как и «образов современности», транслируемых в живописных сюжетах.

Ревизия категорий классической эстетики

О продукции, представленной на художественном рынке независимо от его типа, можно сказать, что она имеет ценность экономическую, то есть рыночную стоимость, и эстетическую, как произведение искусства. Однако критики, как правило, отказывают работам, продающимся на вернисажах, в эстетической составляющей и вообще с осторожностью употребляют по отношению к этим картинам слово «искусство». Проблема «называния» подобного типа живописи не кажется надуманной, в настоящее время мы наблюдаем трансформацию языка классической эстетики, который оказывается не способным описать процессы и обозначить явления современного искусства. Уже в 1936 г. в работе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» Вальтер Беньямин предсказывал, что изменения, происходящие во всех сферах жизни общества, и способствующий им технический прогресс вскоре изменят не только процесс творчества, но и само понятие искусства [3, с. 15–17]. Время шедевра как эстетического феномена, воплощающего художественный максимум, подходит к концу. Современное искусство требует нового языка описания, который будет адекватно отражать его

состояние. «Пока живопись оценивается в единицах площади и времени, затраченного на работу, или с точки зрения качества и цены использованных материалов, будь то золото или голубой ультрамарин, художник существенно не отличается от маляра. Поэтому одним из наиболее важных изобретений, сопровождающих возникновение специфического поля, несомненно, является создание художественного языка» [5]. Пока этот язык не выработан, огромный массив вещественных источников оказывается исключенным из внимания гуманитарной науки, так как не находит артикуляции в исследовательском дискурсе.

Живопись, которую мы встречаем на открытых художественных рынках, является одним из таких явлений. Интуитивно мы без труда определим ту или иную работу в эту группу. Так, сюжеты картин типичны и узнаваемы: лирические пейзажи, цветы всех сортов, натюрморты с осетрами, взрывающие водную гладь лошади, котята и щенки в корзинах, обнаженные красавицы, или, как выразился Петр Вайль, «разверстые ладони в тучах звездной пыли и сполохах планетарных сияний» [6, с. 135].

Данный тип художественного творчества нельзя однозначно отнести ни к одной из известных нам культурных форм. Подобная живопись не может считаться элементом промежуточной культуры, так как для акторов на рынке художественной продукции важны вопросы авторства и статуса художника. Также невозможно однозначно утверждать, что работы на вернисажах – порождение массовой культуры. По определению Д. Макдональда, массовая культура – созданный на предприятии продукт, предназначенный для продажи на рынке. Он производится так же, как любой другой продукт потребления, и, соответственно, с этой позиции по отношению к массовой культуре нельзя говорить о творчестве – на его место приходят понятия культурного производства и потребления [1]. Однако принцип репродуцирования на вернисаже имеет принципиально иной характер. Несмотря на повторяемость сюжетов и безусловный коммерческий интерес художников, эта живопись воспринимается участниками рынка как ауратическое, уникальное искусство. Произведение искусства, в принципе, всегда поддавалось воспроизведению. Копированием занимались ученики для совершенствования мастерства и мастера для более широкого распространения своих произведений. Копирование на вернисаже является одобряемой и принятой практикой, ведь за каждой работой признается «ее уникальное бытие», «здесь и сейчас произведения искусства», «особая аура». Также ошибочно относить эти работы исключительно к декоративной живописи,

о чем свидетельствует разнообразие мотивов покупателей на художественных рынках.

«Формульная живопись»: вариации на тему

Исследователь массовой культуры Джон Кавелти обратил внимание, что многим проявлениям современного искусства свойственна «формульность» и описал эти особенности на примере литературы [8]. Сходные идеи об установлении закономерностей инвариантности одних и тех же сюжетных схем, управляющих структурой произведения и гарантирующих его популярность и коммерческий успех, озвучивает Умберто Эко, анализируя романы о Джеймсе Бонде [11]. По аналогии с популярными литературными произведениями, построенными в соответствии с определенным набором повторяющихся приемов и сюжетных элементов, живопись, которую мы встречаем на уличных вернисажах, можно назвать «формульной». Это конвенциональное инструментальное определение поможет нам, с одной стороны, выделить типические черты картин на массовом рынке живописи, а с другой – позволит не применять оценочных суждений, свойственных дискурсу элитарного рынка и классического искусствоведения. Для формульной живописи, с одной стороны, характерен определенный, повторяющийся набор технических и композиционных приемов: крепость композиции, определенный набор красок, лаконичность цветовых нюансов и т.д. С другой стороны, художественная формула заключает и ряд устойчивых, традиционных сюжетов, которые встречаются на картинах уличных вернисажей. Такие сюжетные схемы транслируются в работах разных художников и получают распространение повсеместно.

В живописи, представленной на вернисажах, можно выделить следующие сюжетные формулы:

1. Пейзажи, изображающие типичные растительные ландшафты средней полосы России, с березками/сосновыми лесами/цветочными полянами. Часто на картинах этого типа встречаются водоемы, маленькие домики или мельницы. Художники называют такие работы «зеленкой», что отражает основную цветовую гамму работы – лазоревую, изумрудную, зеленую;

2. Городские пейзажи с изображением главных достопримечательностей города, где находится вернисаж. Среди туристов популярной практикой сохранения памяти о путешествии становится приобретение картины. Это могут быть небольшие графические или живописные ра-

боты с изображением улочек, достопримечательностей города, коллажи и фантазии на тему главных «изюминок» городского пространства;

3. Водные пейзажи, различающиеся по драматической напряженности: от спокойных лесных озер до вариаций на тему «Девятый вал»;

4. Натюрморты (цветы, фрукты, рыбы). Особенно часто встречаются изображения подсолнухов и сирени в вазах;

5. Женские образы и обнаженная натура;

6. Копии известных картин: здесь репертуар разнообразен, художники готовы исполнить любую работу на заказ;

7. Изображение животных: бесконечные вариации темы «котиков», щенят с большими почти человеческими глазами, изображения лошадей, тигров, львов;

8. Сюрреалистические сюжеты;

9. Абстракции.

Типологической чертой формульной живописи можно считать то, что она не рассчитана на профессиональную критическую оценку, так как не претендует на решение задач элитарной культуры. Такое искусство не пытается совершить художественное открытие или качественно развить живописную традицию. И художник, и покупатель на открытых массовых рынках искусства конвенционально готовы к применению шаблонов, тиражированию приемов, сюжетов и целых работ, прямому и косвенному цитированию [9]. Применение подобных «формул» является способом отсылки к нормативному культурному образцу, представлениям покупателей о красивом, модном и престижном. Следовательно, формульная живопись как нельзя лучше аккумулирует и транслирует актуальные эстетические идеалы и ориентиры публики.

Одна из задач произведений формульной живописи – понравиться максимально возможному количеству зрителей (потенциальных покупателей). На вернисаже предложение существенно превышает спрос, что позволяет удерживать цены на достаточно низком уровне. Живопись здесь можно приобрести за вполне умеренную цену, в среднем от 3000 до 30 000 рублей. Можно заметить стабильную зависимость стоимости картины от ее размера, техники исполнения, имени художника, принадлежности автора к творческому союзу или художественной группе. Так, например, работа на холсте обойдется дороже, чем на оргалите, так же как и «картина маслом» стоит дороже, чем акриловая живопись, которая считается менее трудозатратной. Популярной у покупателей считается живопись мастихином, фактурная, с обилием «масла», но достаточно трудная в исполнении. Другая переменная, влияющая на стоимость, –

возможность тиражирования и количество копий картины. Если работа принципиально копируема, а это легитимно на рынке массового искусства и признается всеми акторами экономических отношений, то ее стоимость будет ниже, чем у картины, которую автор не собирается воспроизводить. Копирование работ одобряется, так как оно связано с удобством художника (который может «набить руку» и тратить на создание картины значительно меньше времени) и покупателя (уверенного в том, что если ему хочется приобрести «такую же работу, но меньшего размера», он не получит отказа). Копирование порождает положительные эффекты рынка: количество копий работы говорит о том, что оригинал пользуется спросом, значит, присутствует в актуальном представлении о красивом и эстетическом у достаточно широкой аудитории. Кроме того, подобное пролонгированное воспроизводство в сочетании с наблюдением, элементарным анализом спроса, помогает художнику понять, что выгодно рисовать с коммерческой точки зрения. Ведь, как признаются сами авторы картин, «уличный вернисаж в первую очередь предназначен для продажи. Никто не приносит сюда работы только для показа публике». Один и тот же сюжет, пользующийся спросом, художник может повторить большое количество раз, до тех пор пока такие картины покупают. Когда продается определенная картина, продавец, если он работает как посредник, просит художника принести другую, точно такую же или похожую, и через некоторое время мы снова видим на стенде знакомый пейзаж.

Кроме копирования своих работ, на массовом рынке живописи продаются живописные копии (не репродукции) известных полотен. Излюбленными сюжетами для копирования считаются «Незнакомка» И. Крамского, марины И. Айвазовского, фантазии на тему Моне и сюрреалистические подобия Дали. Цитирование и авторская интерпретация темы также встречаются на вернисажах: для художников эти операции являются важной составляющей творческого процесса и позволяют переосмыслить опыт предшествующих живописных школ и традиций, почувствовать преемственность собственного творчества в историческом развитии. Здесь нет мошенничества, никто не пытается выдать свою кисть за работу известного живописца, ведь даже копия здесь воспринимается как ауратическое искусство (конечно, не в беньяминовском понимании этого концепта), ведь в «эпоху технической воспроизводимости» к ней прикоснулся человек. На вернисаже существует представление о «ценности творческого ритуала» (термин введен на конференции Международной ассоциации экономической теории культуры (ACEI) в 2002 г.

Марко Каузи и Массимилиано Мацканти) ментальной связи художника и его работы. Покупатель и художник понимают, что стоимость картины зависит не только от цены материалов, потраченных на ее изготовление. На массовом рынке искусства, так же как и на элитарным, в сослагательные цены картины входит и ее «символическая стоимость и эстетическая функция» [4]. Однако, если для элитарного рынка искусства характерна зависимость стоимости работы от ее «генеалогической ценности» (ее «рождение»: подпись, аура последовательных переходов из одних рук в другие, то есть ее «родословная») [4], то на массовом рынке покупатель готов платить просто за эстетическое наслаждение, которое он получает от взаимодействия с предметом живописи.

Пытаться оспаривать тот факт, что в данных работах нет эстетической ценности, – было бы лукавством со стороны исследователя. Ведь в диалоге продавца и покупателя именно «эстетика», «красивость», «аура» произведения обсуждаются как важные переменные, влияющие на стоимость работы. Таким образом, формульную живопись можно рассматривать как самостоятельный вид художественного творчества, выполняющий особую социально-эстетическую функцию. Изучение массового рынка искусства, действующих на нем акторов, мотиваций, системы статусов помогает ответить на вопрос, какое место занимает формульная живопись в системе современного искусства, избегая при этом оценочных суждений.

Литература

1. Macdonald, D. A theory of mass culture / D. Macdonald. – New York: Diogenes, 1953.
2. Авдохина, С. «Не шедевры, конечно, но для кабинетов в самый раз»: Художники на вернисаже в парке «Музеон» о себе и своих покупателях / С. Авдохина // Сайт Afisha.ru, 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.afisha.ru/article/hudozhniki-na-vernisazhe-v-parke-muzeon-o-sebe-i-svoih-pokupateljah.
3. Беньямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / В. Беньямин // Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избранные эссе / пер. с нем.; под. ред. Ю.А. Здорового. – М.: Медиум, 1996. – С. 15–65.
4. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр. – М.: Библион-Русская книга, 2003.
5. Бурдье, П. Исторический генезис чистой эстетики. Эссенциалистский анализ и иллюзия абсолютного / П. Бурдье; пер. с фр. Ю. Марковой // НЛО [Электронный ресурс]. – 2003. – № 60. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nlo/2003/60/burd.html.

6. Вайль, П. Карта родины / П. Вайль. – М.: КоЛибри, 2007.
7. Гройс, Б. Политика поэтики / Б. Гройс. – М.: Ad Marginem, 2012.
8. Кавелти, Дж.Г. Изучение литературных формул / Дж.Г. Кавелти; пер. с англ. Е.М. Лазаревой // Новое литературное обозрение. – 1996. – № 22. – С. 33–43.
9. Народная культура в современных условиях: учеб. пособие / М-во культуры РФ; Рос. ин-т культурологии; отв. ред. Н.Г. Михайлова. – М., 2000.
10. Хан-Магомедова, В. Система современного искусства / В. Хан-Магомедова // Сайт ГЦСИ. Публикации сотрудников ГЦСИ. 21.12.2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ncca.ru/publications.text?filial=2&id=139.
11. Эко, У. Повествовательные структуры в произведениях Иэна Флеминга / У. Эко // Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. с англ., итал. С. Серебряного. – СПб.: Симпозиум; М.: РГГУ, 1994.

Виктор Макурин
(Литва/Беларусь)

СИНТЕЗ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПОЗИЦИЙ В РАМКАХ ГЛИТЧ-АРТ

The purpose of the article is to find original features of the recent movement called «Glitch art» and to consider its impact on the visual arts in general. The first part of the work is dedicated to the history of its emergence and its main ideas. The second part considers Glitch art through the concepts of modernism and postmodernism. This is necessary in order to identify the characteristics and the «finds» of the new movement, because, according to the author, a unique synthesis of modernist and post-modernist traits is the most impressive achievement of Glitch art.

Введение

Уже давно постмодернизм утратил свое очарование. Из движения за разрушение барьера между художником и зрителем он превратился в чудовищную машину по производству образов, чья цель – лишь наполнить рынок потребления своим товаром. Художники, обыватели – на сегодняшний день буквально каждый переел этого блюда. И нет никого, кто бы его остановил, ибо утеряна не только академическая школа, но и чувство значимости искусства как такового. Эпоха постмодерна слишком затянулась не потому, что ее идеи столь привлекательны, а потому, что идея безвременья – одна из ее базовых концепций. Она убедительно возвещает об отсутствии необходимости в дальнейшем развитии. Проще «повернуть» назад, к прошлому.

Последнее десятилетие многие художники с искренним интересом обращаются к формальным поискам модернизма. Очевидно, что смысла в этом не так много: в старую шкуру не влезешь. Но попадаются изредка и те, кто пытается синтезировать нечто новое, свежее. Такими людьми

и было сформировано движение глитч-арта. Возможно, это и слабая попытка, ведь глитч-арт выходит за рамки и модернизма, и постмодернизма, лишь неожиданным образом сочетая в себе черты как первого, так и второго, что, прямо скажем, сложно назвать революцией. Однако есть надежда, что глитч-арт – только раннее, первое свидетельство грядущих перемен.

Таким образом, цель данного эссе – обнаружить оригинальные черты глитч-арта. Сначала, поскольку течение еще неизвестно широкой аудитории, мы кратко рассмотрим историю его возникновения и основные концепции. Во второй части мы конкретизируем понятия модернизма и постмодернизма и рассмотрим глитч-арт через их призму, чтобы выявить особенности и «находки» молодого течения.

1. Кратко о глитч-арте

Глитч (англ. *Glitch*) – глюк, ошибка, цифровая помеха. Термин впервые был употреблен первым американским астронавтом Джоном Гленном для описания неполадок в связи во время орбитального космического полета.

В сферу искусства термин «глитч» вошел в середине 90-х с появлением одноименного направления в экспериментальной электронной музыке. Композиции в жанре Glitch строились на аппаратных шумах и акустических эффектах, обусловленных всевозможными системными сбоями. За первые годы нового тысячелетия сформировался и глитч-арт. Глитч-арт (Glitch art) – изобразительное искусство, в котором главными выразительными средствами являются разнообразные цифровые помехи и ошибки. Его видные представители: Rosa Menkman, Nick Briz, Evan Meaney, Jon Satrom, Ant Scott, Takeshi Murata, Yoshi Sodeoka. Было написано множество теоретических трудов и практических руководств по глитч-арту, но важнейшим документом течения является работа Розы Менкман «Glitch Studies Manifesto», опубликованная в начале 2010 г.

Самые распространенные приемы, применяемые глитч-артистами: удаление фрагментов файла, воспроизведение материала с искажениями благодаря разнице в кодировках программы для просмотра и самого изображения, физическое повреждение средств хранения информации. При этом каждый художник стремится найти свои собственные, оригинальные методы получения глитча, опираясь на собственные теоретические знания цифровых систем.

2. Конкретизация терминов

Первым делом необходимо уточнить смыслы ключевых понятий, ибо важнейшие для данной работы термины употребляются в достаточно различных значениях. Итак, в данном эссе термин «модернизм» будет употребляться в своем «узком» значении: для обозначения группы течений искусства конца XIX – середины XX века, построенных на авангардистских теориях. «Постмодернизм» же – зонтичный термин, объединяющий различные стили и течения (тут мы, естественно, также рассматриваем лишь тенденции в искусстве) второй половины XX века, возникшие в противопоставление модернизму. Стоит отметить, что термин крайне аморфен и едва ли не каждый исследователь дает ему новую трактовку. К примеру, британский историк, социолог и политолог Перри Андерсон, анализируя важнейшие работы по теории искусства XX века, в своем классическом труде «Истоки постмодерна» выделил две наиболее убедительные интерпретации: постмодернизм как продолжение модернизма (ультрамодернизм) и постмодернизм как стиль двойного кодирования (умеренный постмодернизм).

Какими бы различными не были концепции постмодернизма, можно утверждать, что все они исходят или из отрицания, или из радикализации идей модернизма начала прошлого века. И коль уж краеугольным камнем данного эссе является именно взаимодействие полярных черт внутри одного течения – глитч-арта, то представляется возможным обратиться к той формулировке постмодернизма, что не охватывает это явление целиком, но проводит четкое разграничение его с модернизмом. Наиболее просто она была сформулирована в сочинениях и таблицах Ихаба Хасана и Брайнина-Пассека.

3. Противопоставление постмодернистских и модернистских черт глитч-арта

Итак, перейдем к рассмотрению конкретных черт глитч-арта. Часть черт данного стиля являются, безусловно, модернистскими, а часть – постмодернистскими. К примеру, медийность – яркая черта глитч-арта. Так же она является одной из фундаментальных черт постмодернизма как такового. С другой стороны, глитч-арт – сформированное коллективное движение со своими заметными лидерами и манифестами, что, если следовать Андерсону, есть яркое свидетельство модернистского духа.

Однако нашей задачей не является выявление всех черт глитч-арта. Стоит обратить внимание лишь на те моменты, в которых наблюдается синтез противоположностей. На протяжении своего существования постмодернизм постоянно эксплуатировал модернистские приемы, однако делал это иронично, отрешенно. Суть же этого исследования: вычленить связки, в которых постмодерн не абсорбирует моменты модернизма, но где они представляют собой органичный синтез.

3.1. Поток пустых образов/Новый способ видения мира

С одной стороны, глитч-артисты видят в своих работах обнаженные свидетельства потока образов, пустоту которых глитч обличающе раскрывает. Шум и искажения делают очевидным то, что большая часть окружающих нас сегодня изображений – пустышки, напрочь лишенные «глубины» (или, если использовать концепт Вальтера Беньямина, «ауры»). При взгляде на серии, составленные из множества «побитых» кадров, случайным образом выхваченных художниками из рекламы или порнофильмов, становится очевидной их связь с работами поп-арта. Артефакты напоминают произвольно разбрызганную по ряду шелкографий краску. Именно благодаря артефактам монотонный поток изображений приобретает минимальную вариативность. И тем заметней становится убогость.

С другой стороны, художники следуют в своих творческих методах схемам, которые строятся по законам своеобразной «цифровой метафизики». А в удавшихся глитчах видят доказательства того, что их построения верны. Каждый глитч-артист разрабатывает собственные схемы получения артефактов, руководствуясь личным пониманием законов мира (цифровой мир зачастую воспринимается как часть реального, «большого» мира, что, в общем-то, верно, даже если смотреть со строго научной точки зрения).

Умберто Эко писал: «Каждое произведение модернистского искусства устанавливало свой закон, предлагало новую парадигму, новый способ видения мира» [3, с. 1]. Несмотря на то, что в данном случае предлагает новое виденье не само произведение, но схема получения серии подобных изображений, не будет ошибкой сказать, что таким образом проявляется модернистский дух. Более того, глитч-артисты имеют на свои убеждения прав куда как больше, чем модернисты прошлого века, поскольку в данном случае налицо присутствуют определенные «связки» между метафизикой и материей.

Трансляция новой точки зрения через использование предустановленной схемы – это и есть первый синтез идей модернизма и постмодернизма в глитч-арте.

Синтез: Новый способ видения мира выражается в алгоритме получения изображения.

3.2. Эстетика «несовершенной технологии»/Вера в прогресс

В работах глитч-арта сочетается ностальгия по тем временам, «когда технологии были несовершенными» (всевозможные стилизации под ретро свойственны постмодернизму, но никак не модернизму), пусть и не с верой в прогресс, но с осознанием его неотвратимости: глитч будет существовать всегда, пока будут существовать цифровые системы. И какими бы сложными они не становились, всегда найдется новый глитч, который своим существованием откроет дорогу к дальнейшему совершенствованию цифровой системы. А в этом уже звучит модернистский пафос, поскольку осознание бесконечного прогресса человеческого разума и, соответственно, бесконечности развития плодов его сознания, в том числе и цифровых систем, есть черта, свойственная модерну.

В глитч-арте вера в прогресс оказывается неразделимой с эстетикой «несовершенной технологии». Здесь эти черты вытекают одна из другой, несмотря на то, что вера в прогресс, в конце концов, вылилась в отрицание культурных достижений прошлого, а ретро-эстетика возникла из осознания того, что эпоха больших перемен закончилась и история застыла.

Синтез: Новый глитч открывает путь для дальнейшего развития и совершенствования.

3.3. Деструкция и Созидание/Смена точек зрения

Однако главным достижением глитч-арта представляется концепция, сформулированная Розой Менкман: «Настоящий глитч показывает, как разрушение может обратиться в создание чего-то оригинального» [5, с. 5].

На практике это проявляется примерно так: художник открывает изображение в виде программного кода, удаляет его часть, после чего его вновь воспроизводит, но уже через стандартную программу для просмотра изображений. Несмотря на то, что глитч-артист абсолютно никакой информации не добавляет, на финальном изображении обнаружива-

ются различные артефакты. Зритель их воспринимает в качестве новых объектов, находящихся в реальности «по ту сторону экрана».

Глитч-арту свойственна тяга как к исследовательской деструкции, так и к созиданию. Эти вопросы лежат в областях символизма и формальных поисков. Таким образом, глитч-арт принадлежит плоскости модернизма. Другое дело, чтобы взглянуть на деструкцию как на акт творения, автор должен сменить «точку зрения». Такая способность лежит где-то рядом с пресловутым «двойным кодированием» и свидетельствует о постмодернистской пластичности. Только в данном случае «первый слой» считывания не является приманкой для недалекого потребителя, а для автора – поводом для снобистской иронии. Автор сам «погружен» в первый слой, в то время как условность второго лишь дает бескрайний простор для игры на первом.

Синтез: Художник, несмотря на то, что рассматривает свои работы как проекции новых «точек зрения», осознает их условность, тем самым приобретая небывалую ранее творческую свободу при сохранении искренней веры в свое искусство.

Выводы

При анализе модернистских и постмодернистских черт глитч-арта были обнаружены три примера их оригинального сочетания. Именно то, что противоречия между ними носят базовый, основополагающий характер, и позволяет делать выводы о том, что их разрешение может повлечь далеко идущие последствия. Учитывая, что определение постмодернизма вообще появилось из отрицания модернизма, представляется вероятным как возвращение к модерну на новом этапе, обогащенному приемами и средствами постмодерна, но переборовшему его философию, так и скорое наступление абсолютно новой эпохи в искусстве.

Завершить статью хотелось бы фразой, своеобразной выжимкой из всех предыдущих рассуждений, которая не только обобщает основную линию глитч-арта, но и задает вектор дальнейшим художественным поискам: глитч вспарывает монотонный поток пустых образов, обнажая «мякоть» метафизики.

Литература

1. Andersen, P. The Origins of Postmodernity / P. Andersen. – London–New York: Verso, 1998.

2. Downey, J. Glitch Art / J. Downey // University of Illinois at Urbana [Electronic resource]. – Mode of access: http://jonasdowney.com/workspace/uploads/writing/glitch-art-jonasdowney.pdf.
3. Eco, U. Innovation et repetition: entre esthetique moderne et postmoderne / U. Eco. – Reseaux, 1994.
4. Menkman, R. Glitch Studies Manifesto / R. Menkman // Amsterdam/Cologne, 2009/2010 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.slideshare.net/r00s/glitch-studies-manifesto.
5. Дженкс, Ч. Язык архитектуры постмодернизма / Ч. Дженкс. – М.: Стройиздат, 1985.
6. Рыков, А. Постмодернизм как радикальный консерватизм / А. Рыков. – СПб.: Алетейя, 2007.
7. Осмоловский, А. Лекция «Концепция Гарри Леманна» / А. Осмоловский // Центр театрального искусства имени Леся Курбаса, 2010 [Electronic resource]. – Mode of access: http://society.lb.ua/culture/2010/02/18/27433_anatoliy_osmolovskiy_lektsiya_per.html.

Александра Семак
(Литва/Беларусь)

PUSSY RIOT: ИСКУССТВО ИЛИ ПОЛИТИКА?

The article is devoted to the art punk group Pussy Riot as an art phenomenon of the post-Soviet space. It examines the actionism-like protest form of contemporary art, gives the chronology of Pussy Riot (art group «War», the birth of the punk band, the most significant performance), considering the Punk prayer «Mother of God, Putin Put», analyzes the societal response to the Pussy Riot, the phenomenon of Free Pussy Riot, response-support art criticism in the community response to the criminal case instituted by the participating groups, examines the social, political, cultural message of Pussy Riot. Strategies of contemporary feminist art are addressed on the example of Pussy Riot.

Акционизм как форма современного искусства возник в 1960-е гг. Художники стремились к новым формам художественного выражения, к иной динамике и подаче произведения. Желание уничтожить грань между искусством и реальностью, современной действительностью становится толчком для появления акционизма. В такой форме современного искусства художник предстает субъектом или объектом художественного произведения.

На постсоветском пространстве представителем акционизма можно назвать Pussy Riot. Арт-группа Pussy Riot, обратившая на себя внимание мирового сообщества акцией «Богородица, Путина прогони», представляет собой феномен на постсоветском арт-пространстве. Группа была организована бывшими участницами арт-группы «Войны», которая была известна своими провокационными и ошарашивающими акциями. Группа представляла себя как действующую в области «концептуального протестного уличного искусства» и получила известность благодаря скандальным художественным акциям-перфомансам. Арт-группа «Война» была создана 23 февраля 2007 г. при поддержке известного ху-

дожника-концептуалиста Олега Кулика Натальей Сокол, Надеждой Толоконниковой. В 2009 г. «Война» со скандалом раскололась. В отличие от арт-группы «Война» участниками Pussy Riot являются исключительно женщины. В состав Pussy Riot входят пять неизменных участниц, но иерархия в группе отсутствует. Важным моментом является равноправие в коллективе. Кроме того, до ареста участниц группы и до регистрирования Pussy Riot как товарного знака любая женщина или девушка, которая поддерживала идеологию и политику Pussy Riot, могла совершать акции под их именем. Участницы группы скрывают свои имена под псевдонимами Терминатор, Серафима, Кот и другие.

Стоит отметить, что группа использует на своем флаге символ феминисток – кулак, который вписан в зеркало Венеры.

Dress-код участниц – яркие ситцевые платья, вязанные балаклавы и яркие колготы. Фактически внешний вид девушек – платья и колготки – репрезентация классического внешнего вида женщины. Тем не менее, балаклавы, а также выступления под псевдонимами указывают на желание быть анонимными, что отсылает к Guerrilla Girls – нью-йоркской феминистской группе художниц, выступающих в масках горилл. Возможно, данная анонимность и нежелание выступать под настоящими именами, т.е., фактически, раскрытие личности есть проявление «чулана», о котором писала Сэджвик. Сэджвик отмечает, что «чулан – это спектакль и что основная его функция в обществе – перформативная, опирается на диалектику знания и незнания, когда незнание понимается не как отсутствие знания, а как самодостаточное и заполненное эпистемологическое пространство, обладающее властными преимуществами над знанием – последнему всегда приходится с ним считаться. Спектакль, о котором говорит Кософски, – это "драма публичной приватности", приватности, которая сама созерцает себя в публичном пространстве, через пелену соблазна, складывающихся в игре знания-незнания, посвящения – раскрытия – аннигиляции тайны» [10, с. 74].

Pussy Riot обозначает свои цели как «феминизм, борьба с правоохранительными органами, защита ЛГБТ, антипутинизм и радикальная децентрализация органов власти, спасение Химкинского леса и перенос столицы РФ в Восточную Сибирь».

Как указано на сайте lookatme.ru в материале «Pussy Riot: искусство или политика»: «За время своей непродолжительной карьеры Pussy Riot успели записать пять клипов, вошедших в дебютный альбом "Убей сексиста", и совершить около двадцати партизанских выступлений на несанкционированных площадках Москвы» [12]. Наиболее нашумевшей

акцией является панк-молебен «Богородица, Путина прогони» в храме Христа Спасителя.

Смонтированный из этого выступления, а также выступления в другом храме и наложенной поверх аудиозаписи песни ролик набрал более 2 миллионов просмотров на сайте youtube.com. Отношение к отмеченной выше акции было неоднозначным: многие художники и артисты выступили против судебного приговора (напомню, двое из участников панк-молебена получили 2 года колонии). Так, например, Йоко Оно вручила группе премию им. Дж. Леннона. Кроме того, участницы арт-группы были отмечены в 2012 г. как самые влиятельные мыслители. Некоторые, напротив, выступают против Pussy Riot, считая их акцию исключительно политическим жестом, который не имеет ничего общего с искусством. Все это говорит лишь о том, что деятельность Pussy Riot ставит вопросы, которые требуют ответа. Современное искусство перестало быть исключительно «эстетическим» или «высоким» и является лакмусовой бумажкой социальных, политических или экономических событий. Художник является частью общества и имеет определенную позицию, выражаемую через творчество.

26 февраля 2012 г. участницы группы были объявлены в розыск по обвинению в хулиганстве. 3 марта 2012 г. были арестованы предполагаемые участницы группы Надежда Толоконникова и Мария Алехина, а 16 марта – Екатерина Самуцевич. На момент ареста девушки не подтвердили свое участие в группе Pussy Riot, однако в прениях на суде и в своем последнем слове обвиняемые этого уже не отрицали. Международная правозащитная организация «Amnesty International» признала арестованных узницами совести.

30 июля 2012 г. в Хамовническом районном суде города Москвы началось рассмотрение дела по существу. 17 августа 2012 г. судьей Хамовнического районного суда города Москвы был оглашен приговор трем обвиняемым участницам группы. Надежда Толоконникова, Мария Алехина и Екатерина Самуцевич были приговорены к двум годам колонии общего режима.

Панк-молебен встряхнул российское общество: было множество круглых столов, дискурсов, кроме того, у девушек нашлись последователи и защитники. Отдельно стоит сайт Free Pussy Riot, где каждый желающий может прочитать свежие новости о Pussy Riot, а также оставить собственный комментарий или отзыв о деятельности девушек.

Дело Pussy Riot освещалось всеми центральными СМИ России. Кроме того, в интернет-СМИ особенно популярными были онлайн-репортажи

из зала суда. В основном, многие СМИ освещали каждый день судебного процесса, что указывает на особой интерес аудитории к данному делу. Оперативность и достоверность – важнейший принцип деятельности мировых информационных агентств. Кто первый сообщил о событии, тот приобретает монополию на его истолкование, трактовку. Потом уже трудно «отрабатывать» в другую сторону. Но сведения, имеющие определенный срок давности, могут привлечь внимание, если они не были известны ранее или возникли какие-то новые обстоятельства, меняющие понимание давно произошедших событий.

Примером качественного репортажа можно считать материал в январском номере журнала «Большой город». Автором репортажа является известная журналистка Маша Гессен. Ее материал отвечал всем требованиям качественного репортажа: актуальность новости (суд над Марией Алехиной), динамичность повествования («Космонавты завели Алехину в здание, и большинству из окруживших уазик журналистов не удалось ее даже увидеть. Толпа переметнулась к главному входу, где некоторым из них предстояло провести на 25-градусном морозе часа полтора. В здание пускали строго по одному, тщательно обыскивая»), яркие живые детали («судья в накрахмаленной манишке», «хотя бы на формальном уровне суд демонстрировал уважение к подсудимой и к публике и, главное, к самому себе») – и у читателя после прочтения материала возникает эффект присутствия [15]. Кроме того, при прочтении репортажа понятны эмоции журналистки, ощущаются ее личность и субъективное мнение, которое, бесспорно, на стороне осужденной. Тем не менее, Маша Гессен в своем материале старается быть как можно более объективной.

Совершенно другой, радикальный взгляд представляет Павел Евдокимов в материале «Pussy Riot. Бородинская битва», опубликованном в газете «Спецназ России» от 3 сентября 2012 г. У журналиста репортаж из зала суда вышел агрессивным, слова, подобранные репортером, имели негативную окраску в отношении участниц панк-группы («крыски», «страдалицы»), кроме того, автор не избегает пафосных предложений: «Сегодня в храме скачут козами и вопят дурными голосами, а завтра рубят кресты или устраивают шабаш у Вечного огня» и «И мне эти Пуси Райт плюнули в лицо». Как можно отметить, исходя из репортажа, автора больше интересует сам поступок девушек, чем то, что происходило в зале суда. По мнению Евдокимова, два года колонии – это вполне гуманный срок для такого «злодеяния». В репортаже больше слышно авторское «я», чем разумные выводы, объективность, последовательность изложения и прочее.

Акция «Богородица, Путина прогони» подняла множество вопросов. Например, о том, что есть современное искусство и где его рамки, кроме того, особенности политических процессов в России, роль РПЦ в жизни и функционировании России как государства, место женщины в обществе, в искусстве, в политике. Акция Pussy Riot представляет собой феминистское искусство не только потому, что ее участницы – феминистки. Такое искусство нацелено на анализ существующих установок в патриархальном обществе, а также на новое видение данного общества. Все это было отражено в панк-молебене.

Теперь для более полного анализа свершившейся акции необходимо обратиться к рассмотрению реакции общества, политиков и арт-сообщества.

Прежде всего, женщина заявила о себе. Женщина заявила о себе в Храме. Кроме того, стоит отметить, что выступление девушек было на амвоне и солее храма – место храма, где женщине запрещено находиться. Тем самым участницы уже заговорили о социальном неравенстве. Например, как указывает Елена Гапова в тексте «Дело "Pussy Riot": феминистский протест в контексте классовой борьбы»: «Наиболее остро "женский вопрос" выявился в заявлении диакона Кураева, предложившего учесть, что поскольку перформанс происходил в масленицу, нужно накормить "девушек" блинами, ущипнуть и отпустить. Почему взрослых женщин, две из которых имеют детей, могут "легитимно" щипать (чужие) мужчины? Что есть в женщине такого, что позволяет даже доброжелателям считать ее не вполне человеком, а мягкой игрушкой? Или это не имеет никакого отношения к "женским свойствам", а является способом, при помощи которого мужчина демонстрирует свой более высокий социальный статус и права на "всех женщин", а также указывает на место женщины в рамках того института, представителем которого является диакон?» [3, с. 55]. Здесь можно было бы отметить понимание феминности и маскулинности, которое существует в нормах и устанавливается государством, и если есть отклонение от нормы (в данном случае непослушание и выход на амвон), то это заслуживает наказания.

Марат Гельман в интервью журналу «Сноб» говорил о том, что «никто из культурных деятелей в Европе, вступившихся за Pussy Riot, не пытается оценивать их творчество. Более того, многие появившиеся ремиксы на Pussy Riot, сделанные западными музыкантами, на порядок интереснее того, что сделала панк-группа. Но вообще сейчас глупо оценивать с художественной точки зрения акцию Pussy Riot» [16].

Общество разделилось на тех, кто полагал, что данная выходка ужасна и оскобрляет чувства верующих (об этом говорили даже атеисты), и на тех, кто призывал к реализации христианской заповеди – прощению. И многие верующие, комментируя данную акцию, утверждали, что не считают, что каким-либо образом их чувства осквернены. Ведь если говорить о Боге, то он находится вне Церкви, и защитники Pussy Riot задавались вопросом, что если танцы девушек являются осквернением, то почему сдача помещений храма Христа Спасителя в аренду для проведения банкетов и деловых переговоров осквернением не является.

Хотелось бы отметить действия девушек в суде. Они не взяли привычную для общества гендерную роль – расплакаться, раскаяться, попросить прощения. Нет, девушки извинились за свой поступок, тем не менее, сообщили, что не жалеют о содеянном, были спокойны и уравновешены. Фактически, Pussy Riot борется за равноправие, за то, что женщина имеет право войти в Церковь, женщина – гражданин и потому имеет активную политическую позицию, кроме того, участницы заявили о себе как о художниках – женщинах, имеющих право выйти за рамки канонов и привычного восприятия женщины-художника.

Интересным является так же тот факт, что на фотографиях с процесса чаще всего фигурировала на первом плане Надежда Толоконникова, по мнению журналистов, она наиболее привлекательна (можно было услышать сравнения с Анжелиной Джоли), а Екатерина Самуцевич по канонам красоты была признана менее привлекательной, возможно, именно поэтому она реже фигурирует на фотографиях в прессе. Кроме того, стоит отметить, что защита участниц Pussy Riot строилась адвокатами на жестко патриархальных основаниях. Приводились доводы о том, что они матери, у них маленькие дети, которые не могут быть без матерей, что девушки – православные. Многие полагают, что такая патриархальная защита в российском патриархальном обществе вполне оправдана.

Таким образом, хотелось бы отметить, что действия панк-группы Pussy Riot представляет собой искусство, направленное на анализ и выражение собственной мысли или точек зрения, связанных с нормами и устоями патриархального общества. Феминистское искусство выступает за равноправие и переосмысление роли женщины не только в обществе, но и в искусстве. Панк-молебен Pussy Riot также является важным социокультурным импульсом, давшим материал для размышлений и последующего анализа не только политических или религиозных событий, но и социальных феноменов, а в частности, места женщины в патриархальном обществе.

Цель – вызвать резонанс, быть услышанными – была достигнута, Pussy Riot были замечены. И многие искусствоведы отмечают, что Россия смогла дать мировому искусству самобытный творческий акт или жест, который вызвал такой колоссальный отклик по всему миру, но который был так искаженно понят в самой России. Кроме того, Pussy Riot своей акцией обратили внимание общественности на роль РПЦ в обществе и на искажение понятия «светское государство».

Литература

1. Александровский, Л. Не стреляйте в активиста / Л. Александровский // Сноб. – Октябрь. – 2012.
2. Белорусец, Е. Pussy Riot как «успешный проект» / Е. Белорусец // ArtUkraine. – Сентябрь–ноябрь. – 2012.
3. Гапова, Е. Дело «Pussy Riot»: феминистский протест в контексте классовой борьбы / Е. Гапова // Неприкосновенный запас. – 2012. – № 5(85).
4. Зарубина, Т. Анна Зобнина: У каждого должны быть аргументы в защиту Pussy Riot / Т. Зарубина // Сноб. – Апрель. – 2012.
5. Бишоп, К. Социальный поворот в современном искусстве / К. Бишоп // Художественный журнал. – Сентябрь. – 2005.
6. Маньковская, Н.Б. Эстетика постмодернизма / Н.Б. Маньковская. – СПб.: Алетейя, 2000. – 347 с.
7. Тейлор, Б. Актуальное искусство. 1970–2005 / Б. Тейлор. – М.: Слово, 2006.
8. Текст круглого стола «Возможно ли в Беларуси социально-ориентированное искусство?» (галерея Ў, ноябрь 2011).
9. Тимофеева, О. Тайны пустого клозета / О. Тимофеева // НЛО. – 2003. – № 64.
10. Kan, E. Pussy Riot: What Was Lost (and Ignored) in Translation / E. Ran //The American Reader [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://theamericanreader.com/pussy-riot-what-was-lost-and-ignored-in-translation.
11. Pussy Riot: искусство или политика? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lookatme.ru/mag/art-design/spiski_art/159845-hlystom-i-pryanikom.
12. Pussy Riot: Мнения украинских экспертов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.artukraine.com.ua/articles/1087.html.
13. Артимович, Т. «Искусство вне «музея»: между эстетическим и остросоциальным» / Т. Артимович, О. Шпарага [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://artaktivist.org/iskusstvo-vne-muzeya-mezhdu-esteticheskim-i-ostrosocialnym/.
14. Гессен, М. Наличие малолетнего ребенка не явилось препятствием / М. Гессен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bg.ru/society/nalichie_maloletnego_rebenka_ne_javilos_prepjatstviem-16422/.
15. Гельман, М. 8 соображение по делу Pussy Riot / М. Гельман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.snob.ru/profile/5167/blog/51567.

Глеб Куфтерин
(Литва/Беларусь)

ВИДЕОИГРЫ КАК ИСКУССТВО: ПРОБЛЕМА ПРИЗНАНИЯ

The author tries to answer the question whether videogames are Art or not. The article lists the main problems facing the artists who work with videogames: common stereotypes and misconceptions, some of which started disappearing and some still need to be overcome.

Прежде чем приступить к описанию проблем такого молодого вида искусства, как видеогры, нужно сначала убедиться, что компьютерные игры вправе рассчитывать на подобный статус в культуре. Сегодняшние видеоигры стремятся поднимать те же вопросы, что и более старые виды искусства, многое у них перенимая. При этом кино и театр схожи между собой в тех же признаках, что присутствуют по причине заимствования и в видеоиграх: сюжет, драматургия, сценография, звуковое сопровождение, эмоциональное воздействие на зрителя. В частности, от кино видеоигры переняли операторскую работу (зависит, конечно от жанра игры). Следовательно, учитывая наличие в играх большинства обязательных элементов, являющихся определяющими для признанных жанров искусства, совершенно невозможно вести речь о том, что видеоигры не являются искусством в той же степени. При этом играм свойственна интерактивность – признак, подчеркивающий отличие видеоигр от других видов искусства, к тому же являющийся и основным, можно сказать, главенствующим выразительным средством. Здесь же важно определить разницу между видеоиграми и медиаискусством, чуть более старым видом, которому, в некоторых случаях, также свойственна интерактивность. И разница эта заключается в наличие цели, а также правил. В особенности благодаря последнему интерактивность в играх можно также назвать игровой механикой, или «геймплеем». Именно за счет наличия

всех этих признаков, видеоигры чрезвычайно эффективно исполняют свое предназначение как предмет искусства, а именно – воздействие на зрителя, и имеют при решении этой задачи больший потенциал, нежели произведения иных жанров.

Стоит сказать, что путь, по которому происходит развитие видеоигр, очень схож с путем, уже пройденным кинематографом. И как любое новое культурное явление игры сразу столкнулись с множеством проблем. Им, как виду искусства, необходимо преодолеть свое прошлое, в котором игры воспринимались исключительно как развлечение, востребованное в младшей возрастной группе. Стоит вспомнить ранние игровые консоли, как, например, Atari, Nintendo Entertainment System, очень популярная в нашем регионе Dendy, главными хитами которых были игры по лицензиям детских мультфильмов. С тех пор отношение общественности к играм изменилось не слишком разительно. И, невзирая на значительно повзрослевшую игровую аудиторию, в глазах обывателя видеоигры попрежнему являются лишь несерьезным развлечением, ориентированным на детей. В этом смысле кино развивалось иначе. Кинематограф очень быстро перерос стадию, когда просто являлся технической диковиной, и всерьез занялся освоением опыта своего благородного предшественника – театра.

Отсюда идет следующая проблема – коммерция. Индустрия видеоразвлечений не позволяет разработчикам совершать смелые эксперименты, ибо тут очень важно угодить не слишком просвещенной в вопросах искусства публике и добиться тем самым коммерческой окупаемости продукта. И художник, отважившийся творить в этой сфере, должен искать источник сбыта предмета своего творчества, так как игра – затратное произведение. Таким образом, индустрии вовсе невыгодно развитие эстетических запросов зрителя и разделение этих зрителей по их предпочтениям. Массовый потребитель, как водится, игнорирует проекты, созданные с иной целью, чем развлекательной. В то же время круг зрителей, положительно относящихся к художественным видеоиграм, пока не достиг размера достаточного для того, чтобы иметь возможность спонсировать подобные проекты, как это происходит, к примеру, с кинематографом.

Следующая проблема – игровая аудитория, которая отказывается взрослеть и воспринимать серьезные проекты. Встречаются, конечно, исключения, когда «сложные» игры очень хорошо продаются, правда, причиной хороших продаж становится не их художественная ценность, а увлекательная игровая механика. Яркими примерами могут служить

игры Portal (2007) или Braid (2008). По словам автора последней, мало кто в игровой прессе, освещавшей выход игры, понял ее концепцию. Вопреки же текущим тенденциям, благодаря тем, кто готов, для тех, кто готов, и во многом тем, кто готов к дальнейшему развитию игр как искусства, а не коммерческого продукта, возникло такое явление, как инди-игры, к которым мы вернемся ниже.

Отмеченные проблемы выявляют серьезное препятствие: принятое нами значение слова *видеоигра* не соответствует идеям и принципам художественного вида, на который оно претендует. Действительно, очень сложно умещать в одном слове такие отличные между собой проекты. Пропасть между коммерческой развлекательной игрой и игрой, созданной преимущественно как искусство, становится все больше. Отсюда мы и получаем, что в музеях к публичному показу готовят Pac-Man и Tetris – игры, созданные без притязаний на искусство и не имеющие в себе признаков искусства, а потому и не являющиеся искусством, наравне с flOw – выдающимся авторским проектом, впечатляющим своим внешним видом и музыкальным сопровождением не меньше, чем игровой механикой. Иными словами, термин «видеоигра» себя исчерпал и нуждается в переосмыслении.

И правда, многое из того, что принято называть играми, называется таковым образом лишь за неимением другого более подходящего определения. Огромное многообразие интерактивных художественных проектов вынуждено влачить свое жалкое существование под знаменем игр. Ситуацию частично решают профильные ресурсы и мероприятия, такие как Independentgamesfestival, IndieCade, Humblebundle. Но все они, как правило, направлены на уже упомянутые выше независимые игры или иначе Indie – явление схожее с артхаузом в кинематографе. Этому совсем недавно возникшему явлению свойственны черты, которые заставляют думать, что именно в его рамках в дальнейшем и будут развиваться видеоигры в качестве искусства: финансовая независимость от издателя, небольшая команда разработчиков (1–10 человек), небольшой бюджет, результатом чего является низкая стоимость игры в продаже. Это позволяет разработчикам в меньшей степени зависеть от широкой платящей публики, ориентируя свой продукт на, скажем так, «ценителей». В инди-играх гораздо выше известность отдельных авторов, чем в остальной игровой индустрии, где на слуху зачастую названия игровых студий. Так, в сфере независимых игр мы имеем ряд публичных людей, которых иначе можно назвать «звездами»: Эдмунд МакМиллен (автор Gish (2004), Supermeatboy (2010) и т.д.), Джонатан Блоу (Braid (2008)), Якуб Дворски

(Samorost (2003), Machinarium (2009)) и др. Потому инди-игры можно также назвать авторскими.

Так как индустрия видеоигр считается в первую очередь развлекательной и, как мы уже выяснили, ошибочно считается ориентированной на младшие возрастные группы, во многих странах действуют очень жесткие рейтинги и запреты против неподобающего содержания в компьютерных играх. Именно из-за риска попасть под запрет разработчики сторонятся множества тем, которые всегда были доступны кино, театру, литературе. Так, в Германии в видеоиграх совершенно невозможно найти изображений свастики, которые всегда либо заменяются другими изображениями, либо вовсе убираются. Это относится даже к историческим играм, освещающим события Второй мировой войны. В Австралии, стране, особенно известной своей цензурой, в играх запрещено изображение крови, да и вовсе огромное количество игр, доступных в прочих государствах, невозможно найти легально. Стран, в которых действовала бы подобная цензура, очень много. То есть цензура, конечно необходима, но она не должна становиться препятствием перед сценаристом и художником в поиске выразительных средств, ведь невозможно поднять многие серьезные темы, не прибегая к изображению содержания, которое с нынешней системой цензурирования невозможно.

Подводя итог, можно сказать, что массовый зритель не готов к взрослению видеоигр, индустрия слишком консервативна и в большинстве случаев препятствует взрослению как видеоигр, так и их аудитории. Определение слова «игра» так и не эволюционировало вместе с играми и более не может охарактеризовать все направления этого вида искусства. Цензура также является препятствием на пути художника в его поиске новых выразительных средств и решений. Каждая из этих проблем по отдельности становится на пути формирования, а следовательно, и признания компьютерных игр искусством в целом. Пути же решения проблем на сегодняшний день не слишком очевидны.

Ключевые термины

Компьютерная игра (видеоигра) – игра с использованием изображений, сгенерированных электронной аппаратурой. Определяется алгоритмом, описывающим процесс ее прохождения.

Геймплей (англ. *gameplay*), гейм-плей – игровой процесс компьютерной игры с точки зрения игрока. Геймплей включает в себя разные аспекты компьютерной игры, в том числе технические, такие как вну-

триигровая механика, совокупность определенных методов взаимодействия игры с игроком и др.

Инди-игры (англ. *indie games* от *independent* – «независимый») – компьютерные игры, которые были созданы независимо от финансовой поддержки крупных игровых издателей. Часто эти игры дешевы или бесплатны, многие независимые игры имеют небольшой размер и поэтому распространяются через Интернет с помощью цифровой дистрибуции или как freeware.

Медиаискусство – это вид искусства, произведения которого создаются и представляются с помощью современных информационно-коммуникационных (или медиа) технологий, преимущественно таких, как видео-, компьютерные и мультимедиатехнологии, Интернет. Отдельные группы произведений часто характеризуют как «искусство новых медиа», «электронное искусство», «цифровое искусство».

Казуальная игра – компьютерная игра, предназначенная для широкого круга пользователей. Сам термин «казуальная» происходит от лат. *casualis*, что означает «случайный». Таким образом, казуальная игра – это игра, в которую играют от случая к случаю, между делом, чаще всего – чтобы как-то «убить» время. Ввиду своего предназначения такая игра, как правило, обладает достаточно простыми правилами и не требует от пользователя хорошего владения компьютером. Многие подобные игры обладают также яркой привлекательной графикой и минимумом текста.

Видеоигры – самый молодой на сегодня жанр искусства, который, как любое новое явление, нуждается в признании и у него, как у любого нового явления, возникает множество сложностей, которые необходимо разрешить.

История признания

18 августа 2008 г. видеоигры были признаны искусством в Германии. WarCraft, Stalker, CallofDuty или MonkeyIsland теперь считаются художественным достоянием, а их разработчики отныне входят в состав Немецкого совета по вопросам культуры.

5 мая 2011 г. в США в рамках программы поддержки искусства видеоигры признаны искусством, и игровая индустрия может рассчитывать на государственное финансирование наравне с киноиндустрией. Официально же категория финансирования TheArtsonRadioandTelevision (искусство в области радио и ТВ) изменена на TheArtsinMedia (искусство

в различных медийных областях). Помимо видеоигр, в обновленную категорию войдут разного рода интерактивные проекты.

В марте 2013 г. в Музее современного искусства Нью-Йорка открылась постоянная экспозиция, на которой представлены тринадцать видеоигр. В течение нескольких лет экспозицию планируют дополнить еще сорока играми.

Таким образом, с отсутствием признания в качестве искусства на государственном уровне видеоигр проблем нет.

Литература

1. McGonigal, J. Reality is broken / J. McGonigal. – M.: Penguin Books, 2011. – 416 p.
2. Беньямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / В. Беньямин. – М.: Медиум, 1996. – 240 с.
3. Югай, И.И. Компьютерная игра как жанр художественного творчества на рубеже XX–XXI веков: дис. канд. искусствоведения: 17.00.09 (защищена в 2008 г.) / И.И. Югай – 226 с.
4. Antonelli, P. Video Games: 14 in the Collection, for Starters / P. Antonelli [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.moma.org/explore/inside_out/2012/11/29/video-games-14-in-the-collection-for-starters/. – Date of access: 29.11.2012.
5. Компьютерные игры как искусство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gamesisart.ru/. – Дата доступа: 20.12.2012.
6. Тетерин, С. Что такое медиа арт? / С. Тетерин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.teterin.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=29&Itemid=47. – Дата доступа: 15.01.2013.

МЕДИАКУЛЬТУРА: АНАЛИЗ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ, КРИТИКА

Глеб Корень
(Беларусь)

(БЕЗ)ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНТЕРНЕТА ИЛИ ХАОС ВНЕ КОДА

The article examines Jean Baudrillard's view on the process of mass-media communication, which includes «violence of code» based on some principles of classic semiotics. But the «power of code' is destroyed in the internet by its «multimedianess». Examples of this process can be found on the so-called «imageboards», which are popular among internet-users today. Nevertheless, many internet-users still see such services as «generators of chaos»; they can be seen as incarnations of principles of communication offered by J. Baudrillard, which are based on the process of «symbolic exchange» and rejection of principles of classic semiotics as the «political economy of sign».

Классические масс-медиа всегда являлись объектами упреков со стороны исследователей в связи с их «анти-коммуникативной» сущностью, что само по себе уже является определенным парадоксом, ведь масс-медиа, на первый взгляд, являются, да изначально и создавались как всего лишь определенные «инструменты» для передачи какой-либо информации. Суть же основной претензии к самим масс-медиа можно выразить следующим образом: масс-медиа самой своей деятельностью организуют определенное «сообщение», передаваемое «получателю» в качестве «потребителя информации», но в то же самое время эта деятельность масс-медиа не направлена на возможность перцепции обратного сообщения, сформированного уже первоначальным «получателем» информации (тем самым потребителем). Все же попытки масс-медиа организовать какую-либо «обратную» коммуникацию приводят лишь к ее «имитации», которая не в состоянии подлинным образом передать сообщение «чужеродного» отправителя, находящегося за пределами са-

мого масс-медиа, но может лишь ретранслировать его в своей собственной манере, поддерживая тем самым собственное существование. Вот, например, что пишет о таком самовоспроизводстве, используя концепт «аутопойезиса», Никлас Луман: «Так в сфере масс-медиа возникает аутопойетическая, самовоспроизводящаяся система, более не зависящая от передачи в процессе интеракции между присутствующими <…> благодаря этому возникает оперативная замкнутость, вследствие которой система воспроизводит собственные операции из себя самой и больше не использует их для производства интерактивных контактов с внутриобщественным внешним миром» [2, с. 30].

Однако возможно наиболее радикальное мнение о коммуникативной природе масс-медиа было высказано Жаном Бодрийяром. Речь идет о достаточно неординарном концепте «власть кода». Суть последнего в том, что медиа, транслируя какое-либо сообщение, обязательно облекают его в какой-либо код, который, в свою очередь, должен быть принят получателем («потребителем информации») и расшифрован им. В самом существовании такого кода Ж. Бодрийяр усматривает определенное «насилие», так как даже если получатель информации отважится на ответное сообщение (то есть попытается осуществить самую что ни на есть коммуникацию), то это сообщение обязательным образом должно быть облечено в тот же самый код. Выход же Бодрийяр видит в том, что «в символическом отношении обмена существует синхронный ответ, но нет ни передатчика, ни приемника с той и другой стороны сообщения, равно как не существует и “сообщения”, то есть блока информации, которую требуется расшифровать однозначным образом при помощи кода. Роль символического как раз и состоит в разрушении этой однозначности “сообщения”, в восстановлении смысла и одновременном уничтожении инстанции кода» [1, с. 225]. Таким образом, если следовать этой точке зрения, лишь отказавшись от «власти кода» «подлинная коммуникация» станет возможной для самих ее участников, не позволяя самому этому коду осуществлять ее вместо них. К сожалению, определенная патетика Бодрийяра несколько противоречит точной смыслопередаче понятий – под «кодом» мы можем понимать любое бинарное соответствие между означаемым и означающим (на что, кстати говоря, ссылается и сам Бодрийяр: «Каждый знак разрывается на обозначающее и обозначаемое, где одно предназначено другому, но находится в “соответствующем” положении, и каждый знак из глубин своей принудительной изоляции “коммуницирует” со всеми другими знаками через код, именуемый языком» [1, с. 218]), отказ же от этого принципа соответствия по большому

счету приводит и к отказу от основных принципов классической семиотики. К примеру, Фердинанд де Соссюр утверждал, что под знаком (который является изначальным структурным элементом всякого языка) «мы понимаем целое, возникающее в результате ассоциации некоторого означающего с некоторым означаемым» [3, с. 69].

Рискну взять на себя в этом контексте смелость попытаться проанализировать коммуникативную сущность Интернета как возможно наиболее популярного на сегодняшний день масс-медиа, сосредоточившись на том же обвинении о «власти кода».

В первую очередь нельзя не отметить такое основополагающее свойство Интернета как возможность его пользователей обмениваться между собой блоками информации, что, на первый взгляд, вообще уводит нас от рассмотрения их в качестве каких-либо «потребителей информации» (а ведь именно это словосочетание я использовал выше по отношению к участникам коммуникативного процесса в рамках «классических масс-медиа»). В такой ситуации вместо достаточно уничижительного слова «потребитель» более адекватным кажется понятие «участника коммуникационного процесса», так как «участник» обладает возможностью непосредственно реагировать (то есть «создавать в ответ на что-либо») на информацию. «Участию» же индивидуума в коммуникационном процессе способствует и так называемая форма Интернета, которую наиболее просто определить как форму «электронную», то есть подразумевающую мгновенное подключение пользователя к информационному процессу. В то время как в «классических масс-медиа» между (пусть хотя бы гипотетически возможной) ответной реакцией индивидуума и выражением этой реакцией в самом масс-медиа, как правило, проходит время, электронная форма Интернета позволяет сократить это время практически до нуля, «вынося» пользователей непосредственно в коммуникационный процесс. Итак, если коммуникационные возможности Интернета более или менее ясны, то рассмотрение того, что Ж. Бодрийяр называет «властью кода», может привести к гораздо более интересным выводам.

В данном случае в первую очередь следует обратить внимание на то, что называют «мультимедийностью» и что является неотъемлемым свойством Интернета как все того же электронного медиа. Мультимедийность есть «многомедийность», то есть возможность существования в рамках единого средства коммуникации (коим и является Интернет) различных форм медиа – причем каждая из этих форм использует в том или ином смысле свою собственную языковую систему. Так, текстуальная медийная форма (представимая в виде обыкновенного статичного

письменного текста) пользуется языковой системой банального письменного национального языка, нетекстуальная же визуальная форма может быть выражена как в статичных, так и в динамичных визуальных изображениях, причем каждой из этих форм соответствует свой «язык». Возможность такого «многоязычия» Интернета лежит во все той же его цифровой «природе», которая имеет возможность распознать и воссоздать блок любой формы информации, представив его в виде символической последовательности нулей и единиц. Другими словами, соприсутствие в Интернете всех этих языковых систем, воплощенных в различных медийных формах (текстуальных, визуальных, аудиальных), и делает Интернет «мультимедийным», что и является его наиважнейшим отличительным свойством.

Не следует забывать, однако, о еще одном крайне важном свойстве Интернета, а именно – возможности пользователя не просто «потреблять» (то есть принимать), но также передавать и даже создавать информацию, делая при этом ее доступной за минимальное количество времени. И это может привести к символической «победе» над тем «кодом», о котором и писал Бодрийяр, а именно, что он организуется в «единственную инстанцию, которая говорит, которая сама вступает в процесс обмена и воспроизводится через разъединение двух концов отношения и однозначность (или двузначность, или многозначность, не важно: через неамбивалентность) послания» [1, с. 220]. Мультимедийность сама по себе противоречит какой-либо единственной неделимой инстанции кода; отныне код пластичен, непостоянен, и участник коммуникационного процесса в Интернете вправе облекать передаваемую им информацию в любой, угодный ему код. Такой «отказ» от инстанции единственно верного кода (который в классических масс-медиа организуется в первую очередь самими этими масс-медиа) становится возможным в Интернете, причем не на уровне разрушения лишь только в моменте его перцепции (случай, когда участник коммуникации, восприняв какой-либо блок информации, облеченный в код, интерпретирует его собственным образом, противоположным модальности, заложенной создателем блока информации), ибо такое «одностороннее» разрушение кода возможно и в классических медиа. Подлинным «разрушением» инстанции кода будет возможность участника коммуникации создать собственный ответ на этот первоначальный блок информации, причем интенционально организовать его в той форме, которая кажется ему наиболее уместной – такая возможность проистекает все из той же «мультимедийной» природы Интернета, поскольку пользователь вправе среагировать на текст

статичным визуальным изображением, на аудиозапись – изображением динамичным и т.д. Таким образом, множественность кодов (обусловленных мультимедийностью Интернета) как раз таки приводит к тому, что той самой пресловутой «однозначности сообщения», на которой делал упор Бодрийяр, больше не существует – каждый пользователь Интернета вправе как интерпретировать любую информацию в Интернете, так и реагировать на нее так, как он пожелает.

Примеров описанного процесса достаточно в любой банальной социальной сети – сеть предоставляет пользователю возможность реагировать на текст картинкой, на аудиозапись видеозаписью и т.д., что опять же «разрушает» изначальную «однозначность кода». В этой связи возникает вопрос об адекватности принципов классической семиотики или «политической экономии знаков и их производства» [1, с. 196] (как ее называет Бодрийяр) современному коммуникационному процессу.

Ответ на этот вопрос кроется в самой архитектуре Интернета как более чем современного средства коммуникации. Обратимся к тем же социальным сетям, наиболее посещаемым сегодня ресурсам Интернета. Единичным структурным элементом любой социальной сети является персональная страница отдельно взятого пользователя, форма и содержание которой целиком и полностью зависят от него самого, другими словами, именно он «осуществляет власть» в пределах этого минимального сегмента Интернета. Тем самым можно сказать, что сам пользователь в итоге и регламентирует код, который будет функционировать в пределах его страницы, то есть мы имеем здесь дело с классической версией «цензуры» медиа, организующей определенный код. Но если в «классических» медиа устанавливать этот код могли лишь определенные социальные институты (которые сами и являлись медиа), то Интернет каждого отдельного своего пользователя наделяет правом становиться медиа и организовывать коммуникационный процесс.

Рассматривая «кодирования» коммуникационного процесса в Интернете, следует вспомнить о понятии «флуда», который и использовался в контексте именно «свободной от власти кода» коммуникации. Однако слово это всегда вызывало негативные коннотации, что наводит на мысль о том, что коммуникация, «свободная от власти кода», все еще мыслилась не столько как коммуникация, сколько как «информационный шум». Особенно ярким эмпирическим примером существования «кода» в коммуникационном пространстве Интернета являются так называемые имиджборды, или анонимные форумы. Так как на подобного рода ресурсах нет какой-либо цензуры, то именно там мы можем наблю-

дать отсутствие кода, ограничивающего коммуникационный процесс. С другой стороны, в пространстве Интернета существует вопрос адекватности процесса обмена информацией на подобного рода ресурсах, и, зачастую, имиджборды воспринимаются лишь как генераторы хаоса, а не полноценные площадки для обмена информацией.

В контексте обсуждаемого вопроса не лишне вспомнить об «утопичности» идей знаменитых французских философов середины XX века в контексте молодежных протестов 1968 г. Несмотря на то, что сам Ж. Бодрийяр достаточно скептически относился к этой «студенческой революции», в статье «Реквием по масс-медиа», критикуя «зажатую кодом» информацию, он ссылается на позитивный опыт протестов: «Подлинным революционным средством передачи информации в этом Мае были стены и начертанные на них слова, сделанные от руки плакаты и афиши, улица, на которой слово рождалось и вступало в контакт, – то есть все то, что было непосредственно создано, что было отдано и возвращено, высказано и получено назад в виде ответа, все то, что было подвижно, что пребывало в одном и том же месте и в одно и то же время, что содержало в себе моменты взаимной связи и антагонизма» [1, с. 211].

Исторический опыт такой «свободной коммуникации» сложно назвать полностью удавшимся – всем известно, что события так называемого «Красного Мая» пусть и привели к некоторым изменениям во французском (а возможно и в мировом) обществе, но та же самая форма восприятия человеком самой коммуникации как сочлененности «означающего» и «означаемого» осталось неизменной. Сама возможность существования такой «внекодовой коммуникации» в настоящее время ставится под вопрос – на примере все того же «анонимного» и «раскодированного Интернета» мы обнаруживаем тот факт, что подобная форма коммуникации все еще широкомасштабно мыслится как некий «информационный шум», а не полноценная передача определенной информации. С одной стороны, было бы чересчур наивно утверждать то, что Бодрийяр, высказываясь в пользу «символического обмена информацией» вместо «власти кода», опережает само время, однако, задумываясь сейчас о принципах классической семиотики и в перспективе Интернета увязывая их с такими достаточно актуальными для сегодняшнего времени явлениями, как, к примеру, «авторское право», можно прийти к достаточно интересным выводам. Коль скоро классически понимаемая коммуникация подразумевает некий «акт приема-передачи закодированной информации», то по классическим рыночным правилам, которые, безусловно, на сегодняшний день подчиняют себе и пространство

Интернета, передатчик является «владельцем» этой информации, то есть сам этот акт может мыслиться как закрепление за ним определенного «авторского права». В то же самое время условная «коммуникация по Бодрийяру», существующая по принципам «символического обмена», отрицает какое-либо определенное «право на владение информацией» – информация в таком случае лишь объединяет в символическом акте ее обмена отдельных индивидуумов, не закрепляя ни за кем из них каких-либо хозяйственных прав (в принципе, именно такими терминами оперируют сами законы об авторском праве).

В конечном счете можно вспомнить, что именно те места в Интернете, которые были приведены в качестве примеров «свободной коммуникации по Бодрийяру», а именно имиджборды, зачастую также являются местами самоорганизующихся протестов против авторского права. Таким образом, можно предположить, что взгляд на коммуникацию Ж. Бодрийяра находит свое эмпирическое воплощение именно в подобного рода социальных практиках (так называемое «движение анонимусов» в Интернете), которые, в свою очередь, являются антагонистами по отношению к практикам, организованным по классическим принципам семиотики (которая, по словам Бодрияйра, является не чем иным, как «буржуазной политической экономией знаков и их производства» [1, с. 196]) и которые, в свою очередь, акцентируют и утверждают своеобразные «авторские права», а значит, и «право на информацию».

Литература

1. Бодрийяр, Ж. Реквием по масс-медиа / Ж. Бодрийяр // Поэтика и политика: Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук – СПб.: Алетейя, 1999.
2. Луман, Н. Реальность массмедиа / Н. Луман. – М.: Праксис, 2005.
3. Соссюр, Ф. Д. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр. – М.: Эдиториал УРСС, 2004.

Екатерина Карпухина
(Россия)

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ «ГАДЖЕТ-НЕИМУЩИХ» НА СТАДИИ ОЦЕНКИ ИННОВАЦИИ

This work is part of a study on the role of mobile gadgets in society. In our paper, we will touch on the issues of transformation of everyday life, the configuration of mobile gadgets and draw up a typology of users. Our part of the research on the mobile gadget is dedicated to a specific group of people, which we call the «gadget-poors». We study the resistance mechanisms of innovation. The current hypothesis is the assumption that the «gadget-poors» are distinguished from the owners of the tablets.

Данная работа является частью исследования, посвященного роли мобильных гаджетов в жизни общества, проводимого совместно факультетами социологии и медиакоммуникаций НИУ ВШЭ г. Москвы. В нашей части мы касаемся вопросов трансформации повседневности, конфигурации мобильных гаджетов и составляем типологию пользователей.

Проблематику мобильных гаджетов можно рассматривать как составную часть концепции распространения инноваций. Первая концепция распространения инноваций была предложена Роджерсом в 60-е гг. После этого она была переосмыслена рядом исследователей. Чаще всего они ориентировались на факторы, способствующие распространению инноваций, а механизмы сопротивления остались изучены в меньшей степени.

Наша часть исследования по тематике мобильных гаджетов посвящена специфической группе людей, которую мы называем «гаджет-неимущими». В рамках нашей работы мы изучаем механизмы сопротивлениям инновациям.

Термин «гаджет-неимущие» введен нами для обозначения категории людей, которые по каким-либо причинам отказываются от использования мобильных устройств. Первой целью нашего исследования являлось создание типологии «гаджет-неимущих».

Каждый гаджет влияет на повседневную жизнь владельца, по-своему перестраивает реальность.

В исследовании, обращенном к распространению инновации, лучше всего изучать те устройства, которые на данный момент находятся на стадии оценки, когда уже можно утверждать, что устройство не провалилось на рынке, но оно еще не является широко распространенным. Поэтому особый интерес для нашего исследования представляют планшетные компьютеры. Планшет – это, в первую очередь, мобильный доступ в Интернет. Перманентная возможность выйти в Сеть влияет на профессиональную занятость человека, на способы препровождения времени, планирование дел.

Поскольку темой нашего исследования являются люди, не имеющие гаджетов, первоочередной задачей было выявить причины их отказа. На первый взгляд, очевидно, что существенная часть «гаджет-неимущих» не может позволить себе планшетный компьютер по финансовым причинам, а часть из них не нуждается в нем, так как не пользуется Интернетом. У некоторых пользователей существуют проблемы с адаптацией данной инновации в силу возраста. Однако мы не можем ограничить причины неимения планшета только этими предположениями. В нашем исследовании мы рассматриваем разные предпосылки отказа от покупки планшетного компьютера.

Планшетный компьютер становится маркером социального достатка, включенности в определенный тренд. В некоторых кругах становится общепринятым иметь гаджет, пользоваться тем или иным приложением. Наладить общение в таком обществе без гаджета бывает сложно. В то же время нередко гаджет становится помехой для офлайнового общения. Мы предполагаем, что социализация данной инновации проходит по-разному для разных типов людей.

Чтобы не сосредотачиваться на очевидных причинах отказа от инновации, в полной мере описанных другими исследователями (например, «поздние адепты» Роджерса), мы решили выявить референтную группу по данной инновации и исследовать «гаджет-неимущих» только из этой среды.

То есть нас интересуют потенциальные пользователи планшетных компьютеров, у которых его по какой-то причине нет. В референтную

группу мы включаем представителей сообществ, в которых планшет иметь модно (например, студенты), а также профессиональных потребителей информации (чиновники, журналисты). В ходе пилотажных интервью мы выявили критерии для описания пользователя планшета. Из общих для всех респондентов критериев мы выделили четыре, которые помогают нам выявить наличие объективных, на взгляд респондента, причин для покупки планшета:

1) активный пользователь Интернета (акцент на общение в социальных сетях и потребление видео);

2) мобильный образ жизни (частые поездки, профессиональная мобильность, долгое время в дороге или вне дома и работы);

3) психологическая потребность (склонность к престижному потреблению, зависимость от гаджетов, наличие гаджетоманов в ближайшем окружении);

4) техноценоз (линейка гаджетов, функции, которые они выполняют, лакуны в функциях). Нас интересуют не только мобильные гаджеты, а все, функции которых может заменить планшет.

Для описания техноценоза мы составили краткую типологию мобильных гаджетов в зависимости от наличия в гаджете доступа в Интернет:

1) устройства без доступа в Интернет (мобильные телефоны, плейеры, электронные книги);

2) устройства с возможностью доступа в Интернет (мобильные телефоны с доступом в игровые приставки и пр.);

Интернет, смартфоны, ридеры и плейеры с доступом в Интернет, нетбуки с модемами и пр.;

3) планшетные компьютеры;

4) ультрабуки (планшетные компьютеры-трансформеры).

В итоге, изучив субъективные и объективные причины отказа от гаджетов, мы составили типологию «гаджет-неимущих». Основанием для анализа стали два основных показателя – желание и возможность приобрести планшетный компьютер:

1) хотят, но не могут. Люди, не располагающие собственным источником доходов, имеющие другие финансовые приоритеты;

2) хотят и могут. «Иждивенцы» – ждущие гаджет в подарок или возможность организовать себе покупку. Люди, ждущие выхода определенной модели или ее удешевления. Люди, не определившиеся до конца со своими потребностями (хотят планшет, но не знают какой);

3) не хотят, но могут. Люди, имеющие другие приоритеты, не чувствующие необходимости в планшетном компьютере, принципиально отказывающиеся от покупки гаджетов;

4) не хотят и не могут. Чаще всего в эту группу попадают не пользователи Интернета. Скорее всего, у них нет сформулированного отношения к планшетам.

В ходе анализа полученных данных мы выяснили, что формальные причины покупки планшетного компьютера и личные мотивации респондента не играют определяющей роли.

Текущей гипотезой для нас стало предположение, что «гаджет-неимущие» отличаются от владельцев планшетов только склонностью к инновативному поведению. В дальнейшем мы планируем подтвердить или опровергнуть это суждение, проведя по выработанной методологии исследование среди владельцев планшетных компьютеров и сравнив результаты с данными по «гаджет-неимущим».

Литература

1. Rogers, E.M. Diffusion of Innovations, 5th ed. / E.M. Rogers. – New York: Free Press, 2003.

Любовь Мейсак
(Литва/Беларусь)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТЕЛЕВИЗИОННОЙ АНИМАЦИИ (на примере канала Nickelodeon)

The main purpose of paper is to observe TV products for children with the usage of gender optics. I represent the results of my analysis of Nickelodeon animation. Using the content analysis method I observe the last five seasons of animation cartoons «Avatar the Legend of Aang», «My Life as a Teenage Robot», «The Adventures of Jimmy Neutron: Boys Genius», «Danny Phantom», «T.U.F.F. Puppy». In this analysis I describe which patterns of behavior male and female characters in animation demonstrate.

Nickelodeon является самым популярным в мире телеканалом для детей. Он вещает более чем на 400 млн семей, с 2003 г. канал начал вещание для русскоязычных зрителей. Канал ориентируется на глобальный рынок, и в зависимости от региона контент телеканала несколько отличается, однако около 75% эфира телеканала в каждой стране заполняют оригинальные американские продукты [3, с. 186].

Продукты для детей не являются гендерно-нейтральными. Специфика анимации в том, что герои мультипликационных программ являются полностью вымышленными персонажами, от начала до конца сконструированными аниматорами. Их поведение, диалоги, внешность, характер, стремления и желания создаются, и то, какими они являются в данный момент, во многом отражает существующую систему общественных отношений. Проблема состоит в том, что зачастую медиа пред-

ставляют мужчин и женщин слишком традиционно [2, с. 357–358]. А именно:

– во взаимоотношениях мужских и женских героев доминируют мужские персонажи [4];

– мужские персонажи представлены как рациональные, амбициозные, умные, соперничающие, сильные, стойкие, резкие и толерантные [4];

– женские персонажи изображены как чувствительные, романтичные, привлекательные, счастливые, теплые, коммуникабельные, миролюбивые, послушные и застенчивые. «Хорошая» женщина мила, почтительна, сосредоточена на доме, семье и заботе о других. Подчиненная мужчине, она, как правило, выступает в роли жертвы, ангела, мученицы и лояльной жены и помощницы [4]. Она привлекательна, следит за своей внешностью и здоровьем, молода. Среднестатистическая женщина, репрезентированная в СМИ, моложе и стройнее, чем есть на самом деле [4];

– телевидение придает особое значение таким мужским чертам, как сила, выполнение задач и навыки. Тогда как в представлении женщин имеет место фокусировка на привлекательности и очаровании героинь [4];

– брак и семья не важны для телевизионных персонажей мужского пола [4].

Гипотеза данного исследования заключается в том, что, хотя попрежнему детские медиа не являются гендерно-нейтральными, позиции персонажей мужского и женского пола становятся менее асимметричными и изменяется репрезентация нормативной маскулинности и нормативной феминности.

Объект моего исследования – мультипликационные фильмы, транслируемые на канале Nickelodeon. Предмет – наличие поведенческих установок, черт характера, стремлений, которые можно определить как гендерно-окрашенные.

В данной работе я рассматриваю, используя гендерную оптику, пять мультфильмов телеканала Nickelodion. Используя метод качественного контент-анализа, я проанализировала последние сезоны 5 мультфильмов («Аватар: Легенда об Аанге», «Жизнь и приключения робота-подростка», «Дэнни-призрак», «Приключения Джимми Нейтрона, мальчика-гения», «Турбо-агент Дадли»). В своем исследовании я отвечаю на вопрос, какие качества приписываются персонажам мужского и женского пола, какое поведение они демонстрируют.

Выборка исследования и метод анализа

Мной был отсмотрен последний сезон каждого сериала (приблизительно от 10 до 27 серий в каждом сезоне, продолжительность серии около 24 минут). Анализ проведен на основе 78 серий. Я отмечала эпизоды, которые можно интерпретировать как гендерно-окрашенные, а затем сделала главные выводы из качественного анализа увиденного.

Мультсериалы для анализа выбирались по следующим критериям:

– принцип актуальности. В настоящий момент[1] на русскоязычном канале Nickelodeon идет показ одного из сезонов мультсериала;

– принцип возраста. Мультфильмы предназначены для просмотра детям от 6 лет;

– принцип насыщенности информацией. Независимо от того, кто является главным героем, значимым для сюжета персонажем является также герой противоположного пола: Аватар Аанг и маг воды Катара, робот Дженни и влюбленный в нее Шелдон, Дэнни-призрак и его лучшая подруга-гот Сэм, мальчик-гений Джимми Нейтрон и самая умная девочка в школе Синди, собака Дадли и его напарница кошка Китти[2]. Именно поэтому такие популярные мультсериалы, как «Губка Боб квадратные штаны», «Кун-фу Панда» и «Пингвины из Мадагаскара», не попали в мой анализ.

Кроме того, в анализируемых мультфильмах косвенно или прямо подразумевается, что отношения между героями больше, чем дружеские.

Мультипликационный сериал 1. Аватар: Легенда о Аанге

Сюжет. Мир наполняют люди, служащие одной из четырех стихий: Воде, Земле, Огню, Воздуху. Главный конфликт мультфильма в том, что представители огненной стихии стремятся захватить власть над миром. Чтобы избежать этого, с ними должен сразиться Аватар Аанг – единственный человек, который владеет силами всех четырех стихий. В этом ему помогают его друзья: Катара и Сокка (сестра и брат), слепая девочка Тоф, затем к ним присоединяется принц Хозяина огня Зуко. Антагонистом в данной ситуации выступает Хозяин огня, его поддерживает дочь принцесса Азула.

1 29 апреля – 12 мая 2013 г.

2 По целям исследования я была заинтересована в разнополых персонажах, и для меня важно было соблюдение гендерного баланса. Именно поэтому третий принцип обозначается как «насыщенность информацией».

Результат анализа

Мультфильм демонстрирует нам патриархальное общество, где женщины хоть и могут выполнять многие функции наравне с мужчинами, но при этом все равно в критические моменты подчиняются им, перекладывают на них ответственность и инициативу. Роль персонажа женского пола – это роль напарницы, которая принимает участие в борьбе наравне с главным героем, однако при этом все равно «остается женщиной»: беспокоится о внешности, готовит еду, заботится о других. Что касается репрезентации мужских персонажей, то если мальчики показываются достаточно беззаботными, безрассудными, не стесняющимися своих эмоций, то старшие герои – отцы, дяди – это суровые воины, многое пережившие и ставящие дело на первое место.

В одном из эпизодов фильма герои посещают спектакль, в котором разыгрываются сцены из их приключений. Показателен момент, когда Аанг понимает, что его играет девочка (3 сезон, 17 серия), весьма на него похожая, он возмущается и обижается. В то же время его маленькую подругу Тоф играет мускулистый парень, на что та восхищенно замечает: «Лучшего актера для меня не найти!». Этот момент показателен тем, что подчеркивает сравнение с мужским/мужественным/маскулинным как первичное и значимое, в то время как сравнение с женским определяется вторичным и нежелательным.

Мультипликационный сериал 2. Жизнь и приключения робота-подростка

Сюжет. Доктор Норин (Нора) изобретает девочку-робота, свою «дочь», призванную защищать Землю от опасности. В обычной жизни Дженни стремится вести себя как обычный подросток, несмотря на свои сверхспособности. Друзья Дженни – влюбленный в нее Шелдон, маленький Такер и Бред, который хочет нравиться девочкам, помогают ей. Главной героине противостоят злая Вексус, пришельцы женского пола с другой планеты и другие герои.

Результат анализа

Персонажи женского пола, появляющиеся в сериале, за исключением Дженни и ее мамы доктора Норы, – это героини, которые обращают внимание на собственную внешность, переживают по поводу ее, эгоистичны, с высокой самооценкой – «надо быть классной» (3 сезон, 12 серия), умеющие использовать других людей в своих целях, хитрые и расчетливые.

Мультипликационный сериал не показывает нам героев, которые были бы одинаково успешны в карьере и в личной жизни. Персонажи женского пола вынуждены выбирать между карьерой и семьей. Для сравнения можно привести другие мультфильмы, в которых главными героями являются персонажи мужского пола. В этих мультфильмах главным героям удается успешно совмещать свою миссию (спасение мира или города) с развитием отношений (Джимми Нейтрон и Синди, Аватар Аанг и Катара, Дэнни и Сэм, турбопес Дадли и кошка Китти).

В целом, из просмотренных мной сериалов, данный является одним из самых гендерно-нейтральных.

Мультипликационный сериал 3. Приключения Джимми Нейтрона, мальчика-гения

Сюжет. Мультсериал рассказывает о приключениях мальчика-гения Джимми Нейтрона и его друзей: Карла, Шина, самой умной девочки в школе Синди и Либи. Родители Джимми – мать Джуди и отец Хью – также принимают участие в приключениях сына.

Результат анализа

В сериале большое количество ситуаций, которые можно определить как гендерно-окрашенные. Например, когда в одной из серий дети рисовали, картинку, нарисованную Синди, можно описать словами «радуга, лошадка, бабочка», а картинку, над которой работал Шин, – «монстры, драконы, сражения».

В одной из серий (3 сезон, 3 серия) Хью изобретает игрушку, которую описывает словами: «мальчики оценят ее мощь, девочки прическу». Своими словами он подтверждает функционирование принудительной системы выбора половой идентичности: «Вследствие этого мальчики усваивают гендерный идеал "эффективности", т.е. оказываются способными воздействовать на физическое и социальное окружение, демонстрируя физическую силу или соответствующие навыки. И, наоборот, девочки научаются ценить "внешний облик", т.е. управлять собой как служащим для украшения объектом» [1, с. 212].

В сериале неоднократно подчеркивается, что дети – это забота женщин. Во-первых, это проявляется в образах проходящих персонажей – именно женщины держат детей на руках, играют с ними (3 сезон, серия 5а), именно женские персонажи первыми выражают беспокойство о

детях (3 сезон, 1а серия; 3 сезон, 3 серия). В эпизоде, когда друг Джимми Карл стал беременным (3 сезон, 5 серия), он идет к девочкам в гости, так как те приготовили для ребенка подарки, он хочет с ними посоветоваться. Представлена ситуация, в которой мальчики равнодушно относятся к детям, в то время как девочки демонстрируют интерес.

В сериале мелькают образы спасения персонажа женского пола персонажем мужского пола – Либи похищают ради того, чтобы стать избранным (48 серия), и Шин пытается ее спасти.

В целом, отличается репрезентация образов детей и взрослых. Синди и Джимми амбициозны и умны, в то время как интересы родителей заканчиваются совместным просмотром телевизора. Что касается отношений между Джимми и Синди – то это отношение постоянной конкуренции, преобразовывающейся в сотрудничество в ситуациях, требующих совместных действий. Однако все равно наиболее положительным и влиятельным персонажем сериала остается Джимми, тогда как Синди постоянно ему проигрывает.

Мультипликационный сериал 4. Дэнни-призрак

Сюжет. Четырнадцатилетний подросток Дэнни живет с мамой Мэдди, папой Джеком и сестрой Джес. Его родители являются охотниками за призраками. Однажды одно из изобретений отца превратило самого Дэнни в призрака, после чего он стал сражаться с «плохими» призраками. Родители о перевоплощениях Дэнни не знают, но зато знают его друзья – девочка Сэм и мальчик Такер. Главный враг Дэнни – мэр города Влад Мастерс, который сам является призраком.

Результат анализа

В сериале, как и в «Приключениях Джимми Нейтрона», исчезновение мужчин и управление миром женщины преподносится как хаос, доводится до абсурда. Персонажи женского рода либо подчеркнуто феминны (мама Дэнни, девушки-призраки, Пандора) – большая грудь, очень тонкая талия, широкие бедра, либо изображены мужеподобно (Хельга – 3 серия, учительница – 10 серия), но при этом последних помещают в контекст, в котором они воспринимаются непривлекательными в своем поведении (их не любят дети, их боятся, над ними подшучивают). Отношения между главными героями – Дэнни и Сэм – можно описать как равноправные. Герой Дэнни демонстрирует физическую силу и чувство

юмора, тогда как Сэм более рациональна. Мать Дэнни выносит на первое место заботу о муже и сыне, ставя на второе место хобби.

Мультипликационный сериал 5. Турбо-агент Дадли

Сюжет. Пес Дадли и его напарница кошка Китти являются членами секретного агентства ТУРБО и защищают город, в котором живут.

Результат анализа

В том, что касается отношений между главными героями, нельзя говорить о ярко выраженном гендерном неравенстве персонажей. Однако персонажи женского пола репрезентируются со стереотипно-женскими чертами характера, а именно беспокойством о собственной внешности. Нормативная маскулинность и нормативная фемининность присутствуют в репрезентации проходных персонажей. Нельзя говорить об амбициях персонажей, их стремлениях. Это также связано со спецификой данного мультсериала, так как в нем отсутствуют герои, которых можно рассматривать как привлекательных, чтобы с ними можно было проводить самоидентификацию.

Заключение

Сравним репрезентации персонажей в разных мультфильмах. «Аватар: Легенда об Аанге» – единственный мультик, где явно можно проследить гендерные отношения, в остальных мультфильмах они более размыты. Самым гендерно-корректным является сериал «Жизнь и приключения робота-подростка». Главными персонажами по-прежнему остаются персонажи мужского пола, но важную роль играют и персонажи женского пола. Они теперь не просто подруги – девушки главного героя, но скорее напарницы. Можно видеть конкурентную борьбу между главным героем и его подругой.

В то же время, если рабочие отношения поменялись – и женщины стали занимать те же должности, что и мужчины, и выполнять те же функции, то что касается отношений в семье – женские персонажи по-прежнему заботятся о доме и детях, тогда как мужские поглощены работой.

Если гендерное неравенство сглажено в отношениях главных персонажей, то, что касается второстепенных или фоновых, – там демонстрируется именно стереотипно женское или стереотипно мужское поведение. Женские персонажи подчеркнуто фемининны, много внимания уделяют собственной внешности, а также имиджу.

Типичный женский образ – это сильная девушка, достаточно умная, приятная внешне, решительная в том, что касается дела, но слегка застенчивая в том, что касается отношений, предпочитает передать инициативу мужским персонажам, которые репрезентированы как более решительные. Она будет либо напарницей, либо напарницей и конкуренткой персонажу мужского рода (за исключением сериала «Жизнь и приключения робота-подростка»). Героиня не глупа, ни от кого не зависит. Отличие ее действий от персонажей мужского пола – героиня как правило действует локально, она лишена сильных амбиций и не стремится быть первой (за исключением Синди, мультфильм «Приключения Джимми Нейтрона»).

Мужские персонажи более разнообразны. Но они всегда либо очень сообразительны, гениальны, либо откровенно глупы. Те, кто глупы, постоянно плачут от умиления. Они часто соперничают со своими подругами или напарницами. Действия персонажей мужского пола носят глобальный характер. Но, несмотря на свою силу и ум, они часто подчиняются своим мамам или женам.

В целом мультфильмы по-прежнему поддерживают существующие гендерные отношения и репрезентируют их: женщины проникли в «мужские» сферы, почти достигли их уровня, однако не превосходят. И в то же время женщины остались в семье и отношениях на прежнем уровне, по-прежнему заботятся о муже и детях, и если стоит выбор между семьей и карьерой, то героини выбирают дом и семью.

Литература

1. Уэст, К. Создание гендера / К. Уэст, Д. Зиммерманн // Хрестоматия феминистских текстов: переводы. – СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 2000. – 304 с.
2. Long, M. Portrayals of Male and Female Scientists in Television Programs Popular Among Middle School-Age Children / M. Long [et al.] // Science Communication. – September, 2010. – Vol. 32. – P. 356–382.
3. Lustyik, K. Transnational Children's Television. The Case of Nickelodeon in the South Pacific / K. Lustyik // The International Communication Gazette. – Vol. 72, № 2. – P. 171–190.
4. Wood, J. Gendered Media: The Influence of Media on Views of Gender / J. Wood [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.udel.edu/comm245/readings/GenderedMedia.pdf. – Date of access: 31.05.2013.

Ольга Письменная
(Украина)

«ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО» КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ «ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДЕФИЦИТА» В УКРАИНЕ

In this article I describe the phenomenon of the «democratic deficit» and its characteristics in Ukraine. Nowadays e-government is one of the ways of overcoming «democratic deficit». In this article I study the experience of European Union countries in this sphere to be used in Ukraine.

Ученые, политики и общественные деятели неоднократно акцентировали внимание на проблеме «демократического дефицита», характерной для всего современного мира. Если в странах Европейского союза этот феномен является дискутируемым и признается не всеми, то в постсоветских странах он проявляется достаточно четко и не оставляет места для сомнений и дискуссий. Приближение президентских выборов в Украине (2015 г.), а также провозглашение ключевыми политическими игроками евроинтеграционного курса страны во внешней политике дополнительно актуализировало проблему «демократического дефицита». Подтверждением данному факту является ряд факторов, которые являются компонентами «демократического дефицита», а именно: снижение уровня участия граждан в принятии политических решений, высокий уровень недоверия украинцев как к политическим структурам, так и отдельным политическим игрокам, отсутствие эффективной системы сдержек и противовесов. Главной проблемой было отсутствие благоприятных условий для их внедрения, включающих как желание политической элиты менять что-либо, так и наличие влиятельных заинтересованных групп, борющихся за их внедрение. В рамках данной статьи мы будем рассматривать «электронное правительство» как один из способов преодоления «демократического дефицита» в Украине.

В данной работе использовались общенаучные методы анализа и синтеза для обобщения информации. Данные методы помогли разработать выводы, которые соответствуют содержанию работы. Так же метод синтеза позволил на протяжении всего исследования объединять разные теоретические аспекты исследования. В работе применялись элементы методики SWOT-анализа и сравнительного метода.

Важно отметить, что проблема «демократического дефицита» нашла широкое отражение в работах Т. Кингхэма, Г. Лонгфорда, М. Милева, С. Фоллесдала, С. Хилеса. К тому же проблема дефицита демократии в Европе рассматривается Т. Моравчиком, Ж. Маджоне как сконструированный миф. Проблема «демократического дефицита», особенности ее проявления в украинских реалиях ограниченно представлены в научном дискурсе, что говорит о необходимости ее детального изучения.

Учитывая возрастающую роль информационно-технологических процессов в мире, а также появление и применение концепции «электронного правительства» на практике, теоретические аспекты указанного явления описаны в работах Р. Аткинсона, М. Бовенса, С. Малкорни, Дж. Муна, Дж. Фонтейна, Г. Хьюза, А. Чадвика. Среди украинских исследователей одними из первых в изучении данной проблематики стали А. Асонова, П. Кирилишин, А. Лисицкий, Л. Малышенко, В. Недбай, А. Семченко, А. Середнюк.

Целью данной статьи является рассмотрение проблемы «демократического дефицита», учитывая особенности проявления его в Украине, а также обоснование целесообразности применения концепции «электронного правительства» как способа преодоления этого негативного явления.

Само понятие «демократический дефицит» появилось в 70-х гг. в работах европейских исследователей, которые рассматривали легитимность и полномочия Европейского парламента. Это понятие можно и нужно использовать для анализа ситуации не только в странах Европейского союза, учитывая глобальную распространенность этого явления. Явление дефицита демократии можно определить как отсутствие механизмов, которые гарантируют удовлетворительный контроль за процессом принятия ключевых политических решений, а основные институты недостаточно легитимны и прозрачны [1], что вызвано низким уровнем участия населения в демократических процессах из-за недоверия к представителям политической власти и институтам.

Во многих странах, где наблюдается демократический дефицит, проявляются следующие элементы данного феномена:

- снижение уровня участия граждан в принятии политических решений;
- высокий уровень недоверия населения к органам местного самоуправления и центральной власти, политическим партиям, политическим лидерам;
- отсутствие эффективной системы сдержек и противовесов;
- усиление коррупции и бюрократии;
- неэффективность государственного управления;
- отсутствие единства и эффективного сотрудничества между ветвями власти.

На всеобщем европейском уровне демократический дефицит вызван тем, что, несмотря на усиление и расширение полномочий Европейского парламента после ратификации Лиссабонского договора (2009), в политической жизни каждой страны-участницы национальные парламенты являются более значимыми. К тому же существует большой разрыв между решениями Парламента и «идеальными представлениями и ожиданиями» граждан ЕС; проблемой все еще является отсутствие доступной для каждого жителя ЕС информации о роли Европарламента в решении жизненно важных вопросов, которые касаются Союза в целом.

В Украине же усиление и укоренение демократического дефицита связано с тем, что «болезни роста», такие как экономический кризис, недостаточно высокий уровень жизни, высокий уровень безработицы, коррупция, бюрократия, отсутствие эффективно действующей Конституции, отождествляются у населения с ключевыми фигурами, которые в тот или иной период времени находятся у власти. Помимо этого, у большинства украинцев сформировалось мнение, что в политике все заранее распределено и решено и голос на выборах ничего не решает, что является фундаментом роста недоверия и аполитичности. Такое отношение к политическим институтам и процессам демонстрирует упадок значения политической борьбы и постепенное исчезновение политики из жизни украинцев. Апеллируя к вышесказанному, можно говорить о том, что политическая сфера в Украине является местом применения разнообразных управленческих технологий, трансформируясь в механизм, который лишь штампует политические решения.

Следовательно, мы видим, что демократический дефицит представляет собой явление, которое основывается на низкой политической активности граждан, ограниченной возможностью или нежеланием влиять на процесс принятия политических решений, на формирование ключевых органов государственной власти, а также на непрозрачности

функционирования и отсутствии подотчетности основных политических институтов.

Параллельно с распространением «демократического дефицита» развивается концепция «электронного правительства», целью которой является вовлечение населения в важные политические процессы страны, обеспечение населения, бизнеса и государства средствами эффективного взаимодействия, удовлетворение информационных и телекоммуникационных потребностей людей.

В современном научном дискурсе не существует консенсуса среди исследователей относительно интерпретации понятия «электронное правительство». Существует ряд определений, которые характеризуют е-правительство как способ предоставления информации, своеобразную философию и способ мышления в информационном обществе, новый подход к управлению, как часть электронной экономики [2]. Обобщая вышеуказанное, дадим определение «электронного правительства», которым мы будем руководствоваться в нашей работе.

Электронное правительство – это система сотрудничества и взаимодействия государства, граждан, бизнеса, общественных организаций и СМИ, которая базируется на использовании информационно-коммуникационных технологий в информационном пространстве с целью привлечения населения в решении жизненно важных вопросов.

На сегодняшний день е-правительство используется во многих странах мира, например, в США, Великобритании, Германии, Эстонии, Польше, Швеции, Ирландии [3]. Рассмотрим несколько примеров оказания электронных услуг и реализации программ, которые предоставляются в онлайн-формате в указанных странах и могут быть позаимствованы Украиной для преодоления барьера между украинским населением и политической элитой.

В данном контексте интересен опыт Эстонии, в которой функционирует интернет-портал «Сегодня решаю я», позволяющий гражданам принять активное участие в политических процессах, которые происходят в стране. Портал предоставляет возможность обсудить текущие процессы в стране, внести поправки в законопроекты. Одной из важных особенностей е-правительства в Эстонии является то, что портал позволяет пользователю голосовать, причем благодаря идентификационным карточкам с микрочипами эстонцы могут проголосовать, находясь в любой точке мира. Одним из положительных аспектов онлайн-голосования является то, что оно может привлечь к выборам ту часть электората, которая не ходит на выборы под предлогом отсутствия свободного времени. Так же

интернет-голосование позволяет сократить разрыв между молодежью и принятием политических решений в стране, так как известно, что достаточно большое количество молодых людей в Украине проводит большинство свободного времени в интернете и политикой не интересуется.

В Ирландии длительное время существует практика налоговой службы online. Это позволяет пользователям получать информацию о налогообложении, платить налоги, заполнять декларации, к тому же существует возможность получать налоговые кредиты. Опыт такого рода услуги показывает, как можно постепенно преодолевать бюрократизм в данной сфере, упрощая сложные бумажные процедуры, делая ее более прозрачной и доступной населению. «Прозрачная», упрощенная налоговая система может стать основой для уменьшения в Украине такого явления, как теневая экономика.

В Германии на данный момент пока только в Берлине существует программа «облако открытых городских данных». «Облако» является общегородским порталом по сбору данных, которые затрагивают различные аспекты жизни Берлина. С помощью данного нововведения происходит коммуникация между жителями немецкой столицы и чиновниками. Необходимо отметить, что в Германии существует портал государственных услуг для людей с ограниченными возможностями [4]. Как известно, такие люди часто отстранены от участия в политических процессах, поэтому возможность получения государственных услуг с помощью интернета постепенно создаст основу для вовлечения данного сегмента общества в жизнь государства.

В Великобритании функционирует портал, где каждый британец может высказаться за или против законопроекта, к тому же предоставляется право сбора подписей под обращением к законодателям. Однако, чтобы обращение было рассмотрено, необходимы голоса 100 000 пользователей.

В Польше активно развивается программа «Вэб-сайты городов на мобильных телефонах» («Websites of Cities on Mobile Phones»). Польские власти воспользовались тем, что на сегодняшний день мобильные телефоны предоставляют широкий диапазон возможностей. Мобильные версии городских сайтов предоставляют различную информацию о жизни города: начиная от прогноза погоды и информации о городских событиях, заканчивая пошаговыми инструкциями как начать свой бизнес [5]. Это дает возможность пользоваться государственными услугами, не находясь рядом с компьютером, а пребывая в любой точке города и используя мобильный телефон.

Как видим, введение е-правительства во многих странах своей целью ставит упростить взаимосвязь между населением и государством, сделав предоставление государственных услуг проще и доступнее, мотивируя политическую активность граждан.

Электронное правительство в нашей стране, пройдя этапы теоретической модели, дискуссий на разных уровнях, находится на начальном этапе реализации его механизмов. При этом страна имеет тут определенное преимущество, так как Украина может использовать опыт других стран, которые достигли существенных успехов, извлекая для себя действенные механизмы преодоления демократического дефицита с помощью интернет-технологий. Важно отметить, что уже разработана и принята «Концепция развития электронного управления», которая предусматривает этапы формирования е-правительства в Украине до 2015 г.

Актуальным в данном контексте будет рассмотрение практики по реализации электронного правительства в городе Славутич и Днепропетровской области. «Пионером» в применении e-government в Украине стал город Славутич, начав реализовывать программу «Славутич – электронный город». Портал «Електронне місто» предоставляет разного рода информацию, начиная от коммунальных услуг и тарифов, заканчивая охраной здоровья и окружающей средой. Помимо этого, пользователи могут оставить онлайн-обращение или жалобу, обсудить социальные проблемы [6].

В Днепропетровской области в 2011 г. стартовал проект «Электронная Днепропетровщина», предполагающий развитие информационного общества и максимальное удовлетворение информационного спроса населения. В области также реализуются электронный документооборот и проект «Областная электронная школа», включающий в себя интернет-школу для детей с особыми потребностями и интернет-школу для одаренных детей. Функционирует также информационно-ресурсный центр Днепропетровской области «Відкрита влада» [7]. Для эффективной реализации концепции е-правительства на Днепропетровщине сложились все предпосылки, включающие необходимую информационную инфраструктуру, единый телекоммуникационный центр области, региональный центр сертификации электронных ключей, корпоративную сеть, которая объединяет электронные ресурсы облгосадминистрации, облсовета, 334 сельских и поселковых советов в 22 районах области [8].

Учитывая опыт внедрения электронного правительства на локальном уровне, во всеукраинском масштабе е-правительство должно преследовать такие цели:

1) активизация участия граждан в управлении государственными делами;

2) контроль над выполнением государственных решений на всех уровнях;

3) постепенное упрощение сложных бюрократических процедур и преодоление административных барьеров, реализация концепции «электронного чиновника»;

4) искоренение коррупции, преодоление теневой экономики;

5) повышение доверия к политической элите со стороны украинского населения путем активизации коммуникации и диалога между государственными чиновниками и жителями страны;

6) формирование интернет-мышления и информационной культуры в украинском социуме;

7) улучшение качества услуг по предоставлению информации государственными органами, а также расширение набора государственных услуг;

8) повышение эффективности деятельности государственных органов, ускорение взаимодействия между государственными чиновниками;

9) максимизация эффективности социально-экономических реформ;

10) приближение к европейским стандартам в развитии и укоренении демократических стандартов и в сфере развития информационных технологий.

Резюмируя вышесказанное, видим, что е-правительство в Украине может сыграть положительную роль как внутри самой страны, так и на международной арене, потому что электронное правительство может выступить одним из факторов, который способствует европейской интеграции украинского государства и одним из элементов, для построения позитивного имиджа демократического государства в глазах мировой общественности.

Тем не менее, реализация концепции «электронного правительства» может столкнуться с рядом барьеров, которые могут быть вызваны со стороны как украинского населения, так и политической элиты.

1. Недостаточный уровень доверия, большое количество стереотипов со стороны граждан и бизнеса к новым интернет-технологиям. Значительное количество случаев хакерства, киберпреступности, интернет-мошенничества, плагиата, предоставления ложной информации, а также неудовлетворение потребительских запросов (например, при покупке продукции онлайн покупательские ожидания часто не оправдываются из-за качества продукта) стали фундаментом для недоверия украинцев к интернету.

2. Отсутствие возможности охватить и активизировать население, особенно на региональном уровне (без интернета на сегодняшний день остается большинство сел и поселков Украины, что говорит о цифровом неравенстве). Так же большой процент старшего поколения (в основном пенсионеры) не видят надобности в освоении новых технологий. Этот сегмент населения сохраняет еще своеобразную «постсоветскую традицию» необходимости личностного взаимодействия с представителями бюрократического аппарата (например, при оплате коммунальных услуг). Проблемой все еще остается и то, что часть украинского населения не может позволить себе оплачивать интернет-услуги.

3. Отсутствие единых стандартов и инфраструктуры межведомственного обмена данными и соответствующей законодательной базы. К тому же, учитывая бюрократизм и консерватизм украинских государственных чиновников, можно предположить, что принятие соответствующих законов может затянуться на длительный период времени.

4. Отсутствие финансового ресурса. Известно, что реализация концепции электронного правительства на практике достаточно дорогостоящая инициатива. Несмотря на то, что, как показывает опыт стран Прибалтики, затраты на е-правительство могут окупиться за очень короткий временной интервал, в Украине может быть недостаточно средств для комплексного введения единого электронного правительства по всей стране. Результатом может стать введение отдельных элементов на локальном уровне, между которыми будет отсутствовать взаимосвязь. Поэтому то, насколько связанным и единым будет e-government в Украине, напрямую зависит от финансово-экономической ситуации и возможностей в стране.

Таким образом, можно сформулировать ряд рекомендаций по реализации электронного правительства в Украине.

Во-первых, необходимо ввести общегосударственные требования относительно реализации е-правительства. При этом требуются единые «правила игры» на всеукраинском электронно-информационном пространстве.

Во-вторых, интенсифицировать преодоление «цифрового неравенства» населения путем открытия бесплатных точек доступа к интернету в школах, библиотеках, университетах, на предприятиях.

В-третьих, проводить информационную работу как среди населения Украины в целом (в частности, вовлекать людей старшего возраста), так и среди государственных чиновников, для большинства которых свойственно дистанцирование от употребления электронно-коммуникационных и информационных технологий в своей деятельности.

В-четвертых, преодоление стереотипов и страхов, которые связаны с интернет-деятельностью, путем предоставления качественных интернет-услуг, адекватных запросам украинцев.

Литература

1. Tess Kingham E-Parliaments: The Use of Information and Communication Technologies to Improve Parliamentary Processes [Electronic resource]. – Mode of access: http://siteresources.worldbank.org/WBI/Resources/wbi37210Kingham.pdf.
2. Ємельяненко, О. Традиційний та електронний уряд: концептуальні відмінності / О. Ємельяненко. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.viche.info/journal/811.
3. Асанова, А. Електронний уряд як дійовий механізм взаємодії і форма співпраці держави та громадян в інформаційному суспільстві / А. Асанова [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.nbuv.gov.ua/e-journals/Dutp/2006-1/txts/TEXNOLOGIYA/06aaavis.pdf.
4. Садовская, К. Германия показала, как создать и использовать электронное правительство. На круглом столе в Петербурге / К. Садовская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://xn--l1aqg.xn--p1ai/articles/475.
5. Rzucidło, J. E-government in Poland: selected examples of plans which are carried out [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.google.com.ua/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&sqi=2&ved=0CDMQFjAA&url=http%3A%2F%2Fwww.mruni.eu%2Flt%2Fmokslo_darbai%2Fsms%2Farchyvas%2Fdwn.php%3Fid%3D276620&ei=ODODUNKJLdHktQa9o4DYCA&usg=AFQjCNE_KPNK74zqVAqnc4jH33zn9qOhIA&sig2=6HsERbNsjdbGx8BnIEkBJg.
6. Портал «Електронне місто». [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://slavutich.ukrmisto.org/DocLib15/%D0%95%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%B5%20%D0%BC%D1%96%D1%81%D1%82%D0%BE.aspx.
7. Інформаційно-ресурсний центр Дніпропетровської області «Відкрита Влада» [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.openpower.dp.gov.ua/ODA/OpenPower.html#chap=sitezen&sub=byCategory
8. Украина: Днепропетровщина станет «пилотной» площадкой для внедрения стандартов электронного управления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eos.ru/eos_delopr/eos_delopr_intesting/detail.php?ID=96986&SECTION_ID=596.

Мария Шаповал
(Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

The article deals with the main features of British political advertising. The text gives valuable information on peculiar features of political advertising in Great Britain and outlines their contemporary usage. Much attention is given to the double nature of British political advertising: the combination of traditional forms and contemporary techniques. The article shows the reasons for the need to adjust political advertising to contemporary political reality. Much attention is given to new tendencies in British political advertising connected with changes in advertising technologies. The article is of interest to all those interested in political advertising technologies and their national peculiarities.

В современных демократических странах с каждым годом возрастает роль политической рекламы как средства борьбы за голоса избирателей. Великобритания не является исключением, поскольку в ее политических кругах большое значение придается уровню и профессионализму политической рекламы и имиджмейкерства, влияющих на расстановку политических сил в стране после каждых последующих выборов. Политическая реклама Великобритании имеет ряд особенностей, которые объясняются политической системой страны, менталитетом народа, типом политической культуры. Она подчиняется ряду правил и ограничений, формирующих ее неповторимый облик.

Британская политическая реклама во многом обусловлена запретом на ее трансляцию на телевидении, который существует с 1954 г., когда в стране началось коммерческое телевещание. Сторонники этой законодательной нормы полагают, что она позволяет защитить основы демократии, ограничивая возможность использования значительных фи-

нансовых ресурсов для воздействия на общественное мнение. Однако у такого запрета есть и существенные недостатки, поскольку некоммерческие организации, такие как Amnesty International (Международная амнистия), RSPCA (Королевское общество по предотвращению жестокого обращения с животными) и некоторые другие, не имеют возможности размещения рекламы на британском телевидении.

Следует отметить, что Верховный суд Великобритании отчасти пошел навстречу желающим использовать телерекламу для пропаганды своих взглядов на ключевые социальные и политические проблемы. По решению судей активистам из Международного общества по защите животных было разрешено поставить перед палатой лордов вопрос об отмене запрета на подобную рекламу. При этом сам Верховный суд отклонил иск Международного общества защиты животных (Animal Defenders International), требовавшего отмены запрета, якобы нарушающего статью Европейской конвенции по правам человека о праве на свободное выражение своих взглядов. Официальная причина отказа заключалась в том, что определенные группы людей (например, наиболее состоятельные британцы) могут использовать такую рекламу на ТВ для достижения своих корыстных целей, что поставит их в привилегированное положение по сравнению с менее обеспеченными согражданами. В то же время Верховный суд позволил защитникам животных пропустить стандартную в таких ситуациях процедуру подачи апелляции и обратиться напрямую к верхней палате парламента.

Тем не менее, в течение последних нескольких лет в политическом пространстве Великобритании наблюдается тенденция пересмотра запрета на телевещание политической рекламы. Примером может служить тот факт, что предвыборная кампания 2010 г. в Соединенном Королевстве отмечена историческим событием: впервые между ведущими кандидатами на пост премьер-министра прошли теледебаты по американскому образцу. Глава кабинета лейборист Гордон Браун, консерватор Дэвид Кэмерон и либеральный демократ Ник Клегг встречались на теледебатах трижды: 15, 22 и 29 апреля. Дебаты в прямом эфире начинались в 20:30 по местному времени и продолжались полтора часа. Каждый из лидеров выступил с 60-секундным вступительным и 90-секундным заключительным словом. В промежутке они ответили на вопросы, заранее присланные избирателями или заданные непосредственно во время дебатов через Интернет. Первый раунд посвящен внутренней политике, образованию, здравоохранению и иммиграции, второй – внешней политике и заключительный – экономике.

Одна из влиятельных лондонских газет озаглавила комментарий по поводу проведения теледебатов «90 минут, которые могут изменить Британию». У наблюдателей нет сомнений в том, что миллионы зрителей будут внимательно анализировать каждое слово и движение кандидатов. Они отмечают, что исходя из американского опыта дебаты обычно помогают кандидату с более низким рейтингом и, следовательно, могут стать проигрышными для Кэмерона, пока лидирующего в гонке.

Но даже такое нововведение в правилах создания политической рекламы, одним из проявлений которой являются теледебаты, не отменяет довольно серьезных ее ограничений: например, участникам дебатов дается только 60 секунд для вступления и 90 для заключительной речи, а аудитории запрещено шумно реагировать на реплики участников дебатов. Такие ограничения объясняют основной принцип британской политической рекламы: она не должна быть слишком навязчивой или яркой, донося до аудитории суть программы партии или кандидата и освещая их основную стратегию. Сами же британцы подчеркивают, что у них, в отличие от государств с президентской формой правления, на выборах состязаются не люди, а партии и их программы.

Однако за внешне строгой формой британской политической рекламы просматриваются нестандартные подходы к агитации различных социальных групп населения, одним из которых является привлечение Консервативной партией на свою сторону представителей сообществ людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией (ЛГБТ-сообществ) при помощи размещения программы партии на самом посещаемом сообществами интернет-портале Pinknews.co.uk. На рекламном баннере размещены фото лидера тори Дэвида Кэмерона и текст, рассказывающий о проблемах, которым уделяет внимание партия. Это – первая политическая реклама консерваторов в медиа ЛГБТ-сообществ. Редактор сайта Тони Грю отметил, что «некоторые читатели наверняка будут возмущены тем, что Pinknews разместил политическую рекламу, однако мы с нетерпением ожидаем момента, когда все партии поймут выгоды от размещения рекламы на сайте, имеющем уникальный доступ к подобной аудитории».

В 2005 г. Pinknews поддержал Дэвида Кэмерона как наиболее приемлемого кандидата на должность лидера Консервативной партии, поскольку он последовательно заявлял о необходимости соблюдения прав ЛГБТ. В 2006 г. один из лидеров тори, Фрэнсис Мод, заявил в беседе с корреспондентом этого сайта, что в 1980-е отношение консерваторов к лицам нетрадиционной сексуальной ориентации было безнравственным.

Эти действия Консервативной партии говорят о том, что создатели политической рекламы Великобритании понимают необходимость в некоторых ее изменениях для получения большей поддержки избирателей.

Политическая реклама, основанная только на визуальном восприятии, постепенно становится непопулярной среди жителей Великобритании, хотя и является одним из самых распространенных видов рекламы. Согласно данным Комитета по стандартам публичной сферы, большинство избирателей обращают больше внимания на рекламные ролики или статьи в Интернете, чем на многочисленные уличные постеры и рекламные щиты. В связи с данной тенденцией Комитет советует политическим партиям снизить затраты на эти виды рекламы и вкладывать средства в создание интернет-порталов и продвижение политической рекламы на телевидении, несмотря на существующие ограничения. Следуя рекомендациям Комитета по стандартам публичной сферы, создатели британской политической рекламы начали осваивать интернет-ресурс Twitter, размещая на нем программы партий и информацию о политических лидерах.

Хотя британцы и подчеркивают тот факт, что на политической арене их страны соревнуются партии, а не отдельные политики, современный мир жесткой конкуренции за голоса избирателей диктует свои правила, подчиняясь которым, политическая реклама Великобритании становится более индивидуализированной, т.е. акцент в ней делается на личные качества лидера партии, его моральные ценности и жизненный опыт. Такой шаг позволяет сделать политическую рекламу более выразительной, поскольку в сознании людей легче закрепляется яркий индивидуальный образ одного политика, нежели обобщенное изображение партии в целом.

Еще одной важной тенденцией в политической рекламе Великобритании является пересмотр ее приоритетов и, как следствие, смещение акцентов. Например, прямая критика оппонентов заменяется предложениями по усовершенствованию существующей социально-политической системы, которые представлены в более выгодном свете, чем предложения конкурентов, что позволяет указать на сильные стороны партии и на слабые стороны соперников, не прибегая к негативным оценкам последних.

В основе политической рекламы Великобритании лежат довольно строгие правила, однако это не мешает ее создателям правильно реагировать на вызовы современности и расставлять акценты в зависимости от настроений общества, развития информационных технологий и осо-

бенностей предвыборной кампании. Британской политической рекламе удается совмещать в себе приверженность традициям и следование современным тенденциям, что определяет ее отличительный стиль и позволяет ей занимать важное место в политической жизни страны.

Литература

1. Center, A.H. Public relations practices. Managerial case studies and problems (6th Edition) / A.H. Center, P. Jackson. – New York: Englewood Cliffs, 2002. – 418 p.
2. Егорова-Гантман, Е.В. Политическая реклама / Е.В. Егорова-Гантман, К.В. Плешаков. – М.: Николо-Медиа, 2002. – 240 с.
3. Лисовский, С.Ф. Политическая реклама / С.Ф. Лисовский. – М.: ИВЦ «Маркетинг», 2000. – 270 с.
4. Малкин, Е.С. Политические технологии / Е.С. Малкин, Е.В. Сучков. – М.: Русская панорама, 2006. – 680 с.
5. Сегела, Ж. Национальные особенности охоты за голосами. Так делают президентов / Ж. Сегела. – М.: Вагриус, 1999. – 264 с.
6. Соловьев, Л.И. Политическая реклама в коммуникативной стратегии государства / Л.И. Соловьев, К.И. Решетов // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. – 1999. – № 3. – С.62–78.
7. BBC News [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.bbc.co.uk/. – Date of access: 14.03.2013.

ПРОЦЕССЫ ЕВРОПЕИЗАЦИИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Daniela Kellerova
(Comenius University Bratislava)

OBSTACLES AND OPPORTUNITIES OF EUROPEANIZATION OF BELARUS

Автор обращается к сложностям и проблемам европеизации Беларуси. Рассматриваются два механизма, используемые ЕС относительно Беларуси: кондициональность и социализация. Первый включает политику санкций и запретов, ориентированных на власть и поддерживающие ее силы; второй предполагает поддержку гражданского общества и оппозиции посредством обучения, информация, технического или финансового содействия. Автор анализирует эффективные и неэффективные пути реализации названных механизмов, а также предлагает некоторые практические рекомендации.

1. Introduction

The republic of Belarus has been for decades criticized by annual human rights report. Incumbent President Alexander Lukashenka, being in office since 1994, has established control of the media, persecuted opposition and abused a variety of human rights and civil liberties.

The main question of my paper is: Why is the Europeanization in Belarus working and why it is not? I will focus on two main mechanisms used by the EU in addressing Belarus: conditionality and socialisation. The former comprises sanctioning policy and bans aimed at the government and its supporters; the latter consists of support of civil society and opposition by means of education, information and technical or material support. I will later propose two arguments:

The Europeanization in Belarus is not functioning when the EU addresses the country by means of conditionality, e.g. broadening sanctions. It can have

a negative impact on the population without bringing about the change of the regime, release of political prisoners or bettering of election standards. I will then provide recommendations to future EU sanctioning policies from the latest academic literature.

On the contrary, I see much greater opportunity in the EU addressing Belarus by means of socialization. Facing demonstrations and protests following the elections in 2006 and 2011, it is without doubt that in Belarus civic society is being formed and the EU's support in this field is extremely essential. I will also provide some examples of how to enhance EU's policy that is still not sufficient enough.

2. What is Europeanization?

The European Union (the EU) stands on principles that unify all the current 27 Member state countries in sharing the common value of what is to be «European». The European Commission asserts the EU's general values:

«The Union is founded on the values of respect for human dignity, liberty, democracy, equality, the rule of law and respect for human rights. <…> In its relations with the wider world, [the Union] aims at upholding and promoting these values» (ENP Strategy Paper, 2004).

Europeanization is extremely irregular in the world, depending on the fact whether it concerns a member state, candidate state or a country without an incentive to join the EU. Undoubtedly, the former enjoys much larger Europeanization than the latter. The difference can be also seen in the means of Europeanization and as far as third countries are concerned, the «Europeanization beyond Europe» (Schimmelfennig, 2009) would mean the compliance with the demands of the EU in case of Belarus: among others, the release of political prisoners and fair and free elections.

However, «the EU has been unable to move forward with engagement, as the preconditions for doing so have not been present. Belarus remains an island of authoritarianism in the middle of a region where democracy has increasingly gained momentum» (Tapiola, 2006).

3. Conditionality

Conditionality is aimed at elites and governments of the country that the EU is dealing with and «tries to manipulate the cost – benefit calculations of target actors through creating positive and negative incentives» (Börzel and Risse, 2009a). This «carrot and stick approach» implies that the EU restricts

contacts, imposes critical statements and, eventually, sanctions as a form of «sticks»; however, «carrots» implies normalisation of this relationship and potential rewards as a financial assistance (Elsuwege, 2010 and Schimmelfennig and Scholz, 2007).

Sanctions are the most used form of pressing authoritarian governments to democratic change. The EU has been sanctioning Belarus since the violation of the referendum in 1996, without much effect though as «they have failed to bring about the intended political results – that is, a liberalisation of the regime and an end to repression» (Gebert, 2013). I will look more closely on two main demands of the EU to the Belarusian government – the release of political prisoners and bettering of election standards – the way how EU's sanctioning approach can change the situation in the country.

3.1. The release of political prisoners

According to Viasna Human Right Centre, currently eleven people are considered to be political prisoners in Belarus (Viasna, 2013). Most striking cases are the arrest of the opposition leader Andrei Sannikau during the presidential election in December 2010 and other members of the opposition and post-election protestors. President Lukashenka promised to release them under the condition that they would appeal for pardon. That is what Andrei Sannikau did this year after 16 months in prison, where he had been tortured.

Some academics claim that the latest release of political prisoners can be seen as bettering of the situation and complying with the EU's demands (Korosteleva, 2012); nevertheless, as Kłysiński claims: «Lukashenka believes that the prisoners will appeal for pardon under pressure, which he will be able to use in his propaganda and present as an act of <…> recognition of the legitimacy of his rule. He will thus demonstrate to society, the regime's officials and foreign observers that his dominant position in the state is unchallengeable» (Kłysiński, 2012).

In summary, Lukashenka uses this «joker card» of having political prisoners in his own favour; when he needs to get a financial loan to his inflation-driven country or faces worsened relations with Russia and has to turn to the EU, Lukashenka releases prisoners or promises bettering of election standards. On the other hand, however, releasing prisoners under the condition of, in fact, pleading guilty only supports Lukashenka's propaganda of his regime.

3.2. Fair and Free Elections

According to the OSCE observers, the September 2012 Parliamentary elections did not meet international standards on the following points (OSCE 2012):

- *Election System and Legal Framework*: marginal significance of political parties, underrepresented opposition in Parliament, great control at the hands of the Presidency;
- *Election Administration:* the electoral process is controlled by the state via the Central Election Commission (CEC), where the President appoints half of its members and the indirectly elected Council of the Republic elects the rest;
- *Voter Registration*: extensive restrictions on voting rights;
- *Campaign:* opposition entities did not enjoy as much campaigning time and space as the government protégés did, the financing of the campaign is more problematic for the opposition parties as they generally do not get as much money from the state budget as pro-state candidates and «donations from foreign organizations and citizens, state and local authorities, charities, and anonymous donors are prohibited» (OSCE 2012);
- *The Media:* considerable propaganda for Lukashenka and his regime;
- *Transparent vote count:* however, even if the vote count was fair, it would not have had a serious impact on the results of the election.

Despite the regime's continuing violation of electoral standards, Martin thought that OSCE observers served as a great socialization tool, as «many electors, and most of the independent domestic observers have become more proactive during the suspicious stages of the electoral process» (Martin 2012).

3.3. Problems of the EU sanctioning policy of

The problems the EU faces in sanctioning Belarus are various:

- Firstly, it is problematic to press member states to introduce the same level of sanctions; so they often end up undermining them or allowing their enterprises to do so (Portela, 2007).
- Secondly, the EU does not want to isolate the country too much so the ordinary people would not suffer from worsened economic situation or larger repressions, as the dictator wants to hold power (Portela, 2007);
- Thirdly, the limitation of diplomatic contacts has created difficulties in real life cooperation, as, e.g., border control (Portela, 2007);

- Moreover, «travel bans can be circumvented with false passports, blacklisted persons can do business with intermediaries to travel to third countries, funds can be transferred easily to bank accounts outside Europe» (Portela, 2007);
- And, lastly, Belarus has its alternatives in Russia, Ukraine or China, which «have <…> given the regime in Minsk substantial economic breathing space» (Gebert, 2013).

Therefore, the sanctions do not push Lukashenka's regime to the wall to change the regime. Rather they can serve as a tool at the hands of the government in its anti-western propaganda. The problem of sanctioning policy has become a hot topic and has caused a furious discussion between pro-sanction and pro-dialogue academics at this year's April conference about the EU's program *the European Dialogue on Modernization with Belarus* that took place in the European Parliament.

3.4. Hot topic: Dilemmas for the EU: broadening sanctions or dialogue?

- Pro-sanction

David Kramer, president of The Freedom House has a pro-sanction attitude and claims that «economic restrictions should be slapped on big Belarusian companies, in particular Belaruskali, to make the Belarusian authorities release the remaining political prisoners and carry out democratic changes in the country» (Chartet97, 2013). The bigger the economic damage, the more likely the sanctions are to be effective, because it would be problematic and costly for Belarus to find other markets (Korosteleva 2012).

Not only are broader sanctions in this sense essential, the pro-dialogue approach to Belarus could undermine «EU's credibility as a promoter of democracy and human rights» (Elsuwege, 2010).

- Pro-dialogue

In their point of view, the long-standing isolation of Belarus should not be in the self-interest of the EU; neither should be the broadening of sanctions. Aliaksandr Milinkevich, chairman of the Movement for Freedom, in his speech at the conference said that «the sanctions only increase anti-Western sentiments, diminish the influence of opposition forces, and speed up the economic aggression by Russia» (Belsat, 2013).

According to Korosteleva, if the EU applies broader sanctions on Belarus, which means that it would have to target the state-owned businesses causing greater damage to the economy, employment and seriously affecting the

population, it would, however, be less efficient in changing the regime as Belarus may turn to Russia and develop its anti-western attitude. Moreover, adds Korosteleva, in the case of weak and fragmented opposition, as is the case of Belarus, broadened sanctions may support public opinion in favour of the government as the opposition would not be able to organize actions (Korosteleva 2012).

3.5. What next? Recommendations

1. «*EU sanctions are more likely to have the desired impact on Belarus if they are targeted at representatives of Belarusian business elite actively supporting the regime*» (Korosteleva 2012).

Korosteleva claims that because of the fact that the main Belarusian business elites enjoy strong lobbying powers, it is essential to target sanctions especially at this part of the society, mainly at Vladimir Peftiev, Yuri Chyzh and Anatoly Ternavsky. As the sanctions affect their own welfare, they are likely to exert their influence on the government to bring about positive changes (Korosteleva 2012). Moreover, the sanctions being targeted and not broadened to affect the whole economy, they are more unlikely to badly affect the Belarusian population.

2. «*Increasing awareness of the general public of good intentions of the EU sanction policy*» (Korosteleva 2012).

It is important mainly in a country with strong anti-western propaganda that the EU would support media to bring objective information as «independent media outlets in the country would serve to break the information blockade [and] new media platforms should be a key element of Western engagement with Belarusian civil society» (CEPA and Freedom House, 2011).

3. «*A strong commitment of EU Member States to impose sanctions targeting at business elite that may imply for some Member States giving up strategic investment opportunities*» (Korosteleva, 2011).

The targeted sanctions of the EU cannot be successfully implemented if member states continue to undermine them. It is, therefore, advisable that the EU will monitor their compliance.

4. Socialization

Contrary to conditionality, socialization concerns mainly informal actors of society like varieties of NGOs, educational centres or enterprises. Thanks to its norms and values, the EU uses this «bottom-up» approach to ensure

the democratic development of Belarusian society. This is necessary mainly under authoritarian regimes where censorship and propaganda take place, so the citizens get support and objective information also from these informal means.

Filip Kaczmarek, Polish MEP and chairman of the European Parliament's Delegation for Relations with Belarus, said: «Since the targeted sanctions adopted by the EU against the most repressive individuals in Belarus did not bring the expected results, we must do our utmost to provide support for those in this country who think differently from the regime and who share the same values as we do in the EU» (Belsat, 2013).

4.1. Socialization works better than conditionality

The events in Belarus over the past few years have shown that though Lukasheka and his regime have been only tightening up repressions in order to stay in power, totally ignoring EU sanctions, the young fearless generation of civil society is awakening. Vitali Silitski puts these developments nicely:

«On the dark evening of September 7, 2004, when Alyaksandr Lukashenka announced the referendum to allow himself infinite rule over Belarus, only one person out of thousands who watched the announcement on October Square in Minsk dared to shout "No!" He was immediately arrested for hooliganism. Less than two years later, the same square was full on the cold and snowy nights following the March 19 [2006] presidential elections, as thousands protested against the fraudulent vote and demanded new elections. Hundreds of them ended up in jail, only to find a new determination to continue the struggle for democracy» (Vitali Silitski, 2006).

Facing these slow but undeniable changes in society, Mr. Lukashenka has done nothing but strengthened the repressions and «hundreds of democratic leaders and civic activists have faced arrests, interrogations, prison sentences or heavy fines <…> Dozens of non-governmental groups and organizations have been shut down, and independent newspapers have essentially disappeared» (Forbrig et al, 2006).

As these repressions strengthened the unity of subculture struggling for democracy on the one hand, it has also limited appeals of the opposition on the other, because of the fear of or acceptance of the regime (Silitski, 2006). However, especially in 2011, there were signs of gradual awakening of the passive working class, as angry motorists protested in Minsk demanding lower

fuel prices. They were dispersed with tear gas; however, on the next day Mr Lukashenka ordered prices back down (Mothlag, 2011).

In view of these events, it is absolutely necessary that the EU will continue and will better its means of support of Belarusian civil society to further the support of democratic changes in the country.

4.2. What next? Recommendations

In order to support democratic movements in Belarus, the EU should create proper incentives, mainly along the following points:

1. *Material support*

The Internet and social networks are the necessary and elementary means of communication and objective information and can be used to organise protests or revolt against the regime. But as Martin suggested, «What pro-democratic CSOs need when their computers, mobile phones and cameras are seized by the KGB is a data backup on a safe server abroad and the quick replacement of confiscated technology» (Martin 2012).

2. «*Invest more in the capacity-building and training of civil society actors*» (Martin 2012). Especially domestic election observers, because «turning voters into reliable rule-of-law watchdogs could raise awareness in, and demand for democracy» (Martin 2012).

3. «*A continued support for, and legal assistance to, the political detainees and their families*» (CEPA and Freedom House, 2011).

4. «*Promote European values by creating special projects in mass media*» (Rakova, 2008).

As CEPA and Freedom House report: «By offering high-quality Western entertainment in tandem with accurate reporting, cross-border broadcasts would be better positioned to reach the widest possible audience within Belarus, while simultaneously showcasing the benefits of an open society». This can help especially when masses are facing pro-regime anti-western propaganda on a daily basis (CEPA and Freedom House, 2011).

5. *Education*

As Lynch suggested: «EU could develop a Belarus-specific student exchange program, as part of Tempus Mundus, which widens the possibilities for student and scholar visits and exchanges. Even if the Belarusian government cracks down on these exchanges, the onus should fall on Minsk for being afraid of such contacts and not on the EU for not proposing enough» (Lynch, 2006). Also the importance of education support is essential as civil society activists and protestors are especially young students who face expulsion from Universities.

6. *«Aiming of the funds from the European Initiative for Democracy and Human Rights (EIDHR) and the Decentralized Cooperation Budget Line (DC) at non-state sector».*

According to Rajk, «there is currently a wide gap between [the EU's] rhetoric and practice. Since 1991, the EU has been the largest Western donor to Belarus (with a modest total of €222 million in assistance from 1991 to 2005), with only a maximum of 5 per cent of that assistance going to civil society» (Rajk, 2006). Therefore, according to Horacek, «the EU has to develop a new approach, focusing primarily on civil society and direct cooperation with non-governmental actors. It is in the non-state sector that impulses for democratic change in Belarus can emerge, not in the governmental realm, which at present is the primary recipient of EU technical assistance» (Horacek, 2006).

7. *«The member states pick up where the EU leaves off»* (Lynch, 2006).

Some member states of the EU are already very active, especially on NGO level, in providing support to civil society in Belarus and despite modest funding they have been successful «in developing closer contacts with (civil) society in Belarus, and more effective in addressing its most pressing need: small grants» (Jarabik, 2006).

However, as Lynch proposed, «an inventory should be taken by the EU of member states activities to share information and avoid duplication. <…> the EU should consider framing the creation of a Belarus Task Force, composed of willing member states, to coordinate approaches. <…> The role for the EU should be to provide a framework for member state activities and to help their coordination. (Lynch, 2006)

5. Conclusion

However, I see a great opportunity for the EU in supporting the civil society in Belarus through socialization. This could start a positive change from inside the well-educated civil society. As the recent developments have shown Belarusian activists and society is awakening and it can lie also at the hands of the EU how soon the regime change will come. However, democracy is not an event; it is a process. It cannot be imposed; it has to be fought for. The EU can only teach Belarus how it can find its road to it.

References

1. Belsat (2013). Search for solutions: Dialogue on Modernisation with Belarusian Society [press release] 10 April 2013. Available at: (http://udf.by/78027-search-for-

solutions-dialogue-on-modernisation-with-belarusian-society.html) [Accessed 13 April 2013].

2. Börzel, Tanja and Risse, Thomas (2009a). Diffusing (Inter-) Regionalism The EU as a Model of Regional Integration. №. 7. September 2009 (http://userpage.fu- berlin.de/kfgeu/kfgwp/wpseries/WorkingPaperKFG_7.pdf). [Accessed 12 May 2013].
3. CEPA and Freedom House (2011). Democratic change in Belarus: a Framework For action. A Joint Project by the Center for European Policy Analysis And Freedom house September 2011 (http://cepa.org/sites/default/files/documents/CEPA,%20Democratic%20Change%20in%20Belarus,%20September%202011.pdf). [Accessed 12 May 2013].
4. Charter97 (2013). Milinkevich: It's time to stop destructive talks about sanctions [press release] 11 April 2013 (http://www.charter97.org/en/news/2013/4/11/67806/). [Accessed 13 April 2013].
5. Commission of the European Communities (2004). Communication from the Commission. European Neighborhood Policy. Strategy Paper, COM(2004) 373 final (http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/strategy/strategy_paper_en.pdf). [Accessed 12 May 2013]; Elsuwege, van Peter (2010). The European Union and the Belarus Dilemma: Between Conditionality and Constructive Engagement. Proceedings of the Institute for European Studies Journal of Tallinn University of Technology. № 7. 2010. P. 7–20 (https://biblio.ugent.be/input/download?func=downloadFile&fileOId=983725&recordOId=983686) [Accessed 12 May 2013].
6. Forbrig et al (2006). Introduction: Joerg Forbrig, David R. Marples and Pavol Demeš: Prospects for Democracy in Belarus (http://www.gmfus.org/doc/Belarus%20book%20final.pdf). [Accessed 12 May 2013].
7. Gebert, Konstanty (2013) Policy Brief. Shooting in the dark? EU sanctions policies. The European Council on Foreign Relations (ECFR) 71 (http://ecfr.eu/page/-/ECFR71_SANCTIONS_BRIEF_AW.pdf). [Accessed 2 April 2013].
8. Horacek, Milan (2006). Sanctions for Lukashenka's Regime! (http://www.gmfus.org/doc/Belarus%20book%20final.pdf). [Accessed 12 May 2013].
9. Jarabik, Balazs (2006): International Democracy Assistance to Belarus: An Effective Tool? (http://www.gmfus.org/doc/Belarus%20book%20final.pdf). [Accessed 12 May 2013]; Kłysiński, Kamil (2012). Belarus is trying to use the issue of political prisoners as a bargaining chip in its relations with the West. Centre for Eastern Studies (http://www.osw.waw.pl/en/publikacje/eastweek/2012-02-01/belarus-trying-to-use-issue-political-prisoners-a-bargaining-chip-its).
10. Korosteleva, Julia (2012). Study Impact of Targeted Sanctions on Belarus. Directorate-general for external polities of the Union May 2012.
11. Lynch, Dov (2006). A European Strategy towards Belarus: Becoming «Real» (http://www.gmfus.org/doc/Belarus%20book%20final.pdf). [Accessed 12 May 2013].
12. Marin, Anais (2012). The Electoral Trap: Why The EU Should Think Beyond Belarus's Parliamentary Election. FIIA Briefing paper 111 (http://www.fiia.fi/en/publication/278/the_electoral_trap). [Accessed 2 April 2013].

13. Mothlag, Jason (July 7, 2011). Why Belarus' Dictator Is Not Fond of Applause (http://pulitzercenter.org/articles/belarus-lukashenko-youth-protest-economy-social-media-democracy-debt-oil-russia). [Accessed 12 May 2013].
14. OSCE INTERNATIONAL ELECTION OBSERVATION Republic of Belarus – Parliamentary Elections, 23 September 2012 (http://www.osce.org/odihr/93975). [Accessed 4 April 2013].
15. Portela, Clara (2007). The EU's «Sanctioning paradox». German Institute for International and Security Affairs (http://www.swp- berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/2007C18_Portela_ks.pdf). [Accessed 04 April 2013].
16. Rajk, Kristi (2006). Making Civil Society Support Central to EU Democracy Assistance (http://www.gmfus.org/doc/Belarus%20book%20final.pdf). [Accessed 12 May 2013].
17. Rakova, Elena (2008). POLITICAL ECONOMY OF THE EASTERN NEIGHBORHOOD: THE CASE OF BELARUS. IPM Research Center Working paper WP/08/04 (http://old.research.by/pdf/wp2008e04.pdf).
18. Silitski, Vitali (2006). Signs of Hope Rather than a Color Revolution. (http://www.gmfus.org/doc/Belarus%20book%20final.pdf). [Accessed 12 May 2013]; Schimmelfennig, Frank (2009). Europeanization beyond Europe (http://edoc.vifapol.de/opus/volltexte/2011/2478/pdf/lreg_2007_1Color.pdf). [Accessed 12 May 2013].
19. Schimmelfennig, Frank / Scholtz Hanno (2007). EU Democracy Promotion in the European Neighbourhood: Political Conditionality, Economic Development and Transnational Exchange. Center for Comparative and International Studies (CIS) ETH Zurich (http://www.nccr-democracy.uzh.ch/publications/workingpaper/pdf/WP9.pdf).
20. Tapiola, Pirkka (2006). European Union Policy towards Belarus: An Extended Hand in Prospects for Democracy in Belarus (http://www.gmfus.org/doc/Belarus%20book%20final.pdf). [Accessed 12 May 2013].
21. Viasna (2013). Critical Situation for Political Prisoners in Belarus and Freedom for 40 Activists Considerably Restricted on 05.03.2013 (http://spring96.org/en/news/61661http://spring96.org/en/news/61661). [Accessed 12 May 2013].

Анна Залевина
(Россия)

«ВОСТОЧНЫЙ» ЕВРОСКЕПТИЦИЗМ НА ПРИМЕРЕ СТРАН ВИШЕГРАДСКОЙ ГРУППЫ

The article considers the opposition of some East European states to the process of European integration. It covers the definition of the term «euroscepticism» generally and attempts to mark distinctive features of so-called Eastern euroscepticism. The author has analyzed four cases (Hungary, Czech Republic, Poland and Slovakia) in order to compare the scale of euroscepticism in each of the V4 countries at three levels: population, parliament parties and government. It is concluded that the whole set of reasons of such «Eastern» euroscepticism exists including historical and economic ones.

С 90-х гг. XX века продолжался непростой процесс интеграции стран ЦВЕ в ЕС, сопровождаемый демонстрациями местными политическими элитами и общественными массами евроскептицизма. Профессор Университета Суссекса Пол Таггарт в своей работе «Пробный камень несогласия: евроскептицизм в современных западно-европейских политических системах» заключил, что евроскептицизм выражает идею сопротивления (opposition) процессу европейской интеграции. Таким образом, на основе этого объяснения выведено рабочее определение евроскептицизма как идеи неприятия ЕС и евроинтеграции или же сопротивления им. Выбор стран не случаен: постсоциалистические страны Венгрия, Польша, Чехословакия (с 1993 г. – Чехия и Словакия) в 1991 г. объединились в рамках Вишеградской группы с целью интеграции в европейские структуры и впоследствии примерно одновременно проходили все ее стадии, став членами ЕС в 2004 г. Сейчас все большую актуальность приобретает поиск ответов на следующие вопросы: каковы проявления «восточного» евроскептицизма в каждой из стран? Каковы

причины евроскептицизма и их типологизация? и В чем заключается специфика «восточного» евроскептицизма?

Начиная анализ с венгерского кейса, следует обратиться к результатам опросов общественного мнения на предмет отношения к евроинтеграции. Так, к 2011 г. процент венгров, довольных членством Венгрии в ЕС, достигал 32%. К 2011 г. уже около половины венгерского населения заявили, что Венгрия несет одни потери от членства в Европейском союзе. Кроме того, назревал кризис самоидентификации венгров, причисляющих себя скорее к гражданам национального государства, нежели к гражданам «общей Европы». Несмотря на то, что со временем венгры все больше соотносили себя и с государством, и с Союзом, количество венгров, называющих себя исключительно европейцами, оставалось ничтожно малым и не превышало 1% [17]. Еще накануне вступления Венгрии в ЕС нынешний премьер-министр В.Орбан заявил: «Мы знаем только то, что с нами будут обращаться не как с другими». Венгерский премьер призвал к совместным действиям по преодолению «второсортного» обращения со стороны ЕС. Роль В. Орбана в вопросе взаимоотношений ЕС и Венгрии стоит особо подчеркнуть. Профессор Центральноевропейского университета А. Бозоки называет правительство Орбана не иначе как «режим Орбана» [6]. По словам ученого, приходится говорить о кризисе демократии в Венгрии. Возможно, здесь кроется одна из причин противоречий между Венгрией и ЕС. Европейский организм отторгает страну, далекую от пропагандируемых им демократических ценностей. Другим основанием для недоверия к ЕС является разочарование Будапешта политикой Союза в ходе экономического кризиса 2008 г., который привел к тяжелым последствиям в Венгрии. Во избежание экономического краха страна была вынуждена обратиться за финансовой поддержкой к Международному валютному фонду и ЕС и принять меры по снижению дефицита бюджета. В подобных условиях были неизбежны рост безработицы, снижение заработной платы и уровня жизни населения. В данной обстановке Венгрия попыталась найти «козла отпущения», которым и стал Евросоюз. Отсутствие единого европейского механизма разрешения кризисов привело к тому, что Венгрия стала все более отходить от демократической практики, преследуя национальные интересы [3, с. 125].

Рост популярности националистических партий является одним из самых значимых проявлений негативного отношения венгров к демократическим ценностям и Евросоюзу как главному их носителю. Результаты парламентских выборов 2010 г. стали индикатором общего настроения

венгров и их позиции по «европейскому» вопросу. По итогам выборов большинство мест в Парламенте получила правоцентристская коалиция партий ФИДЕС-КНДП (FIDESZ-KNDP), возглавляемая Виктором Орбаном. На втором месте оказалась Венгерская социалистическая партия (MSZP), на третьем – националистическая партия Йоббик (Jobbik) [9, с. 3]. Праворадикальная партия, возглавляемая Габором Вона, впервые за время своего существования вошла в Венгерский парламент, получив поддержку почти 15% населения, представленных преимущественно молодежью [18]. Во время своего визита в Московский государственный университет Г. Вона выступил с завлением, в котором изложил основную позицию Йоббика по вопросу евроинтеграции. Лидер партии заявил, что Йоббик предпочитает поворот «на Восток», в сторону Евразийского союза, нежели существование Венгрии в рамках ЕС, названного политиком «одним из штатов США». По словам Габора Воны, именно Россия является носителем истинных европейских ценностей, в то время как ЕС является «неработоспособным объединением» [1], принесшим Венгрии только трудности: захват рынков, закрытие местных заводов и вытеснение венгерских товаров европейскими. По мнению Воны, при вступлении в Евросоюз Венгрия была попросту обманута и вместо обещанной свободы получила полную политическую зависимость от Брюсселя. В январе 2012 г. в Венгрии прошел ряд массовых протестов, организованных националистической партией Йоббик. 11 января была проведена акция, главным требованием которой стала организация народного референдума о выходе Венгрии из состава ЕС. Показательным стало сжигание флага Евросоюза, произведенное несколькими членами Венгерского парламента от националистической партии [7]. Практически одновременно в Будапеште проходила акция протеста, инициированная экологической партией Élőlánc Magyarországért, главным лозунгом которой стали слова «Руки прочь от Венгрии!». Демонстранты, количество которых достигало 500 человек, выразили опасение тем, что ЕС и Международный валютный фонд стремятся «заставить Венгрию отказаться от ее усилий в восстановлении экономического суверенитета и прекращении долгового рабства». Иными словами, протестующие выражали обеспокоенность вмешательством Союза в экономическую политику Венгрии и даже обвиняли ЕС в попытке ее «колонизировать». Одной из самых массовых стала организованная партией MIÉP демонстрация, насчитывавшая приблизительно 1500 участников. Выступавшие высказывали тезисы о том, что Венгрия является «вторичным членом» ЕС, в то время как по праву заслуживает не дискриминационное обращение. Сильные

позиции радикальных правых сил могут быть объяснены условиями ухудшающейся экономической обстановки и давними национальными «комплексами», связанными с потерей былого могущества Венгрии.

В 90-х гг. против перспективы вступления Венгрии в ЕС горячо высказывались представители Партии справедливости и жизни (MIÉP). Расширение Евросоюза рассматривалось лидером партии И. Чуркой как «атака западных держав» и «колонизация», а главным опасением венгерских националистов было закрепление Евросоюзом границ таким образом, что Венгрия будет отрезана от этнических венгерских меньшинств, проживающих в соседних странах.

Общественные опросы чехов показывают, что накануне вступления страны в ЕС граждане страны относились настороженно к грядущей перспективе. В 2004 г. 42% чехов выразили доверие ЕС, и такой же процент подтвердил выгодность вступления страны в Евросоюз. Чехи высказывали опасения относительно экономических последствий евроинтеграции и, как и венгры, были озабочены отсутствием европейской идентичности. Однако уже после 2005 г. поддержка ЕС начала постепенно расти. В 2009–2010 гг. результаты опросов показывают сокращение числа граждан, считающих членство в ЕС положительным явлением, с 40 до 31% при одновременном увеличении числа убежденных в отрицательном характере членства с 16 до 19% [17].

На уровне политической элиты Чехия является также одной из самых скептически настроенных стран Вишеградской группы. Так, известный евроскептик В. Клаус в начале 2000-х гг. заявил, что Чехия «не должна двигаться к Брюссельскому социализму, только что освободившись от Московского» [16, с. 14]. Важно отметить, однако, что чешский евроскептицизм не является тотальным, во многом Гражданская демократическая партия (ODS) выступает против некоторых последствий евроинтеграции, например, против активных продаж чешской земли иностранцам. Острым стал вопрос так и не осуществленной Чехией ратификации Лиссабонского договора, против которого был решительно настроен Вацлав Клаус, опасавшийся претензий депортированных после Второй мировой войны «судетских немцев» на чешскую собственность. За этими опасениями скрывался страх усиления влияния Германии и Австрии на Чехию в вопросе судетских немцев через механизмы Лиссабонского договора. Безусловно, отказ страны ратифицировать основополагающий европейский документ не мог поспособствовать улучшению отношений ЕС и Чехии. Кроме того, ODS выказывали недовольство бюрократизацией ЕС. Но, справедливости ради, стоит отметить, что партия

не выступает категорически против самой концепции евроинтеграции и во многом получает поддержку части населения, удовлетворенной членством Чехии в Евросоюзе.

Более решительно против ЕС настроена Коммунистическая партия Богемии и Моравии, члены которой называли евроинтеграцию «эксплуатационным мультикультурным капитализмом». Членство в ЕС отвергается на том основании, что Союз угрожает сохранению чешской культуры и традиций. Несмотря на то, что партия получала довольно широкую поддержку электората (как правило, составляя третью или четвертую по величине партию в Парламенте), ее популярность со временем уменьшалась: около 11% процентов избирателей проголосовали за коммунистов в 2010 г. против 18,5% в 2002 г. Кроме того, по итогам парламентских выборов 2010 г. более 16% избирателей поддержали партию ТОР 09 (Традиция Ответственность Процветание 09), известную своей проевропейской позицией. Таким образом, в отличие от Венгрии, демонстрирующей евроскептицизм сразу на всех уровнях – правительственном, парламентском и общественном, в Чехии существует некоторый противовес евроскептикам в виде проевропейских политиков.

В польском случае накануне расширения ЕС 2004 г. население страны, казалось, было настроено скептически, однако уже опросы 2005 г. показывают значительное повышение процента поляков (до 54%), выражавших поддержку членству Польши в ЕС, во многом базирующуюся на большем доверии поляков европейским институтам, нежели местным [17]. Единственным национальным институтом, получившим большую поддержку населения по сравнению с институтами ЕС, стал Президент. Таким образом, об институциональном евроскептицизме в Польше говорить не приходилось. Сравнивая ответы поляков на вопрос «Как бы вы охарактеризовали членство вашей страны в ЕС?» с аналогичными ответами в других странах Вишеградской группы, можно обнаружить значительный перевес поляков, положительно оценивающих членство в ЕС. Так, например, на протяжении семи лет (с 2004 г. и по 2011 г.) опросы показывают, что лишь Словакия могла конкурировать с Польшей по степени евроэнтузиазма. В обоих государствах процент населения, считающего членство своей страны в Евросоюзе положительным явлением, варьировался от 50 до 71 (в то время как в Чехии и Венгрии лишь около 30–40% считали так же) [17].

Интересно, однако, что накануне вступления в ЕС по итогам парламентских выборов 2001 г. сразу две евроскептические партии – Лига Польских Семей и Самооборона – получили достаточно широкую под-

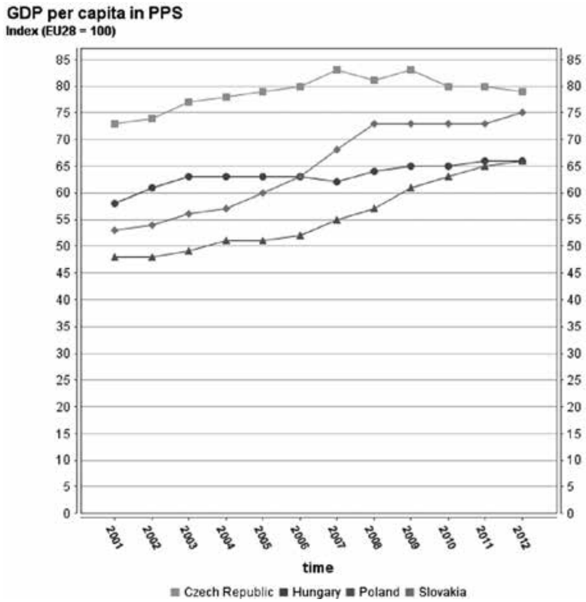
держку (8% и 10% соответственно) [18]. Разница в позициях обеих партий заключалось главным образом в том, что евроскептицизм первой был основан на вопросах идентичности, второй – на экономических и политических аспектах. С 2006 г. в Польше началась волна еврооптимизма, опросы общественного мнения показали следующее: 58% поляков верили в ЕС и 56% были удовлетворены членством страны в структуре. Польша и Словакия, в отличие от Чехии и Венгрии, вплоть до 2011 г. демонстрировали куда более высокие показатели поддержки членства в Евросоюзе (приблизительно 50% в сравнении с 30% чехов и венгров) [17]. Польская элита гораздо менее оптимистична в сравнении с общественными массами. Как было сказано ранее, евроскептические взгляды выражает ряд политических партий Польши, таких как Лига Польских Семей, Самооборона, и Закон и Справедливость. Так, Лиге Польских Семей ЕС представляется как источник сразу нескольких угроз. Во-первых, члены партии обвиняли ЕС в меркантилизме и светском влиянии на католическую Польшу. Во-вторых, Евросоюз, по мнению членов партии, разрушающе влиял на национальный суверенитет страны. В-третьих, проводящий политику поддержки нацменьшинств ЕС мог нарушить польскую культурную однородность. И, наконец, ЛПС считала ЕС проектом политических элит, а не механизмом обеспечения блага европейского народа. Партия «Закон и Справедливость», в целом поддерживавшая членство Польши в ЕС, с подозрением относилась к перспективе членства в ЕС, например, из страха усиления трансграничной преступности. Еще одной политической партией, в некоторой степени демонстрирующей евроскептицизм, является Польская крестьянская партия (PSL). Наибольшие опасения у партии вызывал вопрос покупки польской земли иностранцами, а также финансовая помощь ЕС польским фермерам. Необходимо отметить, что в декабре 2011 г. в центре Варшавы прошла пятитысячная демонстрация против более тесной евроинтеграции Польши. Демонстрация была организована партией «Право и справедливость» во главе с Ярославом Качиньским, уверенным, что с вступлением Польши в зону евро интересы страны будут преданы [4].

Словаки в отличие от своих соседей ожидали вступления страны в ЕС с нетерпением. По данным Евробарометра, Словакия имела среди всех стран-кандидатов наивысший уровень доверия ЕС. Со временем поддержка словаками ЕС только росла, однако в 2009 г. наметился спад доверия словаков Евросоюзу (с 68% осенью 2009 г. до 52% летом 2010 г.). Жители сельских районов Словакии проявляли гораздо меньший евроэнтузиазм, нежели горожане, особенно проживающие в Братиславе. На

вопрос «Выгодно ли членство Словакии в ЕС?» на протяжении нескольких лет около 78–80% респондентов отвечали положительно. Спад произошел лишь в 2011 г., но процент уверенных в благотворном влиянии ЕС остался, тем не менее, чрезвычайно высоким – 72%. Таким образом, Словакия представляет особый случай среди стран четверки, стабильно демонстрируя свой евроэнтузиазм.

В стране с такой активной поддержкой евроинтеграции лишь немногие политические партии осмеливались занимать позицию евроскептиков. Например, Движение за демократическую Словакию выражало обеспокоенность тем, как отразится вступление в ЕС на вопросе венгерского меньшинства и отношениях с Венгрией в целом. Словацкая Национальная Партия, получившая места в Парламенте по результатам последних выборов, также основывалась в своем скептицизме на антивенгерских чувствах и опасениях, что экономический суверенитет Словакии будет нарушен с присоединением к ЕС. Партия Свободы и Солидарности (SaS), возглавляемая Рихардом Суликом, получившая на парламентских выборах 2010 г. около 12% голосов, также может быть охарактеризована как евроскептическая. Так, Р. Сулик в 2012 г. заявил, что даже самая маленькая страна имеет право на референдум по важным вопросам и что словаки должны опасаться вмешательства Брюсселя в бюджетную политику страны [13]. Самым заметным стал политический кризис, вызванный отказом партии в 2011 г. ратифицировать договор, предусматривающий расширение полномочий и увеличение объема средств европейского стабфонда (EFSF). Сулик пообещал заблокировать голосование в парламенте страны, назвав подписание договора «дорогой в ад». В этой связи премьер-министр страны Ивета Радичова была вынуждена обратиться за поддержкой к оппозиционной партии «Направление-социальная демократия» (SMER-SD) во главе с Робертом Фицо, согласившимся проголосовать «за» при условии проведения досрочных парламентских выборов. Таким образом, отказ евроскептической SaS спровоцировал политический кризис внутри страны, а также поставил под угрозу ратификацию договора о Европейском фонде финансовой стабильности [10]. Однако не стоит преувеличивать степень словацкого евроскептицизма: премьер-министр Роберт Фицо считает, что в условиях преодоления финансового кризиса в Европе у Словакии нет иного выхода, кроме более тесной политической и экономической евроинтеграции, присоединения к группе более сильных государств. Он заявил, что «Словакия не может позволить себе покинуть еврозону или Евросоюз, поэтому выполнение условий Еврокомиссии является для нас обязательным. В одиночестве наша страна не сможет преодолеть кризис» [2].

В заключение следует типологизировать причины «восточного» евроскептицизма. Во-первых, «восточный» евроскептицизм объясняется историческими причинами, породившими многочисленные страхи и травмы. Польша и Чехия во многом из-за прошлого настороженно относятся к Германии (Судетский вопрос) и отсюда – недоверие ко всему Евросоюзу. Венгрия остро переживает «Трианонский синдром» и проблему венгерских нацменьшинств, проживающих в соседних государствах. Словакия также обеспокоена этим вопросом и опасается потери части своего венгерского населения. Кроме того, «восточный» евроскептицизм во многом базируется на экономических причинах. Основанием для недоверия ЕС является разочарование стран Вишеградской группы политикой Союза в ходе экономического кризиса 2008 г. Так, Венгрия была вынуждена обратиться за финансовой поддержкой к ЕС и принять меры по снижению дефицита бюджета. В ходе исследования были рассмотрены статистические данные Eurostat, продемонстрировавшие, что в Чехии и Венгрии темпы роста ВВП в период после 2004 г. ниже, чем темпы роста ВВП в Словакии и Польше (см. график) [19]. Можно предположить, что это также является одной из предпосылок усиления скептических настроений в первых двух странах.

Евроскептицизм стран Вишеградской группы представляет собой уникальный случай, когда несколько небольших государств, имеющих непростое общее прошлое, опасаясь за свой суверенитет и обострение давних национальных споров, с подозрением относятся к евроинтеграции, что, однако, не является ведущим трендом, оставаясь на полупериферии их внутренней и внешней политики. Не стоит также забывать, что внутри Вишеградской группы уровень евроскептицизма отнюдь не является одинаковым, и условно группу можно разделить на два блока: Венгрия и Чехия, для которых характерен крайний евроскептицизм, зачастую связанный с усилением национализма внутри страны, и Словакия и Польша, во много ориентирующиеся на евроинтеграцию и проявляющие евроскептицизм лишь в очень незначительной степени.

Литература

1. Выступление Г. Воны на социологическом факультете Московского государственного университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=9IW6vC_0wfc.
2. Гущин, И. Роберт Фицо: «Словакия не может позволить себе покинуть Евросоюз» / И. Гущин // Международная жизнь [Электронный ресурс]. 27 июля 2012. – Режим доступа: http://interaffairs.ru/read.php?item=8641.
3. Нелаева, Г. Европеизация и права венгерского меньшинства в отношениях Венгрии и Словакии / Г. Нелаева // Европа международный альманах. – 2010. – Вып. 9. – С. 117–125.
4. Польские скептики – против «более тесной интеграции» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.euronews.com/2011/12/14/opposition-in-poland-to-eu-s-new-fiscal-treaty.
5. Arato, K. Euroscepticism and European Integration / K. Arato, P. Kaniok (eds). – 2009.
6. Bozoki, A. Lecture «The Crisis of Democracy in Hungary» / A. Bozoki [Electronic resource]. – Mode of access: http://politicalscience.ceu.hu/events/2012-03-01/hungary-in-the-spotlight-the-crisis-of-democracy-in-hungary.
7. Far-rights protests in Badapest, jan. 14, 2012 [Electronic resource]. – Mode of access: http://thecontrarianhungarian.wordpress.com/2012/01/15/far-right-protests-in-budapest-jan-14-2012.
8. Harmsen, R. Euroscepticism. Party Politics, National Identity and European Integration / R. Harmsen, M. Spiering (eds). – 2005.
9. Henderson, K. Euroscepticism or Europhobia: Opposition attitudes to the EU in the Slovak Republic / K. Henderson // SEI Working Paper. – 2001. – № 50.
10. Pidd, H. Slovakia rejects multibillion euro bailout fund to deal with debt crisis / H. Pidd // The Guardian, 10/12/2011 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.theguardian.com/business/2011/oct/11/europe-waits-as-slovakia-debates].

11. Riishøj, S. Europeanization and Euroscepticism: Experiences from Poland and the Czech Republic / S. Riishøj // Political Science Publications. – 2010. – № 25.
12. Sardi, T. Parliamentary elections in Hungary – the results and political implications / T. Sardi [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.cecgr.com/fileadmin/content/analyses/Parliamentary%20elections%20in%20Hungary%202010.pdf.
13. Slovakia SaS calls for referendum on transfer of powers to EU [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.visegradgroup.eu/news/slovakia-sas-calls-for.
14. Szczerbiak, A. Theorising Party-Based Euroscepticism: Problem of Definition, Measurement and Causality / A. Szczerbiak, P. Taggart // SEI Working Paper [Electronic resource]. – 2003. – № 69. – Mode of access: https://www.sussex.ac.uk/webteam/gateway/file.php?name=epern-working-paper-12.pdf&site=266.
15. Szczerbiak, A. Opposing Europe? The Comparative Party Politics of Euroscepticism / A. Szczerbiak, P. Taggart (eds). – Oxford University Press, 2008. – Vol. 2: Comparative and Theoretical Perspectives.
16. Toomey, M. Euroscepticism in Central Europe. A comparative analysis at elite and mass level of Poland, the Czech Republic, and Slovakia / M. Toomey. – 2007.
17. Eurobarometer [Electronic resource]. – Mode of access: http://ec.europa.eu/public_opinion/index_en.htm.
18. European Election Database [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.nsd.uib.no/european_election_database.
19. Eurostat [Electronic resource]. – Mode of access: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/eurostat/home.

Наталья Терещенко
(Литва/Беларусь)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА БЕЛАРУСИ

In this article the author describes the situation with the civil society in Belarus and in particular the functioning of unregistered non-governmental youth organizations (on the examples of such European youth organizations as AEGEE and EYP). In the current political situation the Belarusian civil society does not have an opportunity to be an autonomous actor because the government totally controls activities of non-governmental organizations. It leads to diminishing social connections in the Belarusian society and to weakness of the third sector. The author also analyses the main problems of Belarusian unregistered NGOs, namely financial, legal and organizational ones as well as the highly complicated procedure of registration on the territory of Belarus.

В настоящее время такому феномену, как гражданское общество, уделяется особое внимание, так как оно является неотъемлемым элементом демократического общества. Актуальность данного исследования связана с тем фактом, что в недемократических условиях деятельность общественных организаций ограничивается главным политическим актором, а именно государством. Особенностью гражданского общества Беларуси является его слабость и неспособность повлиять на проводимую государством политику. Для того, чтобы иметь возможность зарегистрироваться и официально осуществлять свою деятельность в Беларуси, негосударственным организациям (далее – НГО) приходится следовать различным формальным ограничениям, установленным го-

сударством. Наличие у организации целей, которые могут быть интерпретированы властью как «политические» (например, продвижение демократических ценностей и свобод), автоматически ставит под угрозу возможность регистрации и осуществления деятельности в пределах Беларуси. В статье отдельно рассматриваются формальные ограничения, связанные с созданием, регистрацией и функционированием филиалов и представительств крупных международных (в частности европейских) общественных организаций в Беларуси.

Также в данной работе акцентируется внимание на деятельности общественных организаций, которые не могут получить регистрацию в Беларуси, что, по мнению автора, свидетельствует о радикальных проблемах в функционировании белорусского гражданского общества. Несмотря на то, что зарегистрированные общественные организации являются основой гражданского общества, при анализе степени гражданской активности следует также учитывать вовлеченность индивидов в деятельность незарегистрированных негосударственных общественных организаций.

Современная ситуация с организациями гражданского общества Беларуси характеризуется тем, что властные структуры активно вмешиваются в деятельность общественных объединений и гражданских инициатив путем контроля и жесткой регламентации. Как показывают примеры некоторых постсоветских государств (Литвы, Латвии, Эстонии), постепенное развитие гражданского общества ведет к либерализации и демократизации, что является очевидной угрозой для политических режимов, аналогичных существующему в Беларуси. Данная взаимосвязь уровня гражданской активности и политической ситуации объясняет негативное отношение власти к деятельности НГО.

В настоящее время гражданское общество в Беларуси сталкивается с серьезными проблемами, такими как финансовая нестабильность, низкий уровень публичности, отсутствие четких стратегий и целей у организаций, низкий уровень поддержки населения и др. Однако можно предположить, что все эти проблемы являются следствием жесткой формальной регламентации деятельности гражданского общества Беларуси. В частности, проблемы с финансированием деятельности проявляются в силу того, что общественным организациям сложно получить финансирование как от государства, так и от частных спонсоров в силу политических и юридических причин. Низкий уровень публичности является следствием ограниченности доступа к главным медиаресурсам (телевидению, радио, крупным печатным изданиям, подконтрольным государ-

ству), что не оставляет общественным организациям иной возможности, кроме как продвигать свои идеи посредством интернета и социальных медиа, охватывающих лишь ограниченное число граждан. Применяемые меры давления на активистов НГО негативно сказываются на уровне общественной поддержки в силу существующих опасений среди потенциально активных слоев населения.

Таким образом, для того чтобы гражданское общество в государстве развивалось, должна быть создана благоприятная политическая среда, необходимы упрощение процедуры регистрации, возможностей получения легального статуса организациям и объединениям, обеспечение свободы выражения мнений со стороны гражданских инициатив, финансовая поддержка общественных организаций и др. Закрепленные Конституцией Республики Беларусь права должны быть реализованы в полной мере на практике.

В настоящее время в Беларуси существует определенное количество незарегистрированных организаций, занимающихся социальной, правоохранительной, спортивной, благотворительной деятельностью, охраной окружающей среды и защитой прав меньшинств. По оценкам Ассамблей НГО, их количество составляет несколько сотен [8]. Это объясняется, прежде всего, действующей сложной процедурой регистрации. Ужесточение законодательства происходит в целях обеспечения контроля над гражданским обществом.

Негосударственные молодежные организации являются одним из наиболее важных объектов для контроля со стороны властей в связи с тем, что именно молодежь считается наиболее социально активной частью населения, имеющей потенциал призвать к политическим переменам в государстве. Поэтому такие НГО, наряду с правозащитными и международными молодежными организациями, имеют большое количество сложностей с регистрацией и осуществлением своей деятельности в пределах Беларуси. Согласно данным Ассамблеи НГО, организации сталкиваются с незаконными и безосновательными отказами в регистрации. Например, «молодежной организации “Молодой фронт” было отказано в регистрации 3 раза, Правоохранительному центру “Весна” – 3 раза, Белорусской Христианской Демократии – 3 раза, Ассамблее НГО – 2 раза» [8].

Возникающие проблемы с регистрацией ставят некоторые организации перед выбором: приостановить свою деятельность или нарушать закон и подвергаться риску уголовного преследования по статье 193.1 Уголовного Кодекса Республики Беларусь. Принятие статьи 193.1 нега-

тивно отражается на развитии гражданского общества Беларуси. В связи с тем, что многие инициативы граждан могут быть наказуемы, в обществе зарождается опасение по поводу открытого высказывания своих идей и присоединения к различным компаниям и проектам. Проявлять собственную инициативу и активную гражданскую позицию решается лишь небольшое количество людей, что в свою очередь ведет к снижению результативности деятельности гражданского общества в целом.

Некоторые НГО, инициативы или проекты при отказе в регистрации в Беларуси пользуются альтернативным вариантом регистрации, а именно регистрацией на территории соседних государств, в частности Польши, Литвы, Российской Федерации и др. Например, молодежное движение «Молодой фронт» зарегистрировано в Чехии, проект ByWatch – в Литве. Как отмечает белорусский эксперт Юрий Чаусов, «количество белорусских неправительственных организаций, уже получивших регистрацию в Польше, Литве, Украине, России и других странах, превышает несколько десятков» [6]. Такой вариант позволяет более эффективно осуществлять свою деятельность, искать партнеров и спонсоров и создавать совместные с другими организациями проекты.

Несмотря на то, что незарегистрированные молодежные НГО в основном занимаются деятельностью, не связанной напрямую с политикой, активисты сталкиваются с рядом проблем и ограничений со стороны государства (например, вызовами на допросы, исключениями из университетов, увольнением с государственных должностей). Вероятно, это свидетельствует о том, что власти рассматривают молодежные НГО в качестве потенциальной угрозы существующему политическому режиму.

Деятельность незарегистрированных молодежных НГО предполагает, прежде всего, волонтерское участие молодежи в качестве как организаторов, так и участников образовательных проектов и инициатив. В связи с тем, что незарегистрированные молодежные НГО действуют в условиях ограниченного финансирования, основными финансовыми активами являются членские взносы и средства, выделяемые на поддержку определенных проектов международными фондами и компаниями. Это свидетельствует о том, что деятельность незарегистрированных молодежных организаций сильно затрудняется отсутствием стабильного финансирования и нехваткой ресурсов для реализации крупных проектов.

Незарегистрированным молодежным НГО, осуществляющим свою деятельность на территории Беларуси, приходится постоянно адаптироваться к изменениям политической ситуации, аспектов законодатель-

ства, общественным настроениям и проводимой другими государствами политики относительно Беларуси. По мнению Виктора Чернова, «многие белорусские НПО отличаются высокой степенью адаптации, поскольку они существуют в достаточно динамичном, нестабильном и неблагоприятном окружении» [7]. Этот факт может повлечь за собой как положительный эффект, а именно повышение уровня адаптации организаций к внешним и внутренним условиям, так и отрицательные последствия, в частности, размывание и изменение целей и приоритетов организаций и отсутствие четкой стратегии и программы деятельности.

Существующие официальные запреты на использование в качестве юридического адреса частных помещений и квартир, отсутствие льгот на аренду помещений затрудняют осуществление деятельности незарегистрированных молодежных НГО, в частности, проведения мероприятий, организации встреч и дискуссий и осуществления организационной деятельности.

В качестве основного направления деятельности большинства молодежных организаций декларируется вовлечение молодых людей, в частности студентов, в активную социальную и политическую жизнь. Международные молодежные и студенческие организации ставят перед собой цель обеспечить не только возможность путешествия и обмена опытом и знаниями, но и приобщения к процессу принятия важных социальных, политических и экономических решений. Считается, что посредством вовлечения молодежи в деятельность гражданского общества происходит развитие критического мышления, лидерских способностей, коммуникабельности, ответственности, умения работать в команде.

Далее в работе в качестве примера рассматриваются практические аспекты деятельности таких незарегистрированных молодежных НГО Беларуси, как Европейский молодежный парламент (European Youth Parliament) и Европейский студенческий форум (AEGEE – Association des Etats Generaux des Etudiants de l'Europe). Данные международные организации представлены в Беларуси как EYP-Belarus и AEGEE-Minsk соответственно.

AEGEE – студенческая организация, которая содействует сотрудничеству, общению и интеграции европейской молодежи. Являясь неправительственной, политически не зависимой и некоммерческой организацией, AEGEE открыта для студентов и выпускников всех факультетов и специальностей. AEGEE продвигает идеи объединенной Европы и способствует распространению идей демократии, прав человека, толерантности, интеграции, мобильности и европейского образования. Ос-

новными проектами AEGEE являются конференции, семинары, обмены, тренинги, летние университеты, образовательные визиты и встречи рабочих групп. Все проекты AEGEE реализуются в рамках четырех основных сфер активности: высшее образование, активное гражданство, культурный обмен, мир и стабильность [9].

AEGEE-Minsk является не зарегистрированной в Беларуси молодежной организацией и представительством AEGEE-Europe. Главными целями AEGEE-Minsk заявляются продвижение демократических ценностей и интеграция белорусской молодежи в европейское студенческое сообщество. Участие в организации является волонтерским и предполагает внесение ежегодного членского взноса в размере 10 евро. Члены антенны AEGEE-Minsk имеют право участвовать как в локальных, так и международных проектах, выдвигать свою кандидатуру на выборах в Совет AEGEE-Minsk или AEGEE-Europe. Совет состоит из четырех обязательных позиций: президента, вице-президента, секретаря и казначея. Так же в совет могут входить члены, ответственные за международное сотрудничество, внутренние вопросы и организацию мероприятий.

Европейский молодежный парламент (European Youth Parliament – EYP) представляет собой независимый образовательный проект, предназначенный для европейских молодых людей. Деятельность EYP направлена на развитие критического мышления и инициативности у молодых людей [10]. Члены EYP участвуют в региональных, национальных и международных сессиях, на которых составляются резолюции по наиболее важным социальным, политическим и экономическим вопросам. Посредством участия в таких мероприятиях европейские молодые люди приобщаются к процессу принятия решений и приобретают навыки, необходимые для активного участия в развитии своих государств.

EYP-Belarus представляет собой не зарегистрированную в Беларуси молодежную организацию, деятельность которой направлена на продвижение идей активного участия в принятии важных государственных решений и обучение молодежи в данном направлении. Управление организацией находится в руках Национального комитета, состоящего из 7 человек, один из которых является главой Комитета. Членство в организации является волонтерским и не требует внесения членского взноса. EYP-Belarus активно взаимодействует с Heinz Schwarzkopf Foundation.

Участие в деятельности незарегистрированных молодежных организаций является волонтерским и чаще всего предполагает совмещение учебы или работы с активностью в рамках организаций. Основными мотивами вступления в организацию являются:

- привлекательность новых возможностей;
- самореализация;
- участие в неформальном образовании;
- заинтересованность в европейских ценностях;
- участие в международных проектах, что включает в себя практику иностранных языков, путешествия и новые знакомства.

В качестве основных проблем, с которыми сегодня сталкиваются незарегистрированные молодежные НГО при осуществлении деятельности в Беларуси, можно выделить следующие:

- ограничения, возникающие при регистрации организации в связи со сложностью самого процесса регистрации;
- отсутствие постоянного финансирования и возможности создать привлекательный образ организации для потенциальных спонсоров;
- давление со стороны спецслужб на членов организаций;
- отсутствие возможности открыто продвигать организацию и ее проекты, что влияет на количество членов и деятельность организации в целом.

Таким образом, сложная процедура регистрации и, как следствие, наличие финансовых, юридических и организационных проблем создают для незарегистрированных молодежных НГО такую ситуацию, когда им приходится концентрироваться на самосохранении, а не на повышении эффективности своей деятельности. Это негативно влияет на развитие белорусского гражданского общества в целом. Однако, несмотря на все сложности и ограничения, деятельность незарегистрированных молодежных НГО является интересной и актуальной для молодых людей, в частности студентов.

Литература

1. Величко, В. Чем заболели беларусские НГО и как их правильно вылечить? / В. Величко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eurobelarus.info/news/society/2012/04/25/vlad-velichko-ngo-lechenie.html. – Дата доступа: 03.02.2013.
2. Общественные объединения: их роль в современном белорусском обществе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.actngo.info/files/NGO2010-Assembly-EESC-rus.pdf. – Дата доступа: 12.02.2013.
3. Силицкий, В. Гражданский сектор в Беларуси – повседневная жизнь и организационные процессы / В. Силицкий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belinstitute.eu/images/doc-pdf/Vitali%20Silicki%202009-by.pdf. – Дата доступа: 11.02.2013.

4. Синюк, Е. Чем занимаются белорусские общественные объединения? / Е. Синюк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.tut.by/society/256321.html. – Дата доступа: 15.02.2013.
5. Степаненко, П. Специфика развития структур гражданского общества в Беларуси / П. Степаненко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.euramost.org/?artc=16193. – Дата доступа: 15.02.2013.
6. Чаусов, Ю. Неправительственные организации в изгнании: белорусский феномен / Ю. Чаусов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nmnby.eu/news/analytics/4196.html. – Дата доступа: 27.02.2013.
7. Чернов, В. Третий сектор в Беларуси: эволюция, современное состояние и перспективы развития / В. Чернов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://review.w-europe.org/14/2.html. – Дата доступа: 19.02.2013.
8. Официальный интернет-портал Ассамблеи НГО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belngo.info. – Дата доступа: 25.02.2013.
9. Официальный интернет-портал Association des Etats Généraux des Etudiants de l'Europe [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aegee.org. – Дата доступа: 20.02.2013.
10. Официальный интернет-портал European Youth Parliament – Belarus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eypby.org. – Дата доступа: 20.02.2013.

Денис Куценко
(Польша)

ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЕ НОТКИ В ЗАЯВЛЕНИЯХ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ УКРАИНЫ В 2010–2012 гг.

The author analyzes the foreign policy of Ukraine in 2010–2012 in terms of postcolonial theory. He is trying to prove the postcolonial character of the Ukrainian state with the help of some statements of Ukrainian Ministry of Foreign Affairs

Вокруг понятия постколониализм, появившегося в 60–70-е гг. XX столетия, до сих пор ведутся дискуссии. Непонятно, к каким явлениям можно его применять – только ли к реальным бывшим колониям Великобритании, Франции, Испании или к государствам, которые никогда не назывались колониями и даже имели какие-то минимальные признаки самостоятельности либо национальной автономии, например, к Украине, Литве, Польше. Трудно ответить на вопросы о том, каким образом описывается постколониальный статус, как проследить связи между понятиями *постколониализм* и *неоколониализм*, можно ли весь современный глобализированный мир называть постколониальным, поскольку в нем и сейчас существуют доминирующие государства и нации.

Известными постколониальными теоретиками являются Эдвард Саид (автор самого данного концепта), Франц Фанон, Гаятри Спивак и др. В Польше явление постколониализма изучают Эва Доманьска, Анджей Шептицки, кроме того, стоит упомянуть американскую исследовательницу польского происхождения Эву Томпсон. Стоит также учитывать применение украинскими исследователями Сергием Грабовским, Мыколой Рябчуком, Оксаной и Григорием Грабович постколониальных идей относительно политики и культуры.

Трудно однозначно ответить на вопрос: была ли Украина на протяжении всей своей истории колонией? Означает ли отсутствие независимого государства Украина на карте мира его колониальный статус? Можно ли сказать, что теперешняя Шотландия является колонией, а независимые государства Африки таковыми считаться не могут? Какой характер имеют украинские элиты? Отличаются ли условно «оранжевые» элиты от «бело-голубых» под этим углом зрения?

Что представляет собой постколониальное государство? Обратимся к определению Ашкрофта (Aschcroft): «Постколониальное государство – это формально суверенная геополитическая единица, но сохраняющая зависимость от прежней метрополии, а в отдельных случаях от другой державы, которая переняла роль метрополии» [1, с. 151].

Интересным может быть еще одно определение колонии, данное Президентом Индонезии в 1945–1967 гг. Сукарно (Sukarno), а именно – «колониализм имеет свою современную форму в форме экономического контроля, контроля интеллектуального и реального физического контроля, осуществляемого внутри определенного народа малой, но чужой группой» [1, с. 151].

Опираясь на эти два определения, можно показать, что если в первый год президентства Януковича украинское государство имело постколониальные или даже неоколониальные черты государства в соответствии с первой дефиницией, то начиная с лета 2011 г. оно все больше стало походить на пост- или неоколониальное государство в понимании Сукарно.

Для Украины былой метрополией является Россия, а своеобразной аналогией «расового компонента» в отношениях с русскими был украинский язык: «на протяжении десятилетий украинский язык был безусловным признаком второсортности, т.е. принадлежности к сельскому, отсталому, косному миру. Он был своего рода "черной кожей", которую каждый абориген, попадая в город, спешил сбросить, чтобы уберечь себя, а особенно – детей, от насмешек, унижений, образовательной и любой другой дискриминации» [3, с. 88]. Российская Федерация и сейчас пытается влиять на внешнюю и внутреннюю политику Украины, экономику, информационное и культурное пространство.

Перечислим главные черты постколониального государства [1, с. 151–162]:

1) в политической системе господствуют миметизм и компрадорство;

2) структура экономики навязана метрополией, и первые годы независимости бывшая колония полностью зависима от бывшей метрополии;

3) сохранение сильных межличностных связей, поскольку после «освобождения» в бывшей колонии остаются жить потомки колонизаторов, а в метрополии продолжают жить иммигранты из колоний (в Украине, например, проживает 8 млн русских или русскоязычных граждан, в России – 2 млн украинцев);

4) постколониальное государство, как правило, является слабым как внутренне, так и внешне. Нередко имеет место вооруженное вмешательство бывшей метрополии, либо на территории нового государства остаются ее военные подразделения (по состоянию на 18 апреля 2013 г. общая численность контингента Черноморского флота Российской Федерации в Крыму – 14 000 чел.) [5];

5) центр империи продолжает доминировать во внешней политике бывших колоний (тут можно вспомнить различные интеграционные проекты Кремля, например, Единое экономическое пространство, Таможенный и Евразийский союзы).

Проследим на примере нескольких заявлений Министерства иностранных дел Украины (МИД) времен президентства Януковича подтверждения пост- или неоколониального характера украинского государства.

Проанализируем заявления Украинского МИДа, связанные с подписанием Президентом Украины Харьковских соглашений, реакцию МИДа на запрет украинских организаций в Российской Федерации (РФ), обыски в библиотеке украинской литературы в Москве и на исчезновение в Киеве российского оппозиционера.

21 апреля 2010 г. в Харькове президентами Российской Федерации и Украины были подписаны соглашения, согласно которым Украина получила 100 долларов скидки за 1000 кубометров газа в обмен на продолжение пребывания Черноморского флота в Севастополе до 2042 г. (согласно существовавшим ранее договоренностям Черноморский флот мог находиться в Крыму до 2017 г.). Янукович заявил, что «люди хотят, чтобы мы строили традиционно добрососедские отношения, которые всегда приводили наши народы к успеху» [6], и отметил, что Черноморский флот является «элементом стабильности в регионе». Министр иностранных дел Украины Константин Грищенко на вопрос журналистов ответил, что «подписанные соглашения позволят РФ планировать свою деятельность на морской базе в перспективе и снять таким образом вопросы, которые создают напряжения в наших двусторонних отношениях», а также, что «люди, которые видят себя ближе к России, будут воспринимать Украину, живущую в дружбе с Россией» [7].

В октябре 2009 г. Министерство юстиции РФ приостановило деятельность Федеральной национально-культурной автономии украинцев России (ФНКА УР) в связи с нарушением устава и хозяйственной деятельности. В начале 2010 г. Министерство юстиции РФ подало иск о ликвидации ФНКА УР в Верховный суд РФ, и 24 ноября 2010 г. эта организация была ликвидирована. 22 марта на сайте МИД Украины появился комментарий, который был скорее адресован украинской общественности в Украине. В нем шла речь о том, что «руководство Украины постоянно уделяет внимание вопросам, связанным с защитой прав украинцев в России» и что во время встречи министров иностранных дел 16 марта 2010 г. «украинская сторона обратилась с просьбой оказать всяческую поддержку для того, чтобы сделать невозможным закрытие или совершение иных запрещающих действий в отношении ФНКА УР» [8]. Ни 24 ноября, ни после никакой информации о ликвидации ФНКА УР на сайте Министерства иностранных дел Украины найти невозможно. 16 января 2011 г. представитель МИД Украины Олег Волошин заявил, что «недостатком ликвидированной ФНКА УР был низкий уровень активности большинства ее членов», что вызвало недоумение у членов украинских организаций России [9]. Создается впечатление, что украинское руководство решило не дразнить лишними заявлениями и действиями российские власти, надеясь таким образом получить определенные экономические выгоды.

Иной была реакция украинского МИДа на ликвидацию Организации Украинцев России (ОУР), которая наступила 18 мая 2012 г. В заявлении говорится, что «с ликвидацией ОУР многочисленная украинская диаспора России впервые столкнется с ситуацией, когда украинские общественные организации не будут представлены на федеральном уровне… это решение (о ликвидации) засвидетельствовало предубежденное отношение к деятельности украинской диаспоры, несмотря на многочисленные уверения на политическом уровне в обратном. Считаем, что такой подход противоречит отношениям традиционной дружбы между нашими государствами и народами» [10].

В ночь с 22 на 23 июля 2010 г. в Россию не пустили украинского правозащитника и диссидента Василя Овсиенко. Как и в случае с ФНКА УР, пресс-секретарь МИД только информировал о случившемся, ретранслировав заявление МИД РФ, а в конце добавил, что «мы считаем инцидент исчерпанным» [11]. Хотя еще год назад, когда не пустили украинского политолога С. Тарана в Санкт-Петербург, МИД в своем комментарии указал, что расценивает такие действия (задержание гражданина Укра-

ины на границе) как шаг, который не соответствует духу добрососедских отношений между Украиной и Россией. Т.е. внешнеполитическое ведомство эпохи Януковича отказалось высказать позицию государства Украина в связи со случившимся.

В том же году украинский посол в Норвегии А. Цветков вслед за дипломатами Китая, России и некоторых других стран не принял участия в церемонии награждения Нобелевской премией китайского правозащитника. Под давлением общественности пресс-секретарь МИД Александр Декусаров заявил, что «церемония вручения Нобелевской премии мира не имеет никакого политического подтекста и носит исключительно протокольный характер» [12].

Следовало бы упомянуть и о ситуации с библиотекой украинской литературы (БУЛ) в Москве. В декабре 2010 г. из библиотеки было изъято более 50 книг для психолингвистической экспертизы, жесткие диски с компьютеров и читательские формуляры, а сама библиотека была опечатана и закрыта. 21 декабря в библиотеке был произведен первый обыск, 28 декабря появился комментарий на сайте МИДа, в котором опровергались сообщения СМИ о закрытии библиотеки и утверждалось, что все новогодние мероприятия пройдут по плану, а также, что «МИД рассчитывает, что в своих действиях по отношению к библиотеке представители органов российской власти всех уровней будут исходить из необходимости качественного удовлетворения образовательно-культурных потребностей этнических украинцев, которые проживают в России» [13]. 18 февраля 2011 г. министр иностранных дел с парламентской трибуны заявил о нормализации работы библиотеки и о том, что «ситуация вокруг библиотеки в целом урегулирована» [14]. На эти слова Объединение Украинцев России (ОУР) ответило, что «не соответствует действительности утверждение министра о том, что библиотека работает в нормальном режиме» [15]. 18 января 2011 г. появилось сообщение об увеличении фондов библиотеки на базе Культурного центра Украины в Москве, который, «пребывая под прямым управлением украинских органов власти, будет пользоваться всеми необходимыми гарантиями от ситуаций, аналогичных неприятному развитию событий вокруг БУЛ» [16].

19 октября 2012 г. сразу после подачи заявления на получение политического убежища в Киеве был похищен и доставлен в Москву российский оппозиционер Леонид Развожаев. МИД тогда заявил, что у него «нет оснований обращаться к российской стороне с просьбами дать разъяснения» [17]. Таким образом, Украина никак не отреагировала на нарушение суверенитета страны работниками иностранных спецслужб.

Из вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Риторика украинского МИДа после прихода к власти Виктора Януковича лишь отчасти напоминает риторику независимого государства. Особенно это касается отношений с Российской Федерацией. Так, информация о важных событиях в международных отношениях может:

1) просто не появляться на сайте МИДа;

2) появляться лишь как ретрансляция сообщений внешнеполитического ведомства Российской Федерации без необходимых, выражающих позицию украинского государства, комментариев;

3) не соответствовать действительности, что играет на руку властям совершенно другого государства.

Все это свидетельствует о незрелости украинских элит, непонимании их представителями национальных интересов и важности их защиты, о существовании негласных (часто противозаконных) договоренностей и общих бизнес-проектов у первых лиц украинского и российского государств, что еще раз подтверждает постколониальный характер украинского государства.

Литература

1. Gawrycki, M.F. Podporządkowenie-niedorozwój-wyobcowanie / M.F. Gawrycki, A. Szeptucki. – Warszawa, 2011.
2. Loomba, A. Kolonializm/Postkolonializm / A. Loomba. – Poznań, 2011.
3. Рябчук, М. Постколоніальний синдром. Спостереження / М. Рябчук. – Київ, 2011.
4. Янукович: мета економічно відсталої України – наздогнати Росію // ТСН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tsn.ua/ukrayina/yanukovich-moya-meta-nazdognati-za-rivnem-rozvitku-rosiyu.html. – Дата доступа: 27.10.2013.
5. Перевооружение Черноморского флота РФ. Фактор стабильности или угроза национальной безопасности? // Институт стран СНГ. Украинский филиал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cis.org.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=450:2013-02-28-15-16-22&catid=16&Itemid=124. – Дата доступа: 27.10.2013.
6. У Харкові відбулася зустріч Президентів України та Росії у вузькому колі // Президент України Віктор Янукович. Офіційне представництво [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.president.gov.ua/news/16962.html. – Дата доступа: 27.10.2013.
7. Наше майбутнє – в ЄС // Міністерство закордонних справ України [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mfa.gov.ua/ua/press-center/interview-articles/161-nashe-majbutne--v-jes. – Дата доступа: 27.10.2013.

8. Коментар МЗС України // Міністерство закордонних справ України [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mfa.gov.ua/ua/press-center/comments/110-komentar-mzs-ukrajini. – Дата доступа: 27.10.2013.
9. ЗАЯВА ПРАВЛІННЯ ОБ'ЄДНАННЯ УКРАЇНЦІВ РОСІЇ ТА ПРАВЛІННЯ ФЕДЕРАЛЬНОЇ НАЦІОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЇ АВТОНОМІЇ УКРАЇНЦІВ РОСІЇ // Украинский конгресс России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ukrros.info/aktual/news_detail.php?ID=3006. – Дата доступа: 27.10.2013.
10. Заява МЗС України у зв'язку з рішенням Верховного Суду РФ щодо ліквідації Всеросійської громадської організації «Об'єднання українців Росії» // Міністерство закордонних справ України [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mfa.gov.ua/ua/press-center/comments/6-zajava-mzs-ukrajini-u-zvjazku-z-rishennyam-verkhovnogo-sudu-rf-shhodo-likvidaciji-vserosijsykoji-gromadsykoji-organizaciji-objednannya-ukrajinciv-rosiji. – Дата доступа: 27.10.2013.
11. МЗС: інцидент із забороною на в'їзд до Росії Овсієнку вичерпаний // Радіо Свобода [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.radiosvoboda.org/content/news/2110912.html. – Дата доступа: 27.10.2013.
12. Коментар Речника МЗС України Олександра Дикусарова щодо участі представника Посольства України в Норвегії в церемонії вручення Нобелівської премії миру в м. Осло // Міністерство закордонних справ України [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mfa.gov.ua/ua/press-center/comments/73-komentar-rechnika-mzs-ukrajini-oleksandra-dikusarova-shhodo-uchasti-predstavnika-posolystva-ukrajini-v-norvegiji-v-ceremoniji-vruchennya-nobelivsykoji-premiji-miru-v-moslo. – Дата доступа: 27.10.2013.
13. Коментар Департаменту інформаційної політики Міністерства закордонних справ України щодо ситуації навколо Бібліотеки української літератури в Москві // Міністерство закордонних справ України [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mfa.gov.ua/ua/press-center/comments/72-komentar-departamentu-informacijnoji-politiki-ministerstva-zakordonnih-sprav-ukrajini-shhodo-situaciji-navkolo-biblioteki-ukrajinsykoji-literaturi-v-moskvi. – Дата доступа: 27.10.2013.
14. Грищенко стверджує, що ситуацію навколо української бібліотеки в Москві врегульовано // Дзеркало тижня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dt.ua/POLITICS/grischenko_stverdzhue,_scho_situatsiyu_navkolo_ukrayinskoyi_biblioteki_v_moskvi_vregulovano.html.
15. Об'єднання українців Росії спростувало заяву Грищенка про нормалізацію роботи української бібліотеки // Дзеркало тижня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dt.ua/POLITICS/obednannya_ukrayintsiv_rosiyi_sprostuvalo_zayavu_grischenka_pro_normalizatsiyu_roboti_ukrayinskoyi_b.html.
16. МЗС працює над створенням нового бібліотечного центру для українців в Росії // Міністерство закордонних справ України [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mfa.gov.ua/ua/press-center/comments/64-mzs-pracyuje-nad-

stvorennyam-novogo-bibliotechnogo-centru-dlya-ukrajinciv-v-rosiji. – Дата доступа: 27.10.2013.
17. МЗС України не зможе пред’явити Росії претензії через викрадення Развозжаєва – немає підстав // Дзеркало тижня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dt.ua/POLITICS/mzs_ukrayini_ne_zmozhe_predyaviti_rosiyi_pretenziyi_cherez_vikradennya_razvozzhaeva_-_nemae_pidstav.html. – Дата доступа: 27.10.2013.

Марта Сахневич
(Польша)

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛАСТИ (анализ выступлений В. Януковича в 2010–2011 гг.)

The article is concerned with the problems of the inseparability of politics and language by analyzing the official speeches of the President of Ukraine Victor Yanukovych in 2010–2011. Thorough investigation of formal and semantic aspects of selected texts demonstrates the potential of the discourse of the politician. The President's rhetoric is examined in correlation of linguistic content of speeches and political realities in Ukraine.

Современное общество благодаря техническому прогрессу вооружено доступом к огромным информационным ресурсам, что сделало его менее уязвимым перед манипуляционными методами недалекого прошлого. На ринге появляются новые, более изящные социотехники, которые мастерски используют достижения лингвистики, психологии и социологии.

При изучении лингвистического аспекта политических исследований последних 80 лет все больше внимания привлекает проблема использования механизмов манипуляции в сфере политики. Страны с «недолгим» опытом независимости, с перманентно нестабильным, но развивающимся процессом демократизации общества, какой, например, является Украина, особенно интересны с этой точки зрения: каким языком разговаривает власть, насколько важно вербальное мастерство лидеров страны для граждан, играет ли оно роль во время принятия решений, насколько развиты лингвистические социотехники в Украине, какова роль средств массовой информации как в распространении «слов» политиков, так, собственно, и в формулировании их риторики?

Ответы на данные вопросы и тщательное изучение заданной проблематики – путь к пониманию процессов ментального изменения социума во время трансформационных процессов. С учетом пяти важных векторов изучения специфики языка политики, предложенных Гарольдом Д. Ласуэллом – кто и что говорит, технология передачи выступления (медиа), к кому оно обращено, а также какой эффект выступление произвело – в данной статье проведен технический анализ публичных выступлений президента Украины Виктора Януковича (внутрипартийные, «внутри-» и «внешнегосударственные»), что является частью исследования эволюции (или тенденций изменения) социальных настроений по отношению к актуальной политической ситуации [3, с. 37–51].

Говоря о политическом дискурсе президента Украины Виктора Януковича, важно отметить, что частотность выступлений главы государства небольшая. Очевидно, что в силу своих обязанностей президент дает публичный отчет по вопросам международных и внутригосударственных реалий, но фактом также является ограниченный коммуникационный канал между президентом и гражданами. Как он часто повторяет, «нужно отходить от риторики», потому что «я не люблю много говорить – я люблю действовать».

2010–2011 гг. – это первые два года лидера партии регионов на позиции главы государства. С языковой точки зрения важным является указать регион, из которого В. Янукович родом: политик родился в городе Енакиево Донецкой области (Восточная Украина), то есть в большей части русскоязычный регион. Ввиду именно этого фактора на начальном этапе его каденции возникало много трудностей с выступлениями по-украински, позднее уровень знания языка значительно улучшился.

В данной статье проведен анализ официальных текстов выступлений президента Украины, которые размещены на его официальном сайте. Отдавая себе отчет в том, что рассматриваемый материал был создан с конкретной целью, для меня, как исследователя языка политики, важной является мериторичная их наполненность.

Начнем с выступлений, обращенных к украинскому обществу. В большинстве случаев начало одинаковое: «соотечественники» или же «дорогие соотечественники» – это, с одной стороны, способ вытеснить любимую форму оппонента Виктора Ющенко «друзья», но, с другой стороны, копирует один из вариантов обращения коммунистических лидеров со времен Советского Союза [6].

Информационное наполнение текстов четко укладывается в несколько семантических векторов. Во-первых, это стремление к демокра-

тии: слова «демократия», «демократический», «демократизация» непрерывно чередуются, повторяются, при этом часто сочетаются с именем существительным «Украина» или синонимичными к названию страны словами. Данные словосочетания оформлены такими глаголами будущего времени совершенного вида, как «сделаем», «обеспечим» и т.д.

Похожую коннотацию имеют фразы «достижение европейского уровня», «введение европейских стандартов», «европейская интеграция». Кроме семантики создания на территории Украины правовой системы, которая бы отвечала стандартам, функционирующим в Западной Европе, эти и подобные им фразы также являются озвучением планов в экономико-финансовой области, направленных на улучшение качества функционирования национальной экономики, повышение уровня жизни общества. Учитывая фриквенцию использования фраз данного типа, а также их семантическую односторонность (позитивная), можем сделать вывод об абсолютно акритичной демонстрации существующей ситуации в дискурсе президента.

«Одной из главных целей пропаганды является получение общественного одобрения власти и ее действий, а также – пробуждение гражданской активности», – пишет польский лингвист Ежи Бральчик. При этом отмечается, что техники вербального влияния на людей широко используются как элемент персвазивной деятельности. Возможность достичь общественного одобрения дает манифестация силы, которая, в свою очередь, реализуется посредством ритуала в формате манифестации идентичности языка. При этом речь идет не о фактическом значении слова «манифестация», но об использовании его пафоса и старых форм лозунгов в новом значении. Поддержку общества возможно получить, отходя от ритуала, провозглашая (неявно) борьбу со старым языком, то есть как бы принимая позицию создателя нового языка, «другого». В таком случае на сцене появляются новые игроки, которые ведут борьбу с негативным прошлым [1, с. 8–9].

Политическая сила перед началом активных действий на уровне государства должна обеспечить себе поддержку граждан. Для достижения данной цели выступления президента Украины насыщены соответственной лексикой. Для начала «реформа» – согласно словам Виктора Януковича, все государственные сферы будут реформированы, – уровень реформирования при этом касается одной конкретной отрасли или имеет от «судебной реформы», «военной реформы» до «волны реформ». Неоднократно такие планы характеризируются качественными эпитетами «глубокий», «кардинальный», с одной стороны, а с другой –

имеет место утверждение о «непопулярности» будущих реформ. Следующий шаг – очень деликатно персвазивными методами констатируется неотвратимость грядущих изменений и указывается одна небольшая просьба к гражданам – «поддержка этих изменений», «непростые задания, но… нужно исполнить» (форма модального глагола с внутренней формой «необходимости реализации действия»), обращается внимание на короткие сроки: «быстрее принять закон» [6].

Процессам, которые, несомненно, по мнению Януковича, приведут к позитивным изменениям, сопутствует замещение «старого» «новым»: «новый курс» (экономический, политический), «новые законы», «новый Бюджетный Кодекс», «новый Налоговый Кодекс», «новое качество власти», «новая политическая команда», «новая Украина», «новое государство», «новая экономика» и т.д. [6].

В синонимичном значении к слову «реформа» в разных контекстах употребляется лексема «модернизация», иногда даже появляются «эффективная модернизация реформ» или «введение реформ и глубокой модернизации страны». Кроме того, для получения максимально высокого уровня поддержки среди граждан тексты богаты утверждениями о достижении «благ и улучшений», например, «экономический рост», «повышение благополучия населения и финансовой ситуации страны», «гуманизация».

Представленная насыщенность выступлений может говорить о попытках создать квазинаучный текст. Исследователи языка политики утверждают, что квазинаучные изречения политиков характеризируются появлением в них элементов конкретной идеологии, экономией языковых ресурсов путем введения в текст множества терминов (номинальная лексика), которые относятся к определенным совокупностям явлений и запрограммированных действий. В случае Януковича выступления не имеют никаких дополняющих деталей, больше того, вызывают коннотацию с абстрактными понятиями [1, с. 45–51].

При этом важным семантическим вектором является характеристика предыдущей власти (каденция Виктора Ющенко). Для того чтобы достичь максимально сильного эффекта противопоставления МЫ–ОНИ, получить крайнее разделение значений, в официальных текстах используются только лексемы с негативной внутренней формой: «нищета», «бедность», «руина», «война власти», «хаос», «регресс», «нестабильность», «вакханалия в высших эшелонах власти», «эгоизм», «разделение на бедных и богатых», «низкий уровень жизни», «безработица», «бегство рабочих ресурсов в другие страны», «деградация производства», «попу-

листская политика» и т.д. Специалисты утверждают, что истинной причиной выбора такой стратегии является осознание отсутствия реального контакта с адресатом, в нашем случае – с украинским обществом. Язык диалога, взаимопонимания, с другой стороны, представлен как символ и орудие национального возрождения и связан с декларированным процессом укрепления плюрализма и демократии [1, с. 11–13].

В современной когнитивной лингвистике существует трактовка метафоры не как средства стилистики, задача которого объяснить явление более понятным образом, а как специфического способа мышления, важного орудия коммуникативной деятельности, как средства влияния на интеллект и чувства. В соответствии с современной когнитивной семантикой метафорическое моделирование выступает средством достижения, номинации и оценки определенного фрагмента реальности, а также отражает специфику национального, общественного и личного сознания.

Сила метафоры заключается в балансировании между сказанным и несказанным, решительностью и нерешительностью, в частичной фикции образа, но в то же время в прагматичном значении метафоры. В основе метафоры лежат не объективные категории, а концепты, созданные сознанием. Концепты же являются частью сферы понятий, которая представляет не научное понимание мира, а простое («наивное») понимание мира без человека [5, с. 30–33].

Метафорическое богатство выступлений Виктора Януковича сосредотачивается на поругании результатов, методов ведения политики главного оппонента и его команды. Здесь мы имеем дело с «пятью годами скитаний по пустыне», «грустной страницей нашей истории», «мы получили страну в состоянии тяжело больного», «болезнью анархизма и популизма», «экономика вошла в пике». Исходя из исследований специалистов желаемый эффект политикам проще получить путем создания образа «общества несчастных» [4, с. 74].

Найти точку баланса в отношении «Я–Мы» для политика чрезвычайно важно, так как он должен представить себя как уверенного лидера без диктаторских склонностей. Анализ выступлений президента Украины дает возможность утверждать, что такой баланс ему удается удерживать. Что касается его деятельности, то наблюдается некоторая тенденция преувеличения и глобализации собственных возможностей: «я всегда буду», «я сделаю все» и т.д.

Внешняя политика президента не имеет определенной стратегии развития государства, как подтверждают тексты: В. Янукович строит

«мост между западом и востоком», пытается достичь «баланса отношений… в треугольнике» (Брюссель–Москва–Вашингтон), «Украина будет продолжать курс на евроинтеграцию и стратегическое партнерство с Россией». Часто президент упоминает об исторической связи с Россией и «родственных связях» Украины и России.

В выступлениях Виктора Януковича наблюдается повторяемый набор понятий и мотивов. Что касается синтаксиса текстов, то это, как правило, краткие простые предложения. Такие факты дают основания делать определенные выводы об образе публичного человека, и в этом конкретном случае мы наблюдаем негативную коннотацию – медиа и общественность прозрачно говорят о языковой (и не только) убогости лидера государства.

Провоцирующим фактором также являются частые казусы в исполнении Януковича (этот материал доступен в видеоматериалах, так как опубликованный текст не сохраняет «обмолвок»). Во время выступлений непосредственно перед публикой у президента возникают проблемы с прочтением «трудных» слов, с использованием украинских лексем. Кроме того, достаточно часто глава государства путает понятия, общеизвестные факты, как, например, в 2010 г. во время визита в Китайскую Народную Республику, когда во время пресс-конференции Виктор Янукович сказал: «Не буду скрывать, я осуществляю этот визит не только для того, чтобы наладить политическое партнерство, и не только для того, чтобы пропагандировать Украину…». Или же на церемонии открытия 64-го Всеобщего конгресса прессы и 19-го Всеобщего форума прессы в Киеве в сентябре 2012 г. главный политик государства так обратился к журналистам: «Призываю журналистов держать высокую этическую планку, придерживаться принципов объективности и политической заангажированости». А вот и вообще сенсационное заявление на заседании Рады национальной безопасности и обороны Украины: «Мне здесь подсказывают, что это мы должны сделать накануне Евро-2012. Не только, уважаемые коллеги, не только. Мы считаем – вообще, что территорию нашей страны нужно сделать небезопасной для жизни наших граждан, а, безусловно, когда к нам приедут гости – тем более». Нередко очевидны затруднения, которые испытывает президент, пытаясь вспомнить государственно важные вещи.

Политический дискурс Виктора Януковича имеет определенную схему, по которой строит он свои публичные выступления. Его язык конкретен, лаконичен, ориентирован на продвижение изменений в государстве; он конструирует общество страдающих, бедных, недооцененных

людей и при этом не терпит оппонентов, радикально настроен против предшественников, которые стали причиной кризиса экономического и общественного. А зачастую его выступления несут просто опасное смысловое наполнение.

Литература

1. Bralczyk, J. O języku polskiej polityki lat osiemdziesiątych i dziewięćdziesiątych / J. Bralczyk. – Warszawa, 2003.
2. Dijk van, T.A. Discourse and Power / T.A. van Dijk. – New York, 2008.
3. Lasswell, H.D. The Structure and Function of Communication in Society / H.D. Lasswell // L. Bryson (ed.). Communication of ideas. – New York, 1948.
4. Thomson, O. Historia propagandy / O. Thomson. – Warszawa, 2001.
5. Нагорна, Л.П. Політична мова і мовна політика: діапазон можливості мовної лінгвістики / Л.П. Нагорна. – К., 2005.
6. Тексты выступлений на официальном сайте президента [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.president.gov.ua/.

Иван Грек
(США)

«КРАТКИМ КУРСОМ» К ПЕРЕСТРОЙКЕ: РЕКОНСТРУИРОВАНИЕ ПАМЯТИ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ

The author argues that the emergence of commemorative projects dedicated to World War One in the Russian Federation was caused by the crisis of contemporary political discourse's legitimacy. During the Soviet period the memory of World War One was almost erased. In 2013 modern Russian political elite made the first attempt to reshape the memory of WWI by the implementation of the holiday «Memorial Day of Soldiers who fell in WWI» and a standard history school textbook. The author argues that the main purpose of this implementation was the weakness of the Soviet political discourse, which is currently used by Russian elites.

Интеллигентный человек слово «реальность»
без кавычек писать не может.
Юрий Тынянов
Кто владеет настоящим, тот владеет прошлым,
а кто владеет прошлым, тот владеет будущим.
Джордж Оруэлл

Введение

Утверждение о том, что история для политиков является ресурсом, приносящим определенную ренту, уже устойчиво вошло в обиходное понимание политических процессов. Символический капитал исторической ренты конвертируется во власть и легитимацию, становясь эффективным механизмом поддержки и реализации политического курса. Баталии за столь ценный ресурс не утихают в Европе, в особенности когда

речь заходит об исторической памяти внутри того или иного государства, народа или другого политического сообщества. Память об опыте фашизма и сталинизма, дезинграционных процессах конца XX века, национальных столкновениях – все это до сих пор раскалывает общества. Нерешенная проблема памяти и национальной истории в современной России стоит остро настолько, что исторические диспуты открыто начинают апеллировать к агрессивной диалектике деления на «красных и белых», «своих и чужих».

На рубеже 2012–2013 гг. Президент Российской Федерации утвердил несколько исторических проектов, откровенно направленных на конструирование «окончательной исторической истины». Своими указами Владимир Путин учредил организацию «Российское военно-историческое общество», а также памятный день «День памяти русских солдат, погибших в Первой мировой войне». Данные политические нововведения были внедрены на фоне продолжающихся дебатов вокруг так называемого «Единого учебника истории», создаваемого с целью стандартизации школьной исторической программы (Грек, 2013).

С первых этапов своего правления Владимир Путин начал проводить политический курс, который может быть описан через теоретическую модель Роджерса Брубейкера как политика «национализирующего государства» (Brubaker, 1996). Речь идет об изменении структуры гражданства в сторону эксклюзивности и создании композитного политического пространства нового типа. Вместе с реализацией этого политического курса начал меняться и язык, который очерчивает рамки российского политического сообщества. Одним из ярких примеров проведения этой политики стало конструирование праздника «День народного единства», значительно изменившего социальное пространство в РФ. Создание этого конструкта стало, в некотором смысле, «дорожной картой» по мифотворчеству в современной России. Проект по реструктурированию памяти о Первой мировой войне не стал «инновационным», поскольку его развитие укладывается в логику создания «Дня народного единства».

Конструирование нарратива о русской нации, предпринятое государством в начале 2000-х, также сопутствовалось созданием исторической организации под названием «Русское историческое общество» и праздника «День народного единства». Оба упомянутых общества являются реинкарнациями организаций, существовавших в Российской империи до 1917 г. Правда, вновь учрежденные «Русское историческое общество» и «Российское военно-историческое общество» не имеют ничего общего с двумя имперскими организациями, у которых они позаимствовали на-

звания (Грек, 2013). Президент Путин в своих выступлениях наделяет их статусом «исконных» («Встреча с участниками учредительного съезда Российского военно-исторического общества» , 2012; «Владимир Путин направил приветствие участникам, организаторам и гостям Учредительного съезда Российского исторического общества», 2013). Через учреждение этих институтов происходило внедрение новых памятных дат, создание медиаконтента и учебной литературы.

Конструкция нового нарратива о Первой мировой войне не оставляет сомнения в своей политической аффилированности. С учетом примера использования памяти о Великой Отечественной войне утверждение о том, что потенциал этого проекта велик, не оставляет сомнений. Но почему возник этот проект? Хорошо известно, что Владимир Путин позитивно относится к опыту Советского Союза и даже считает его распад «величайшей геокатастрофой XX века» и политической ошибкой («Владимир Путин: нельзя было допускать развала СССР», 2011). Вместе с тем хорошо известно, что официальной политикой советского государства было уничтожение памяти о Первой мировой войне, поскольку она являлась «империалистической» и «антинародной». Как стало возможным переплетение имперской и советской исторических парадигм в современном политическом курсе? Почему потребность в перестройке памяти возникла именно сегодня?

Политическое забвение Великой Войны

Первая мировая война очертила рамки, в которых развивался мир в течение всего XX века. Эта война стала символом неизлечимой травмы, изменившей мир навсегда. Ужасы траншей, описанные Ремарком, убили в людях веру в старые порядки и ценности, окончательно открыв дорогу модерну. Новая эпоха вывела на политическую арену игроков, которые не могли состояться в старой государственной формации. Два самых «выдающихся» представителя политических движений эпохи модерна немецкий национал-социализм и российский большевизм умело использовали травму Первой мировой войны. Если Адольф Гитлер представлял военную травму как нечто отделяющие немцев от истинного, утерянного величия, то из риторики большевиков следовало, что эта война была антинародной, поскольку велась империалистами, а пролетариат погибал за их ценности. Идеи российских революционеров были злободневными, так как они развивались непосредственно во время Первой мировой войны. Говоря политологическим сленгом, большевики

во многом «выплыли» за счет своей концепции «империалистической» войны.

Если бы существовал независимый рейтинг самых влиятельных идеологических проектов, то история памяти о Первой мировой войне в России точно попала бы в «десятку». Несмотря на глобальные изменения, последовавшие за войной, советское государство успешно стерло память о Первой мировой из общественного сознания. В книге «Павшие солдаты: изменение памяти о мировых войнах» Джордж Моссе пишет об одном из важнейших социальных феноменов, появившихся после Первой мировой войны, – военном кладбище. Данное место коммеморации изменило не только городской ландшафт, но и отношение к смерти в целом, поскольку кладбища были вынесены за пределы города, нарушив тем самым христианскую традицию не-исключения мертвых из общественного пространства. Как физическая, так и метафизическая удаленность павших солдат от социума способствовали мифотворчеству и воспеванию их подвига (Mosse, 1990). Кладбища такого же типа появлялись и в России, становясь главным памятником коммеморации. Этот механизм воспоминаний о павших во время Первой мировой войны постепенно уничтожался по мере усиления советского государства. Одним из самых известных мемориалов такого типа было Московское городское братское кладбище. К 1917 г. на кладбище было захоронено более 18 000 павших солдат и офицеров. После прихода к власти большевики использовали кладбище до 1925 г. В 1932 г. захоронение было ликвидировано, а после Второй мировой войны перестроено в парк (Арсеньев и Морозова, 2005). Представленный факт борьбы с памятью о Первой мировой войне указывает не только на попытку стереть воспоминания о ней и Брестском мире, но и показывает, что конструирование новой памяти происходило постепенно. Это кладбище нельзя было снести раньше, потому что на него приходили люди. У павших остались матери, вдовы, дети, родители, друзья, которые поминали солдат.

Война оставила после себя миллионы солдат, беженцев, семей, помнивших о ней, но потом они исчезли, как и братские захоронения дореволюционных времен. Процесс коллективного забвения был изучен Пьером Нора, который пишет, что память стирается вместе с группой. Автор приводит пример исчезновения крестьян как общества памяти, канувшего в лету после эпохи индустриализации (Nora and Lawrence, 1996). Рассматривая этот механизм забвения на советском опыте, можно предположить, что исчезла не просто коллективная память, а группа вспоминающих, поскольку в 30-е гг. помнить о Первой мировой

войне было небезопасно. Развитие механизма репрессивного забвения позволило советской власти уничтожить и места памяти, и группы помнящих.

После периода репрессий и Второй мировой войны проблема памяти о Первой мировой возникла только в период гласности и перестройки. Дебаты о забытой истории были подняты интеллектуалами, но не получили активной обратной связи ни от общества, ни от государства. Первая мировая была прочно забыта, а социум был озабочен вопросами выживания в постсоветской действительности. В 1990-х гг. государство частично использовало новый дискурс как официальный знак отказа от советского прошлого. Это выражалось в восстановлении памятных табличек, церквей и прочих памятных мест, связанных с Первой мировой войной, но артикулированного использования данной тематикой не проводилось. Что же послужило поводом для государства, которое активно использует советские политические конструкты, переключиться на тему, отрицаемую в СССР?

«Есть у революции начало, нет у революции конца»

Современная политическая элита активно использует советский политический дискурс, являясь абсолютным наследником политического языка СССР. Лидеры страны часто делают отсылки к позитивному, на их взгляд, опыту Советского Союза в различных областях государственной деятельности, пытаются восстановить влияние рухнувшей державы, пользуются устоявшимися политическими традициями прошлого века. На этом фоне проводимая историческая политика, которая обращается как к советской, так и Российской империям, кажется противоречивой. Какие особенности современного дискурса позволяют реализовывать такую историческую политику?

Для рассмотрения этой проблемы я предлагаю обратиться к категориям, предложенным Александром Эткиндом в статье «Столетняя революция: юбилей начала и начало конца» (Эткинд, 2004). Система координат, предложенная автором, берет за точку отсчета период Первой русской революции. Основной тезис Эткинда по сути сводится к строчке из советской песни: «Есть у революции начало, нет у революции конца». Автор пишет, что революция не закончилась, поскольку, изъясняясь словами Эткинда, изменился software при сохраненном hardware [«...*очередные попытки прекратить революцию привели к переустройству исторической памяти. Трансформации подверглись в основном “мягкие”, а*

значит потенциально обратимые, структуры исторической памяти»] (Эткинд, 2004).

Из его рассуждений мы видим, что четко зафиксированным может быть начало революции, но определение ее конца зачастую усложняется из-за ее трансформаций. Теоретически конец революции наступает тогда, когда от нее перестают дискурсивно зависеть историки (Furet, 1981). Настоящее время представляется автору или началом конца революции, или самым ее концом, когда еще не понятно, что произошло.

Итак, мы имеем революцию как точку отсчета и примечание того, что в революционной обстановке преобладает, выражаясь терминами Яна Ассмана, «горячая» память (Assmann, 2011). Поскольку мы не видим явного дискурсивного отката от позднего СССР и имеем наличие «горячей» памяти и тенденцию «возвращения к ленинским традициям», то последующая мысль будет выстраиваться на основе гипотезы, что революция еще не закончилась.

Что такое революция в концептуальном плане? Революция (в ее начале) – это разрыв или точка дискретности в дискурсивном поле. Рассматривая русскую революцию, мы с уверенностью можем констатировать, что она базировалась на идее отказа от прошлого. В дальнейшем лейтмотивом стало создание «истинной истории» при полном отрицании предшествующего исторического периода. Русская революция ищет себя в своих началах, а также в дореволюционной эпохе, поскольку свои цели она легитимирует отказом от основ этой эпохи. Для дальнейшего развития тезиса я предлагаю выделить два понятия: симультанная точка революции и перманентный дискурс революции. Первое понятие относится к точке разрыва, то есть непосредственно к факту актуализации революционного дискурса. Второе понятие, избегая коннотаций Троцкого, представляет революцию как дискурсивный процесс.

Начало 40-х гг. XX столетия ознаменовалось откатом перманентного дискурса революции за симультанную точку, то есть постреволюционный нарратив начал обращаться к позитивному опыту царского строя. В 1943 г. в армию вернулся символ золотопогонников-контрреволюционеров, служивших царскому режиму, – погоны. Тогда же восстанавливается Русская Православная Церковь (Яковенко, 2013). Стоит отметить, что этот перескок за симультанную точку революции не является концом перманентного дискурса. Можно выйти за темпоральные рамки революции, не прервав ее дискурсивно. Это наблюдение еще раз доказывает, что скачки современной исторической политики через революцию к «старому порядку» не означают ее прерывание.

Скачки за пределы симультанной точки революции имеют как минимум одну важную политическую цель – легитимацию. Феномен революции, являясь результатом дискретности, порождает разрывы в дискурсе, созданным им самим. Эти «разрывы» выливаются в кризис легитимности, который устраняется за счет референций к наследию дореволюционного прошлого.

Возможно предположить, что в 1943 г. произошел подобный разрыв, вызвавший кризис легитимности. Официальный дискурс говорил о непобедимости Советского Союза, о необходимости всех жертв, принесенных людьми во имя этой непобедимости, что абсолютно не сочеталось с присутствием немецких войск под Москвой. В этот период люди стали верить в другие силы, что ярко проявляется в популяризации историй про то, как самолет с иконой Казанской Божьей Матери облетел столицу три раза, что и спасло ее от захвата. Создавшийся в системе люфт был и заполнен имперскими институтами Русской Православной Церкви и ношением погон в армии.

Чем ближе перманентный дискурс революции подходит к своему концу, тем крупнее и значительнее становятся вызываемые им разрывы, поскольку он перестает отвечать реальности. Увядающая революция заполняет люфты легитимности мнемоническими объектами прошлого, а потребность в выходе за симультанную революцию определяется нехваткой нарративно значимых единиц. Ограниченность исторического ресурса также обусловливает «всеядность» современной исторической политики. Количество событий, пользующихся коммеморационным спросом, достаточно лимитировано. Тенденция выстраивания континуального исторического пространства содержит в себе заявку на «монополизацию прошлого» как ресурса (Калинин, 2013). Это является одной из причин того, почему в спектр исторической политики попадают абсолютно «разномастные» события.

Заключение

Революция, имея дискретную природу, по мере своего исторического развития начинает порождать все новые разрывы, которые нужно заполнять. Эти разрывы становятся все шире, а поэтому требуются все новые ресурсы для поддержания этой самой революции. Современный политический дискурс, который можно назвать последним дыханием русской революции, создает кризисы легитимности, сделавшие российскую историческую политику «всеядной». Если в советскую эпоху

«рвалось там, где тонко», то в новой политической формации разрывы происходят везде. Заполнение люфтов конструкции легитимности требует от политической элиты много ресурсов, чем обуславливается курс на «монополизацию прошлого». В эту парадигму развития вписывается попытка перестройки памяти о Первой мировой войне.

Объяснить резко возросший интерес к наследию Первой мировой войны можно двумя факторами: попыткой овладеть «монополией на прошлое» и новым разрывом в увядающим дискурсе революции. Шестой электоральный цикл в России сопровождался грандиозным ростом недоверия к власти и государственным институтам, что является не чем иным, как кризисом легитимности. Вероятно, это и стало причиной попытки найти легитимацию в прошлом. Тема войны воспринимается россиянами крайне близко и трепетно, поэтому такое потенциально мощное оружие как память о Первой мировой войне было выбрано не случайно. Более того, факт монополизации государством памяти о всех крупных войнах не является секретом. Возможность конструировать память о Первой мировой войне в рамках перманентного дискурса революции является посильной, поскольку его исторические трансформации создали возможность выхода за симультанную точку революции. Эта особенность дискурса позволяет сочетать в одном нарративе взаимоисключающие эпистемы. И особенно тревожно выглядит механизм перестройки памяти о Первой мировой войне путем внедрения института «единого учебника» и воссоздания якобы «древнейших» исторических организаций. «Кратким курсом» к перестройке, так сказать.

Литература

1. Assmann, J. Cultural memory and early civilization writing, remembrance, and political imagination / J. Assmann. – New York: Cambridge University Press, 2011.
2. Balzer, H. «An Acceptable Past: Memory in the Russian Extrication from Communism» / H. Balzer // Imperio [Electronic resource]. – 2004. – № 4. – Mode of access: //abimperio.net/cgi-bin/aishow.pl?state=showa&idart=1146&idlang=1&Code=h3gwtU6VQxWFRhxDA5g78r4Eh. – Date of access: 05.10.2013.
3. Brubaker, R. «Nationalizing states in the old "New Europe"» / R. Brubaker [Electronic resource]. – 1996. – Mode of access: http://www.sscnet.ucla.edu/soc/faculty/brubaker/Publications/14_Nationalizing_States_in_the_old_New_Europe.pdf. – Date of access: 15.10.2013.
4. Ėtkind, A. Internal Colonization: Russia's Imperial Experience / A. Ėtkind. – Cambridge, UK: Polity Press, 2011.
5. Furet, F. Interpreting the French Revolution / F. Furet. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

6. Halbwachs, M. On Collective Memory / M. Halbwachs, A.C. Lewis // The Heritage of sociology. – Chicago: University of Chicago Press, 1992.
7. Mankoff, J. «Babi Yar and the Struggle for Memory, 1944–2004» / J. Mankoff // Imperio [Electronic resource]. – 2004. – № 2. – Mode of access: http://abimperio.net/cgi-bin/aishow.pl?state=showa&idart=980&idlang=1&Code=28aSADny3bSh35cXcGWYlabzf. – Date of access: 04.10.2013.
8. Mosse, G.L. Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars / G.L. Mosse. – New York: Oxford University Press, 1990.
9. Nora, P. Realms of Memory: Rethinking the French Past / P. Nora, D.K. Lawren – New York: Columbia University Press, 1996.
10. Petrone, K. The Great War in Russian Memory / K. Petrone – Bloomington: Indiana University Press, 2011.
11. Арсеньев, А. Московское городское Братское кладбище / А. Арсеньев, М. Морозова // Военно-исторический архив. – 2005. – №10.
12. Грек, И. «“Краткий курс” от цивилизации к варварству» / И. Грек // Росбалт. – 2013.
13. Калинин, И. «Прошлое как ограниченный ресурс: историческая политика и экономика ренты» / И. Калинин // Полит.ру [Электронный ресурс]. – May 11, 2013. – Режим доступа: http://polit.ru/article/2013/05/11/past. – Дата доступа: 27.10.2013.
14. Костикова, Е. «Смертоносная каша из топора» / Е. Костикова // Московские новости [Электронный ресурс]. – 2013. – № 613. – Режим доступа: http://www.mn.ru/opinions/20131017/359085529.html. – Дата доступа: 25.10.2013.
15. Эткинд, А. «Столетняя революция: юбилей начала и начало конца» / А. Эткинд // Отечественные записки [Электронный ресурс]. – 2004. – № 5. – Режим доступа: http://www.strana-oz.ru/2004/5/stoletnyaya-revolyuciya-yubiley-nachala-i-nachalo-konca. – Дата доступа: 26.10.2013.
16. Яковенко, И. «Русская православная церковь в меняющемся мире: Судьбы традиционного комплекса культуры» / И. Яковенко // Нева [Электронный ресурс]. – 2013. – № 6. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/neva/2013/6/. – Дата доступа: 26.10.2013.
17. «Владимир Путин: нельзя было допускать развала СССР» // Regnum [Электронный ресурс]. – Декабрь 15, 2011. – Режим доступа: http://newsland.com/news/detail/id/843989. – Дата доступа: 28.10.2013.
18. «Владимир Путин направил приветствие участникам, организаторам и гостям Учредительного съезда Российского исторического общества» // Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. – 20 Июня, 2013. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/news/15706. – Дата доступа: 26.10.2013.
19. «Встреча с участниками учредительного съезда Российского военно-исторического общества» // Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. – 14 Марта, 2012. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/news/17677. – Дата доступа: 26.10.2013.

Анастасия Соколова
(Беларусь)

РОЛЬ ВОЛОНТЕРСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

The article is devoted to the problem of volunteering. It touches upon such questions as what volunteering is, why the society needs volunteers, what problems are solved by volunteers. Also the connection between civil society, civil culture and volunteering is shown in the article.

В волонтерское движение с каждым годом вовлекается все больше и больше людей. Оно широко развито в мире и является глобальным процессом объединения людей, стремящихся внести вклад во благо своей страны и мирового сообщества [6].

Волонтеры рассматривают свою деятельность как инструмент социально-культурного, экономического и экологического развития (Всеобщая декларация добровольцев 1990 г., принятая на XI Конгрессе Международной ассоциации добровольцев). Понятие добровольной помощи включает в себя действия, предпринимаемые на местном, общенациональном и международном уровнях [6].

Волонтеры помогают решать социально значимые проблемы. Многие кампании по ликвидации безграмотности, защите окружающей среды, иммунизации населения в значительной степени зависят от усилий волонтеров. Практически на каждый аспект жизни так или иначе повлияла волонтерская деятельность [6].

Стоит отметить, что добровольческое движение в 1987 г. насчитывало 80 миллионов волонтеров, в 1995 г. – более 93 миллионов, в 2009 г. – более 130 миллионов участников. Согласно данным руководителя «Центра сотрудничества молодежи» г. Гдыня, в ЕС в целом 46% молодежи являются волонтерами. В Польше, в частности, только 16%. Также 50% сотрудников польских общественных организаций являются волонтерами. Дан-

ные по Республике Беларусь получить не удалось [6]. Подтверждением значимости волонтерства было решение Европейской комиссии объявить 2011 г. Годом волонтерства в Европе.

Евросоюз проводит работу по поддержке волонтерства в течение многих лет. В 1996 г. ЕС учредил Европейскую волонтерскую службу (ЕВС), которая поддерживает и стимулирует участие молодежи в социальной жизни. Целью ЕВС является развитие солидарности, взаимопонимания и терпимости между молодыми людьми, а также поддержка активной гражданской позиции, что напрямую связано с формированием гражданской культуры и гражданского общества [4]. Развитие гражданского участия в Европе является приоритетным направлением, соответственно строится и политика правительств в отношении некоммерческих организаций: они воспринимаются как основной канал участия граждан в принятии политических решений, чего в Беларуси не наблюдается [7].

В зарубежном волонтерстве широко применяются международные обмены. Как известно, у любого желающего в Европе есть возможность отправиться приводить в порядок кладбище в Польше, или помогать реставрировать средневековый замок в Германии, или возделывать рисовые поля во Вьетнаме. Разумеется, такая работа не приносит заработка, однако является уникальной возможностью для получения жизненного опыта и знаний. В Европе этот вид деятельности давно расценивается как социальная услуга, которая привносит в экономику различных стран от 3 до 15% ВВП. Если, к примеру, говорить о волонтерстве в Германии, там добровольцем, безвозмездно работающем в сфере тех или иных социальных услуг, является каждый третий человек, что составляет 34% всего населения Германии [5].

Однако результаты проведенного венгерскими учеными исследования показывают, что в целом гражданская активность в «новых» европейских странах несколько ниже, чем в странах «старой» Европы. В странах бывшего Советского Союза такого рода активность часто трактуется как протестная и приобретает характер скорее политической оппозиции, чем гражданского участия [7].

В собственном смысле слова гражданская культура относится к типу активистской культуры как «культуры участия», функцией которой выступает обеспечение социальной интеграции общества, единства действий в достижении общей цели гражданского процесса. Гражданская культура выражает степень зрелости общества, способность обеспечения общегражданских интересов, форм и механизмов выработки

совместных решений и их реализации, согласованных действий. Кроме того, гражданская культура определяет становление человека в качестве гражданина. Однако в белорусском обществе нет четкого представления, как функционирует, на что направлена и для чего нужна гражданская культура. Видимо, поэтому гражданская культура здесь часто сводится к феномену политического порядка [8; 9].

У РБ сложились наиболее сложные, противоречивые и наименее продуктивные отношения с объединенной Европой. Основополагающие европейские ценности и свободы воспринимаются как второстепенные, а иногда и вовсе рассматриваются как орудие недружественной пропаганды. А ведь приобщение к этим ценностям помогло бы Беларуси изменить курс развития белорусского общества. Дело в том, что людям требуется время научиться мыслить по-новому, самостоятельно. Советский человек привык думать, что ничего не бывает бесплатно, бескорыстия нет. Но времена «железного занавеса» прошли, и, учитывая европейский опыт, советские предрассудки следует заменять на готовность принять устоявшиеся практики гражданской культуры [3].

Именно волонтерство способно на это, так как получение персонального опыта, осознание данных ценностей и работа с людьми с другим мировоззрением приносит с собой частичку нового, но привычного в других условиях, образа жизни. Волонтерская деятельность способствует сближению и кооперации как социальных, так и политических институтов и может рассматриваться в качестве элемента европеизации [2].

Согласно Декларации универсального волонтерства, сформулированной в рамках Международного конгресса в Амстердаме в 2001 г., именно «волонтерство является краеугольным камнем гражданского общества. Оно отражает и освещает наиболее возвышенные стремления человеческого рода, стремление к миру, к свободе, равенству возможностей, безопасности и справедливости для всех людей». Таким образом, волонтерство помогает воспитать демократического человека во всех смыслах этого слова: это и готовность узнавать новое, принимать новые ценности, и умение выражать коллективные интересы, и участие в обсуждении и решении общественных проблем. Все это ведет также к пониманию и принятию таких качеств, как чувство чести и личное достоинство, интеллектуальная и экономическая самостоятельность, способность к критическому мышлению. Все это происходит по причине того, что волонтеры оказываются в среде «без прикрас», то есть они видят, как на самом деле организовано то или иное общество, какие там законы и ценности и какое к ним отношение [10].

Развитие волонтерского движения приносит только пользу государству и индивиду. Оно способствует помощи людям с особыми потребностями, уменьшению трений как межэтнических, так и социальных, социальной реконструкции страны через активизацию материальных и человеческих ресурсов в сообществе, воспитанию молодых людей в духе гражданских ценностей, активизации ресурсов внутри сообщества, развитию гражданского общества и демократии [2].

Поэтому развитие и приобщение белорусской молодежи к добровольческой работе возможно с помощью более простого доступа к ней, проведения тренингов и подбора волонтеров на подходящие вакансии, повышения осведомленности о важности волонтерской работы. Функционирование альтернативной гражданской службы способно вызвать интерес у разных слоев общества к существующим социальным проблемам, а также помочь сформировать понимание гражданской культуры и сократить расстояние между государством и обществом. Также волонтерская практика за рубежом по профилю и сотрудничество с общественными организациями ЕС внесут вклад в становление гражданского общества в Беларуси. Распространение демократических ценностей, уважения к правам человека и верховенству закона поможет Беларуси преодолеть отчуждение между человеком и властью, улучшить отношения со странами ЕС и сформировать демократическую, политическую и правовую культуры.

Получение волонтерского опыта за рубежом содействует расширению участия, терпимости, социальной мобильности (особенно среди молодежи), обеспечению основных прав человека, солидарности и искренности – всему, чего не хватает Беларуси для построения гражданского общества.

Литература

1. Слесарева, Г.Ф. Гражданское общество в истории политической мысли Европы / Г.Ф. Слесарева. – М., 2000.
2. Журнал «Адукатар». – 2012. – № 1(22). – С. 2–6.
3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eurocenter.by/books/puti-evropeizacii-belarusi-mezhdu-politikoy-i-konstruirovaniem-identichnosti-1991-2010/preface.
4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hospice.by/god-volontyorstva-v-evrope.html.
5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sbornet.ru/publics/show-6.htm.

6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.volunteergomel.org/archive/vol.htm.
7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cogita.ru/analitka/grazhdanskoe-obschestvo-i-nko-v-evrope-i-rossii.
8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.polit-slovar.ru/dictionary/177/.
9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/45/.
10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.grdl.ru/The-Universal-Declaration-on-Volunteering.

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И ПРАВОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Ольга Зыбина
(Беларусь)

РАЗРАБОТКА РЕКОМЕНДАЦИЙ ПРАВОВОГО И ОРГАНИЗАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЫПОЛНЕНИЯ СООБРАЖЕНИЙ КОМИТЕТА ООН ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

To this moment the Republic of Belarus hasn't implement none of the Views that had been taken by the Human Rights Committee (HRC). Belarusian authorities haven't taken any individual measures in regard to the applicants. Such general measures as amendment of domestic legislation, HRC's Views publications and steps to prevent similar violations in the future haven't been taken, either. Nevertheless, official communication with the State bodies shows that Belarus rejects the obligatory nature of the Views. The absence in the domestic legislation of a legal norm regulating the implementation of the Committee's Views and the refusal of the State bodies to implement them on their own initiative testifies that Belarus refuses to ensure the citizens the rights recognized in the International Covenant on Civil and Political Rights and to provide them with an effective remedy. Due to the refusal of the national courts and State bodies to implement the international obligations of Belarus has to prepare organizational and legal recommendations for implementation of HRC's Views.

Средством правовой защиты нарушенных прав человека для белорусских граждан и иных лиц, находящихся под юрисдикцией Республики Беларусь, является обращение в национальную судебную инстанцию. В случае необеспечения эффективной защиты на национальном уровне указанным лицам в соответствии со ст. 2 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических пра-

вах (далее – МПГПП) [2], ратифицированным Республикой Беларусь 30 декабря 1992 г., предоставляется возможность обращения в органы международной юстиции, т.е. использования международных механизмов защиты прав человека в рамках Комитета ООН по правам человека (далее – КПЧ). В соответствии с ч. 1 Правила 94 Процедуры КПЧ [3] сообщения соответствующего лица (на основании ст. 1, 5 Факультативного протокола к МПГПП [2]) рассматриваются по существу. В соответствии с ч. 3 Правила 100 [3] в отношении рассмотренного по существу сообщения КПЧ принимает соображение, которое сообщается соответствующему лицу и государству-участнику. В связи с этим необходимо понять правовую природу соображений, в целом определить их место в системе защиты прав человека.

Положения ст. 21 Конституции Республики Беларусь [7] указывают, что государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства, ст. 8 провозглашает приоритет общепризнанных принципов международного права. На основании ст. 61 Конституции Республики Беларусь [7] каждый вправе в соответствии с международно-правовыми актами, ратифицированными Республикой Беларусь, обращаться в международные организации с целью защиты своих прав и свобод, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Закон Республики Беларусь от 28 июня 2008 г. № 421-З «О международных договорах Республики Беларусь» [8] в ст. 33 указывает, что международные договоры Республики Беларусь подлежат добросовестному исполнению Республикой Беларусь в соответствии с международным правом. Таким образом, на законодательном уровне в Республике Беларусь реализовано положение Венской конвенции о праве международных договоров (далее – Венская конвенция) [4] в части обязательности каждого договора для его участников и обязанности последних их добросовестно исполнять (ст. 26, принцип *pacta sunt servanda*). В силу Венской конвенции [4] каждое государство обладает правоспособностью заключать договоры, обязательность которых для него невозможна без выражения соответствующего согласия (ст. 6 и 11), при этом участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора (ст. 27).

В соответствии с п. 13 и 14 Замечаний общего порядка № 31 (далее – Замечания № 31) [5] обязательство по принятию мер для обеспечения реализации признаваемых в МПГПП [1] прав является абсолютным

обязательством государства-участника, причем несоблюдение этого обязательства не может быть оправдано какими бы то ни было внутренними соображениями политического, социального, культурного или экономического характера. В п. 16 Замечаний № 31 [5] указывается, что обязательство обеспечения эффективного средства судебной защиты, занимающее центральное место в обеспечении эффективности положений п. 3 ст. 2 МПГПП [1], останется невыполненным в случае необеспечения возмещения лицам, права которых были признаны нарушенными. Ввиду этого КПЧ отмечает необходимость принятия мер, направленных не только на обеспечение возмещения конкретному потерпевшему, но и на необходимость недопущения повторения рассматриваемого нарушения. Такие меры могут потребовать внесения изменений в законы и практику государства-участника (п. 17). Вместе с тем, согласно п. 11 Замечаний общего порядка № 33 (далее – Замечания № 33) [6] «хотя при рассмотрении индивидуальных сообщений Комитет по правам человека не выступает в роли судебного органа как такового, соображениям, распространяемым Комитетом согласно Факультативному протоколу [2], присущи некоторые основные черты судебного решения. Они принимаются в духе, присущем судебному разбирательству, включая беспристрастность и независимость членов Комитета, взвешенное толкование формулировок Пакта и окончательный характер принимаемых решений». Так, статус соображений КПЧ, согласно п. 15 Замечания № 33 [6], определяется обязательством государств-участников действовать добросовестно в рамках участия в процедуре согласно Факультативному протоколу [2] и МПГПП [1]. Обязанность сотрудничества с КПЧ прямо следует из принципа добросовестного выполнения всех договорных обязательств (*pacta sunt servanda*). П. 20 Замечаний № 33 [6] определяет обязательство всех государств-участников использовать все имеющиеся в их распоряжении средства для осуществления принимаемых КПЧ соображений.

Вместе с тем, Республика Беларусь придерживается иного мнения. Так, Министерство иностранных дел (далее – МИД) как орган, координирующий и контролирующий заключение международных договоров Республики Беларусь и их исполнение (согласно ст. 35 Закона Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 421-З «О международных договорах Республики Беларусь» [8]), на запрос гр. Кацора В.А. указал, что в отношении соображений КПЧ «речь может вестись исключительно о рекомендациях государствам по более полной и эффективной имплементации норм данных международных договоров. При этом государства

самостоятельно решают вопрос о степени учета данных рекомендаций» [11]. МИД Республики Беларусь неоднократно заявлял об отсутствии в национальном законодательстве специальной нормы, направленной на неукоснительное исполнение принятых КПЧ соображений. По мнению МИДа, соображения КПЧ носят рекомендательный характер.

На наш взгляд, такая позиция не соответствует пониманию принятых в рамках МПГПП [1] обязательств государства уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам прав, признаваемых в МПГПП [1], в том числе принимать необходимые меры в соответствии со своими конституционными процедурами и положениями МПГПП [1] для принятия законодательных или других мер, которые могут оказаться необходимыми для осуществления таких прав. Представляется, что соблюдение принятых международно-правовых обязательств, т.е. реализация принципа *pacta sunt servanda,* является изъятием из принципа суверенитета государства. Вместе с тем, МИД заявляет о допущении такого изъятия лишь тогда, когда государство выразило согласие на обязательность для него международного договора, явно и недвусмысленно предусматривающего обязательность таких решений для государств-участников.

В защиту мнения автора приведем разъяснение Конституционного суда Российской Федерации в отношении статуса соображений КПЧ. Так, в определении от 28.06.2012 по жалобе гр. Хорошенко А.А. суд указал, что, «несмотря на то, что ни Международный пакт о гражданских и политических правах, ни Факультативный протокол к нему не содержат положений, непосредственно определяющих значение для государств-участников соображений Комитета по правам человека, принятых по индивидуальным сообщениям, это не освобождает Российскую Федерацию, которая признала компетенцию Комитета принимать и рассматривать сообщения от подлежащих ее юрисдикции лиц, утверждающих, что они являются жертвами нарушения со стороны Российской Федерации какого-либо из прав, изложенных в Пакте, и тем самым определять наличие или отсутствие нарушений Пакта, от добросовестного и ответственного выполнения соображений Комитета в рамках добровольно принятых на себя международно-правовых обязательств. В противном случае, под сомнение ставится не только соблюдение государством добровольно взятых обязательств в силу принципа *pacta sunt servanda*, но и явное нарушение положений ст. 2 и ч. 1 ст. 17 Конституции Российской Федерации» [10]. Таким образом, фактически можно говорить о том, что данным определением Конституционного суда статус соображений КПЧ

был детально разъяснен, а за Российской Федерацией закреплена обязанность их исполнения.

Указанная разность понимания обязательственной природы соображений КПЧ способствует невыполнению их со стороны Республики Беларусь. По состоянию на 01.01.2013 в КПЧ было подано 150 индивидуальных сообщений против Республики Беларусь. Комитетом зафиксированы нарушения прав и свобод по 36 жалобам, однако ни одно из соображений исполнено не было.

На наш взгляд, разрешение проблемы исполнения соображений КПЧ невозможно без верного понимания их правовой сущности. В свою очередь, такое понимание может быть достигнуто путем обращения в Конституционный суд Республики Беларусь по вопросу толкования статуса соображений КПЧ, обращения в Верховный суд Республики Беларусь по вопросу толкования статуса соображений КПЧ, серии образовательных мероприятий, посвященных коммуникациям с КПЧ сотрудников МИДа, а также иных заинтересованных органов. Внимания заслуживает рекомендация Пленума Верховного суда Российской Федерации об использовании актов и решений международных организаций, в том числе органов ООН и ее специализированных учреждений в случае возникновения затруднений при толковании общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров [9].

Вторым, не менее важным этапом в обеспечении выполнения соображений КПЧ необходимо считать внесение изменений в национальное процессуальное законодательство. В частности, необходимо предусмотреть возможность пересмотра дел в свете соображений КПЧ посредством института принесения протеста в порядке надзора, основанием которого могут быть новые обстоятельства (вновь открывшиеся обстоятельства) – признанные КПЧ нарушения прав, предусмотренных в МПГПП.

В обеспечении выполнения соображений КПЧ важную роль занимает вопрос создания механизма исполнения. В целях реализации указанного предложения возможными мерами могут являться обращение в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь по вопросу разработки процедуры исполнения соображений КПЧ, а также обращение к Президенту Республики Беларусь, в соответствующие органы о необходимости создания механизма исполнения соображений КПЧ. Необходимо создание соответствующего государственного органа, являющегося постоянно действующим консультативным межведомственным органом по координации деятельности национальных

министерств, государственных комитетов, ведомств, органов исполнительной власти, предприятий, учреждений и организаций по реализации международно-правовых обязательств Республики Беларусь в области прав человека. Также указанный орган мог бы быть наделен правом контроля за исполнением соображений КПЧ. Состав органа, на наш взгляд, может включать представителей государственных органов Республики Беларусь, в том числе Верховного суда и Уполномоченного по правам человека в Республике Беларусь (в случае его создания), а деятельность координироваться профильными министерствами – МИДом или Министерством юстиции. В целях действенного функционирования этого органа и в целом всего механизма исполнения соображений КПЧ необходимым представляется принятие специальных законов, определяющих общие рамки исполнения соображений и регулирующих саму процедуру исполнения. Особого внимания заслуживает легальное закрепление возможности отмены сроков исковой давности и разрешения повторно возбуждать уголовное дело после вынесения соответствующего соображения КПЧ по индивидуальным сообщениям. Важность указанных положений объясняется тем, что изначально в каждом международном деле о правах человека подразумеваются ошибки или недостатки в работе судебной системы.

Литература

Нормативные документы

1. Международный пакт о гражданских и политических правах, принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. // Сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.
2. Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. // Сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpro1.shtml.
3. Правила процедуры Комитета по правам человека, 13 января 2011 г., UN Doc. CCPR/C/3/Rev.9 // Сайт УВКПЧ ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrc/docs/CCPR-C3-Rev9_ru.doc.
4. Венская конвенции о праве международных договоров, принята 23 мая 1969 г. // Сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml.
5. Замечания общего порядка № 31 // Сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www1.umn.edu/humanrts/russian/gencomm/Rhrcom31.html.

6. Замечание общего порядка № 33 // Сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www1.umn.edu/humanrts/russian/gencomm/Rhrcom33.html.
7. Конституция Республики Беларусь 1994 г. с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=V19402875&p2={NRPA}.
8. Закон Республики Беларусь от 28 июня 2008 г. № 421-З «О международных договорах Республики Беларусь» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:<//www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=h10800421&p2={NRPA}.
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Сайт Российской газеты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2003/12/02/pravo-doc.html.

Другие документы

10. Определение Конституционного суда Российской Федерации от 28.06.2012 по жалобе гр. Хорошенко А.А. в отношении статуса соображений Комитета ООН по правам человека.
11. Ответ Министерства иностранных дел Республики Беларусь от 23.04.2010 на запрос гр. Кацора В.А. о статусе соображений Комитета ООН по правам человека.

Елена Сенкевич
(Беларусь)

ЗАЩИТА ТРУДОВЫХ ПРАВ РАБОТНИКОВ ПРИ БАНКРОТСТВЕ НАНИМАТЕЛЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

The article reflects on the main issues of labor rights in case of employer's bankruptcy. The social aspects of bankruptcy and the necessity to address the issue of payment of wages to employees of the bankrupt are described. The author offers solutions to difficult situations in the event of employer's bankruptcy.

На сегодняшний день вопрос об эффективности института банкротства является особенно актуальным и достаточно многоаспектным. Помимо экономических трудностей, банкротство компаний влечет за собой серьезные социальные последствия для работников – потерю рабочих мест, утрату заработка.

Социальным аспектам банкротства, с учетом значительного количества случаев задолженности по выплате зарплаты, сегодня уделяется пристальное внимание. Разрабатываются подходы к решению вопроса о гарантиях права работников на зарплату в условиях банкротства нанимателей.

Одним из негативных последствий банкротства субъекта хозяйствования является невозможность исполнения им обязанностей по выплате выходных пособий и оплате труда работников. Банкротство неизбежно сопровождается ростом безработицы. В этих случаях у кредиторов банкрота утрачивается заработок. А отсутствие заработка, особенно если труд данного человека является единственным источником доходов, подвергает угрозе его трудоспособность, профессиональную квалификацию, здоровье его самого и его детей и близких. Подобные случаи принято называть социальными рисками. Для уменьшения этих

социальных рисков государство обоснованно предусматривает приоритетное осуществление выплат таким кредиторам.

Впервые проблема невыплаты зарплаты в связи с банкротством нанимателя на международном уровне была затронута в Конвенции Международной организации труда (далее – МОТ) № 95 «Об охране заработной платы» (1949 г.). В ней была прописана система предоставления привилегий работникам при банкротстве нанимателей [1].

Согласно ст. 11 Конвенции при банкротстве предприятия или его ликвидации в судебном порядке работники пользуются положением привилегированных кредиторов либо в отношении зарплаты, причитающейся им за услуги, оказанные в предшествовавший банкротству или ликвидации период, определяемый национальным законодательством, либо в отношении зарплаты, сумма которой не выходит за пределы, установленные национальным законодательством.

Но следует отметить, что Международная организация труда признала недостаточную эффективность привилегированной модели и отметила положительные моменты создания системы гарантийных учреждений.

Конвенция МОТ № 173 «О защите требований трудящихся в случае неплатежеспособности предпринимателя» (1992 г.) (далее – Конвенция № 173) включила в себя обязательства государств по защите интересов работников неплатежеспособных предприятий как посредством предоставления привилегии работникам, так и с помощью гарантийных институтов.

В Конвенции № 173 учтены многие недостатки Конвенции № 95: так, расширен круг требований работников неплатежеспособных работодателей, вытекающих из трудовых отношений, на которые распространяется привилегия. Согласно ст. 6 привилегия распространяется как минимум на требования трудящихся, касающиеся:

- зарплаты за установленный период времени, который должен составлять не менее трех месяцев, предшествующих неплатежеспособности или прекращению трудовых отношений;
- выплат за оплачиваемые отпуска, право на которые возникло в связи с работой, выполненной в течение года до наступления неплатежеспособности или прекращения трудовых отношений, а также в течение предшествующего года;
- сумм, причитающихся в отношении других видов оплачиваемого отсутствия на работе за установленный период времени, который должен составлять не менее трех месяцев, предшествующих неплатежеспособности или прекращению трудовых отношений;

- выходных пособий, причитающихся трудящимся в связи с прекращением трудовых отношений.

Национальное законодательство или регламенты могут ограничивать объем привилегированных требований трудящихся установленной суммой, которая должна быть не ниже социально приемлемого уровня. Размер этой суммы должен периодически корректироваться с тем, чтобы ее стоимость сохранялась.

Конвенция № 173 обязывает государства предоставлять требованиям трудящихся более высокий приоритет по сравнению с большинством других привилегированных требований, в частности, с требованиями государства и системы социального обеспечения. Однако если требования трудящихся защищены с помощью гарантийных учреждений в соответствии с разделом III, то они могут получить более низкую очередность по сравнению с требованиями государства и системы социального обеспечения.

Очевидно, что Конвенция № 173 определяет лишь минимальный уровень защищаемых требований (как посредством привилегированной системы, так и с помощью гарантийных учреждений), что не препятствует государствам расширять сферу охвата каждой из систем [2].

Следует отметить, что на сегодняшний день Конвенция № 173 Республикой Беларусь не ратифицирована. Ратификация данной Конвенции, по нашему мнению, позволила бы улучшить социальную защищенность граждан при банкротстве нанимателя.

Существует несколько предложений по социальной защите работников предприятий.

К примеру, возможно ввести систему обязательного социального страхования на случай невыплаты заработной платы и на случай банкротства предприятия. Но следует отметить, что здесь необходимо провести анализ положения нанимателей и установить, насколько подобная система увеличит финансовую нагрузку на них. Если такая нагрузка будет незначительной, то такое нововведение позволит предотвратить нарушение социальных прав работников неплатежеспособных компаний.

Однако, говоря о создании социального страхового фонда на случай невыплаты заработной платы и на случай банкротства предприятия, нельзя не вспомнить положения Закона о резервном фонде.

Исходя из ст. 76 Трудового Кодекса Республики Беларусь, резервный фонд должен создаваться в любых организациях независимо от форм собственности, а также у индивидуальных предпринимателей [3].

В данной норме не учитываются особенности деятельности индивидуальных предпринимателей, для которых создание резервного фонда заработной платы является нецелесообразным и зачастую попросту невозможным. Конкретный размер фонда, основания, порядок его создания и использования определяются в коллективных договорах (соглашениях). Но следует отметить, что практически никто из предпринимателей не заключает коллективных договоров и соглашений, без которых резервный фонд не функционирует [4, с. 52].

Решение данной проблемы мы видим в следующем:

– необходимо унифицировать законодательство по вопросу создания резервного фонда;

– следует решить вопрос о том, в каком порядке создается резервный фонд в организациях, где не заключен коллективный договор. Возможно, необходимо предусмотреть единую форму локального нормативного акта, который регламентировал бы вопросы о размере, порядке создания и функционирования резервного фонда;

– в случае, если законодательством установлена обязанность нанимателя создать резервный фонд, необходимо предусмотреть и ответственность за его отсутствие.

Также определенное внимание следует уделить и Закону о банкротстве. Необходимо совершенствовать его должным образом, в частности, есть предложение расширить список признаков банкротства, включив в него такой признак, как невыполнение требований по оплате труда в течение двух месяцев. Следует также отметить, что одним из основных направлений развития законодательства является разработка законопроекта о создании страховых механизмов для защиты работников на случай банкротства их предприятий. Предполагается, возможность использования средств Фонда социальной защиты населения, что требует разработки соответствующего механизма использования.

Литература

1. Конвенция об охране заработной платы: Конвенция Международной организации труда, 1949 г., № 95 // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2002. – Дата доступа: 01.12.2011.
2. Конвенции МОТ № 173 «О защите требований трудящихся в случае неплатежеспособности предпринимателя» (1992 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.conventions.ru/. – Дата доступа: 08.11.2011.

3. Трудовой кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 26.07.1999, № 296-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 31 декабря 2009 г. № 114-З // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2002. – Дата доступа: 11.12.2011.
4. Васильев, В. Представительство трудовых прав работников при банкротстве организации / В. Васильев, Е. Костромина // Кадровик. Трудовое право для кадровика. – 2010. – № 6. – С. 50–54.

Дмитрий Левчук
(Литва/Беларусь)

ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦЕНЗУРЫ И КОНТРОЛЯ НАД ИНФОРМАЦИОННЫМИ КАНАЛАМИ В ИНТЕРНЕТЕ

The article is devoted to the Internet Censorship in the Republic of Belarus. The author proceeds from the vertical three-tier paradigm of the legal regulation of the Internet. Belarus has one of the most hostile media environments in the world. The Belarus authorities have used a variety of different means to control the Internet. It is done by applying a repressive legal framework, including draconian laws such as criminal libel, legal prosecution and misapplication of the administrative code. Citizens' access to the digital world is restricted by the use of new techniques, such as online surveillance, website blocking and filtering, and cyber-attacks against independent websites and content manipulation.

Интернет-пользователей Беларуси не может не интересовать проблема локальной интеграции в Интернете, проявляемая во введении цензуры и контроля над информационными каналами в стране. Для объективного сравнительного анализа рассмотрим общемировую правовую практику глобальной интеграции в сфере Интернета, сложившуюся как на локальном (национальном), так и на глобальном (региональном, международном) законодательных уровнях.

Правовое регулирование Интернета можно представить в виде вертикальной трехуровневой парадигмы из международной, региональной и национальной составляющих. На каждом из этих уровней суть правового регулирования Интернета меняется в сторону правового закрепощения.

Декларация Совета Европы о свободе общения в Интернете [3] ставит перед собой цель обеспечения права свободного доступа к информации в Интернете. Международно-правовые акты стараются минимизировать риск цензуры публикуемой в Интернете и передаваемой через нее информации; ограничить ответственность интернет-провайдеров за проходящие через их серверы данные. Международное и европейское право придерживается следующих принципов:

- интернет-контент не должен подвергаться более жестким ограничениям, чем другие СМИ;
- регулирование распространяемого в Интернете контента должно происходить на основе саморегулирования или совместного регулирования;
- использование механизмов, блокирующих и фильтрующих доступ к информации в Интернете, рекомендуется только для защиты прав несовершеннолетних;
- для удаления контента национальными властями необходима его точная идентификация;
- равный и свободный доступ всех слоев населения к Интернету;
- предоставление услуг через Интернет не должно быть ограничено использованием различных регистрационных систем;
- провайдеры обязаны лишь предоставлять свободный и равный доступ к интернет-ресурсам, но не контролировать их содержание;
- устанавливается защита Интернета от контроля в виде гарантии на свободу анонимности;
- устанавливается только одно исключение из всех вышеприведенных правил: уголовные преступления преследуются по национальному праву в Интернете в том числе.

Международный уровень – это открытость информации и отсутствие излишних формальностей в свободном доступе к интернет-ресурсам.

Нормотворческие усилия по регулированию Интернета на региональном уровне наиболее активно развиваются в плоскости международного частного права [7]. Например, в таких регионах, как Евросоюз, США и Канада, Япония и Южная Корея, основные силы направлены на регламентацию экономической составляющей в Интернете. А говоря об общем регулировании Интернета, стоит отметить американо-европейскую практику, предлагающую сочетание законодательнго регулирования с саморегулированием – принуждение владельцев сайтов предупреждать «об опасности для определенных категорий пользователей

тех или иных видов содержания» [14, с. 32–33]. Сорегулирование дает возможность применения общего законодательства. К международному публичному праву практически не обращаются за решением вопросов деятельности общего характера в Интернете. Предпочтение отдается национальному регулированию [23]. Прекрасным примером быстрого решения правовых коллизий в Интернете на национальном уровне является прецедентное правотворчество США.

Национальное регулирование Интернета в настоящее время является наиболее эффективным и преобладающим. Установаить контроль за Интернетом со стороны международного сообщества фактически невозможно: «для обеспечения выполнения соответствующего соглашения понадобилось бы, во-первых, создать международные организационные механизмы, требующие слишком многих материальных и технических средств, и, во-вторых, необходимо было бы наделить эти механизмы слишком широкими наднациональными полномочиями» [15]. Но именно на национальном уровне правового регулирования Интернета проявляются цензура и контроль над информационными каналами в Интернете (например, в таких авторитарных государствах, как Куба, Китай, Иран и др.).

Оригинальный способ рецензирования интернет-ресурсов – подчинить их закону «О СМИ» [9]: обязательная регистрация всех интернет-сайтов с аудиторией не менее 1000 посещений в день, – по аналогии с обязательной регистрацией печатных СМИ с тиражом от 1000 экземпляров. Возникает масса вопросов по эффективности и разумности такой нормы и ей подобных. В данном контексте интересно другое: как дефинировать само понятие «Интернет»? Закон США «Children's Online Privacy Protection Act» [8] Интернет представляет в виде объединения множества компьютеров и телекоммуникационных средств, включая оборудование и программное обеспечение, образующих связанную международную сеть сетей, которая основывается на протоколе межсетевого взаимодействия. Следовательно, Интернет не может быть объектом права как совокупности общеобязательных правил поведения и не может порождать субъективные права, юридические обязанности и уголовную ответственность [16].

Криминал в Интернете присутствует, но имеющиеся в каждом национальном законодательстве механизмы регулирования общественных отношений вполне способны распространяться и на computer crime, computer misuse [19, с. 76–80; 20; 21]. Возражение, что цензура и контроль над информационными каналами Интернета необходимы для предот-

вращения преступлений в сфере высоких технологий, не выдерживает критики. Цензура – она и в Интернете остается цензурой и не меняет своей сути – ограничение прав и свобод человека [1; 2; 5; 6]. Подтверждением действенности уголовно-правовых норм национальных законодательств можно считать Европейскую конвенцию «О киберпреступности» [7].

Появление Указа Президента Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» [10] власти комментировали в таком духе: «Запрета доступа не будет, но ответственность будет. <…> Родители, церковь, абсолютно все общество говорит о необходимости защиты нравственности. Значит, нужно поставить в Интернете заслоны, чтобы наши дети не смотрели то, что в других источниках информации мы можем запретить» [17]. Никакой конкретики, точнее завуалированный ответ, уводящий от цели этого нормативного акта: введение цензуры и контроля над информационными каналами в Интернете. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 апреля 2010 г. № 644 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросу усиления борьбы с преступностью» [11] создан Оперативно-аналитический центр (ОАЦ) при Президенте Республики Беларусь. Кто поверит, что данная спецслужба будет заниматься защитой нравственности подрастающих белорусов? Рассматриваемые указы больше похожи на нормативный ход государства, разрешающего управление интернет-контентом для идентификации действий белорусов в интернет-пространстве. Приведем весьма показательную норму из Указа № 60: «Приостановление оказания услуг с использованием сети Интернет осуществляется по требованию уполномоченных государственных органов, а также государственных органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, органов прокуратуры, предварительного расследования и налоговых органов при наличии достаточных оснований полагать, что продолжение такого доступа будет способствовать совершению правонарушения» [10, п. 1.4]. Двусмысленна в применении и следующая норма Указа № 60: «поставщики услуг сети Интернет по запросу пользователя оказывают услуги по ограничению доступа к информации, содержание которой направлено на: осуществление экстремистской деятельности; разжигание национальной и религиозной розни; незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых, радиоактивных, сильнодействующих, токсических веществ, наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров; организацию незаконной миграции и тор-

говлю людьми; распространение порнографических материалов; пропаганду насилия, жестокости и других деяний, запрещенных законодательством» [10, п. 1.5]. Попытка белорусских чиновников поставить национальный сегмент [10, п. 1.1] Интернета и интернет-пользователей под каблук спецслужб выглядит еще тревожнее на фоне включения Беларуси в список стран с нарушениями свободы прессы [24; 25] и высказываний Президента Беларуси А.Г. Лукашенко о том, что он принимает «соответствующие меры» [12; 13] в борьбе с «сетевыми революциями». Исходя из того, что Wi-Fi для белорусского Президента «матерное слово» [18], можно предугадать, в чью пользу будет локальная интеграция информационных каналов в Интернете. К примеру, с 6 января 2012 г. белорусских предпринимателей обязали в коммерческой деятельности использовать сайты, зарегистрированные только в Республике Беларусь.

Национальному законодателю можно предложить несколько составляющих взаимоотношений с интернет-пространством:

- адаптация уже действующего законодательства к сетевому компоненту;
- международный правовой опыт по унификации нормативных правил;
- власть должна услышать провайдеров;
- мера ответственности должна устанавливаться интернет-сообществом, а государство только ее исполнять.

Указанные пункты преследуют две цели: упорядочить общественные отношения в Интернете, но при этом избежать нарушения прав и свобод граждан – интернет-пользователей. Наивысшую планку, к которой необходимо стремиться всем государствам, задала Финляндия, где список неотъемлемых прав человека пополнил пункт о широкополосном доступе в Интернет. Думается, что Финляндия права, раз ее поддержали нобелевские лауреаты, предложившие номинировать Интернет на Нобелевскую премию мира за содействие диалогу и демократии [26].

Дерзну предположить, что реализация эффективной глобальной интеграции в сфере регулирования Интернета возможна и на региональном уровне, например, в рамках Европейского союза. Оптимизм здесь связан с возрастающей ролью в данном регионе наднациональных контролирующих органов, а также с динамичным развитием в Евросоюзе международного мягкого права [4].

Литература

1. International Covenant on Civil and Political Rights (1966) // United Nations Treaty Series. – Vol. 999. – P. 225–240.
2. The Universal Declaration of Human Rights (1948) [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.un.org/en/documents/udhr/.
3. Declaration on freedom of communication on the Internet (Adopted by the Committee of Ministerson 28 May 2003 at the 840th meeting of the Ministers' Deputies) [Electronic resource]. – Mode of access: https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=37031&Site=CM&BackColorInternet=9999CC&BackColorIntranet=FFBB55%20&BackColorLogged=FFAC75#Top.
4. European Parliament Legislative resolution of January 1, 1999, A-4-0366/98. Report on the communication from the Commission on Globalisation and the Information Society: The Need for Strengthened International Coordination (COM(98)0050-4-0153/98) [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML+REPORT+A4-1998-0366+0+DOC+PDF+V0//EN.
5. American convention on human rights «Pact of San Jose, Costa Rica» [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.oas.org/juridico/english/Sigs/b-32.html.
6. European Convention on Human Rights (1950) [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=basictexts&c=#n1359128122487_pointer.
7. Convention on Cybercrime (CETS No.: 185). Budapest, 23.XI.2001 [Electronic resource]. – Mode of access: http://conventions.coe.int/Treaty/Commun/QueVoulezVous.asp?NT=185&CL=ENG.
8. Children's Online Privacy Protection Act of 1998 (COPPA) (Federal law of USA, located at 15 U.S.C. §§ 6501–6506; Pub.L. 105–277, 112 Stat. 2581-728, enacted October 21, 1998) [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.ftc.gov/enforcement/rules/rulemaking-regulatory-reform-proceedings/childrens-online-privacy-protection-rule.
9. Закон Республики Беларусь 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации» (зарегистрировано в Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь 6 августа 2008 г. № 2/1524) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=h10800427&p2={NRPA}.
10. Указ Президента Республики Беларусь 1 февраля 2010 г. № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=P31000060&p2={NRPA}.
11. Постановление Совета Министров Республики Беларусь 29 апреля 2010 г. № 644 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросу усиления борьбы с преступностью» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: uomoik.gov.by/file.axd?file=2012%2F8%2F644.doc.

12. «В Беларуси научились противодействовать попыткам дестабилизации обстановки через социальные сети» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.interfax.by/news/belarus/100924. – Заг. с экр.
13. Заседание Совета Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс]. – Минск, 26 октября 2011. – Режим доступа: http://www.paodkb.ru/html/?id=17&nid=754.
14. Засурский, Я.Н. Регулирование и саморегулирование сети Интернет: европейские документы и опыт / Я.Н. Засурский // Научно-аналитический журнал «Информационное общество». – 2000. – Вып. 4.
15. Леанович, Е. Проблемы правового регулирования Интернет-отношений с иностранным элементом / Е. Леанович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.russianlaw.net/law/doc/a102.htm.
16. Макарьян, Д.В. Регулирование интернета: правовой аспект / Д.В. Макарьян [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://www.juristlib.ru/book_4225.html.
17. Петкевич, Н. Интернет необходимо регулировать / Н. Петкевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.21.by/society/2010/01/22/446806.html. – Заг. с экр.
18. Пресс-конференция Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко для средств массовой информации регионов России. 7 октября 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/press-konferentsija-dlja-sredstv-massovoj-informatsii-regionov-rossii-5966/.
19. Развитие правового обеспечения информационной безопасности / под ред. А.А. Стрельцова. – М.: Престиж, 2005.
20. Якушев, М.В. Как «отрегулировать» Интернет? / М.В. Якушев // Законодательство. – 2000. – № 9.
21. Якушев, М.В. «Неинтернетовские» законы об Интернете / М.В. Якушев // ИнформКурьер-Связь. – 2001. – № 2.
22. Balkin, J.M. Filtering the Internet: A Best Practices Model by members of the Information Society Project at Yale Law School / J.M. Balkin [Electronic resource]. – 1999. – Mode of access: http://www.yale.edu/lawweb/jbalkin/articles/Filters0208.pdf.
23. Benkler, Y. Internet Regulation: A Case Study in the Problem of Unilateralism / Y. Benkler // EJIL. – 2000. – Vol. 11, № 1. – P. 171–185.
24. SEEMO Continues Struggle for Press Freedom. – Vienna, 2 May 2012 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.seemo.org/activities/pressfreedom/12/press1234.html.
25. SEEMO: 2011 Overview of Press Freedom Violations in South, East and Central Europe. – Vienna, 5 January 2012 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.seemo.org/activities/pressfreedom/12/press1201.html.
26. The Internet for Peace Manifesto [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.internetforpeace.org/manifesto.cfm.

МЕСТО И РОЛЬ ЧЕЛОВЕКА В ЭКОНОМИЧЕСКИХ И МЕНЕДЖЕРСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ

Juozas Kasputis
(Hungary)

REDEFINING ECONOMIC DEVELOPMENT: IN SEARCH FOR NEW FRAMEWORK

Критически относясь к традиционным подходам к развитию экономической науки, в той или иной степени до сих пор ориентированной на идеалы классического естествознания, автор пытается показать иные пути осмысления экономического развития. Опираясь на переосмысление идей Фуко и альтернативное понимание характера социального знания, автор стремится показать, как в экономическое развитие и экономическое знание могут быть включены факторы спонтанности и креативности.

The notion of economic development can't be defined in a unilateral way, because it is a multi-layer process which does not submit itself to value-free scientific descriptions. As a result, it became a major stimulus for ongoing discussions about the dichotomy of objectivity and subjectivity in science. The emerging outcome of this friction is a new approach to rationality. Presumably, economic development should be defined in a more specific way. But Tamas Szentes (2002) emphasized the fact that «the meaning of development is not only *ambiguous* but also *contradictory*» (p. 36). Accordingly, economic development still remains not an unequivocal process despite its specificity. Even within natural sciences the conceptual form of development can be different. For example, dissipative structures in physics and the emergence of new species in biology can involve different shapes of development.

Economics, especially neoclassical, is an exemplary discipline of social sciences, which often tend to employ the methodology of natural sciences. But it can't guarantee any certainty in terms. Development «is perceived, on the one hand, as a more or less permanent progress towards a higher and higher level, which can never end or lasts until "perfectness" or "stagnation" is reached, or

as a temporary progress only in a cyclical or spiral process, which necessarily turns to decline, to death and to the rise, the birth of a new "species" or system, to a new cycle of development» (Szentes, 2002, p. 37). Most common definitions of development presume a continuous direction of change and qualitatively new stages. Consequently, other interesting points of divergence can be distinguished: predetermination of development by «objective» laws versus undetermined and spontaneous human action; unilinear direction of development versus bifurcation; predictable, balanced, controlled process versus conflicts of interests, disequilibria; holistic way of approach versus partial analysis.

Economic development as a specific topic can provoke major controversy regarding the relation of social sciences with natural sciences and humanities. Social sciences as such originated from the nineteenth century, which is called the age of the industrial revolution. Since then social sciences have been engaged in changes within society. Science, as enterprise organizing and sustaining knowledge, includes seemingly opposite notions of stability and transformation. In addition, the role of participating agents also evokes scientific interest. Thus, the distinction between the subjective and the objective approach is a key factor in framing social sciences, which also involve neoclassical economics. The preoccupation with value-free knowledge is founded on firm belief in the rationality of individuals. Neoclassical economics designs economy models based on rational behaviour of participating agents. This paper will analyze some serious shortcomings of neoclassical economics. The starting point for critical evaluation should be a historical survey regarding the rise of social sciences, including neoclassical economics.

Since the 18th century economics has become very sophisticated. Industrialization stimulated emerging social sciences because there was a demand for managing transitional shift in society. Afterwards the problem of scientific mission arose. This problem is about making the right choice between explaining the changes in order to create new forms of economic activity and social interaction or managing the changes in favor of the dominating mainstream in economy and society. Economics couldn't avoid the dominance of mechanist and formalist approach which is too stationary (stagnant) regarding the present situation in world economies.

M. Di Meglio (2004) notes, «Once social change was accepted as normal, there was a great incentive to try to organize control over such change. The social sciences (as set of collectively conceived concepts and institutions) emerged in large part as a mode of understanding the nature of these processes in the hope of being able to control them or at least channel them» (p. 55). Social sciences hadn't been institutionalized until the second half of the 19th century; so they un-

derwent the impact of both natural sciences and humanities. State funded educational systems intensified further specialization and professionalization within scientific framework. As a result, value neutral rationalism permeated social sciences. According to E. Mielants (2004), the empirical-positivist methodology was supposed to produce value-free knowledge which should pave the way for new liberal consensus. It was believed that «scientifically» directed progress should eliminate ideological split. The legacy of world wars (WWI and WWII accordingly) created a very powerful framework keen on social planning. Following Peter Wagner (2001), «The First World War was, among many other things, a giant experiment in social planning. Its unexpectedly long duration and the similarly unforeseen involvement of large segments of the population, as well as trade interruptions and supply shortages, led to increasing government efforts to steer economic and social activities, mostly with but sometimes without the consent of employers, unions and other social groups. At the end of the war, a widespread impression held such planning superior to liberal and market forms of regulation» (p. 44). Neoclassical assumptions about complete information and rational behaviour were challenged by prevailing uncertainty in economy. The reliable knowledge about social world was a key premise for prediction and planning. The critique of determinism didn't eliminate empirical observations.

On the contrary, social world was supposed to be made and invented, not just discovered as such. Quantitative social research became a dominant form of scientific activity. The term «scientific worldview» mainly made a reference to positivism and empiricism. After WWII «academic sociology, economics and political science also took a "quantitative turn", and this kind of social knowledge was increasingly produced at the demand of government agencies, business organisations and political parties with a view to their own policy and organisational planning needs» (P. Wagner, 2001, p. 50). Respectively, theory of development was constructed in a sense of functionalism and operationalism. It was expected to create exact models of theory and practice which could be replicated and applied in the areas of underdevelopment. But economic development appears to be a multidimensional process which can't be isolated from institutional, political systems and entire society. The crisis of the 1970s revealed essential shortcomings of social planning. The contingency of social world can't be managed and predicted in terms of industrial practice. The role of traditional participating agents, like power centre of the state or the scientist with a universalist approach, has been disputed. It is assumed that value neutrality and objectivity in science can be an ideal rather than real. The idea of the scientist as a neutral and rational observer was challenged substantially. As a result, the demand for new synthetical framework has been steadily growing.

Critical approach and rethinking of scientific paradigm require an external point of view. The linear historical research of causes and effects or transitions from one state to another may discover valuable data for contemporary decision making. But mostly it can't make an essential breakthrough in the current approach because a search for new ideas is maintained within the old framework. Following M. Foucault, archaeological analysis, as another dimension of research, helps to uncover a few different points missed by the history of ideas. First of all, the archaeology of knowledge is directed to define the discourses as practices obeying certain rules. Then it defines the discourses in their specificity showing how the set of rules put into operation is irreducible to any other. Concerning innovation, the archaeology of knowledge is not supposed to be a psychology, sociology or anthropology of creation. It is not concerned with the authority of creative subject but rather with discursive practices which govern individual innovations. The linear approach alone cannot explain the precession and resemblance in order to maintain complete analysis. For example, the mapping of antecedents is not enough because this type of research is itself subordinated to analyzed discourse which determines the way to choose the direction and methods of research. M. Foucault proposed a methodology which ignores the opposition of originality and banality; it tries to establish the regularity of statements in discourse. The idea consists of directing the research towards the opposition of allegedly similar regularities instead of researching the opposition between regularity and irregularity. It is not about disregarding the innovations; it is about properly allocating the efforts in the research. Creative statements and so-called imitative statements (which repeat information) are equally important in defining enunciative regularity in discursive practice (M. Foucault, 2010, p. 145). The notion of discourse employed by M. Foucault does not have a clearly defined content. Mainly, it may be associated with a certain set of rules and regular practices. But a discourse is not necessarily restricted within the boundaries of specific scientific discipline. M. Foucault noted that governing rules and practices did not originate purely from scientific domain. They can be imposed by political and other socially dominant powers. Usually, it comes out in strong claims for universality and reference to historical continuity in order to sustain itself. Not surprisingly, a dominant discourse tends to present itself as a final outcome of long-term historical development with universal values as basic principles. The dominance of discourse is manifested through imposed linear approach which foresees no alternative options. In this case alternative historical research can be treated simply as fiction. The power of dominant framework lies in its ability to be accepted as «natural» and «traditional» with certain founding mythologies. In other words, the dominant

framework is positioned like «the best option in contemporary context». An essentially new approach should mean the rupture in the linear thought of the old one. Critical thinking, which is oriented towards constructing new alternative frameworks, should be freed from the old discourse. Actually, the notion «old» is quite relative in temporal terms. By applying the concept of archaeology M. Foucault managed to introduce an alternative point of view indicating the genesis of «contemporary man» in the nineteenth century. According to him, «in fact, among all mutations that have affected the knowledge of things and their order, the knowledge of identities, differences, characters, equivalences, words – in short, in the midst of all the episodes of that profound history of the *Same* – only one, that which began a century and a half ago and is now perhaps drawing to a close, has made it possible for the figure of man to appear» (M. Foucault, 2002, p. 422). M. Foucault implied that linear historical development did not exist; the same was also applied to any scientific development. The development itself does not have a linear mode; it can be characterized by ruptures between successive frameworks. In this case the dichotomy of «old» and «new» makes no sense. That is why a dominant framework usually tends to hide this previous rupture and tries to build the image of continuity. Critical thinking should be capable of distinguishing governing practices of analyzed framework. It makes analysis more productive and less conformist. M. Foucault emphasized that the nineteenth century could be indicated as a starting point of modern economics involving the production. Since then the value has been connected not with wealth but with productive activity, i.e. means of production, division of labor, invested capital, etc. As a result, «philology, biology, and political economy were established, not in the places formerly occupied by *general grammar, natural history,* and the *analysis of wealth*, but in an area where those forms of knowledge did not exist, in the space they left blank, in the deep gaps that separated their broad theoretical segments and that were filled with the murmur of the ontological continuum» (M. Foucault, 2002, p. 225). Serhat Kologlugil (2010) depicted M. Foucault's approach as non-epistemological. According to him, epistemology is based on fundamental division between the subject and the object. The main task of epistemological research is to close the ontological gap between the subject and the object. Basically, it means the pre-occupation with the dichotomy of subjectivity and objectivity. S. Kologlugil (2010) stated that archaeology of knowledge as a non-epistemological approach reveals a different problematic set of issues (p. 6). It includes not only regularities, rules or practices. In addition, Foucault's concept of archaeology also allows finding the constraints for scientific activity (S. Kologlugil, 2010, p. 7). So, it can be really a contributory tool in quest for alternative economics.

The notion of transition is used quite often to depict the change as object for scientific research in economics. M. Foucault and J.A. Schumpeter had a very similar approach concerning «transitional» problem. It is an inspiring experience to find common points in the writings of the philosopher and the economist. J.A. Schumpeter did not approve of the classical concept of transition but took the problem of change into account very seriously. Like M. Foucault he criticized the linear approach which tried to justify and validate the transitions from one framework to another in terms of development. This approach can be subordinated to whatever doctrinal or dominant manipulations seeking to justify certain existing frameworks. J.A. Schumpeter inclined that unbiased research should be oriented to revolutionary change and disruptive innovations. The main body of mainstream economic theory tends to analyze the functioning of systems that can be represented in dynamics of employment, price levels or interest rates. But in this case the research of structural changes of the same systems remains obliterated focusing rather on internal changes within economic institutions. According to J.A. Schumpeter (1991), «the consequences of overlooking the fact that revolution in existing industrial and commercial patterns is the permanent state of things – instead of being something that occasionally happens to disturb the "normal" flow of economic processes – carry over, on the one hand, into our attitudes toward practical problems and, on the other hand, into the conceptual apparatus of economic theory» (p. 407). Neo-classical economics inherited Keynesian propensity on administrative measures. It means that priority is given to «managing the economy». J.A. Schumpeter opposed this framework by introducing the concept of disruptive innovations. According to him, the driving force of economic changes is entrepreneurship and not administrative decisions. Respectively, economic theory should be founded on historical research of entrepreneurial activities. J.A. Schumpeter proposed to apply historical research in constructing economic framework on general level. This suggestion implies that a satisfactory analysis «can only be achieved by historical work» (J.A. Schumpeter, 1991, p. 408) and «the theory itself is historical in nature» (Ibid). The change itself provokes a certain response of economy or enterprise. J.A. Schumpeter distinguished adaptive and creative responses, thus directing the historical research. The adaptive response is defined as reaction within established practice to changed conditions. Accordingly, the creative response exceeds the existing practice causing change within the system itself. Such type of response to changed conditions is attributed to entrepreneurial activity. Historical analysis should be oriented directly to this point when disruptive innovation surpasses the established practice. This mode of research can

enrich economic theory with new data and promote the alternative approach sufficiently.

Economics as a science is both a challenging and challenged discipline. It may be a productive analytical tool for critical approach to economy and society. On the other hand, it can become the object of criticism itself. Economics, like all social sciences, occupies ambiguous position regarding natural sciences and humanities. The predisposition to independent thought implies multilateral approach applying diverse methodologies. The subordination of economics to natural sciences results in determinism or methodological individualism (nominalism). This trend can restrict the choice of scientific alternatives and cause internal stagnation within discipline. Philosophical framework and historical research enable the formation of alternative economic theory which should be protected from ideological manipulation. In addition to that, it allows spontaneity and creativity to be introduced in economy as important factors.

References

1. Foucault, M. The archaeology of knowledge: And the discourse on language / M. Foucault. – New York: Vintage Books, 2010.
2. Foucault, M. The order of things: An archaeology of the human sciences / M. Foucault. – London–New York: Routledge Classics, 2002.
3. Kologlugil, S. Michel Foucault's archaeology of knowledge and economic discourse / S. Kologlugil // Erasmus Journal for Philosophy and Economics. – 2010. – № 3(2). – P. 1–25.
4. Meglio, D.M. The social sciences and alternative disciplinary models / D.M. Meglio // Overcoming the two cultures: Science versus the humanities in the modern world-system. – Boulder–London: Paradigm Publishers, 2004. – P. 55–72.
5. Mielants, E. Reaction and resistance: the natural sciences and the humanities, 1789–1945 / E. Mielants // Overcoming the two cultures: Science versus the humanities in the modern world-system. – Boulder–London: Paradigm Publishers, 2004. – P. 34–54.
6. Schumpeter, A.J. The economics and sociology of capitalism / A.J. Schumpeter; R. Swedberg (ed.). – Princeton–New Jersey: Princeton University Press, 1991.
7. Schumpeter, A.J. Capitalism, socialism and democracy / A.J. Schumpeter. – London–New York: Routledge Classics, 2010.
8. Szentes, T. World economics: Comparative theories and methods of international and development economics / T. Szentes. – Budapest: Akademiai Kiado, 2002.
9. Wagner, P. A history and theory of the social sciences / P. Wagner. – London–Thousand Oaks–New Delhi: SAGE Publications, 2001.
10. Wallerstein, I. Unthinking social science: The limits of nineteenth-century paradigms / I. Wallerstein. – Philadelphia: Temple University Press, 2001.

Екатерина Масайло
(Беларусь)

ИННОВАЦИОННАЯ ЛИЧНОСТЬ – ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ СОВРЕМЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

At present there is a set of treatments of the criteria describing a person of innovative type. It is possible to define an innovative person basing on the following authors from a variety of approaches: M. Vudkok, D. Frensis, E. Toffler, E. Hagen, A. Inkeles, M. Kozye, G. Simon, Smitburg, V. Thompson, etc. Proceeding from a set of the considered approaches, attributes of effective human activity in the developed social and economic conditions are ability to innovations, fast updating, development and generation of new knowledge, an embodiment of ideas in economic circulation and to fast response to changing market condition.

На современном этапе развития мировой экономики усложнение задач, усиление и изменение форм конкуренции, а также повышение ответственности (риска) за принятие управленческих решений и потребность в постоянных изменениях стали атрибутами организации управления не только крупными корпорациями, но малыми и средними предприятиями и организациями.

Промышленный опыт с 60-х гг. в условиях позднего или зрелого этапа индустриального производства показал, что недостаточно построить завод со всем оборудованием и технологиями. Вывести его на полную мощность и поддерживать высокую производительность труда в условиях жесткой конкуренции оказалось чрезвычайно трудным делом. Нужно было новое отношение к технике и технологии, причем не только в производственных процессах, но и организации деятельности. Технологии невозможно эффективно использовать механически, необходимо уметь пользоваться технологиями.

Острота проблемы состояла в том, что в обществе индустриального типа люди с большим трудом осваивали передовые технологии, привыкали к ним. Отсюда и появление новаторов, стремившихся эти технологии усовершенствовать, и всяческая их поддержка как в коммерческих, так и в государственных предприятиях.

Начиная с 60-х гг. XX века западное общество становится более динамичным, подвижным, в обществе складываются такие экономические и социальные условия, при которых оказывается возможной и необходимой быстрая и эффективная замена старых технологий новыми, более качественными.

Одной из характерных особенностей нынешнего информационного типа экономического роста является возрастание роли инноваций и человеческого капитала. Аналогично тому, как информационная экономика выступает логическим следствием индустриальной, так и роль человека в условиях нового технологического способа производства логично становится иной – более емкой и значимой, менее зависимой от обстоятельств и других людей и, следовательно, более самостоятельной и творческой. Важнейшим экономическим «свойством» человека становится его индивидуальность. Иными словами, место и роль человека в информационной экономике неизбежно трансформируются по сравнению с экономикой индустриальной [1].

С развитием информационной экономики самым существенным образом изменяются место и роль человека в условиях нового типа хозяйства. Качественно меняется сам процесс внедрения и дальнейшего использования наукоемких прогрессивных технологий. В обществе складываются такие экономические и социальные условия, при которых становится возможной и необходимой быстрая и эффективная замена старых технологий новыми, более качественными. Появляется новая теория инновационного менеджмента, которая в отличие от старой, классической (Ф. Тейлор, Г. Эмерсон) делает упор не на организации устойчивых форм труда, а на успехе деятельности в быстро меняющейся ситуации. Раскрепощенный или инновационный менеджер, как пишут М. Вудкок и Д. Френсис, это такой менеджер, которому присуще творческое управление, стратегическое планирование, системный взгляд на развитие [3, с. 38].

В западной литературе начинается широкое обсуждение вопроса об инновационной личности. Такая личность необходима, но ей нелегко появиться в массовом масштабе. Запад попадает с этой точки зрения в полосу острейшего кризиса. Его суть хорошо выразил американский

публицист Э. Тоффлер в своей работе «Шок от будущего» (1970), получившей огромную известность во всем мире. Люди испытывают страх перед быстрыми переменами. Этот психологический барьер западному обществу удалось, так или иначе, преодолеть.

Конкретно-социологические описания инновационной личности были предложены в западной социологической литературе в 60–70 гг. XX века. Само понятие инновационной, новаторской личности как типа, жестко противопоставленной несамостоятельной авторитарной личности, было впервые введено Э. Хагеном в 1962 г. Он выделил следующие черты инновационной личности: любознательное отношение к миру, поддержка новаций и оригинальности мышления других людей, собственное стремление к новизне, творческий дух [3, с. 40].

Особое внимание следует уделить аналитической модели современной личности А.Г. Инкелеса, которая представляет собой совокупность личностных характеристик, формирующихся в процессе модернизации общества под влиянием образования, средств массовой информации. Основными признаками, присущими данному типу личности, являются:

1) открытость экспериментам, инновациям, изменениям;

2) готовность к плюрализму мнений, признание существования разных точек зрения без опасения изменения собственного видения мира;

3) ориентация на настоящее и будущее, а не на прошлое;

4) уверенность и способность в преодолении создаваемых жизнью препятствий;

5) планирование будущих действий для достижения целей как в общественной, так и в личной жизни;

6) вера в возможность регулирования и прогнозирования социальной жизни;

7) чувство справедливости, основанное на уверенности в зависимости вознаграждения от вклада и мастерства;

8) высокая ценность образования и обучения;

9) уважение достоинства других вне зависимости от статусной позиции [2, с. 12].

В той или иной интерпретации обозначенные черты современной личности, вовлеченной в рыночную экономическую действительность, повторяются в работах как зарубежных, так и российских исследователей. В них подчеркивается, что интегральным качеством современной личности является не столько способность к адаптации к изменяющимся социально-экономическим условиям, сколько способность к изменению и преобразованию существующей действительности. Эта типическая

особенность творчества определяет как совокупность личностных черт, так и общие характеристики творческого мышления, которое выступает атрибутивным признаком инновационного типа личности, способной строить экономику знаний, где основным фактором развития будут выступать человеческий капитал, генерация новых знаний и их быстрое вовлечение в хозяйственный оборот.

Отличительными свойствами творческого мышления являются способности находить множество разных вариантов решения проблемы при одних и тех же условиях, предлагать непротиворечивые решения в противоречивых ситуациях. Сочетание этих способностей с соответствующими личностными особенностями составляет необходимый компонент инновационности.

Некоторые типологические черты инновационной личности можно найти в работах французского социолога М. Крозье, который отмечает, что способность людей к инициативе становится в современных условиях более значимым фактором развития, нежели оперирование материальными ресурсами. Именно поэтому конкурентная борьба сосредотачивается не вокруг проблемы обладания материальными ресурсами, а за способность к быстрому обновлению, к нововведениям [3, с. 41].

Среди ведущих качеств личности работника, наряду с компетентностью, знанием дела, профессионализмом, столь же значимыми становятся инициативность, готовность к инновационным изменениям. Мобилизация этих качеств напрямую зависит от готовности и способности учиться. Таким образом, меняются движущие силы развития организации в целом. Если к этому прибавить в качестве косвенного подтверждения признаков инновационной личности те требования, которые предъявляются к инновационному менеджеру (в отличие от других типов – адаптивного, селективного, рутинного), то можно уловить тенденцию доминирования определенных типологических качеств. Среди них: творчество, стратегическое планирование, системное развитие, рекурсивность мышления, нестандартность принимаемых решений и т.д.

Другие исследователи, в частности, Г. Саймон, Д. Смитбург и В. Томпсон, характеризуя агентов принятия инновационного решения, отмечают такие качества, как:

1) уверенность (функцию обладания полной информацией о следствиях принятия решения);

2) риск (функцию обладания информацией о вероятном распределении последствий выбора той или иной альтернативы);

3) неопределенность (функцию невозможности определения вероятности наступления какого-либо следствия решения или сложность в установлении приблизительной вероятности) [1].

Что касается реальной практики, то, характеризуя новое поколение управленцев, склонных к осуществлению инновационного менеджмента, перечисляют следующие критерии: высокий уровень общественного интеллекта; наличие креативности – творческого, нестандартного подхода к делу; эмоциональная устойчивость; высокая мотивация достижений, ориентация на будущее; индивидуализм и др. Как видим, наряду с особенным здесь так же есть и ярко выраженное общее, что позволяет сделать некоторые выводы относительно типических качеств инновационной личности.

Существующие попытки типизировать субъекта инновации на личностном уровне выражают сложившееся отношение к инновации, нежели собственно инновационную деятельность. Другими словами, в общем массиве определяются группы, тем или иным образом ориентированные на инновацию. В этом смысле наиболее известной классификацией, в которой представлены основные идеальные типы «субъектов-реализаторов» новшеств, является классификация К.Р. Роджерса. Она, в частности, включает в себя следующие типы [2, с. 10]:

1) новаторы – люди, всегда открытые к новому, постоянно нацеленные на освоение новшеств в собственной практике, хорошо ориентированные в коммуникативном пространстве инноваторов, склонные к риску и осуществляющие свой выбор на основе проектирования процесса получения результата;

2) ранние реализаторы – это те, кто в буквальном смысле следуют за новаторами. Они ориентированы на их достижения, но без риска, не идут смело за каждым нововведением, расчетливы (на основании оценки возможностей полученных результатов нововведений);

3) предварительное большинство – осваивают уже оправдавшие себя в работе новаторов и ранних реализаторов нововведения. Для них достаточно велика дистанция между ознакомлением с оправдавшими себя нововведениями и собственным решением, они отличаются высокой степенью свободы выбора и ориентированы на разные варианты действий;

4) позднее большинство – субъекты, скептически настроенные по отношению к любому нововведению. При этом позднее большинство к освоению приходит под сильным давлением образовательной среды. В выборе несвободны, поскольку ориентированы только на те нововведе-

ния, которые становятся признанными в профессиональной среде. По форме – это простое воспроизводство нововведений;

5) колеблющиеся. Для этой группы характерны жесткая ориентация на традиционные ценности и опыт предыдущих поколений и ограниченное коммуникационное поле, способствующее профессиональной замкнутости этой группы. Новаторы в их глазах не пользуются авторитетом и признанием, а нововведение осваивается только тогда, когда становится содержательной и организационной нормой.

Видоизменивший предложенную К.Р. Роджерсом типологию К. Ангеловски также исходил из того, что, как и в предыдущем случае, сущностная сторона – инновационность – это качество, а время – это функция нововведения, период включения в освоение новшества. В результате он предложил следующую типологию:

1) новаторы, считающие, что новое хорошо уже потому, что оно новое;

2) передовики, полагающие, что новшества нужно внедрять, как только они появляются;

3) умеренные, поскольку они не стремятся быть первыми, но и не хотят оказаться последними и приступают к освоению нового только тогда, когда оно уже воспринято значительной частью коллег;

4) предпоследние – больше сомневаются, чем верят в новое и воспринимают его только после того, как общественное мнение подавляющего большинства положительно отнесется к новшеству;

5) последние, действующие по принципу «пусть лучше последние, но нужно убедиться в правильности того, что мы совершаем» [2, с. 15].

Как справедливо заметили Г.И. Герасимов и Л.В. Илюхина, дело в том, что в двух вышеприведенных классификациях не удерживаются в качестве сущностных оснований важнейшие отличительные признаки инновации как системы и как специально организованной деятельности. Теряется разница между инновацией как образом жизни, избираемым в результате личностного самоопределения, и внедрением новшества под давлением обстоятельств. Это не просто отличие творца, производящего новое, и ремесленника, воспроизводящего репродукцию, пусть даже высочайшего класса. Истории известны случаи выдающихся подделок, что также выступает своеобразной формой творчества. Здесь противопоставление гораздо более глубокое, на уровне свободы выбора. Отсюда и возникает противоестественный тип «инноватора поневоле» [2, с. 16].

Поскольку инновация выступает как особым образом организованная деятельность, самовоспроизводящая себя, то она требует совер-

шенно определенной совокупности характерологических черт личности, среди которых, в первую очередь, необходимо отметить:

1) потребность в переменах, умение уйти от власти традиций, определяя точки развития и адекватные им социальные механизмы;

2) наличие креативности как личностного качества и творческого (креативного) мышления;

3) способность находить идеи и использовать возможности их оптимальной реализации;

4) системный, прогностический подход к отбору и организации нововведений;

5) способность ориентироваться в состоянии неопределенности и определять допустимую степень риска;

6) готовность к преодолению постоянно возникающих препятствий;

7) развитая способность к рефлексии, самоанализу.

Безусловно, данные подходы не являются исчерпывающими в определении сущности инновационного типа личности. Однако можно сделать вывод о том, что необходимыми атрибутами эффективной человеческой деятельности в сложившихся социально-экономических условиях являются способности к нововведениям, быстрому обновлению, освоению и генерации новых знаний, воплощению идей в хозяйственном обороте и быстрому реагированию на изменяющуюся конъюнктуру рынка. Таким образом, на современном этапе развития экономики центральное внимание должно быть смещено к непосредственной деятельности человека, к человеку как к первопричине, творцу и законодателю тенденций экономической действительности.

Литература

1. Лукиных, Т.Н. Человеческие ресурсы в условиях информационной экономики / Т.Н. Лукиных // Открытый междисциплинарный электронный журнал «Гуманитарная информатика» [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://huminf.tsu.ru/e-jurnal/magazine/3/luk.htm. – Дата доступа: 14.03.2013.
2. Новикова, Н.В. Инновации как субъективированная форма изменений / Н.В. Новикова, А.И. Фисенко // Личность как субъект инноваций: сборник научных трудов. – Чебоксары: НИИ педагогики и психологии, 2010. – С. 6–17.
3. Шевченко, В.Н. Инновационная личность как социальный тип / В.Н. Шевченко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Право. – 2010. – № 2. – С. 37–50.

Научное издание

ЕВРОПА-2013:
ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ
МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Материалы международной студенческой научной конференции
17–19 мая 2013 г.
Вильнюс

Сборник научных трудов

В авторской редакции
(ответственность за недостоверность фактов, приведенных в текстах, несут авторы)

Ответственный редактор *Г.Я. Миненков*

Корректор *М.Б. Тэйлик*

Технический редактор *О.Э. Малевич*

Дизайн обложки *А.С. Рыбак*

Издательство
«Европейский гуманитарный университет»
г. Вильнюс, Литва
www.ehu.lt
e-mail: publish@ehu.lt

Подписано в печать 18.04.2014.
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 22,7.

Отпечатано «Petro Ofsetas»
Savanorių pr. 174D, LT-03153
Vilnius Lithuania